

Родная **ЛАДОГА**

№ 4(22)' 2012

КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ
И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Главный редактор
Андрей РЕБРОВ

Зам. главного редактора
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Ответственный секретарь
Владимир МАРУХИН

Шеф-редактор
электронной версии журнала
Николай СТАНКЕВИЧ

Руководитель
редакционно-издательского отдела
Татьяна МАКАРОВА

Референт редакции
Юлия СОКОЛОВСКАЯ

Издается ежеквартально
при участии:

Союза писателей России;

Санкт-Петербургского отделения
Союза писателей России;

Собора православной
интеллигенции Санкт-Петербурга;

ЗАО «Утро»;

ООО «Издательский дом
«Родная Ладога»

*Зарегистрировано УФС по надзору за соблюдением законодательства в сфере
массовых коммуникаций и охране культурного наследия по Северо-Западному
Федеральному округу ПИ № ФС-2-8531*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов); Агафонов Николай, протоиерей (Самара); *Громов А. В.* (Самара); *Денисов Н. В.* (Тюмень); *Казин А. Л.* (Санкт-Петербург); *Коняев Н. М.* (Санкт-Петербург); *Корольков А. А.* (Санкт-Петербург); *Корытин С. Н.* (Санкт-Петербург); *Орлов Б. А.* (Санкт-Петербург); *Попов Г. А.* (Орел); *Сдобняков В. В.* (Нижний Новгород); *Семёнов В. Е.* (Санкт-Петербург); *Смолькин И. А.* (Псков); *Швечиков А. Н.* (Санкт-Петербург); *Яснев В. А.* (Москва).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

БАКЛАНОВ Андрей Глебович (Москва) — начальник Управления международных связей аппарата Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации. Заместитель председателя Совета ассоциации российских дипломатов.

БОНДАРЕНКО Владимир Григорьевич (Москва) — главный редактор газеты «День литературы», секретарь СП России.

БУЛАТОВИЧ-МЕДИЧ Лиляна (Сербия) — лауреат премий «Имперская культура» и «Золотой Витязь», член СП России.

БУРЛЯЕВ Николай Петрович (Москва) — народный артист России, президент Международного Кинофорума «Золотой Витязь».

ГАНИЧЕВ Валерий Николаевич (Москва) — председатель СП России, доктор исторических наук, заместитель Главы ВРНС.

ДЕВЯТОВ Сергей Викторович (Москва) — советник директора ФСО России, доктор исторических наук, профессор.

ДОРОШЕНКО Николай Иванович (Москва) — гл. редактор газеты «Российский писатель», секретарь СП России.

ЗАХАРЧЕНКО Виктор Гаврилович (Краснодар) — народный артист России и Украины, руководитель Государственного академического Кубанского казачьего хора, профессор, член Совета по культуре и искусству при Президенте РФ.

ИВАНОВ Геннадий Викторович (Москва) — первый секретарь СП России.

ИЛЛЯШЕВИЧ Владимир Николаевич (Эстония) — председатель Эстонского отдела СП России, гл. редактор журнала «Балтика».

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович (Беларусь) — доктор философских наук, профессор Гродненского Государственного Университета им. Янки Купалы.

КРАМАРЕВ Аркадий Григорьевич (Санкт-Петербург) — помощник председателя постоянной комиссии по вопросам правопорядка и законности ЗАКСа Санкт-Петербурга, генерал-майор милиции.

КРУПИН Владимир Николаевич (Москва) — секретарь СП России.

КУБЛАНОВСКИЙ Юрий Михайлович (Москва) — лауреат премии Александра Солженицына, зав. отд. поэзии журнала «Новый мир».

ЛЕОНТЬЕВ Михаил Владимирович (Москва) — руководитель и ведущий программы «Однако», гл. редактор журнала «Однако».

ЛИХОНОСОВ Виктор Иванович (Краснодар) — секретарь СП России, лауреат Государственной премии, гл. редактор журнала «Родная Кубань».

МИХЕЕВ Валерий Леонидович (Санкт-Петербург) — начальник Государственной морской академии им. адмирала С. О. Макарова.

МОЛЧАНОВ Андрей Юрьевич (Санкт-Петербург) — доктор экономических наук, председатель Комитета по делам СНГ Совета Федерации РФ.

НАРОЧНИЦКАЯ Наталия Алексеевна (Москва) — доктор исторических наук, президент «Фонда исторической перспективы».

РАСПУТИН Валентин Григорьевич (Иркутск) — сопредседатель СП России, лауреат премии Президента РФ в области литературы и искусства.

княгиня **ЧАВЧАВАДЗЕ Елена Николаевна** (Москва) — вице-президент Российского Фонда культуры, режиссер, сценарист.

СОДЕРЖАНИЕ

ДОСЛУХИ

Валентин Распутин. «Именно так: Бородино!». Из письма	5
---	---

ПОЭЗИЯ

Михаил Ножкин	6
Евгений Семичев	67
Борис Бурмистров	104
Геннадий Иванов	136
Ренат Харис	140
Татьяна Грибанова	160
Александр Ананичев	189
Антонина Сытникова	256
Андрей Шендаков	259

История и современность

Андрей Сахаров. Рюрик и судьбы Российской государственности. <i>К 1150-летию зарождения Российской государственности</i>	9
Сергей Перевезенцев. «...Откуда Русская Земля стала есть». <i>К 1150-летию зарождения Российской государственности</i>	24
Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов). Осолить Вселенную: история Православной миссии в Иране. <i>Статья на основе доклада на тему: «Русская Православная миссия в Урмии (1898–1918) и ее вклад в изучение Ирана»</i>	42
Игорь Новосёлов. Ленинградская «Дорога жизни»	128
Евгений Титков. Катакомбное движение	184

ЛИРОВОЗЗРЕНИЕ

Александр Казин. Русская история как духовный процесс. <i>К 1150-летию зарождения Российской государственности</i>	13
---	----

Родная речь

Василий Белов. О русском языке и его речевой культуре... ..	71
Валерий Ганичев. Эхо Бородинского поля. Слово председателя Союза писателей России к русским писателям, произнесенное на Бородинском поле в честь 200-летия победы над Наполеоном	108

Вопросы творчества

Юрий Бондарев. О формулах и красоте	78
Священник Алексей Мороз. Слово и его воздействие на человека	91

ПРОЗА

Виктор Потанин. Успех. Рассказ	82
Игорь Изборцев. Пастушья сумка. Повесть	262

ЮБИЛЕЙ

«Горжусь своей Родиной». К юбилею президента Санкт-Петербургского государственного университета технологии и дизайна Виктора Егоровича Романова.....	87
---	----

Критика, ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Станислав Куняев. «Но мы любовью жили...». О книге стихотворений Бориса Бурмистрова «Сквозь сумерки времен»	99
Юрий Перминов. От Христовой росы. К юбилею русского поэта Евгения Семичева.....	193
Николай Рачков. У русского предела.....	213
Владимир Бондаренко. «Железный стих, облитый горечью и злостью!..»	236

СТРАТЕГИЯ

Наталья Нарочницкая. Первая Отечественная. Вместо предисловия	114
Владимир Колесников, Андрей Голобородько. Возрождение России как путь к возвращению к духовным ценностям. К вопросу об одном из аспектов «качественного» развития страны.....	154

Русские СУДЬБЫ

Игорь Андрушкевич. Бородинские торжества сто лет тому назад	123
Татьяна Доронина. «Живя на пределе». Из дневника актрисы.....	204
Галина Кучина. Война застала нас врасплох. Рассказ о жизни русской австралийки из Китая.....	218

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Степан Сулакшин. Национальная идея России: Быть всегда!	145
---	-----

НАСЛЕДИЕ

Протоиерей Борис Николаевский. Духовные беседы	164
--	-----

Великая ПРОВИНЦИЯ

Валерий Сдобняков. Дорога к Храму.....	171
--	-----

Тени РОССИИ

Нина Северикова. «Жизнь предлагала выбор: Соловки или Париж...». К 130-летию Павла Александровича Флоренского	226
---	-----

Полярная ЗВЕЗДА

Положение о международной литературной премии «Полярная Звезда».....	316
--	-----

Валентин РАСПУТИН

«ИМЕННО ТАК: БОРОДИНО!»

Из письма

Валентин Григорьевич Распутин — родился 15 марта 1937 года в поселке Усть-Уда Усть-Удинского района Иркутской области. Окончил историко-филологический факультет ИГУ. Автор многих книг, вышедших в России и за рубежом и неоднократно переизданных. Лауреат Государственной премии СССР в области литературы, искусства и архитектуры, лауреат премии Фонда Святого Всехвального апостола Андрея Первозванного «За Веру и Верность» и др. Живет в Иркутске.

Дорогие друзья, создатели журнала «Родная Ладога», прочел юбилейный номер журнала от корки до корки с удивлением и радостью: ничего подобного, если говорить об авторах и их работах, у нас еще не было. И по именам, и по текстам, и по статьям, и по поэтическим работам. Да, это то наше Бородино, после которого, быть может, и оставим Москву ненадолго, но надо будет возвращать и Россию отстоять. Именно так: Бородино! Не напрасно ему в этом номере посвящена не одна статья, и не напрасно весь этот номер дышит им и на него равняется. И поэтому же вам удалось собрать воедино самых лучших и талантливых авторов-патриотов. Не помню (да и не было этого), чтобы они прежде выходили столь единым фронтом и говорили столь отчаянно и мудро.

Тысячный тираж такого издания — это, конечно, очень и очень мало, что называется — «слезы». И сразу выпустить что-нибудь подобное этому номеру, наверное, не удастся, притом, что вы всегда держите журнал на высоком уровне. Но тут Сам Господь помогал вам. Низко кланяюсь вам, дорогие!

*С признательностью,
Валентин Распутин
июль 2012*

ПОЭЗИЯ

Михаил НОЖКИН

«ПОБЕДА, РОДИНА, НАРОД...»

Михаил Иванович Ножкин — Народный артист России, лауреат Государственной премии России, лауреат премий А. Твардовского, С. Есенина и др. Михаила Ножкина знают и любят как популярного артиста кино и эстрады. Его песни и стихи вот уже более сорока лет звучат с экрана и со сцены. Заслуженный деятель культуры ПНР. Награжден орденами: «Знак почета», Преподобного Сергия Радонежского и Преподобного Серафима Саровского. Поэт, композитор, член Союза кинематографистов, член Правления Союза писателей России. **Живет в Москве.**

* * *

Я всю жизнь за тебя
постоять не боюсь,
Я за счастье твое
вечно Богу молюсь,
Моя Белая Русь,
моя Малая Русь,
И Великая вечная Русь.

ДОЖДЕТСЯ!..

Угрюмо глядят оскорбленные массы
На эти безбожно-лихие пиры,
Оружия нет у рабочего класса,
Но есть и булыжники, и топоры...

А зло в нашем доме давно уж лютует,
Давно по России гуляют враги,
А Лобное место давно уж пустует
И ждет не дожидется гостей дорогих!..

ПОМНИТЬ!..

Белая баня кровавая,
Только вот плакать о ком?
Вот они — левые, правые
Вдоль парапета рядком.

Смелые были, веселые,
Только что были, и нет,
Скромный булыжник под голову,
Доброе слово вослед!..

Помнить нам необходимо,
Помнить сейчас и потом
Красный от крови,
Черный от дыма
Белый расстрелянный дом!..

ПРЕДАТЕЛЯМ РОССИИ

Уйдите, пока не погнали,
Бегите, пока не догнали,
Скачите галопом, аллюром,
Спасайте продажные шкуры!

Но где бы, куда б вы ни скрылись,
Куда бы вы ни закатились,
Мы помнить о вас не устанем,
А время придет — и достанем!

И всех — на скамью подсудимых,
Предателей наших «родимых»!..

ЗНАЮ

Я в черный список черною рукой
Давно уж занесен, я это знаю!..
За что же мне, за что почет такой? —
За то, что я с надеждой и тоской
Люблю тебя, земля моя родная!

За то, что помню Отчество твое,
Великое и грозное бывшее,
И не приемлю о тебе вранье,
И вечно разгоняю воронье
Над буйною твоею головою.

За то, что я с тобою навсегда,
За то, что твой до капельки,
до крошки,
За то, что не предам и не продам,
А надо будет — жизнь свою отдам
За негасимый свет в твоём окошке.

За то, что верю — свет твоей звезды
Путь озарит грядущим поколениям,
И семена твои дадут плоды,
И нету в мире силы и беды,
Чтобы тебя поставить на колени!..

СОЛДАТСКОЕ СЛОВО

Весна, Победа, Родина, Народ —
Слова дорожке сыщутся едва ли,
Мы с этими словами шли вперед,
Мы с этими словами погибали.

Мы пали, укрепляя плоть земли,
Вошли, как сваи, в русские равнины,
Дорогою Победы пролегли
До самого проклятого Берлина!

И не вернулись мы домой назад,
Просрочили заветные свиданья,
И выплакали матери глаза,
И высохли невесты в ожиданье...

Но наш огонь бесследно не угас,
Жизнь, как известно, вечное движенье,
И пробил час, и мы воскресли в вас,
Вы — наша память, наше продолженье!

Мы верим в вас! Мы знаем, что не зря
За ваше счастье шли навстречу смерти,
Хоть между нами, честно говоря,
Так не хотелось умирать, поверьте!

Ведь многие из нас моложе вас,
Мы из-за школьной парты в строй вставали,
На фронте мы выросли каждый час,
Там нам на возраст скидки не давали.

Хотели мы допеть, дотанцевать,
Дожить и доучиться так хотели,
Невест своих хоть раз поцеловать,
Ведь многие и это не успели.

Как вы, такими мы хотели быть,
И вам за нас шагать по всей Планете,
За нас дожить, достроить, полюбить
И в будущем за прошлое ответить!..

У ВЕЧНОГО ОГНЯ

Я мимо никогда не прохожу,	И прошлое врывается в меня,
В военный полдень память возвращая,	И суета уносится куда-то,
И с трепетом душевным подхожу,	И голос неизвестного солдата
Огнем нетленным совесть очищая.	Мне слышится у Вечного огня!..

У ТРОИЦЫ

У Троицы, у Сергия в гостях,
Покой себе желанный возвращаю,
И, неподвластный прочим всем властям,
К Всевышней власти душу обращаю!..

ВЕРБНОЕ ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вербное, вербное, вербное! —
В Церковь пойду помолюсь,
Верую, верую, верую
В вечную, светлую Русь!

Крутится, крутится, крутится,
Крутится шар голубой,
Трудится, трудится, трудится
Время над нашей Судьбой.

Как бы там, где бы там, кто бы там
Нам не пытался вредить,
Мы ж с тобой не биороботы,
Значит, должны победить!

Вычистить Землю от нечисти,
От подлецов и невежд,
Вылечится Человечество,
Сбудется время надежд!

Крестится, крестится, крестится
В полдень пасхальный Страна,

В небо по радуге лестница,
Выдержит скольких она?

Светится, светится, светится
Солнца бессмертная плоть,
Встретится, встретится, встретится
Нам по дороге Господь!

Спросит он рать нашу смелую:
— В век испытаний лихих
Все ль вы дела переделали,
Все ль искупили грехи?..
Рано вам, рано вам, рано вам,
Ваша пора не пришла,
Живо на Землю по радуге,
И за дела! За дела!..

Вербное, вербное, вербное! —
В Церковь пойду помолюсь,
Верую, верую, верую
В нашу Великую, целую,
Значит и в Малую, в Белую,
В вечную светлую Русь!

История и современность

Андрей САХАРОВ

РЮРИК И СУДЬБЫ РОССИЙСКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ

*К 1150-летию
зарождения Российской
государственности*

Андрей Николаевич Сахаров — родился в 1930 г. в г. Кулебаки Нижегородской области. Окончил МГУ; главные направления научной деятельности — история дипломатии, внешней политики, идеологии и культуры древней Руси, исследование западной историографии, истории России. Доктор исторических наук, член-корреспондент Российской академии наук; член Союза писателей России, автор книг серии «ЖЗЛ», других литературно-художественных произведений. Ответственный редактор и член редколлегии ряда научных изданий. Заслуженный работник культуры. Директор Института российской истории РАН. **Живет в Москве.**

1150 лет назад, в 862 г. согласно «Повести временных лет» приильменские славяне, местные угро-финские племена пригласили на княжение варягов Рюрика и его братьев, которые и прибыли в земли восточных славян «с роды своими».

К этому шагу местные племенные конфедерации побудила нескончаемая междоусобица («вста родъ на родъ»), возникшая после того, как они прогнали варягов за море и перестали им платить дань. Послы из восточнославянских земель, согласно летописи, заявили варягам: «Земля наша велика и обильна, а наряда в ней нет. Да поидите княжить и володети нами». Текст предельно ясен: для прекращения раздоров, междоусобиц соперничавшие политические структуры приглашали нейтрального правителя, который бы установил «наряд», то есть власть (а не порядок, как почему-то трактуют это понятие), и судил бы по справедливости. Летописец не только рассказал о факте «призвания варягов», которое сегодня историческая наука признает соответствующим политическим реалиям того времени, но и точно определил, кто такие были варяги Рюрика, откуда они явились, в каком отношении к восточным славянам они находились. Он отмечает, что варяги живут «за морем», что они зовутся «русь», причем летописец — осведомленный и внимательный автор — подчеркивает их этническое отличие от шведов, норманнов, англоv, готландцев.

Рюрик выполнил предначертанную ему историческую миссию. Он стал княжить в Новгороде, его братья — в других городах, варяги положили конец междоусобицам, объединили страну. Позднее, после смерти братьев, Рюрик объединил под своей властью все северо-западные восточнославянские земли, создал здесь сильное государство,

повел наступление на юг. Его преемники подчинили себе другие восточно-славянские земли, в том числе Поднепровье с центром в Киеве. На европейской арене появилось мощное восточнославянское государство Русь, охватившее огромную территорию. Оно сыграло выдающуюся роль в становлении российской цивилизации, в развитии российской государственности, в формировании средневековых социальных, экономических, культурных, религиозных, этнических процессов на Восточно-Европейской равнине. Государство Русь послужило основой для последующего развития русской, украинской и белорусской наций, формирования их государственных начал. Рюриковичи стояли во главе всех этих процессов. Они же уже в новых исторических условиях стали символами политического распада Руси, безудержной амбициозной и эгоистической борьбы за первенство в русских землях, они же позднее жертвенно прошли через пламя татаро-монгольского нашествия, насилия и позора татаро-монгольского ига, через отчаянную борьбу с агрессивными западными соседями за выживание российской самобытности и российской национальной государственности в XIII—XV вв. Именно Рюриковичи приступили на северо-востоке славянских земель с центрами во Владимире, Твери и Москве к собиранию хранины развалившегося было российского государственного устройства, чтобы вывести его через муки и тернии к мощи Русского централизованного государства.

Поэтому с такой чуткой внимательностью историки относятся ко всему, что связано с пониманием факта «призвания варягов» и трактовки этого события в масштабах всей российской истории.

Еще в начале XVII в. в агрессивных экспансионистских кругах Швеции, боровшейся за отторжение у России ее северо-западных земель с Новгородом, Рюрик и варяги были объявлены скандинавами, шведами, привнесшими государственность в дикие восточнославянские земли. Так стала формироваться «норманская теория» возникновения Русского государства. Позднее эту теорию оживили и придали ей законченный характер немецкие историки XVIII в. С тех пор «норманизм», питаемый в основном политическими импульсами и амбициями из-за рубежа, прочно свил себе гнездо и на русской почве.

Однако уже в давние времена российские ученые, а позднее и объективные исследователи на Западе стремились перевести разного рода политические спекуляции на этот счет в научную плоскость. Уместно здесь вспомнить имена В. Н. Татищева, М. В. Ломоносова, С. А. Геденова, советских академиков Б. Д. Грекова, М. Н. Тихомирова, выдающегося польского русиста Х. Ловмянского и многих других. Именно их усилиями одна из составных частей «норманизма» — утверждение о том, что «призвание варягов» означало начало российской государственности, привнесенное на восточнославянские земли извне, была полностью опровергнута, и сегодня лишь дилетанты возвращаются к этим мыслям.

В последние десятилетия отечественными и зарубежными историками, археологами, лингвистами было неопровержимо доказано, что российская государственность проделала многовековой путь развития. Ее истоки зарождались по мере эволюции восточнославянского общества, перехода от родоплеменных отношений к началам раннефеодального развития, складывания института частной собственности, появления социального неравенства, зарождения военной организации, перерастания власти племенных вождей в княжескую власть.

К IX в. относится несколько исторически четких упоминаний о наличии на Руси государственных образований. Это нападение русских войск на

Византию в начале IX в., посольство Руси в Византию и Франкское государство в 838–839 гг. Однако наиболее впечатляющим фактом русской, восточнославянской государственности стало нападение войска руссов-славян 18 июня 860 г. на столицу Византии, заключение договора «мира и любви» между Византией и Русью 25 июня 860 г., официальное признание тем самым Руси могучей Византийской империей. День 25 июня 860 г. может стать официальной датой исторического возникновения российской государственности. Это было за два года до «призвания варягов».

Власть Рюрика, его братьев и их «родов» наложилась на уже существующие государственные тенденции и традиции восточнославянских земель.

Но продолжала существовать другая часть норманистской версии — теория о том, что варяги — это скандинавы, что Рюрик — это выходец из германских либо шведских земель. По своей сути эта сторона «норманизма» мало чем отличается от своей второй ипостаси. Государство Русь объявляется конгломератом скандинавских конунгов. Приоритеты на этом этапе российской истории искусственно подгоняются под иностранные модели, славянский мир оказывается разорванным, что противоречит исторической правде.

В последние двадцать с лишним лет эта сторона «норманизма» яростно и агрессивно отстаивается в основном небольшой группой филологов, работавших долгие годы со шведскими, норвежскими, немецкими, исландскими, восточными источниками и сделавших эти источники по существу наиболее важными свидетельствами по истории древних славян. Построившие на этой туманной и шаткой, в основном филологической, порой глубоко тенденциозной основе свои исторические конструкции, эти «специалисты» стремятся монополизировать историю Древней Руси, всячески дискредитировать своих научных оппонентов. Слабо разбирающиеся в русских источниках, в первую очередь в летописных текстах, не знающие древнерусского языка, замалчивающие работы, в которых утверждается славянское происхождение Рюрика и его соратников, они требуют вывести антинорманизм вообще за рамки науки, приклеивают своим оппонентам, всем, кто покушается на эту монополию, ярлыки псевдопатриотов, шовинистов и даже сталинистов. Определенную поддержку новейшие норманисты имеют среди некоторых ученых Запада, и в первую очередь в научных кругах скандинавских стран.

Российские и зарубежные ученые многократно отмечали широкое доминирование славянского этнического элемента на обширных пространствах Восточной Европы от южного берега Балтики до Подунавья, Карпат и Балканского полуострова. На этих пространствах сравнительно рано, намного

*Рюрик, Синеус и Трувор, 862 год.
Художник Борис Чориков*

раньше, чем в Скандинавии, возникли первые государственные образования. Среди них важную цивилизационную роль играли государственные конгломераты, созданные южно-балтийскими поморскими славянами — лютичами, ободритами, ружанами, ваграми, ранами, которые имели сложившуюся государственную, княжескую власть, дружинный строй, высокоразвитое для того времени хозяйство, стройные религиозные представления. Эти княжества-государства поморских славян существовали не одно столетие, пока они не подверглись в конце I тысячелетия и в начале II мощному натиску со стороны немецких завоевателей. Повсюду в Восточной Европе на этих обширных пространствах существовали этнонимы «русь», «русины», «рутены», «русы», «руги» и другие близкие им, которыми характеризовались различные славянские племена, племенные конфедерации и славянские государственные образования, часть их была географически связана с южно-балтийским Поморьем. Но этих этнонимов, как и этнонима «русь», не знает Скандинавия.

При определении этнической принадлежности Рюрика и варягов следует иметь в виду и постоянные миграционные процессы славянского элемента как из Южной Европы в Поднепровье, что также отмечено в наших летописях, так и из Южной Прибалтики на Восток, особенно под натиском немецкой агрессии. Не случайно лингвисты отмечают, что новгородский диалект древнерусского языка во многом сходен с наречиями прибалтийских славян. Не случайно Х. Ловьямский обратил внимание на то, что Рюрик взял с собой в земли восточных славян «всю Русь», то есть не только дружинников, но и жителей того славянского района, откуда он вышел.

Наконец, наиболее впечатляющим фактом, говорящим о том, что варяги-русь — это славянский государственный анклав на южном берегу Балтики, является упоминаемый в летописи факт заключения на исходе IX в. Олегом, утвердившимся в Новгороде после смерти Рюрика, с варягами договора о мире на русских северо-западных границах, который по свидетельству летописи действовал более 150 лет. В Скандинавии в то время не было таких государственных образований, тем более способных существовать более сотни лет. В. Н. Татищев, который располагал в XVIII в. неизвестными нам летописными материалами, непосредственно выводит династию Рюрика из славянских южно-балтийских земель. В последнее время в нашей исторической литературе появилась серия статей молодых ученых, убедительно доказывающих славянскую общность Рюрика, варягов IX в. и восточных славян.

Ярким подтверждением исторической реальности славянского происхождения варягов IX в. стали последние находки калининградских археологов. Именно на этой древней славянской земле, поглощенной затем немецким нашествием, возникали первые государственные образования, именно здесь появлялись первые южно-балтийские князья, одним из которых был знаменитый в нашей истории Рюрик.

Наивно было бы думать, что все абсолютно ясно с этнонимом варяги. В полиэтническом Балтийском регионе он с десятилетиями наполнялся новым смыслом в связи с бурными переменами, происходившими как в Южной Прибалтике, так и в Скандинавии. Сходили с исторической арены поморские славянские государства, набирали силу скандинавские государственные образования. Но все это уже не имело никакого отношения к такому единичному политическому акту, каким стало «призвание варягов», появление Рюрика в восточнославянских землях, определившему новый этап в развитии восточнославянской и российской государственности.

Александр КАЗИН

РУССКАЯ ИСТОРИЯ КАК ДУХОВНЫЙ ПРОЦЕСС

*К 1150-летию
зарождения
Российской
государственности*

Александр Леонидович Казин — родился в 1945 году в Смоленске. Доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой искусствознания Санкт-Петербургского университета кино и телевидения, ст. научный сотрудник Российского института истории искусств. Член Союза писателей и Союза кинематографистов России. Член исполнительного совета общественной организации «Собор православной интеллигенции Санкт-Петербурга». Автор многих книг и статей по философии культуры. **Живет в Санкт-Петербурге.**

2012 год указом Президента объявлен годом русской истории. Действительно, на этот год приходятся в высшей степени значимые даты — 1150-летие образования Российского государства, 400-летие освобождения России от польской интервенции, 200-летие Бородинской битвы. Причем, если годовщина освобождения от Смуты и бородинский юбилей никаких сомнений ни у кого не вызывают — во всяком случае по времени, то первая дата носит скорее символический характер. Кем бы ни был легендарный Рюрик — варягом, славянином или кем-то еще, сам факт его присутствия в отечественной истории, зафиксированный в летописи, оказывается, в общем, условной вехой для начала отечественного государственного летоисчисления. Русские были до Рюрика и продолжали свою историю после него. Не менее, если не более, значимым в духовном плане является, например, крещение Руси князем Владимиром или военно-дипломатические свершения святого благоверного князя Александра Невского. Так или иначе, наша история является *непрерывным и единым национальным творческим процессом* и в века древнерусских князей, и в эпоху московского царства, и в петербургский период, и при советской власти, и в настоящее, столь непростое, время. Попробуем по мере наших сил проследить мысленным взглядом главные ценностные направления этого движения, обратив особое внимание именно на современность — продукт нашего прошлого и залог нашего будущего.

Первые определения

Законы истории — таинственная вещь. О ее смысле и движущих силах спорят уже не одно столетие.

В свое время получила распространение теория Льва Николаевича Гумилева о пассионарных волнах, которые неожиданно приходят из космоса, приводят в движение целые империи и народы. По другой концепции история предстает в образе стрелы, которая летит из прошлого в будущее по заранее предопределенной траектории. Либералы и марксисты на свой лад верят в то, что эта траектория ведет нас от низших форм к высшим, чтобы однажды привести в совершенное состояние — к либеральному «концу истории» или торжеству коммунизма.

Что касается христианских мыслителей, то их взгляд на историю лишен наивного оптимизма и слепой веры в прогресс. В прошлом человечества мы можем разглядеть не только движение от простого к сложному, но и топтание на месте, временный упадок и даже длительный регресс. В христианском мировоззрении история предстает вечной и противоречивой борьбой двух сил — Бога и дьявола, правды и лжи. Ее истинный смысл лежит за пределами «мира сего», и он во всей полноте откроется людям только в финале мировой драмы.

В истории нашей страны можно выделить три больших периода: классический, модернистский и современный, о котором речь будет ниже. Классическая цивилизация развернута по вертикали и устремлена к идеалу, то есть к Истине в христианском миропонимании. В этом плане нашей материнской цивилизацией является Восточная Римская империя — Византия, пытавшаяся всю свою социокультурную практику построить как осуществление православного идеала, и правое место у трона оставлявшая для самого Иисуса Христа. Власть в парадигме классической культуры понимается как высший онтологический порядок, проистекающий от Самого Всевышнего. Поэтому фраза «Мы, милостью Божией Император Александр II» воспринималась в его эпоху как нечто само собой разумеющееся и не вызывающее усмешек у большинства жителей Российской Империи. Речь не идет об идеализации монархической формы правления, ибо земной царь — не обязательно святой, а земное царство — отнюдь не Эдемский сад. В конце концов предназначение Государства и Государя состоит не в том, чтобы построить рай на Земле, а в том, чтобы не превратить ее в ад.

В Европе классическая (традиционная) эпоха продолжалась до французской революции конца XVIII века, а в России — до февраля 1917 года. После этого мы вступили в эру модерна, когда в мировоззрении людей на место Бога пришел человек. Эта установка сознания стоит на четырех идеологических китах: атеизме, либерализме, национализме и социализме. Все они порождения модерна, но, как любые родные братья, они могут ссориться (яркий тому пример — холодная война между социалистическим СССР и либеральными США), а могут мирно друг с другом уживаться. В России же парадокс советской власти состоял в том, что она под флагом марксизма смогла продолжить классическую линию развития цивилизации. СССР хранил верность вертикальному устройству власти и, хотя и в превращенной форме, оставался монархическим государством. Генсеки были своего рода царями.

Такая ситуация оставалась в России вплоть до «застойных» 1970-х годов, когда энергетический импульс модерна стал иссякать. В стране начала постепенно заявлять о себе эпоха постмодерна, которая не ориентируется ни на какие высшие ценности и цели вроде свободы, равенства, братства,

национальной или социальной справедливости. Постмодерн — это игровая цивилизация, которая посвящает себя свободной перекодировке смыслов в качестве единственного своего занятия. И если в эпоху модерна для многих людей умер Бог, то в постмодерн умер и сам человек.

«Особый путь» России

Действительная, а не мифическая особенность России состоит в том, что у нас три эпохи мировой истории — классическая, модернистская и постмодернистская — существуют сегодня в рамках одной страны-цивилизации. Условно говоря, мы оставались «новой Византией» вплоть до начала XX века, с трудом переваривая насильственную петровскую модернизацию и создав на этой основе великую культуру. Более того, мы оставались ею и после октября 1917, когда еще более жестокий коммунистический модерн поначалу чуть не убил страну, но затем — неожиданно для самих ленинцев-троцкистов — собрал ее в подобие «красной империи». Однако в декабре 2011 года внезапно произошло столкновение трех культурных, политических и в конечном счете религиозных потоков отечественной истории. Эта ревущая встреча привела в движение тысячи людей в российских столицах, вогнав страну в зону «социальной турбулентности» и крайней политической неустойчивости.

С одной стороны, в гуще исторической схватки оказалась классическая «византийская» установка на вертикальную власть, которую представляет действующее государство и прежде всего Владимир Путин. Пусть и с многочисленными издержками, ошибками и пороками, он смог возродить российскую государственность, отстоять территориальную целостность страны и создать властную вертикаль. Он сумел ограничить влияние олигархов («иных уж нет, а те далече») и ввести власть денег хоть в какие-то державные берега. Так или иначе, при Путине Россия значительно усилилась как государство, а наличие государства (пусть и тяжело больного коррупцией) всегда лучше, чем хаос и анархия.

Наряду с государственнической линией в декабре 2011 года активно заявил о себе модернистский вектор отечественной истории, представленный либерализмом, социализмом (коммунизмом) и национализмом. Какие флаги развевались в Москве на Болотной площади, а в Петербурге — на Пионерской? В первую очередь это знамена различных либеральных партий и движений, лидеры которых мечтают превратить Россию в «нормальное европейское государство» и привить нашему народу западные ценности. На московских и питерских площадях были заметны также красные флаги коммунистов, что неудивительно: русская душа всегда была отзывчива к идеям социальной справедливости. Кроме того, в ходе «болотного движения» довольно активно заявила о себе националистическая идеология, к которой я отношусь весьма неоднозначно. Появление национализма в эру модерна вполне понятно и объяснимо: это своего рода реакция на космополитизм, вера в силы своего народа и желание ему успеха. Но опасность приходит, когда здоровый национализм вырождается в шовинизм, то есть в ненависть к другим народам. При всей важности нации, ее, с точки зрения христианского мировоззрения, ни в коем случае нельзя ставить на место Бога, Который является главным Творцом мировой истории.

Кроме того, в конце прошлого года громко заявил о себе «сетевой народ» Москвы и Петербурга — яркий продукт общества и культуры постмодерна. Эти люди живут не столько в реальной России, сколько в виртуальном мире Интернета, законы которого они хотят перенести в российскую действительность. Любители флешмобов, пародий и едкой сатиры, «сетевые хомячки» не преследуют никаких метафизических целей и идей, будь то христианство, социализм, нация или даже классический либерализм. Для них главное — увлекательная игра и наслаждение жизнью в различных ее проявлениях. И им, конечно, чужда любая ценностная вертикаль и иерархия: в политике, искусстве, обществе или идеологии.

Так что же у нас происходит?

На мой взгляд, мы можем наблюдать типичное проявление того состояния, главным образом, интеллигентских умов, которое вернее всего назвать комплексом «антивласти», и которое в традиционной Руси чаще именовали смутой. Смысл слова «смута» в русском языке достаточно понятен: это мятеж гордого духа и разруха в головах. Это демонстрация враждебности к существующему государству без достаточных на то фундаментальных — прежде всего экономических и социальных — оснований. Московские и петербургские митинги показали, что, независимо от лозунгов вроде «честных выборов», их организаторы движимы, по существу, одной страстью: свалить традиционную («византийскую») власть. Они кричат «Путин, уходи!», но на самом деле гонят не столько Путина, сколько идею государственности как таковую. Государство — это узаконенная (юридически упорядоченная) национальная практика, опирающаяся на определенные — в русском случае, православные — духовные ценности. И вот как раз подобной вертикальной организации жизни наши либерал-большевики не выносят и мечтают от нее избавиться любой ценой.

Сто лет назад «продвинутая» элита и либеральная интеллигенция объявили войну классической вертикальной власти в лице Царя и Церкви, возмечтав превратить Россию в либеральную республику типа Франции. Среди этих «мечтателей» были высшие чиновники Российской Империи, генералитет, либеральные думцы и даже великие князья; многие из них во время февральских событий ходили по Петрограду с красными ленточками. И сегодня в толпе митингующих оппозиционеров мы можем встретить видных представителей современного российского истеблишмента. В феврале 1917 года лозунг «Долой самодержавие!» горячо поддерживали многие деятели «серебряного века», богемные обитатели «Бродячей собаки» и завсегдатаи блистательных светских салонов Петрограда. Точно так же лозунг «Россия без Путина!» сегодня готовы кричать на всех площадях представители столичной богемы: писатели, телеведущие, рокеры, музыкальные критики и гламурные «светские львицы».

Однако вопреки всему совокупному модерну и постмодерну, то есть объединенной оппозиции коммунистов, националистов и либералов, наш «византийский» народ избрал 4 марта 2012 года В. В. Путина законным Президентом России; в этом сомневаются только те, кто хочет сомневаться. За него проголосовало подавляющее большинство участвовавших в голосовании. Хотя имели место отдельные нарушения, это не меняет общей кар-

тины поддержки Путина «большим народом», от имени которого избранный Президент и хочет править. Действительно, Владимир Путин — это первый, со времен Иосифа Сталина, руководитель России, обладающий мощной личной харизмой, или, по-русски говоря, целеустремленной политической волей и всеми ресурсами, чтобы эту волю осуществлять.

Однако все только начинается. В свое время известный английский историк Арнольд Тойнби построил свою теорию цивилизации, работающей по принципу «вызов — ответ». Нашему новоизбранному Президенту в ближайшее время придется столкнуться с целым рядом вызовов, и судьба России в значительной мере будет зависеть от того, какие ответы на эти вызовы удастся найти В. В. Путину и поддерживающему его народу. На мой взгляд, таких главных вызовов несколько.

Глубинные корни коррупции

Основные принципы путинской политики — это сильная государственность (вертикаль власти), рыночная экономика, свободная культура и независимый внешнеполитический курс. И первым препятствием для движения нашей страны по всем перечисленным направлениям является коррупция. Каждый житель России по своему опыту знает, что без различного рода «распилов» и «откатов» у нас не делается почти ничего. За деньги можно купить судейскую должность и ученую степень, за деньги милиция отпускает преступников или даже сама превращается в ОПГ. Почему это так? Кажалось бы в других, т. н. «развитых» капиталистических странах, масштабы служебной продажности значительно меньше.

Дело не только в том, что на Западе капитализм, так сказать, устоялся и приобрел общепринятые юридические очертания (кстати, сейчас он, несмотря на это, трещит по всем своим финансовым швам). Дело в том, что западная рационалистическая цивилизация сумела подверстать под законы рынка всю свою культуру, нравственность и даже само христианство. Значение европейской Реформации и Просвещения и последовавших за ним революций заключается в том, что они переключили религиозную энергию людей с неба на землю. По мере развития и укрепления универсально-рыночных отношений западный человек неуклонно утверждал себя как земного бога. Реформация и Просвещение закрепили — соответственно в духе, в культе и в мировоззрении — это самообожествление (самодостаточность) евро-американца, сообщив ему при этом религиозную и культурную санкцию. Только при этих обстоятельствах мог быть нравственно оправдан капитализм — своего рода интернациональная мастерская по производству меновых стоимостей, где гарантированный обмен услугами есть прежде всего результат работы на себя, ради своей выгоды, холодного эгоистического расчета.

Вот этого как раз до сих пор и не выносит русская, православная по своим истокам, душа. Недаром люди типа И. Юргенса и В. Познера сетуют, что Православие тормозит развитие капитализма в России. Ни Реформации, ни буржуазного Просвещения в России не было. «От трудов праведных не наживешь палат каменных», — говорит наша пословица. Собственно, это только пересказ евангельского изречения о том, что труднее верблюду пройти сквозь игольные уши, чем богатому войти в Царство небесное.

И когда народу в ходе революции 1991—1993 годов навязали — вовсе не спросив его — дикий капитализм, многие, что называется, соблазнились. Если реальным «богом» вновь обретенной посткоммунистической свободы стали деньги, то какие могут быть нравственные барьеры? Если Бога нет, то все позволено...

Вот тут новому Президенту и придется принимать решительные меры. Они, конечно, должны быть системными: от добровольных деклараций о доходах/расходах до ужесточения уголовного наказания за взятки вплоть до высшей меры, как это делается в Китае. Не Путин лично учредил такую «тотальную рыночность» в России — наоборот, он всегда старался по мере сил ввести ее в державные берега. Однако это трудная — именно метафизически трудная задача. К каждому проверяющему не поставишь еще одного проверяющего. Никакая политическая конкуренция и многопартийность с нею сами по себе не справятся: вор у вора будет дубинку тянуть. Здесь необходимо совокупное действие правовых, культурных и религиозно-нравственных энергий, когда «большой народ» будет чувствовать, что мы строим не олигархический рай для десяти процентов населения (да и то обитающего в основном за границей), а для того целого, которое и называется Россией. Конечно, для этого нужны кадровые перемены, прежде всего для выработки национальной идеологии, в том числе для проектируемого общественного телевидения, которое сегодня выступает повседневным воспитателем (а по сути развратителем) народа. Необходима также периодическая ротация властных группировок, иначе часть бюрократических «рыночников» вполне может продать/предать и Родину, и самого Президента. Уж рынок так рынок.

Парадоксы прогресса

В последние годы с легкой руки Д. А. Медведева много говорили о модернизации, рекламировали Сколково и др. Лично я ничего не имею против модернизации, понятой как прогресс техники и технологии всего и вся. Однако надо ясно себе представлять, какова цена этого самого прогресса в области культуры, мировоззрения и политики.

При размышлении о прогрессе мы сталкиваемся с одной из характерных для нашего Отечества антиномий: противоречием в законе, когда оказываются правы одновременно как сторонники всеобщей модернизации/глобализации России, так и ее противники. С одной стороны, модернизационный прогресс необходим хотя бы для того, чтобы нас не стерли в порошок передовые в технологическом отношении страны (технократические лидеры). «Знание — сила!» — эта формула Ф. Бэкона по ходу истории приобретает все более буквальный смысл. Никакая страна не может сегодня закрыться от мира, иначе она будет мгновенно уничтожена.

С другой стороны, никакой прогресс не обходится без значительных, и прежде всего духовно-нравственных потерь, и нередко эти потери превышают цену (прагматический успех) самого прогресса. Вся техносфера нынешнего «продвинутого» мира, от воображаемых компьютерных вселенных до небоскребов высотой более 800 метров, моделирует отнюдь не ангельские нормы современного общества как на Востоке, так и на Западе. Достаточно сказать, что примерно половину циркулирующей в Интернете информации

составляет порнография. Наши дети уже почти не читают книг, предпочитая им виртуальные стрельбки и догонялки, мы накопили горы супероружия, а живых людей постепенно замещают клоны и киборги. И восточно-христианская цивилизация (сознательно или бессознательно) сопротивляется такому прогрессу. В сущности, речь идет о борьбе святости и жизни — кто кого? В свое время об этом много размышлял В. В. Розанов (в работе «Об Иисусе Сладчайшем и горьких плодах мира»). Ценности духа вступают в противостояние с идеей овладения миром, причем русская культура переживает это противостояние особенно остро.

На постхристианском Западе люди согласились (и внутренне, и внешне) жить без идеала, так оно богаче и спокойнее. В Англии даже нателные кресты запретили. Восточно-христианская (русская) история оказалась более устойчивой в плане базисных жизненных установлений: тут и реальная монархия вплоть до начала XX века, и идея коммунизма как жизни по справедливости, и нынешняя «суверенная демократия», больше похожая на превращенную форму «самодержавной республики» (в духе славянофильских проектов XIX века). Многотысячные митинги на Поклонной, в Лужниках и на Манежной как нельзя лучше подтвердили это. В человеческой цивилизации возрастает одновременно сумма добра и сумма зла, порядка и хаоса. Таков основной парадокс истории в этом несовершенном мире. Президенту в будущем вольно или невольно уготовано выступать судьей в этом споре, разумеется, не росчерком пера, а последовательной цивилизационной политикой с опорой на пока еще здоровое большинство народа и Русскую Православную Церковь. Его противники тоже это понимают и потому всячески стараются опорочить и то и другое («быдло», кощунственные «панк-молебны» в храме и т. п.).

Тройное давление модерна

Недавние президентские выборы выразительно подтвердили базовый духовный и социокультурный расклад нашего общества: 63 % Путина — это русская классика; 17 % Зюганова и 4 % Миронова — это левый модерн; 6 % Жириновского — это либерал-национализм; наконец, 7 % Прохорова — это либерал-постмодернизм. Все три общественно-культурные установки в качестве разновидностей модерна объединены атеизмом (безбожием) и противостоят классической русской религиозно-государственной традиции, представляемой в нынешней России Русской Православной Церковью и президентской вертикалью.

Если говорить о вызовах, то именно данная традиция оказалась ныне мишенью главного удара. И возглавили этот удар внутренние и внешние либералы/свободопоклонники, от «Парнаса» до «Лиги избирателей», от миллионеров-писателей, сочиняющих издевательские стишки, до «музыкальных критиков», изображающих на митинговой трибуне презерватив. Свобода, конечно, это великое благо и условие всего остального. Однако свобода — не самоцель. Весь вопрос в том, «от» и «для» чего эта свобода. У «большого» русского народа вполне определенное отношение к свободе. Индивидуалистическая свобода, свобода самоутверждения русскому человеку не близка, она его не вдохновляет. Всегда были, конечно, особо вольнолюбивые слои русского населения («казаки-разбойники»), но в

общенациональном плане личная свобода стояла на государственной службе. «Я рожден для службы царской», — не пустые слова лихого гусара Дениса Давыдова. В этом плане служилыми сословиями на Руси были все: и дворянство, и крестьянство, и купечество, и буржуазия. Все понимали (лучше сказать, чувствовали), что державная вертикаль в России не чья-то выдумка или «отсталость», а естественная и даже единственно возможная форма социальной организации народа, который хочет жить не по выгоде, а по правде. Наши партии отнюдь не политические, а мировоззренческие, и как раз поэтому безумием для страны было бы менять мировоззрение-политику каждые четыре года. Государство на Руси успешно действует лишь в той мере, в какой оно несет на себе священную харизму: нет власти не от Бога. Коль скоро оно эту харизму утрачивает, в стране начинаются кризисы, смуты, революции, гражданские войны. «Не дай Бог видеть русский бунт, бессмысленный и беспощадный».

Двое «детей модерна», влияние которых в будущем, несомненно, будет расти, это социализм-коммунизм и национализм. Я полагаю, что задача будущей власти по отношению к ним заключается в том, чтобы взять от них лучшее, что в них, несомненно, есть, отделяя вместе с тем коммунистическую и националистическую пшеницу от плевел.

Социалистические и коммунистические убеждения в нашей стране, судя по результатам последних выборов, поддерживает около четверти избирателей (Г. Зюганов + С. Миронов). В той мере, в какой коммунизм остается модернизированным вариантом «последней правды буржуазности», то есть учением о справедливом производстве и распределении материальных благ как смысле человеческого бытия, он должен быть подвергнут философской и прежде всего религиозной критике. Однако он расценивает капиталистическую организацию жизни — производство финансовой прибыли — как бесчеловечную и аморальную, и потому русский национальный коммунизм оказывается объективным союзником православно-патриотических сил, стремящихся вывести Россию из тупика, в который она попала в результате необуржуазного переворота конца XX века. Фундаментальное противоречие глобального рыночного «человекизма» XXI века состоит в том, что здесь под влиянием виртуализации ключевых ценностей бытия («общество спектакля», по выражению Ги Дебора) образ Божий в человеке распадается быстрее и внешне незаметнее, чем в условиях предшествующих антагонистических эпох. Внутристорический апокалипсис Запада происходит в декорациях материального изобилия и технологического процветания). Постмодернистский Валтасаров пир в разгаре. Именно поэтому русским государственным и русским коммунистам необходимо поддерживать друг друга в их патриотической и духоподъемной деятельности на фоне фронтальной антихристианской атаки по всему миру, стремясь в то же время по возможности сблизить и свои мировоззренческие позиции. Россия у нас одна.

То же самое касается и национализма. На современном отечественном общественно-политическом поле присутствуют три национализма: православный, национально-демократический и языческий. Разумеется, только с первым национализмом стоит иметь дело, однако я называл бы его в данном случае не национализмом, а стремлением к сохранению основных культурных ценностей и традиций русского народа, точнее, русского мира, который

включает в себя отнюдь не только этнических русских. Именно в таком плане написана статья В. В. Путина по национальному вопросу, опубликованная перед выборами (русское ядро имперского типа). Что касается двух других национализмов, то они лично у меня вызывают мало симпатии. Первый из них представлен типичными национал-либеральными идеологами, которые непосредственно продолжают европейскую буржуазно-демократическую линию в национальном вопросе, стремясь встроить русский народ в концепт цивилизованных западных (правда, постхристианских и фактически вырождающихся) этносов. Не случайна у них, между прочим, и ссылка на декабристов-масонов: те не только Царскую Семью собирались вырезать, но и многих инородцев выслать в весьма отдаленные края. Языческий же русский национализм имеет однозначно антихристианскую направленность, опять-таки вопреки «большому» народу.

Последний вызов — постмодерн

В последнее время говорят, что у нас образовалось две партии: «партия телевизора» и «партия Интернета». Отчасти это верно, но только отчасти, потому что, в отличие от «телеманов», профессиональные «интернетчики», живущие в своих «твиттерах», в принципе не могут образовать никакой партии. Не только потому, что их относительно мало («малый народ»). Партия — это, как известно, часть, сторона целого, а Интернет сам по себе есть некое целое, правда, особого рода. Его центр везде и нигде.

То, что происходило на «болотно-пионерских» площадях в Москве и Петербурге, есть типичное проявление «цветной революции», построенной на сетевой идеологии постмодерна. Сегодня мы стоим перед фактом расцвета постмодернистских сетевых проектов. В мировоззренческом плане, конечно, дело идет о едином культурно-политическо-экономическом супер-проекте. Несущими конструкциями этого проекта выступают, прежде всего, транснациональные финансово-промышленные группы, обладающие контролем над ресурсами и все более склоняющиеся к экономике спекулятивного, а не производительного типа. Мощную поддержку со стороны концептуальной власти им оказывают международные информационные сети вроде глобального телевидения или Интернета, проецирующие свои игровые ризомы («кусты», «грибницы» слов, лишённые центральной точки отсчета) на ровные смысловые плоскости, где люди и вещи уже не имеют естественного «своего места», а лишь отражаются (играют) друг в друге. Чего нет в электронном поле, того не существует — это нынче не шутка, а суть дела.

Наиболее свежим примером подобной сетевой идеологии/политики и являются наши «болотные» митинги. Каждый такой постмодернистский спектакль тщательно режиссируется именно на уровне подачи, снабжаясь соответствующими либеральными лозунгами, музыкально-танцевальной рок-оснасткой и т. п. Более того, даже нелиберальные общественные силы (например, коммунисты и часть националистов), включаясь в подобный коллективный перформанс, работают не столько на себя (то есть на свои программные цели), сколько на него. Всякая партийная политика, опирающаяся на твердо сформулированные основания, становясь элементом карнавала, сама становится карнавальнoй. К. Собчак, требующая себе свободы, мгновенно дискредитирует любой обоснованный (или вздорный) протест,

подверстывая его под свою якобы игровую, а на самом деле демоническую энергетику. Партийные структуры — это наследие европейского модерна — кажутся в постмодернистском сетевом контексте чем-то безнадежно устаревшим. «Сетевым хомячкам» не нужны никакие партии, они хотят рисовать члены на Литейном мосту и задирают ноги в храме Христа Спасителя. В этом и состоит стратегия вождей «малого народа»: средствами политического спектакля разрушить любую духовно-ценностную вертикаль, традиционно лежащую в фундаменте государственности, особенно государственности русской. Их задача сильно облегчается тем, что немалая часть выходящей на «болотные» митинги молодежи в культурном плане почти не русские. Они не знают ни русской истории, ни русской литературы, ни русского кино, ни русских песен. Их «духовная» пища с детства рок и Голливуд.

Россия как надежда

Из вышесказанного было бы неверно заключить, что наша страна не нуждается в модернизации. Элементы либерализма и капитализма (то есть модерна) есть в любом обществе, но в здоровом национальном теле свобода и прибыль занимают свое место, не подчиняя себе всю страну. Даже в самом либеральном обществе государство так или иначе рынок регулирует. Что касается России, то рыночные отношения в ней всегда находились и должны находиться под строгим государственным контролем. Русский народ не любит формальной юриспруденции и не поклоняется правам человека — он любит избранника, за которым чувствует Божью руку. Только такому лидеру — «отцу нации» — по силам объединение российского населения (христиан, националистов и атеистов, белых, красных и «желтых», радикалов и либералов, капиталистов и пролетариев, богатых и бедных) в способное на осмысленное действие социальное целое. Не продажный «средний класс» или бюрократия (им Россия чужда), а именно союз общенационального лидера с большинством народа нужен сегодня для модернизации России. Юридической формой такого союза на Руси XXI века является авторитетная президентская власть, реализующая себя одновременно «сверху вниз» — от народного идеала, и «снизу вверх» — от повседневной общественной практики и местной инициативы. В сущности, это есть современный державный проект в действии, он никуда не ушел и не может уйти из России. Чтобы отвечать за такую огромную и сложную страну, верховная власть должна располагать соответствующими рычагами управления, реализующими в практическом социальном действии энергетику цивилизационного основания (ядра). Между прочим, мудрость русского народа заключается и в том, что он — вопреки мощному либеральному пиару — в большинстве своем голосует на выборах именно за реально действующую государственную власть. На своем опыте (в том числе на опыте ряда революций XX века) он испытал, что происходит в стране, когда к рулю в ней становятся «несогласные». Если самодержавный принцип в современной России иссякнет, в роли «самодержца» выступит сам народ и учредит такую нелиберальную демократию, от которой никому мало не покажется, и прежде всего самим либерал-революционерам, готовившим для такого переворота идеологию. Таков может быть реальный и вполне «технологический» ответ православ-

но-патриотической духовности на вызов иных цивилизационных сил, ставящих под сомнение ее базовые идеалы.

В основе нашей цивилизации продолжают сохраняться не корыстные установки в виде частной собственности на бытие, а ценности Православной веры. «Нищие духом» оказываются у нас, в конечном счете, более значимыми, чем наглые и сытые. И никакие политики и олигархи тут не властны. Что касается способов/алгоритмов осуществления «русской идеологии», то выдумывать ничего не нужно. Полный набор мобилизационных практик содержит наша история, от опричнины Иоанна IV («самурайская модернизация» по-русски) и неевского парадиза Петра Великого до знамени России-СССР над Берлином и выхода чуждого смоленского паренька в 1961 году в космос — выбирайте! Русский человек может сделать бесконечно много, если будет вдохновлен на бой или работу энергетикой общего дела, и наоборот, его деятельность в конечном счете уйдет в тень, «налево», если его мотивация ограничится монетаристскими соображениями. Наше национальное путешествие во времени совершается не по линейной рационально-прогрессистской схеме (о, наивный XIX век!), а острыми и порой непредсказуемыми всплесками, сдвигами, протуберанцами. Разумеется, русская цивилизация, как коллективная личность, имеет свои оборотные стороны, грехи и недостатки («свинцовые мерзости русской жизни», по выражению М. Горького), однако никакие революции и реформы не преобразовали еще нацию крестьян и воинов в сетевую корпорацию торговцев и менял. Более того, как раз в такой России нуждаются и Восток, и Запад: рыночному мировому сообществу в его нынешнем виде осталось жизни несколько десятков лет...

Модернизация без вестернизации под знаком православной духовной и державной традиции — такова сверхзадача прогресса в нашей огромной евразийской стране.

**Сергей
ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ**

«...ОТКУДУ РУСКАЯ ЗЕМЛЯ СТАЛА ЕСТЬ»

*К 1150-летию
зарождения Российской
государственности*

Сергей Вячеславович Перевезенцев — доктор исторических наук, сопредседатель Союза писателей России, автор многочисленных книг и публикаций по истории России и Русской Православной Церкви, профессор философского факультета МГУ. **Живет в Москве.**

Когда возникло Древнерусское государство? Наиболее подробно об этом рассказывает древнейшая русская летопись «Повесть временных лет», но рассказ этот путанный и противоречивый, ибо он соединяет множество различных версий, легенд, оценок. Путаницу усугубляет и тот факт, что позднее текст летописи редактировался — что-то в него добавлялось, что-то вычеркивалось. Кроме того, существуют разные редакции самой «Повести временных лет», дополняющие друг друга, но и противоречащие друг другу в сюжетах, рассказывающих о второй половине IX — начале X в. [1].

Вполне понятно, что возникновение государства в те времена связывалось с фактом установления господства какого-то правящего рода, чаще всего легендарного. В Древней Руси господствующее положение занял «род русский», как его называет летопись и некоторые другие источники. Но в «Повести временных лет» представлены, как минимум, две генеалогические версии «рода русского» [2]. По одной версии родоначальником русов был легендарный князь Кий, основавший Киев [3]. По другой версии русы во главе с Рюриком пришли к славянам в северо-западные земли возле озер Ильмень и Ладога [4]. Более того, эти две версии в древности существовали независимо друг от друга: одна, о родоначальии Кия, — на юге Руси, и была первоначальной в летописи; другая, о призвании Рюрика, — на северо-западе Руси, и ее внесли в летопись позже.

В других, внелетописных, источниках можно найти и иные версии происхождения «рода русского». Так, согласно одной из них, третьей версии, родоначальником русской

княжеской династии оказывается князь Игорь Старый [5]. Известна и четвертая версия: в «Слове о полку Игореве» родоначальником русов объявляется некий Троян (то ли бог, то ли легендарный предок), а сама Русская земля именуется «землей Трояна» [6]. Возможно, существовали и какие-то другие варианты происхождения «рода русского». Можно напомнить, что в летописи активно действуют и другие вожди русов: Аскольд, Дир, Олег Вещий. Но Аскольд и Дир погибли в междоусобной борьбе, а князь Олег то ли не оставил потомства, то ли его потомкам пришлось бежать из Киева (существуют поздние свидетельства о древних преданиях, в которых действует сын Олега Вещего, тоже Олег, изгнанный из Киева двоюродным братом князем Игорем [7]). Поэтому этих предводителей русов официальное летописание не считало именно «родоначальниками».

И за каждой из версий-преданий стояли определенные политические и социальные силы и определенные интересы, в том числе и претензии тех или иных родов на власть в Древнерусском государстве. Собственно говоря, борьба за историческое первенство во многом и определила противоречивый характер летописного текста — его ведь правили не просто так, а исходя из четко поставленных задач, в том числе стремясь возвысить одних исторических героев и вычеркнуть сведения о других.

Казалось бы, разобраться в подобной путанице помогает хронология. В самом деле, кто из исторических или легендарных героев раньше упоминается в летописи, тот и должен быть признан «отцом-основателем». Но, к примеру, рассказ о Кие и его родственниках (братьях Хориве, Щеке и сестре Лыбедь) летописец ведет вне каких-либо хронологических рамок, и историки до сих пор гадают: во-первых, существовало ли вообще Киево-семейство; во-вторых, если существовало, то когда; в-третьих, связан ли легендарный Кий собственно с городом Киевом [8]? Ну и, наконец, еще один вопрос: даже если признать существование Кия на рубеже V–VI вв., то какое отношение он имеет к государству, созданному совершенно другими русами четыреста лет спустя?

Но и с имеющимися датами в «Повести временных лет» дело обстоит очень непросто. Так, уже давно установлено, что практически все даты в сюжетах, рассказывающих о событиях IX — начала X в., ... искусственные, и были вставлены позднейшим летописцем в летописный текст произвольно. Поэтому можно говорить о том, что летопись более или менее точно воспроизводит последовательность событий, но утверждать, что какое-либо событие произошло именно в тот год, на который указывает летопись, невозможно (если, конечно, изучать эти события со строго научных позиций).

Впрочем, даже с существующими датами — проблема. Дело в том, что дат возникновения Древнерусского государства ... несколько, минимум, три. Так, первое упоминание русов в летописи под хронологической датой — это 856 год, под которым летописец вспоминает неких русов, совершивших поход на Византию (определенное число специалистов считают этих русов выходцами из Приднепровья, хотя другие указывают на Причерноморье и Крым).

Затем, в 862 г. русы упоминаются уже на северо-западе: по приглашению союза пяти племен, двух славянских (ильменские словене и кривичи) и трех финно-угорских (чудь, весь, меря), к ним приходит династия из варягов-руси — Рюрик, Синеус и Трувор. Рюрик стал княжить в Ладоге, а потом в Новгороде, Синеус — в Белоозере, а Трувор — в Изборске. Когда Синеус и Трувор умерли, Рюрик продолжал княжить один.

После смерти Рюрика власть принял Олег. И вскоре появляется третья дата. В 882 г. Олег уходит из Новгорода на юг, завоевывает Смоленск, Любеч, а потом и Киев, который объявляет «матерью городов русских» и объединяет под своей властью южные и северные земли.

Какая же дата может считаться датой рождения Древнерусского государства — 856 г., 862 г. или 882 г.? (При этом сами даты, напомним, условные, искусственные.) С научной точки зрения, каждая из дат имеет аргументы как «за», так и «против», и всякий специалист делает выбор, исходя из собственного понимания исторических процессов и собственного анализа источников.

Но вот выбор и утверждение какой-то одной даты в общественном сознании — это уже дело, скорее, политическое, нежели научное. Уже в дореволюционной России на этот счет велись дискуссии. Так, 8 сентября 1862 г. в Новгороде Великом, в присутствии Императора Александра II и всего Августейшего Семейства, был открыт памятник «Тысячелетие России», что стало официальным признанием 862 г. датой рождения Русского государства. Интересно, что на этом многофигурном памятнике (128 исторических персонажей) нет фигуры князя Олега, ибо он не включался в официальную родословную Рюриковичей. Но далеко не все историки были согласны с подобной трактовкой, и, например, В. О. Ключевский писал: «...Появление Рюрика в Новгороде, кажется мне, неудобно считать началом Русского государства... Из Киева, а не из Новгорода пошло политическое объединение русского славянства; Киевское варяжское княжество... стало зерном того союза славянских и соседних с ними финских племен, который можно признать первоначальной формой Русского государства» [9].

Дискуссии продолжались и в советское время. Но с какого-то момента датой рождения Древнерусского государства стал считаться 882 г., а первой русской столицей был признан Киев. И этот, «южный», вариант рождения русской государственности не вызывал больших возражений, ибо само советское государство было единым, а Киев и Украина составляли неотъемлемую часть этого государства. Более того, в позднесоветское время «южный» вариант был «развит и углублен». Летописные сведения о Кие, а также археологические свидетельства о наличии поселений рубежа V—VI вв. на Замковой и Старокиевской горах послужили основанием для проведения в 1982 г. пышных празднеств в честь 1500-летия г. Киева. Эти празднества должны были укрепить в общественном сознании представление о Киеве как о первой русской столице, истинной «матери городов русских».

Вслед распаду единого государства в 1990-е гг. вновь возникли и споры о его начале. Причем споры, опять же, скорее политические. Так, «южный» вариант рождения российской государственности стал активно использоваться на Украине для доказательства собственного «самостийного» исторического «первенства», в первую очередь перед Россией.

В ответ в России предложили сосредоточить общественное внимание на «северном» варианте. Исторические основания для утверждения этого варианта, опять же, нашлись как в тексте летописи, так и в археологических данных. Здесь необходимо дать некоторые пояснения. Долгое время считалось, что летописный Рюрик, оказавшись у восточных славян, основал прежде всего Новгород, где и сел княжить. Об этом рассказывала одна из редакций «Повести временных лет», но летописные данные не находили

Призвание варягов. Художник Виктор Васнецов

археологических подтверждений. Более того, современная археология свидетельствует, что, хотя славянские поселения на северо-западном берегу озера Ильмень и особенно в междуречье Волхова и Варяжки, существовали с середины IX в., сам Новгород как городское поселение возник в X в. [10], а некоторые исследователи относят эту дату вообще к середине XI в. [11]. Таким образом, Новгород никак не мог претендовать на роль первой столицы Древнерусского государства.

Но еще в 1967 г. было обращено внимание на то, что, согласно древнейшей редакции «Повести временных лет», Рюрик сначала пришел в Ладогу, а в Новгород (или под Новгород) переселился уже потом [12]. Археологические раскопки, проведенные в Старой Ладоге в начале 1970-х гг., не только подтвердили летописные свидетельства, но и значительно углубили их хронологию: укрепленное городское поселение на месте нынешней Ладоги существовало, минимум, с середины VIII в., т. е. оно возникло за сто лет до призвания варягов-руси [13]. И, как свидетельствует значительный археологический материал, в конце IX в. Ладога была уже крупным торгово-ремесленным и военно-стратегическим центром всего северо-западного региона. Все эти данные и позволили российским историкам прийти к выводу о том, что «Ладога... стала первой столицей нового в Европе государства. В дальнейшем столица была перенесена в Новгород, а при преемнике Рюрика, князе Олеге — в Киев» [14]. В итоге, официальная дата основания Русского государства была опять перенесена на 20 лет назад — с 882 г. на 862 г. И вот теперь, в 2012 г., мы отмечаем 1150-летие российской государственности...

Впрочем, стоит повториться, что обе эти даты — условные и... верные. Думается, вообще, если определять время возникновения Древнерусского государства, то более правильно говорить о второй половине IX в., не заостряя внимание на какой-то конкретной дате. Впрочем, это тоже только мнение.

Но совершенно бесспорно то, что утверждение Древнерусского государства растянулось еще, минимум, на сто лет. И если оставить за скобкой политические недоразумения и споры о датах, то, думается, важнее понимать: возникновение государства — это не одномоментное деяние, а всегда длительный и противоречивый процесс, изучение которого и составляет суть научного поиска.

2

Политическая заостренность проблемы рождения российской государственности и определения точной даты начала Древнерусского государства как-то на второй план отодвинули еще один вопрос, который уже давно существует в отечественной науке. Этот вопрос связан с возникновением государственности у восточных славян. Не у русов, а именно у восточных славян. Ведь, понятно, что русы пришли не на пустое место. Тех же варягов-русь пригласили пять племен, два славянских и три финно-угорских, уже объединенных в некое разноэтничное государственное образование. Кстати, как показали археологические исследования, население Ладоги в древности было, в основном, славянским и финно-угорским, поэтому и было высказано предположение, что до призвания варягов именно Ладогу можно считать межплеменной столицей конфедерации славянских и финно-угорских племен [15].

Для того чтобы понять существо проблемы, необходимо разобраться в специфике собственно славянской истории и возникшего в ходе этой истории политического устройства славянских народов.

В науке вот уже более двух столетий обсуждается проблема происхождения славянства, но споры не утихают. Дополнительную сложность дискуссиям придает тот факт, что у славян не сохранилось, а скорее всего и не было легендарных преданий, уходящих корнями в глубокую древность. Где была славянская прародина — доподлинно неизвестно. Считается, что от общей семьи индоевропейских народов славяне отделились в середине I тысячелетия до нашей эры. Как славяне назывались в столь седой древности, мы тоже не знаем. Некоторые современные ученые утверждают, что славяне упоминаются в произведениях древнегреческих и древнеримских историков под другими именами — «сколоты» или «скифы-земледельцы» (Б. А. Рыбаков), «венеды», «анты», «венеты-сарматы» (В. В. Седов). Необходимо отметить, что другие ученые оспаривают эти утверждения (А. В. Подосинов, А. Н. Анфертьев) [16]. Под своим собственным именем славяне известны лишь с VI в. нашей эры. И уже в VII–VIII вв. славяне заселяли огромные территории Центральной и Восточной Европы — от Дуная (современная Австрия) на западе до Днепра на востоке и озера Ильмень на северо-востоке, от полуострова Ютландия (современная Дания) на северо-западе до Балканского полуострова на юге.

Несмотря на обширность занятых славянами территорий, славянские племена сохраняли в древности устойчивые общие черты. Прежде всего славяне вели оседлый образ жизни, и основным занятием большинства славянских племен являлось земледелие. Не случайно слово «жито», наиболее общее из славянских обозначений хлебных культур, непосредственно связано с термином «жити» — «жизнь» [17].

Важной особенностью славян стало то, что у них довольно рано кровнородственная община, в которой живут только родственники по крови, сменилась соседской (территориальной) общиной [18]. Еще многочисленные византийские авторы не без удивления отмечали специфику славянского общественного устройства, определенную именно соседской общиной. В соседской общине кровное родство не играло главной роли, более того, члены соседской общины могли даже происходить из разных этносов, но пользовались одинаковыми экономическими, политическими и социальными правами. Например, в славянскую соседскую общину, по общему решению жителей, могли принимать выходцев из других племен и народов. Поэтому уже в древности представители иных племен спокойно поселялись среди славян. Даже рабы, захваченные славянами в войнах, со временем имели возможность или уйти, или стать полноправными членами общины. Значимой особенностью славянской общины была общая собственность на землю — земля принадлежала общине, а не отдельной семье.

Существование территориальной общины определило многое в характере славян. Так, освоение новых земель происходило, в основном, мирным путем. Славяне не обкладывали никого данью, не устанавливали своего господства. Более того, занимая чьи-то территории, они соглашались платить дань их властителям (например, византийским императорам на Балканском полуострове). В немалой степени соседская община повлияла и на восприимчивость славянских народов к внешнему влиянию, спокойному заимствованию чужих традиций и обычаев. В свою очередь, многие народы, жившие по соседству со славянами, постепенно ими ассимилировались: начинали говорить на славянском языке, принимали славянские обычаи. Так, в VI в. славяне в короткое время ассимилировали многочисленные фракийские племена на Балканском полуострове. В VIII–IX вв. балканские славяне ассимилировали уже своих завоевателей — болгар (тюркское племя). При этом сами славяне стали именоваться болгарами.

На протяжении веков у славян сложилась собственная социально-политическая организация: отдельные общины объединялись в племена, а племена — в союзы племен. На востоке Европы центрами славянских племенных союзов были города. Территория восточнославянских союзов племен складывалась вокруг городов и обычно называлась «землей». Таким образом, еще до призвания варягов возникли мощные союзы восточнославянских племен, которые занимали огромные территории, превышавшие по площади многие государства Западной Европы, — поляне-русь, древляне, ильменские словене, кривичи, полочане, северяне, вятичи, радимичи, дреговичи, дулебы, бужане, волыняне, тиверцы, уличи (угличичи). Впрочем, для решения насущных вопросов, славянские союзы племен могли объединяться с иными народами, неславянского происхождения, как это произошло в Приильменьи и Приладожье, где в единый союз объединились два славянских и три финно-угорских племена. Высшей властью в каждом племенном союзе обладало вече [19]. На вече славяне выбирали себе князей и старейшин, решали вопросы о войне и мире, устанавливали порядки в своих землях. В свою очередь, князья проживали вместе с воинской дружиной в главном городе племенной территории. В обязанность князей входило обеспечение порядка на занимаемой территории, сбор дани, а также защита своего народа от завоевателей. Население городов делилось на десятки, сотни и тыся-

чи. Вершиной городской и племенной администрации был тысяцкий, также избираемый на вече.

Исследователи именуют социально-политическую организацию славян, построенную на принципе выборности «снизу вверх», *земской властью* [20]. Но земская власть не могла простираться на обширные территории, не могла решить проблему объединения необозримых пространств восточно-славянских земель. Соединить земли восточнославянских племенных союзов могла только внешняя сила, внешняя власть. Такими объединителями в IX–X вв. оказались русы.

В исторической науке до сих пор продолжают споры о том: кто такие варяги? кто такие русы? как соотносятся между собой варяги и русы? как соотносятся между собой варяги, русы и славяне [21]? Корни этих споров уходят в самую седую древность. Дело в том, что уже в самых древних исторических источниках излагаются разные версии происхождения варягов и руси, противоречащие друг другу. Иначе говоря, уже в XI–XII вв. наши предки спорили между собой. Как уже говорилось, две версии происхождения русов представлены в «Повести временных лет». Наиболее древняя из них отождествляла русов с племенем полян и выводила их, вместе с другими славянами, с верховьев Дуная, из некоего Норика, а легендарными предками народа называла Кия, Щека, Хорива и сестру их Лыбедь. Согласно другой, более поздней версии, русы — это варяжское племя, «призванное» на княжение в северо-западные земли, передавшее затем имя «Русь» Киевской земле при князе Олеге. Еще одна, третья версия, представлена в «Слове о полку Игореве», автор которого происхождение русов связывал с Северным Причерноморьем и бассейном реки Дон. Но в одном большинство и отечественных и зарубежных письменных источников сходятся — славяне, варяги и русы вплоть до X в. были совершенно различными народами. Славяне — мирные земледельцы, живущие соседскими общинами, сами выбирающие главу своего племенного союза. Варяги и русы — отличные торговцы и воины, у которых была кровнородственная община со строгой иерархией, подчинением «младших» «старшим».

В начале XVII в. возникла новая версия, создателем которой стал швед П. Петрей, впервые назвавший варягов — шведами. В XVIII в. эту версию развили немецкие историки, находившиеся на службе в Петербургской академии наук, Г. З. Байер, Г. Миллер, А. Л. Шлецер, которые считали, что русы и варяги — это норманны (т. е. германо-скандинавы), принесшие восточнославянским племенам государственность. Так возникла норманнская теория происхождения варягов и русов (или — норманизм), существующая до сих пор. Ученым-норманистам сразу же резко возразил М. В. Ломоносов, убежденный, что варяги и русы, пришедшие к восточным славянам, к тому времени уже сами были славянами и говорили на славянском языке. Так в исторической науке появился антинорманизм. И с тех пор в отечественной и зарубежной исторической литературе идет постоянная, непрекращающаяся дискуссия.

В ходе этой дискуссии возникают различные концепции взаимоотношений варягов, руси и славян, в том числе и такие, которые стремятся учитывать максимально возможное число известных нам фактов, объяснять большинство существующих противоречий. Согласно одной из таких концепций [22] разными народами изначально были не только варяги, русы и славяне,

но и сами русы, ибо именем «русы» в разных концах Европы назывались племена, имевшие различное этническое происхождение (кельтское, иранское и др.). В результате взаимодействия со славянами в разных регионах Европы (в Южной Прибалтике, в Придунавье, в Приднепровье и др.) отдельные части русов, также как и некоторая часть варягов-варягов, были ассимилированы славянами, хотя русы и варяги какое-то время еще сохраняли собственные обычаи и общественные устои. В Восточной Европе по разным источникам известны три вида руси: *варяги-русь*, *русы-аланы* и *поляне-русь*.

В соответствии с изложенной концепцией, варяги-русь — это племя, проживавшее в Южной Прибалтике рядом с балтийскими славянами. Еще здесь варяги-русь перешли на славянский язык, а затем во главе некоторых балтийских славянских племен переселились в район озер Ильмень и Ладога. Обширнейший археологический, нумизматический, антропологический и лингвистический материал подтверждает самые тесные и широкие связи восточнославянского населения северо-запада нынешней России с южнобалтийскими славянами [23].

Варяги-русь продвигались на восток неслучайно. Дело в том, что варяги-русь, которых в те времена считали властителями Балтийского моря, а само море именовалось Варяжским, стремились контролировать два главных торговых пути Восточной Европы, которые проходили через земли восточных славян. Первый торговый путь, действовавший в VIII–IX вв., мы сегодня называем Волго-Балтийским путем. Он связывал южные провинции Арабского Халифата с народами Балтийского побережья и через них — с Западной Европой. Другой торговый путь, который действовал в X–XI вв., еще в древности получил название «Из варяг в греки». По этому пути велась торговля между европейскими и прибалтийскими государствами, восточными славянами, Волжской Булгарией, Византией и Арабским Халифатом. Стремясь захватить оба пути, варяги и русы из южных Балтийских земель продвигались все дальше и дальше на восток, пока не дошли до озер Ильмень и Ладога. Здесь они и встретились с восточнославянскими племенами, что, как уже говорилось, и положило начало Древнерусскому государству [24].

После смерти Рюрика на северо-западе устанавливается власть других русов во главе с князем Олегом. Скорее всего, это были русы-аланы, выходцы с Дона, которые, после разгрома хазарами Русского каганата на Дону, переселились в Прибалтику в область, известную по источникам под названием Роталия. Русы-аланы объединяются с варягами-русью, уходят на юг, захватывают Киев. Здесь они встретились с еще одними русами, которые называли себя поляне-русь. Поляне-русь своей прародиной считали провинцию Норик в верховьях Дуная и в X в. уже осознавали себя славянами, хотя продолжали придерживаться неславянских обычаев. В частности, летопись свидетельствует, что у полян были неславянские похоронный и свадебный обряды, а также многогамная семья (у славян было многоженство) [25].

По летописному преданию, именно Олег объединяет под своей властью северо-западные и южные славянские земли, объявляет подвластные ему территории единой Русской землей, а Киев — столицей своего государства. От русов, которые у славян стали князьями, славянские земли и прозвались Русской землею или Русью. После князя Олега, в первой половине X в. на киевском столе сидел сначала князь Игорь (ум. в 945 г.), а после его

гибели — его вдова княгиня Ольга (ум. в 969 г.). Правда, княгиня Ольга была лишь правительницей государства до того времени, пока не достиг совершеннолетия их с Игорем сын Святослав Игоревич (ум. в 972 г.).

В позднейшей традиции все представители русской правящей династии, начиная с князя Игоря и вплоть до конца XVI века, будут считаться потомками князя Рюрика. Однако, как показывают современные исследования, Игорь, скорее всего, не был сыном Рюрика, и летописцы связали их узами кровного родства искусственно, чтобы создать впечатление преемственности власти [26]. Более того, Игорь, как и Олег, скорее всего, происходил вообще из другого, нежели Рюрик, племени русов-аланов. Сама легенда о призвании варягов стала известна в Киеве на рубеже XI–XII вв., а до того киевские князья ничего не знали о легендарном предке по имени Рюрик. Этому имени не было в княжеском именовании X–XI вв., и только в конце XI в. Рюриком назовут одного из новорожденных правнуков Владимира Мономаха, т. е. именно тогда, когда киевский княжеский род примет версию своего происхождения от легендарного Рюрика [27].

3

Как строилось Древнерусское государство? На основе различных источников и литературы можно выработать некоторое представление о том, как функционировало Древнерусское государство, т. е. предложить некоторую интерпретацию общественно-политической реальности X века.

Скорее всего, именно при Олеге русы разного этнического происхождения объединились в «род русский» [28], и с этого времени «род русский» занял господствующее положение в Древнерусском государстве. И сразу же на первый план вышли *этнополитические противоречия*, ведь славянские племена и представители «рода русского» придерживались разных традиций организации общества и власти. Стоит напомнить, что принципы общественной организации народов с кровнородственной общиной (а у русов разного происхождения была именно кровнородственная община) заметно отличаются от принципов организации общества у народов, где господствует соседская (территориальная) община. Так, в племени, состоящем из кровнородственных общин, существовала строгая иерархия родов — от правящих до совсем незнатных. Даже самый талантливый выходец из незнатного рода не мог стать во главе племени. Чужеземцы в такую общину попадали только в качестве рабов и не имели возможности освободиться или как-то изменить свой статус. Примечательно, что у племен с кровнородственной общиной обязательно присутствует своеобразный культ генеалогии — память о предках как племени, так и отдельного рода. Иногда имена предков помнились на протяжении десяти-двенадцати поколений, а в легендарных преданиях эти имена хранились столетиями.

Думается, «род русский» привнес в общественно-политическую жизнь славянских племен иерархический принцип управления «сверху вниз», основанный на традициях кровнородственной общины. Причем воинственные русы сразу же стали насаждать свои принципы общественного устройства силой. К примеру, нам неизвестно, чтобы восточнославянские союзы племен воевали друг с другом. Зато князья из «рода русского» — Олег, Игорь — едва укрепились в Киеве, как сразу же начали военные действия

против древлян, северян, радимичей, уличей и тиверцев, чтобы обложить их данью.

Впрочем, князьям из «рода русского» пришлось приспособлять установившиеся у русов принципы общественно-политического устройства к славянским традициям общественного управления, где главную роль играло вече. Поэтому поначалу Древнерусское государство представляло собой довольно-таки рыхлое объединение различных славянских земель-княжений, общим главой которых считался киевский князь, выходец из «рода русского». При этом каждая славянская земля-княжение объединяла территории (или земли) нескольких славянских племен, во главе таких земель стояли свои, местные князья, избираемые на вече (свои князья были у древлян, кривичей, радимичей и др.). В свою очередь, киевский князь, помимо того, что считался главой всей Киевской Руси, владел и собственным княжеством, а именно территорией племени полян-руси с центром в Киеве.

Между киевским князем и славянскими землями-княжениями существовал своеобразный устный договор. Киевский князь имел право собирать дань в славянских землях («полюдье»), возглавлял общие воинские походы в чужие края и был обязан обеспечивать защиту подвластных ему земель. Местные князья, со своей стороны, должны были обеспечить сбор дани и участие племенных ополчений в общих воинских походах.

Власть киевского князя из «рода русского» была сильно ограничена. Внутри самого «рода русского» большое влияние на князя оказывали знать и воинская дружина: именно по совету со знатью и дружинниками киевские князья принимали самые важные решения. Однако полного единства в «роде русском» не существовало. Так, договор руси с греками, заключенный после похода Игоря на Византию, свидетельствует, что каждая знатная русская семья имела собственную долю в общерусских доходах. Более того, даже ближайшие родственники киевского князя (жена Ольга, сын Святослав, племянник Игорь) были представлены на переговорах с греками собственными послами и получали свою долю дохода, т. е. киевский князь не распоряжался и в собственной семье [29]. Из этого следует, что князь Игорь лично не мог представлять интересов не только всей Русской земли, но и всего «рода русского», а являлся главой своеобразного княжеского и боярского союза.

Известно также, что наиболее знатные русы имели собственную дружину, сохраняли право собирать полюдье на отведенных им территориях и оказывали самое серьезное влияние на жизнь русского общества. В частности, именно такой влиятельнейшей персоной в середине X в. выступает воевода Свенельд, чья дружина была мощнее княжеской, а дружинники богаче, чем воины Игоря. Именно Свенельд стоял у истоков некоторых конфликтов в княжеской семье [30].

Еще сложнее были взаимоотношения киевских князей со славянскими землями-княжениями. Славянские племена соглашались платить дань «роду русскому», защищавшему их от внешнего врага, однако идти в полное подчинение киевским князьям не хотели, а если и шли, то с большим трудом и только по какой-то крайней необходимости. Более того, опираясь на свои вечевые традиции, славянские земли-княжения периодически выходили из-под власти киевских князей. Так, после смерти князя Олега от Киева отделились древляне, и Игорю пришлось их завоевывать заново. А вятичи вообще долгое время не входили в состав Киевской Руси, оставая-

Внуки Гостомысла: Рюрик, Тривор, Синеус. Художник Илья Глазунов

ясь независимыми. Таким образом, власть киевских князей из «рода русского» в X в. была ограничена не только собственной воинской дружиной, но и славянским земским самоуправлением.

Трудности совмещения двух общественно-политических укладов демонстрируют события 945 г. [31], под которыми «Повесть временных лет» помещает рассказ о разыгравшейся войне между древлянами и киевскими русами. Началось все с того, что именно дружинники Игоря потребовали от князя пойти за данью на древлян. При этом дружинники указывали на воеводу Игоря Свенельда, который смог обеспечить богатое содержание собственной дружины, а вот Игоревы дружинники пребывают в бедности. Послушавшись дружинников, Игорь отправляется к древлянам и силой берет с них двойную дань. Однако этого Игорю показалось мало, и он с небольшим отрядом вернулся к древлянам за новой данью. Возмущенные древляне убили Игоря и его «малую дружину».

Этот рассказ показывает, с одной стороны, специфику отношений внутри «рода русского» (зависимость киевского князя от дружины и знати), а, с другой стороны, характеризует отношения между киевским князем и подчиненными ему славянскими племенами, в данном случае с древлянами. Как можно заметить, отношения эти ограничивались сбором «полюдья». Но славяне сохраняли за собой право на вооруженное сопротивление, если размеры дани превышали разумные пределы.

Важен еще один момент: единство киевского государства обеспечивает только личность князя. Поэтому, убив Игоря, древляне решили, что теперь они свободны от обязательств перед киевской династией. Более того, древляне стали претендовать на киевский стол — они потребовали, чтобы княгиня Ольга вышла замуж за древлянского князя Мала. Следовательно

но, в славянских землях-княжениях сохраняются и собственные князья, и собственное самоуправление — все главные вопросы решаются на вече, которое избирает и князей, и других «лучших людей». Но характерно, что конфликт с русами древляне, в соответствии со славянскими традициями, попытались разрешить мирным путем — послали к Ольге своих послов.

Дальнейшее хорошо известно по «Повести временных лет» — Ольга несколько раз жестоко отомстила древлянам. Столь жесткое поведение Ольги показывает методы разрешения конфликтов, характерные для русов, — они придерживались правила «кровной мести», причем мстили быстро и жестоко, в корне подавляя любое возможное сопротивление. Даже эти разные способы разрешения конфликтов у славян и «рода русского» свидетельствуют, что у русов и славян сохранялись различные традиции, имеющие истоком разное этническое происхождение и разные формы организации общества.

Правда, мудрая княгиня Ольга извлекала урок из смерти мужа. Поэтому сразу же провела налоговую реформу, впервые упорядочив сбор дани в своем государстве. Вместо того чтобы выезжать на полюдь, Ольга организовала пункты для сбора дани — погосты, на которые окрестные жители свозили дань. Кроме того, княгиня Ольга установила «уроки» — порядок сбора дани и ее размеры. А это означало, что киевские князья не могли собирать дань больше установленных размеров. И, как сообщает летопись, славянские племена, увидев мудрое и справедливое решение княгини Ольги, более не противились киевской правительнице.

Но киевские князья иногда сами способствовали разделению собственных владений. Так, в 970 г., перед походом в Дунайскую Болгарию, Святослав разделил всю Русскую землю между сыновьями: Ярополку достался Киев, Олегу — Древлянская земля, а Владимиру — Новгород. Это разделение княжества на уделы проводилось явно по *этногосударственному принципу* — по границам уже существовавших племенных союзов полян-руси, древлян и ильменских словен. Как видно из самого факта разделения, эти племенные союзы сохраняли определенную самостоятельность во времена правления Святослава. И после 970 г. на месте относительно единого государства фактически возникли три княжества во главе с тремя сыновьями Святослава.

И все же, несмотря на существовавшие этнополитические противоречия, в X в. русы довольно быстро ассимилировались славянами и, как следствие, утрачивали свои традиции, все больше и больше принимая славянские правила общественного устройства. Так, если у князя Игоря была только одна жена, то Святослав Игоревич и Владимир Святославич уже имели по несколько жен. Если поначалу русские князья носили неславянские имена (Рюрик, Олег, Игорь, Ольга), то, начиная с князя Святослава Игоревича, имена киевских князей становятся славянскими. Поэтому постепенно *этнополитические противоречия между славянами и «родом русским» сошли на нет*, русы окончательно стали считать себя славянами, но подарили славянам свое имя — русские.

На «притирку» различных принципов организации власти у племен, населяющих Киевскую Русь, потребовалось почти полтора столетия — с конца IX до начала XI века. А первые реальные попытки упорядочить государственные отношения и ввести некие единые правила государственного устройства были предприняты лишь в конце X в. князем Владимиром Святославичем (правил в 978–1015 гг.).

Уже в самом начале своего правления Владимир безжалостно уничтожил всех возможных конкурентов, в том числе и собственного брата Ярополка. Но особый исследовательский интерес представляет летописный сюжет, рассказывающий о взятии Владимиром в 978 г. Полоцка — племенного центра кривичей. Здесь, в Полоцке, Владимир взял в жены Рогнеду, дочь полоцкого князя Рогволода. В этом случае интересно сообщение именно о Рогволоде. «Повесть временных лет» свидетельствует: «Бе бо Рогволодъ перешель изъ заморья, имяше волость свою Полотьскъ, а Туръ Турове, от него же и туровци прозвашася» [32]. Следовательно, в Полоцке и, возможно, в Турове в этот период существовали собственные княжеские династии, не имеющие отношения к династии киевских князей и не подчиняющиеся Киеву. Имя князя — Рогволод — это, может быть, славянизированное имя-титул, в котором слышится: «владеющий рѣгами» (впрочем, здесь замечен и кельтический элемент «олд» — «великий»). Поэтому можно предположить, что династия Рогволода пришла в Полоцк из земель каких-то прибалтийских ругов-русов.

Интересно, что сообщение «Повести временных лет» в данном случае перекликается с преданием, записанным в Туровской земле. Согласно этому преданию название одного из городищ Туровской земли, так называемого «Давыд-городка», связано с неким ятвяжским князем Давыдом, основавшим и Туров. Иначе говоря, «туровское предание» тоже сообщает о существовании отдельной династии, пришедшей из Прибалтики (ятвяги — это балтское племя). А в устюжской летописной традиции, независимой от киевской, Рогволод и Туры считались братьями. Устюжская летопись приводит еще одно свидетельство о переговорах между Рогволодом и Владимиром: «Бе бо Рогволод посла брата своего Тарайша ко Владимиру». В имени «Тарайша» нетрудно увидеть искажение имени все того же Туры [33]. Таким образом, покончив с Рогволодом, Владимир фактически уничтожил единственную на тот момент княжескую династию, которая так или иначе могла составить конкуренцию ему и его будущим потомкам в борьбе за власть в Русской земле.

Став единоличным правителем, Владимир Святославич сумел усилить собственную княжескую власть. Так, он изъял управление славянскими землями-княжениями из рук местных князей и передал его своим «посадникам» (т. е. наместникам, которых «посадил» в славянских землях) — это были сыновья Владимира или его наиболее доверенные лица. Большое значение для укрепления власти киевского князя имела религиозная реформа. Поначалу Владимир попытался установить единый языческий культ во главе с богом Перуном, но из этого ничего не получилось. Тогда в конце X в. Владимир Святославич ввел на Руси как государственную религию христианство, и Древнерусское государство стало христианской державой. Учреждение христианства сыграло значительную роль в окончательном преодолении этнополитических противоречий в Киевской Руси.

«Повесть временных лет» рассказывает о принципах управления государством при Владимире Святославиче в конце X в. [34]. О внутри- и внешнеполитических делах князь советовался со своей дружиной, с боярами, с христианскими епископами, а также с представителями земского самоуправления — «старцами градскими», «десятскими» и «сотскими». Таким образом, в Киевской Руси произошло слияние различных общественно-политических традиций: властная иерархия русских князей сочеталась с древними славянскими вечевыми обычаями.

Но, несмотря на усиление власти киевского князя при Владимире, каждая земля в составе Киевской Руси продолжала жить своей жизнью. Направлявшиеся по славянским землям сыновья Владимира либо входили в противоречие с местным самоуправлением, либо, пытаясь опереться на него и взаимодействовать с ним, вступали в конфликты с Киевом и княжившим там отцом. В итоге, после смерти Владимира Древнерусское государство вновь распалось, а сыновья Владимира схлестнулись в жестокой борьбе за отцовское наследство. Победителем в этой войне вышел князь Ярослав Владимирович Мудрый (ум. 1054 г.), в годы правления которого единство Древнерусского государства опять укрепилось.

Конфликт между сыновьями Владимира Святославича позволяет понять принцип наследования, который, видимо, был принят внутри всего «рода русского». Главой всех князей и, как следствие, киевским князем, считался *старший в роду*, т. е. власть в Киевской Руси передавалась по принципу *старейшества*. Именно о «старейшестве» своего брата Святополка говорит князь Борис, когда отказывается занять киевский стол, несмотря на предложение дружины силой захватить власть: «И реша къ нему дружина: “Поиди, сяди Кыеве на столе отъни, се бо вси вои въ руку твою суть”. Онъ же имъ отвѣщааваше: “Не буди ми възати руки на брата своего и еще же и на старейша мене, егоже быхъ имель, акы отъца”» [35]. И скорая канонизация невинно убиенных князей-братьев Бориса и Глеба (в 1072 г.) — это не только прославление первых русских мучеников-страстотерпцев, но и сакрализация принципа наследования власти по старейшеству.

Заняв киевский стол, старший в роду князь получал право наделять других князей собственными княжениями в других городах Киевской Руси. Однако любому из князей, оказавшемуся в том или ином городе, приходилось вступать во взаимодействие с местным земским самоуправлением — городскими вече. Нередко бывало так, что вече не принимало пришедшего к ним князя и требовало другого.

Подобная политическая система была очень неустойчивой. С одной стороны, князей становилось все больше и между ними постоянно возникали конфликты — кто из них старше и кто в какой земле должен княжить. С другой стороны, земское самоуправление городов и земель, в которых сидели князья, конфликтовало как с князьями, так и с другими городами и землями. Иначе говоря, в этот период на первый план вышли, во-первых, *династические противоречия внутри княжеского рода* и, во-вторых, *противоречия между различными городами и землями Киевской Руси*. Разрешение этих противоречий происходило путем междоусобных войн, поразивших Русскую землю в конце XI в.

В результате, с конца XI в. Древнерусское государство все больше теряло свое и без того очень хрупкое единство, а от единого государственного объединения периодически отпадали отдельные земли — Полоцкое княжество, земли вятичей, Тмутараканское княжество. В 1097 г. на княжеском съезде в г. Любече по инициативе князя Владимира Всеволодовича Мономаха была предпринята попытка найти мирные пути разрешения внутривластных конфликтов. Любечский съезд 1097 г. принял знаменитое решение, сформулированное в положении *«каждый держит отчину свою»*, т. е. *закрепил право князей на владение своими княжествами («отчинами») по наследству*. Однако сохранял свою юридическую силу и прин-

цип наследования земель по «старейшеству». Два принципа наследования вступили в конфликт друг с другом, и это породило будущие постоянные споры русских князей о том, кто из них «старейший» и кто обладает правом «отчины» на то или иное княжество. Во многом поэтому сразу же после Любечского съезда начались новые усобицы. Относительное объединение русских земель вновь достигается лишь в начале XII в., в тот период, когда на киевском престоле оказывается Владимир Всеволодович Мономах (правил в Киеве в 1113–1125 гг.) и затем его старший сын Мстислав Владимирович Великий (правил в 1125–1132 гг.).

Именно в годы великого княжения Владимира Мономаха около 1118 г. в официальном киевском летописании появляется легенда о призвании варягов во главе с Рюриком. Причем она вставляется в летопись целенаправленно, с задачей вытеснить легендарное предание о Кие [36]. В свое время было установлено, что, скорее всего, эта инициатива исходила от Мстислава Владимировича [37]. К тому моменту Мономаховичей пока ничего не связывало с Киевом: сам Владимир Мономах занимал Киев не по праву (не по «старейшеству», а по приглашению киевского вече), а Мстислав Владимирович более двадцати лет (в 1095–1117 гг.) княжил в Новгороде, и только в 1117 г. оказался в Киеве в качестве соправителя отца. Поэтому, как считают историки, первым Мономаховичам необходимо было закрепить и свои права, и права своих потомков на киевский престол, чему и могло послужить варяжское предание.

Но причины появления легенды о призвании варягов в официальном киевском летописании более глубокие. Стоит напомнить, что и Владимир Мономах, и Мстислав Великий еще при жизни прославились как защитники общерусских интересов, для которых идея единства Русской земли была главной в их внутри- и внешнеполитической деятельности. Использование Мономаховичами варяжского предания тоже следует рассматривать в этом «общерусском» контексте. Дело в том, что в процессе ассимиляции «род русский» постепенно переставал помнить и о своем этническом отличии от славянского населения Русской земли, и о своем кровном родстве. В такой ситуации очень важным историко-идеологическим инструментом поддержания единства княжеского рода и, как следствие, единства всей Русской земли, стало предание об общем предке русских князей, однозначно указывающее на сохраняющееся кровное родство всего правящего на Руси рода. Поэтому есть все основания утверждать, что именно эта причина побудила включить легенду о призвании варягов во главе с Рюриком в состав «Повести временных лет» [38]. Видимо, Кий, хоть и признавался основателем Киева, в начале XII в. уже не воспринимался общим предком. От Кия было очень сложно протянуть «генеалогическую ниточку» к князю Игорю Старому, да и самого Кия к тому времени многие уже считали не князем, а «перевозчиком», иметь же в предках простого «перевозчика» киевские князья не хотели. Другие же легендарные князья-нерюриковичи в летописи были либо объявлены самозванцами (Аскольд и Дир), либо лишены княжеского достоинства (Олега стали именовать воеводой).

Итак, с начала XII в. у всех русских князей появился общий древний предок. Несомненно, утверждение Рюрика как общего предка и в сознании князей, и в общественном сознании проходило с трудом, особенно в других, «некиевских» русских землях. Так, автор «Слова о полку Игореве»

ве», подробно рассказав собственную версию происхождения Руси и «рода русского», даже не упомянул Рюрика. Следовательно, в каких-то южных регионах Киевской Руси в конце XII в. или ничего не знали о призвании варягов во главе с Рюриком, или же не хотели этого знать, зато сохраняли и поддерживали собственные легендарные предания.

Однако для утверждения варяжской легенды в качестве основного исторического мифа в Киеве прилагались самые серьезные усилия. Современные исследователи отмечают, что, к примеру, «постоянный мотив “Повести временных лет”» — это «напоминания, что все князья — братья по крови», а «гарантией целостности и военного могущества Руси должно было являться владычество в ней единой княжеской династии — Рюриковичей» [39]. И постепенно князья стали считать себя единым родом Рюриковичей, все члены которого являются кровными родственниками («братьями»). В результате, если еще в X в. русские князья воспринимали Киевскую Русь как общее владение «рода русского», то теперь Русская земля признается общим владением всего рода Рюриковичей. В сознании правящих кругов, как, впрочем, и в народном сознании, представление о том, что русскими правителями могут быть выходцы только из рода Рюриковичей, сохранялось на протяжении нескольких столетий, вплоть до начала XVII в., несмотря на все самые тяжкие перипетии, пережитые народом в эти времена. Более того, это представление в значительной степени определило ход русской истории на несколько веков вперед.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Об этом писал еще А. А. Шахматов. См.: *Шахматов А. А.* Повесть временных лет. Т. 1. Пг., 1916; Он же. Обзорные русские летописные своды XIV—XVI вв. М.; Л., 1938. Впрочем, это мнение Шахматова продолжает вызывать возражения в отечественном летописеведении.

2. См. об этом: *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для начального периода русской письменности и культуры. Вып. 1. Л., 1930.

3. Повесть временных лет // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 66—68.

4. Повесть временных лет... С. 74.

5. См.: *Иларион, митрополит Киевский.* Слово о Законе и Благодати // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. СПб., 1997. С. 42.

6. Слово о полку Игореве // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 4. СПб., 1997. С. 258.

7. *Фризе Хр. Ф.* История Польской церкви. Т. 1. Варшава, 1895. С. 33—46. На этот факт обратил внимание А. Г. Кузьмин. См.: *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. М., 2003. С. 343—344.

8. М. Ю. Брайчевский считал, что возникновение Киева следует отсчитывать от первых поселений, возникших на месте будущего города, т. е. с рубежа новой эры (*Брайчевский М. Ю.* Коли і як виник Кипв. Кипв, 1963). Б. А. Рыбаков датировал деятельность князя Кия и начало Киева концом V — первой половиной VI в. (*Рыбаков Б. А.* Город Кия // Вопросы истории, 1980, № 5). С этим мнением согласен П. П. Толочко (*Толочко П. П.* Древний Киев. Киев, 1983). Однако существуют и другие точки зрения, относящие возникновение Киева к IX—X вв. (см.: *Каргер М. К.*

Древний Киев. М.; Л., 1958—1961. Т. 1—2; *Рабинович М. Г.* Из истории городских поселений восточных славян // История, культура, фольклор и этнография славянских народов. М., 1968; *Мюле Э.* К вопросу о начале Киева // Вопросы истории. 1989, № 4. С. 118—127).

9. *Ключевский В. О.* Сочинения в 9-ти т. Т. 1. М., 1987. С. 159.

10. *Янин В. Л., Колчин Б. А.* Итоги и перспективы новгородской археологии // Археологическое изучение Новгорода. М., 1978.

11. *Носов Е. Н.* Новгородское (Рюриково) городище. Л., 1990. С. 170—205.

12. *Кузьмин А. Г.* К вопросу о происхождении варяжской легенды // Новое о прошлом нашей страны. М., 1967. С. 42—53.

13. См. об этом: *Рябинин Е. Л.* У истоков ремесленного производства в Ладоге (к истории общебалтийских связей в предвикингскую эпоху) // Новые источники по археологии Северо-Запада. СПб., 1994; *Кирпичников А. Н.* Ладога и Ладужская земля в VIII—XIII вв. // Славяно-русские древности. Вып. 1. СПб., 1988.

14. *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 77.

15. *Кирпичников А. Н., Сарабьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. СПб., 2003. С. 76—77.

16. Древнейшие сведения о славянах представлены в двухтомном издании: Свод древнейших письменных известий о славянах. Т. 1. М., 1994; Т. 2. М., 1995.

17. См. об этом: Очерки истории культуры славян. М. 1996. С. 118—122. См. также: *Толстой Н. И.* Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М. 1995.

18. Об особой роли территориальной общины у славян см.: *Кузьмин А. Г.* Начало Руси. С. 293—299.

19. О роли и специфике славянского вече продолжают дискуссии. См., напр.: *Фроянов И. Я.* Киевская Русь. Л., 1980; *Минникес И. В.* Основания и порядок избрания князя в русском государстве X—XIV вв. // Академический юридический журнал. 2001. № 4 (6); *Лукин П. В.* «Народные собрания» у восточных славян: возможности сравнительного анализа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3(17). С. 5—11; Новгородика-2008. Вечевая республика в истории России. Материалы Международной научно-практической конференции 21—23 сентября 2008 г. Новгород, 2009; *Толочко П. П.* Власть в Древней Руси X—XIII вв. М., 2011.

20. О значении «земской власти» у славян и в истории России см.: *Кузьмин А. Г.* Истории России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1—2. М., 2004.

21. См. об этом в кн.: *Фомин В. В.* Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу. М., 2005.

22. См.: *Кузьмин А. Г.* История России с древнейших времен до 1618 г. Кн. 1; *Кузьмин А. Г.* Начало Руси; *Фомин В. В.* Варяги и варяжская русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу; *Фомин В. В.* Начальная история Руси. М., 2008.

23. Подробный анализ этого материала см.: *Фомин В. В.* Начальная история Руси. С. 199—216.

24. В науке продолжается очередной спор: что это было за государство и как оно называлось? Суть дискуссии опять же связана со сложностью опре-

деления этнической принадлежности русов и варягов. Так, наиболее последовательные сторонники норманнской теории вообще предлагают именовать это государство Скандославией (*Лихачев Д. С.* Раздумья о России. СПб., 2001. С. 35.) или Восточно-Европейской Нормандией (*Скрынников Р. Г.* Русь X–XVII века. СПб., 1999. С. 20–50). Впрочем, первым подобное предложение выдвинул еще 1834 г. О. И. Сенковский, который именовал Русь «Славянской Скандинавией» (*Сенковский О. И.* Скандинавские саги // Библиотека для чтения. Т. I. Отд. II. СПб., 1834. С. 22–27, 30–40). Некоторые исследователи, продолжающие считать хотя бы часть русов скандинавами, называют государственное образование с центром в Ладоге Русским каганатом, указывая при этом на упоминание некоего Русского каганата в западноевропейских средневековых источниках (*Кирпичников А. Н., Сарбьянов В. Д.* Старая Ладога. Древняя столица Руси. С. 53–54). Впрочем, это мнение оспаривается другими специалистами, которые локализуют Русский каганат в совершенно другом регионе — в верховьях рек Северский Донец, Оскол и Дон, и связывают его не со скандинавами, а со славянами (*Седов В. В.* Русский каганат IX века // Отечественная история, 1998. № 4. С. 5–15) или с ираноязычными русами-аланами (*Галкина Е. С.* Тайны русского каганата. М., 2002).

25. Повесть временных лет... С. 70–72.

26. Первым на это обратил внимание А. А. Шахматов. См.: *Шахматов А. А.* Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб., 1908. С. 228, 290–299, 302–319 и др.

27. См. об этом: *Литвина А. Ф., Успенский Ф. Б.* Выбор имени у русских князей в X–XVI вв. Династическая история сквозь призму антропоники. М., 2006. С. 14–16. Прим.

28. Известные нам личные имена русов имеют славянские, кельтские, иранские, венето-иллирийские, чудские, балтские и другие корни, и, следовательно, указывают на различное этническое происхождение членов «рода русского» (*Кузьмин А. Г.* Древнерусские имена и их параллели // Откуда есть пошла Русская земля. Века VI–X. Кн. 2. М., 1986. С. 639–654).

29. См. об этом: Повесть временных лет... С. 96–104.

30. Повесть временных лет... С. 104–108, 120–122.

31. Повесть временных лет... С. 104–106.

32. Повесть временных лет... С. 124.

33. См. об этом: *Лысенко П. Ф.* Города Туровской земли. Минск, 1974. С. 118; Полное собрание русских летописей. Т. 37. С. 61 (Архангелогородский летописец); *Карпов А. Ю.* Владимир Святой. М., 2004. С. 381–382.

34. Повесть временных лет... С. 168–170.

35. Сказание о Борисе и Глебе // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. С. 334.

36. См. об этом в кн.: *Никольский Н. К.* «Повесть временных лет» как источник для начального периода русской письменности и культуры...

37. См.: *Рыбаков Б. А.* Древняя Русь. М., 1963. С. 290 и сл.

38. См. об этом в кн.: *Шахматов А. А.* Разыскания о Древнейших русских летописных сводах...; *Греков Б. Д.* Киевская Русь. М.; Л., 1939; *Лихачев Д. С.* Национальное самосознание Древней Руси. М.; Л., 1945 и др.

39. *Творогов О. В.* Комментарии к «Повести временных лет» // Библиотека литературы Древней Руси. Т. 1. С. 487.

История и современность

**Архиепископ Курганский
и Шадринский
КОНСТАНТИН
(Горянов)**

ОСОЛИТЬ ВСЕЛЕННУЮ: ИСТОРИЯ ПРАВОСЛАВНОЙ МИССИИ В ИРАНЕ

*Статья на основе доклада
на тему:*

*«Русская Православная
миссия в Урмии (1898–1918)
и ее вклад в изучение Ирана».*

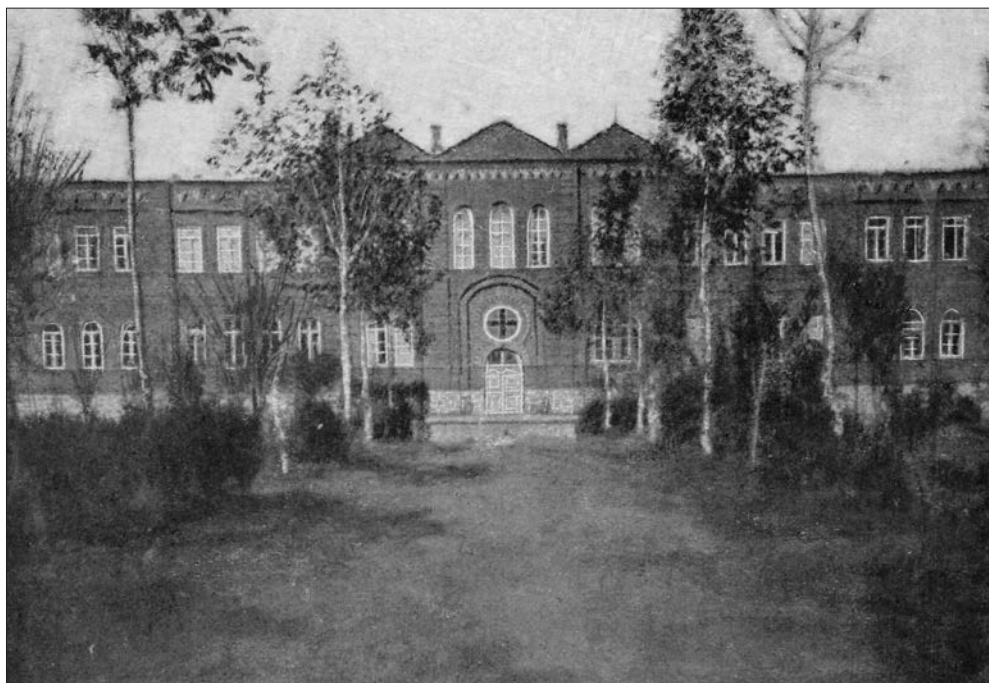
*Доклад прочитан
на международной
конференции в Тегеране
21 декабря 2004 года*

1. Истоки

Неимоверно тяжел крест высокого подвига Христова апостольства в иноверных странах. Но именно такой крест возложила на себя группа русских людей в одном из городов далекой от нас Персии. Мы неспроста вспоминаем сегодня о Русской Православной миссии, основанной в персидском городе Урмия в конце XIX — начале XX веков. Урмийская миссия, действовавшая с 1898 по 1918 год среди присоединившихся к Православной Церкви ассирийцев-несториан, проживавших в пограничной с Россией персидской провинции Азербайджан, к западу от озера Урмия, была одной из наиболее молодых и недолгих заграничных православных миссий. Но своей

Архиепископ Курганский и Шадринский Константин (Горянов) — родился в ауле Кэнессы Джамбульской обл. Казахстана. В 1974 г. окончил лечебный факультет Винницкого мед. института и работал участковым врачом, затем ст. врачом бригады интенсивной терапии. В 1981 г. защитил кандидатскую диссертацию. В 1983 г. поступил в МДС, продолжал заниматься мед. практикой. В 1986 г. пострижен в монашество, рукоположен во иеродиакона, во иеромонаха. Окончив МДА, получил степень кандидата богословия. В 1990 г. возведен в сан игумена, зачислен в братию Жировицкого монастыря, затем назначен ректором МинДС и возведен в сан архимандрита. В 1991 г. хиротонисан во епископа Новогрудского, викария Минской епархии. В 1996 г. назначен ректором СПбДАиС с титулом «епископ Тихвинский, викарий Санкт-Петербургской епархии». С 1999 г. профессор, зав. кафедрой богословских дисциплин. В 2003 г. возведен в сан архиепископа. Член Синодальной богословской комиссии, редколлегий «Богословских трудов», член нескольких академий (РАЕН, АПОБ и др.). Член Союза писателей России. Лауреат премии «Имперская культура». Правящий архиерей Курганской епархии.

героической, подвижнической деятельностью она прочно вошла в историю Русской Православной Церкви. В трагической судьбе этой, сегодня почти забытой миссии, нашел свое воплощение уникальный опыт миссионерства среди несториан, впервые за полторы тысячи лет в составе целой епархии вошедших в состав Православной Церкви, и тем подготовивших возможность воссоединения с Православием всей Несторианской Церкви вместе с ее Патриархом. История Урмийской миссии свидетельствует, что в какой-то момент (незадолго до войны 1914 года) эта возможность казалась очень близкой и достижимой, но из-за революционных катастрофических событий в России в 1917 году она осталась нереализованной.

Главное здание Урмийской Духовной миссии

Сегодня, когда Церковь в России только-только оправляется от постигшего ее векового разорения, когда дома дел не впрокорот, вообще мало говорится о великой истории многочисленных русских миссий, так же как вопрос о возрождении миссионерской деятельности русского Православия пока только намечается. Хотя по причине духовного упадка современного общества и в связи с активной религиозной экспансией некоторых инославных церквей, а также сектантской деятельностью, назрела необходимость возрождения миссии в Русской Православной Церкви.

Эта необходимость тем более насущна, что история миссионерства восходит ко временам Евангельским. Миссионерская деятельность — есть выражение апостольской природы Церкви, призванной Святым Духом на служение миру. Миссионерство распространяет свидетельство присутствия Божия в человеческой истории. Поэтому миссия Церкви состоит в том, чтобы приближаться к миру, обновлять его, просвещать Евангель-

ским светом многие народы, принимая местные культуры и способы их выражения, не противоречащие христианской вере, преобразовывать их в средства спасения.

Русская Православная Церковь явила миру высокое апостольское достоинство, в прошлом засвидетельствованное подвигами великих равноапостольных мужей, таких как святитель Стефан Пермский — апостол зырян, святитель Иннокентий (Вениаминов) — апостол Якутии и Камчатки, святитель Николай (Касаткин) — апостол Японский, святитель Патриарх Тихон (Белавин) — просветитель Аляски и многие другие. Их духовные завещания и наставления актуальны поныне. Как, например, и то, что в 1910 году на миссионерском съезде в Иркутске архиепископ Томский и Алтайский Макарий (Невский) (впоследствии митрополит Московский) говорил: «Мудрость уподобила первых веропроповедников соли, долженствующей *осолить Вселенную*», с таким притом предостережением, что если «соль» эта потеряет силу, то «она уже ни к чему негодна, как разве выбросить ее вон на погребение людям» (Мф. 5:13)¹.

Несмотря на трагедии церковной истории в XX веке, очевидно, что эта «соль» все-таки не потеряла силу, потому что содержание миссионерства, являющегося основным смыслом церковной деятельности, не меняется, передавая последующим поколениям спасительные истины как норму жизни. В этом ряду познавательна и поучительна история Русской Урмийской миссии (северо-запад современного Ирана).

2. Россия и Иран: политические, экономические и культурные предпосылки создания Русской миссии

Идеи мистического единства арийских народов, теории общего происхождения, гипотезы, объясняющие схожесть путей развития, элементов культур и особенностей национального характера — все эти факторы, порой вне зависимости от степени достоверности и соответствия исторической истине, господствующей в данный период времени, являются реальными настолько, насколько они оказывают свое влияние на мировосприятие современников и, вследствие этого, на весь ход последующей истории и судьбы цивилизации².

Эпизодические контакты торгового и политического характера сопровождали историю отношений России и Ирана на протяжении всего периода обозримого прошлого. Иран — название страны, которая в течение многих веков была нашим южным соседом, происходит от названия из среднеперсидского языка «Ираншахр», проистекающего в свою очередь от словосочетания «Арианам хшастра», что на древнеперсидском означало «Арийцев страна»³. Арийские племена, создавшие самостоятельные государственные образования на обширном территориальном пространстве Евразии к I тысячелетию до н. э., считаются общими предками нынешних иранских и

¹ Миссиология. Белгород: Изд. Белгородской Духовной Семинарии, 2009. С. 10.

² *Базиленко И. В.* Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двухсторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПбГУ Восточный факультет. СПб.: Студия НП-Принт, 2011. С. 33.

³ *Бартольд В. В.* Иран. Цит. по: История Ирана. Киев; М., 2003. С. 14.

славянских народов¹. Регулярные дипломатические и торговые связи между Россией и Иранским государством в эпоху достоверной истории были установлены с приходом к власти в Иране самого блистательного монарха из династии Сафавидов (1502–1736) — Аббаса I (1587–1629). Сафавиды создали в Иране персидское национальное государство. Многие исследователи утверждают, что шах во время междоусобиц, раздиравших Россию в Смутное время, «оказал многие опыты чистосердечнейшей дружбы к российскому двору»².

Отношения русских и иранцев были несравненно лучшими, чем отношения с турками — давними общими противниками. Российские солдаты чаще дезертировали в Иран, где отношение местного населения было вполне терпимым, особенно в вопросах вероисповедания. Интересный исторический факт: беглецы эти пользовались в Иране совершенной свободой, не знали никакой подчиненности, но в военное время они «обращаются в жертвы, которых первыми ведут в огонь, и всегда замечалось, что дерутся они лучше всех Персидских войск»³. Особенно русские дезертиры отличились в сражении с турками при Топрак-кале (1828). Интересно, что в полку, где состояли на службе русские дезертиры и военнопленные, служили также молодые люди из числа местных ассирийцев и армян. Солдат не склоняли к принятию ислама, но для адаптации русских беглецов к жизни Ирана рекомендовали «обручать их всех с армянками»⁴. Наличие русских беглецов в иранской армии в немалой степени способствовало ослаблению влияния британских инструкторов. Во второй половине XIX века Россия и Великобритания настолько укрепили свои позиции в Иране, что без участия одной из сторон не происходило ни одного сколько-нибудь важного общественно-политического события в стране.

В 60–70-е годы XIX века влияние России на иранскую действительность значительно возросло благодаря развитию совместной торговли, экспорту российского капитала в Иран, активному освоению российскими промышленниками и предпринимателями Северного Ирана, превратившегося к концу века почти полностью в зону жизненно важных интересов России, как экономических, так и политических. С появлением консульских учреждений России в различных городах Ирана, представлявших интересы российских подданных, увеличилось число путешественников, исследователей, инженеров, врачей, купцов из России, отправлявшихся в Иран с разными целями и задачами. По возвращении часть из них публиковала свои отчеты, мемуары, путевые дневники, результаты исследований. Среди наиболее известных — сочинения И. Ф. Бларамберга, Ф. А. Бакулина, Г. Д. Батюшкова, В. А. Жуковского.

Гораздо скромнее оказался вклад иранской стороны в изучение северного соседа. Наиболее известны сохранившиеся мемуары «шаха-путешествен-

¹ Чайлд Г. Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2005. С. 15; Гимбутас М. Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007. С. 75–96.

² Броневский С. М. Историческая выписка о соотношениях России с Персией... РАН. Институт востоковедения СПб., 1996. С. 51.

³ Российский государственный архив ВМФ, ф. 19, оп. 4, д. 16/456, л. 1.

⁴ АВПРИ. 1824–1825, д. 3, л. 8.

ника», или Насер ад-Дин-шаха, предпринявшего три путешествия в Европу. Россия оказалась первой страной на пути путешественника, которой он уделил довольно много места в своем дневнике. Следует отметить, что все характеристики, которые шах дал российской действительности того времени, отличаются возвышенными эпитетами и сравнениями. Россия поразила иранцев своей чистотой, красотой, надежностью транспортных средств, совершенством техники, доброжелательностью населения, роскошью и изяществом дворцов, изобилием памятников старины, разнообразием средств досуга и многим другим.

Тесным было сотрудничество в военной сфере. Так в 80-е годы XIX века с помощью русских офицеров были усовершенствованы военные силы Ирана, организована русская военная миссия и сформирована Персидская казачья бригада. В скором времени она стала самой боеспособной частью иранской армии, настоящей школой подготовки офицерских кадров, давшей Ирану первых представителей военной интеллигенции. Таким образом, русским офицерам удалось совершить то, в чем не добились успеха французские и английские инструкторы, неоднократно пытавшиеся создать регулярную иранскую армию европейского типа.

Соперничая в Иране с западноевропейскими странами, более развитыми экономически, Россия чаще одерживала верх, когда прибегала к своему богатейшему культурному наследию. Общеизвестные гибкость и широта приемлемости русского национального сознания, рациональная веротерпимость и уважительное отношение к инородным традициям выгодно отличали россиян в целом в глазах иранцев в сравнении со сдержанным европейским прагматизмом. Многие достижения российской внешней политики в Иране проистекали из национально-культурных особенностей и духовно-психологических корней, объединявших россиян и иранцев. Знаменателен факт, что в начале XX века среди иранской знати было модно говорить на русском языке.

Очевидно, что такой культурно-политический вектор российско-иранских взаимоотношений наилучшим образом отвечал интересам представителей различных духовных и национальных культур и был весьма далек от задач «европеизации» восточных народов, решаемых западноевропейцами и бахаитами — агентами их влияния из среды торговцев-компрадоров и вестернизированной части туземной интеллигенции. Русские представители чутко реагировали на симптомы этого явления в Иране и отрицательно отзывались о нем.

Внешнеполитический курс Ирана с учетом интересов России вызывал крайнее недовольство Великобритании. Стремясь ослабить русское влияние в Иране, британцы не только заигрывали с конституционалистами и революционерами, но и предоставляли мощную финансовую и политическую поддержку сепаратистским движениям и шиитским духовным лидерам.

Но в связи с тем, что со второй половины XIX века произошло значительное численное увеличение русской колонии в Тегеране, явившееся следствием укрепления взаимовыгодных торговых связей (в разных городах Ирана открывались русские лавки и магазины, русские товары все в большем количестве появлялись на иранском рынке), стало необходимым и возможным постоянное присутствие православного духовенства в Иране.

3. Краткая история христианства в Персии и деятельность Западных миссий

Христианская религия пришла в Парфянскую (Персидскую) империю (ныне территория Ирака и Ирана) очень рано¹. Истоки Персидской Церкви (Ассирийской Церкви Востока) по преданию восходят к иудео-христианским общинам, возникновение которых связано с миссионерской деятельностью святых апостолов Петра и Фомы, а также апостолов от 70-ти Аддая и Мари (апостолов Востока) среди арамеоязычного населения Междуречья в I веке по Р. Х. Апостол Петр в своем 1-ом Послании, адресованном «пришельцам, рассеянным в Понте, Галатии, Каппадокии, Азии и Вифинии» (*территория современной Турции*), пишет, что «приветствует вас избранная, подобно вам, церковь в Вавилоне» (1Петр. 5:13). Церковное предание сообщает нам об обращении апостолом Фаддеем в христианство Авгаря, царя Эдессы, столицы Осроены в Месопотамии.

Имеются указания на то, что в Адиабене (местности к востоку от Тигра, входившей в Персидскую империю) во II–V веках по Р. Х. был осуществлен перевод Библии на сирийский язык (т. н. Пешитта). Поскольку сирийский язык — это эдесский диалект арамейского языка, то перевод осуществлялся в регионе г. Эдессы. Кроме того, Адиабена, с ее большой иудейской диаспорой, также являлась родиной перевода ветхозаветных книг на сирийский язык.

Несмотря на гонения в III–IV веках со стороны зороастрийских властителей Персии, число христиан в Империи увеличивалось. В конце IV столетия Церковь Персии, возглавляемая Селевкийско-Ктесифонским епископом, носившим титул Католикоса, реорганизовалась, сохранив полноту общения со всей христианской ойкуменой².

Расцвет Персидской Церкви приходится на V–VI века. В это время, благодаря деятельности несториан-миссионеров, христианство впервые проникло в Индию, в Среднюю Азию, Монголию и Китай, а также на территории современных Йемена и Катара³. Несмотря на присутствие ислама, Церковь Востока в последующие столетия достигла своего расцвета.

¹ См.: *Спасский А.* Сирохалдейцы-несториане и присоединение их к Православной Церкви // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1898. № 5. С. 202–243.

² Так, Собор в Селевкий (410 г.) под председательством Католикоса принял не только Никейский Символ веры, но и дисциплинарное и организационное устройство Церкви, аналогичное тому, которое преобладало в Римской империи, и было санкционировано правилами Никейского Собора. Однако Собор в Маркабте (424 г.) провозгласил свою независимость в вероучении и дисциплине от «западных Отцов». Такая изоляционная политика была избрана для того, чтобы зороастрийские правители не могли обвинить персидских христиан в пособничестве Риму. По той же причине Церковь Востока не приняла и последующие Вселенские Соборы — Эфесский (431 г.) и Халкидонский (451 г.), считая их внутренними Соборами Римской (Византийской) Церкви, не имеющими отношения к Персидской Церкви. К тому же персидским христианам, говорившим по-сирийски, были чужды греческие богословские термины. Неприятие Церковью Востока Эфесского Собора, осудившего Нестора, послужило причиной того, что эту Церковь стали называть «несторианской», хотя никакой исторической связи с Несторием она не имела. См.: *Мейендорф И., протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: ДИ-ДИК; Правосл. Св.-Тихон. Богосл. ин-т, 2000. С. 83–84.

³ Следует отметить, что к концу правления Сасанидов зороастрийская религия стала сильно сдавать свои позиции, и если бы не исламская экспансия в середине VII в., Персия стала бы христианской страной. См.: *Сергий (Лавров), игумен.* Последние события в Несторианской Церкви // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1904. № 12. С. 427–428.

Однако в период владычества Тамерлана (1336–1405) и последующих правителей — Тимуридов — христианство было практически полностью уничтожено¹. Большинство ассирийцев-несториан было замучено либо насильно обращено в мусульманство. К началу XIX века общая численность ассирийцев-несториан, проживавших сравнительно замкнутым компактным обществом в районе к западу от озера Урмия в Персии и в горах Хаккяри в сопредельной Персии Восточной Турции к югу от озера Ван, достигала 120–150 тысяч человек — все, что осталось от некогда многомиллионной паствы².

В конце XVIII — начале XIX века Персидское шахство из «закрытого» превращается в «открытое» государство, благодаря чему на его территории вместе с колонистами одна за другой появляются западные миссии. В Урмии это: американская — пресвитерианская (с 1830-х годов), французская — католическая и английская — епископальная, или «миссия архиепископа Кентерберийского» (с середины 1880-х годов). Деятельность вышеупомянутых миссий включала в себя организацию школ для детей, распространение грамотности, перевод на народный язык Священного Писания, основание типографий и издание различной литературы, ходатайство за несториан (через дипломатические представительства) перед персидскими властями³. Таким образом, ко времени прихода в Урмию Русской миссии в самом конце XIX века, христианское население данной провинции условно разделялось на три группы.

Первая, находясь под влиянием американских протестантов, значительно отошла от древней сирохалдейской Церкви. Она имела своих священнослужителей и проповедников по образцу пресвитериан, собственные школы, городскую семинарию, которая лучших учеников посылала учиться в Америку для получения высшего образования⁴.

Другая, меньшая часть несториан, была обращена в униатство французскими монахами-лазаристами⁵ и имела своим центром селение Хусрава к северу от Урмии в области Салмас, где располагалась резиденция католического епископа. Католическая миссия была влиятельной силой в Урмии, где, благодаря своим методам работы и воспитания, она закрепилась и пустила глубокие корни⁶.

¹ Так, сохранилось лишь небольшое количество христиан в горах Восточной Анатолии.

² Следует добавить, что в северной Месопотамии в районах от Мосула до Диярбекира проживало значительное число (150–200 тыс. чел.) халдео-католиков или несториан униатов с Римом, которые отделились в XVI–XVII вв. и имели свою иерархию и церковный строй. См.: *Алексий (Кузнецов), иеромонах*. Несторианство и современное движение его в Урмии среди сирийцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 31–32.

³ См.: *Кирилл (Смирнов), архимандрит*. Речь начальника Православной Духовной миссии в Урмии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 8. С. 276–277.

⁴ Впрочем, школы американской миссии посещали не только пресвитериане, а часть паствы этой миссии впоследствии легко перешла в Православие. См.: *Синадский В., протоиерей*. Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 17. С. 599–601.

⁵ Еще до монахов-лазаристов в Персии работали монахи-кармелиты, и католичество в Салмase восходит к XVIII в. См.: *Синадский В., протоиерей*. Там же. С. 597–599.

⁶ См.: *Алексий (Кузнецов), иеромонах*. Жизнь современных сирохалдейцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 26–27.

Третья группа — несториане, живущие со своим духовенством под защитой и покровительством английских миссионеров. Английская миссия, в отличие от американской и католической, своей целью провозглашала поддержку древней Ассирийской несторианской Церкви как Церкви-сестры. Эта миссия прибыла в Урмию по приглашению Католикоса в 1885 году и состояла из особо расположенных к восточным христианским Церквям представителей «высокой» Церкви в Англии¹. Миссия организовала сеть сельских школ, училище для подготовки духовенства, печатала богослужебные книги Ассирийской Церкви, в том числе Книги Священного Писания по тексту «Пешитта» с параллельным текстом на новосирийском разговорном языке, и, вообще, материально и духовно поддерживала духовенство и храмы этой Церкви².

Под влиянием западных миссионеров, особенно в результате очевидного их соперничества между собой за духовное влияние, у урмийских несториан со временем стал проявляться некоторый индифферентизм в вопросах церковности, соблюдения иерархии, исполнения обрядов; появилась легкость при переходе из одной христианской конфессии в другую по соображениям выгоды. Это бросалось в глаза и отталкивало многих работавших в Урмии миссионеров. Однако в защиту несториан свидетельствует то, что до прихода западных миссионеров в XIX столетии они очень строго блюли свою христианскую веру в мусульманском окружении, идя за нее на лишения и гонения, а секуляризация и индифферентизм явились уже следствием западного (особенно пресвитерианского) влияния.

4. Учреждение Русской миссии и ее первоначальная деятельность

На момент создания Русской миссии в городе Урмия насчитывалось 30 тыс. жителей разных национальностей — персов, сирийцев, армян, много европейцев. Урмия многим отличалась от других персидских городов; считалось, что Урмия — это уголок Европы. Славилась Урмия и своими природными особенностями, в частности озером, содержащим много соли; поэтому в нем не водилась рыба. Купание в озере, где нельзя утонуть, было не только очень полезным, но обладало мистическим воздействием на местных жителей. Кроме того, через это озеро на баржах был самый удобный и короткий путь из Урмии на Тавриз и на Джульфу в Россию и обратно, что играло немаловажную роль в сближении двух стран. Тем более что на момент создания православной миссии в Урмии стояли русские войска, так как эта территория считалась пограничной с Турцией.

Отношение ассирийцев-несториан к России еще с конца XVIII века, когда последняя, войдя в союз с единоверной Грузией, вплотную приблизилась к пределам Персидской империи, было самое расположенное и дружес-

¹ См.: *Алексий (Кузнецов), иеромонах. Жизнь современных сирохалдейцев* // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 11. С. 28-29.

² См.: *Синадский В., протоиерей. Среди сирохалдейцев несториан (Из писем русского миссионера)* // Церковный вестник. СПб., 1898. № 19. С. 661–663.

твенное. Русская Церковь почиталась ими единой, и вступление под покровительство России в единство с Русской Церковью было возжеланным как для иерархии, так и для простого народа¹.

Для сбора необходимой информации Святейший Синод по согласованию с авторитетными в «восточных делах» иерархами (митрополитом Московским Филаретом² и епископом Тамбовским Феофаном) послал в персидское пограничье архимандрита Софонию (Сокольского). Он, выполняя в 1861–1865 годах роль эmissара к православным ассирийцам Эриванской губернии, в результате двух продолжительных поездок (1-я, главная поездка — с ноября 1861 по август 1862 года, 2-я — с августа 1864 по март 1865 года) представил в Синод замечательные по полноте справки о несторианах в Персии и Турции и об их движении к Православию³.

Следующая серьезная попытка сближения была предпринята в 1890-х годах. Инициатором ее стал ассирийский епископ Мар-Ионан (Иоаханн или Иона), имевший кафедру в урмийском селении Супурган. Получив от Мар-Ионана прошение с просьбой о присоединении его с паствой к Русскому Православию, Святейший Синод поручил Экзарху Грузии архиепископу Владимиру командировать в Урмию духовных лиц для тщательного изучения дела на месте (Указ от 29 марта 1895 г. № 1456). Выбор Экзарха пал на настоятеля Эриванского собора протоиерея Виктора Синадского. Помощником и переводчиком протоиерея Виктора стал православный священник из ассирийцев Симон Алаверанов. Поездка в Персию отца Виктора длилась полгода (с мая по ноябрь 1897 года)⁴.

¹ Так, в 1770-е гг. тогдашний несторианский Католикос желал стать союзником Грузии и России и выступить со своими войсками в войне с общим врагом — Турцией. Позже, в XIX в., в результате победоносной войны России с Персией в 1827–1828 гг., урмийские ассирийцы-несториане чуть было полностью не переселились на отошедшие к России земли Армянской области (впоследствии — Эриванской губернии). Но осуществить это сумела лишь сравнительно небольшая группа урмийцев, поселившись в 1830-е гг. в нескольких селениях близ Эривани. Вскоре же по переселении они присоединились к Православию и составили отдельные ассирийские (айсорские) приходы в Эриванской губернии, подчиненные русскому архиепископу — Экзарху в Тифлисе. Над обустройством и просвещением этих приходов впоследствии, в 1860-е гг., потрудились «Общество восстановления Православного Христианства на Кавказе». См.: *Эйвизов П.* Некоторые сведения о селе Койласаре и об айсорах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 284–326; Обзор деятельности Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910.

² Мнения митрополита Филарета (Дроздова) «о несторианах» в делах РГИА, ф. 797, оп. 29, д. 347, лл. 123–124 об.; д. 347-6, лл. 98–103 об., 128–131. См. также: Собрание мнений и отзывов Филарета, митрополита Московского и Коломенского... М., 1887. Т. V. Ч. 1. С. 74–75, 324–338, 418–421.

³ Главный отчет архимандрита Софонии содержится в деле Архива Св. Синода (РГИА, ф. 796, оп. 140, д. 968); См. также: ф. 797, оп. 29, д. 347. На основании собранных сведений епископ Софония впоследствии издал замечательный труд: Современный быт и литургия христиан инославных наковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии... СПб., 1876. VII. Об этой же поездке к несторианам архимандрита Софонии см.: *Титов Ф. И., священник.* К вопросу о присоединении сирохалдейских несториан к Русской Православной Церкви. Киев, 1900. С. 1–63.

⁴ *Восторгов И., протоиерей.* Православие в Персии (Необходимое разъяснение) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1901. № 51–52. С. 1879–1880.

По возвращении из командировки протоиерей Виктор представил в Святейший Синод подробнейший доклад о поездке¹. Именно материалы, собранные в Урмии отцом Виктором, побудили Синод принять окончательное решение о воссоединении урмийских ассирийцев с Православной Церковью. Указом Святейшего Синода от 17 марта 1898 года прошение ассирийского епископа Мар-Ионана о присоединении его с паствой к Русской Церкви было удовлетворено². Профессором Санкт-Петербургской Духовной академии В. В. Болотовым для этого случая был даже составлен особый Чин присоединения несториан к Православной Церкви³.

В праздник Благовещения Пресвятой Богородицы, 25 марта 1898 года, в столице Российской Империи Санкт-Петербурге в Свято-Троицком соборе Александро-Невской Лавры состоялось торжественное присоединение епископа Мар-Ионана, архимандрита Илии Армудачагского, священника Давида Вениаминова, священника Георгия Беджианова, священника Сергия Бадалова и диакона Якова Бабаханова к Православной Церкви⁴.

Так говорилось в журнале «Русский паломник» за 1906 год (№ 40. С. 640) о цели миссии: «Назначение миссии — служить перевоспитанию сирийцев, коренного населения Урмии, на началах Православия и возможно полному объединению их с русскими братьями по вере». Несмотря на многие неблагоприятные условия, среди которых приходилось работать миссии, она осознанно и с великим успехом выполняла свои главные задачи — богослужебную, просветительскую и благотворительную.

Российская Православная миссия в Урмии была учреждена определением Святейшего Синода от 26 марта 1898 года (№ 1121). Целью самой молодой из зарубежных миссий Русской Церкви являлось оказание содействия епископу Мар-Ионану в деле утверждения Святого Православия как среди его паствы, так и миссионерская деятельность среди остальной части ассирийцев Урмийской области. Первым начальником Урмийской миссии был назначен недавний выпускник Санкт-Петербургской Духовной академии иеромонах (с 1890 года — архимандрит) Феофилакт (Клементьев). Помимо него в первый состав миссии вошли: протоиерей Виктор Синадский, два иеромонаха — Анатолий (Мостинский) и Тихон (Мурайченко), монах Вячеслав (Маршалек), эриванский ассириец диакон Михаил Саргизов и псаломщик Василий Мамонтов⁵.

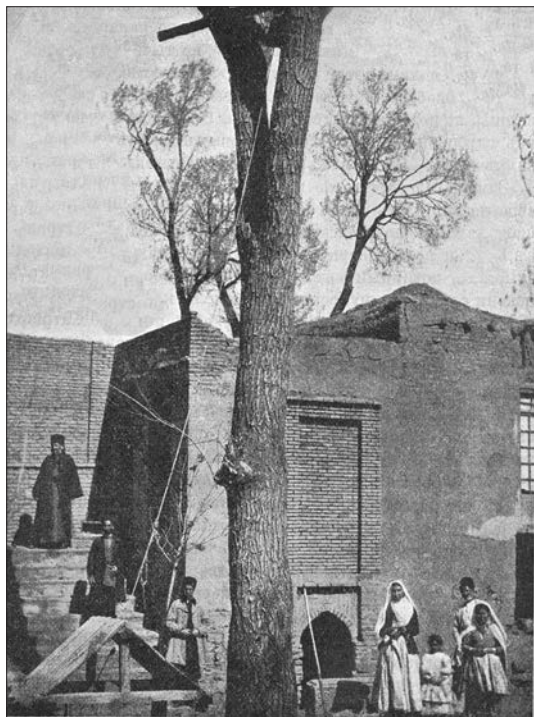
¹ Доклад и материалы, собранные священником В. Синадским и представленные Экзархом архиепископом Владимиром в Синод, находятся в деле Архива Св. Синода (РГИА, ф. 796, оп. 165, д. 1663).

² См.: Определения Святейшего Синода от 17–21 марта 1898 г. № 1017, о воссоединении сирохалдеев-несториан с Православной Церковью // Церковные ведомости. СПб., 1898. № 13. С. 67–70.

³ См.: Исповедание Веры, произнесенное в присутствии Святейшего Синода епископом Супурганским Ионою // Церковные ведомости. СПб., 1898. С. 70–75; *Восторгов И., протоиерей*. Православие в Персии (Необходимое разъяснение) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1901. № 51–52. С. 1880–1881.

⁴ Подробное описание Чина присоединения несторианских депутатов и связанных с этим торжеств см.: *Синадский В., священник*. Новое Торжество Православия: присоединение несториан к Православию (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник, 1898. № 13. С. 453–456; Присоединение к Православной Церкви из несторианского вероисповедания епископа Супурганского Ионы и других состоящих при нем клириков. СПб., 1898. С. 1–63.

⁵ См.: *Александр (Заркешев), игумен*. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА. 2001. (кандидатская диссертация, машинопись). С. 76–77.

*Древнейший храм
Март (Мат)-Мариам в Урмии*

Первые шаги жизни и деятельности народившейся Урмийской Православной миссии при первом ее начальнике отце Феофилакте были очень трудны. Не было у миссии собственного дома, приходилось нанимать помещение у сирийцев, живущих в городе; православного храма тоже не было, пришлось приспособлять для православных служб позже освященную несторианскую Март (Мат)-Мариамскую церковь, весьма тесную и неудобную. Миссионеры не были знакомы с местным сирийским (айсорским) языком, и потому в деле проповеди и в беседах с сирийцами являлась необходимость прибегать к помощи переводчика Михаила Саргизова. Что же касается совершения церковных служб на сирийском языке, то миссионеры использовали такой способ: со слов пере-

водчика записывалась на сирийский язык русскими буквами необходимая служба, которая по этим записям и служилась. Так продолжалось, пока миссионеры не научились читать, писать и говорить по-сирийски¹.

Доброе отношение Ирана к северному соседу сохранилось при преемнике Насер ад-Дин-шаха — Музаффар ад-Дин-шахе (1896–1907). Традиционная опора на собственные мировоззренческие ориентиры и национальные духовные ценности неизменно давала официальным русским представителям обнадеживающие и долговременные результаты, значительно укреплявшие уважение иранцев к России². За начальный период своего существования в Урмии миссия совершила присоединение к Православию приблизительно 15 тыс. ассирийцев, включая духовенство³.

Главной задачей миссии из трех, отмеченных выше, — являлась богослужбная. Храм — лучшая школа христианина, особенно начинающего,

¹ Громцев В., священник. Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. № 9. С. 186.

² Базиленко И. В. Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двухсторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПбГУ Восточный факультет. СПб.: Студия НПИ-Принт, 2011. С. 63.

³ В числе прочих к Православию присоединился несторианский епископ Мар-Савришо Авраам, родом из пограничной с Турцией области (скончался в мае 1913 г. с титулом епископа Марсаргизского). Кроме того, к Русской миссии обращался сам Патриарх Мар-Шимун Рувел, и об этом отец Феофилакт доносил Синоду. См.: Дяконовский Д. Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // Странник. СПб., 1902. Т. I. С. 472–473.

и духовная потребность возрождающегося во Христе сирийского народа должна была удовлетворяться, прежде всего, в храмах. В 1900 году от персидского шаха Музаффера ад-Дин-шаха в г. Урмия в дар был получен участок земли, где по проекту и под наблюдением монаха Вячеслава (чеха по национальности и инженера по образованию) были сооружены само здание миссии с прекрасной пятикупольной церковью Святителя Николая¹ рядом с древней несторианской церковью Март (Мат)-Мариам². Хотя позже храм был разрушен, цокольный этаж его сохранился до настоящего времени.

Но, несмотря на многие достижения, деятельность первого состава миссии проходила не совсем удачно. Главным камнем преткновения, препятствовавшим успеху миссионеров, стали настроения и распри между самими членами русской миссии, особенно в период с осени 1900 по лето 1901 года. Все это было на руку инославным миссионерам, в особенности американским, которые при случае распускали между сирохалдейцами и мусульманами весьма нелестные (как оказалось позже, достаточно обоснованные) отзывы о русских миссионерах. Надо заметить, что вражду среди сотрудников миссии и среди иранской паствы постоянно искусно поддерживал и подогревал британский консул в Урмии А. Парри.

Еще одним существенным недочетом миссии явилась плохая организация высшего церковного управления в Урмии, когда во главе всех новообращенных в Православие был поставлен епископ Мар-Ионан, не имевший в Урмии безусловного авторитета³, из-за чего, по-видимому, не сразу вошли в единение с Православием многие желавшие этого. Таким образом, неудачный состав первой миссии значительно поколебал начатое дело, и следующему новому составу с большим трудом пришлось исправлять неблагоприятное впечатление после первых двух лет работы миссии⁴.

5. Расцвет деятельности Урмийской миссии

Второй состав Урмийской миссии по многим критериям отличался от предыдущего в положительную сторону. Возглавил ее опытный и энергичный архимандрит Кирилл (Смирнов), будущий митрополит и один из кандидатов на Патриаршество на Всероссийском церковном соборе 1917 года. Тщательно были подобраны и его сотрудники: помощником начальника миссии стал иеромонах Сергей (Лавров), окончивший в 1902 году вторым по списку Санкт-Петербургскую Духовную академию, членами миссии назначены священник С. Бадалов, диакон А. Тихонов, кандидат богословия

¹ Храм был разрушен курдами после летнего наступления турецких войск в 1918 г.

² См.: *Диаковский Д.* Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // *Странник*. СПб., 1902. Т. I. С. 477–479; *Мальцев А. П., протоиерей*. Православные церкви и русские учреждения за границей (Справочник с календарем). СПб., 1906. С. 408–409.

³ Южная часть Урмийской области, имевшая прежде епископом Мар-Гавриила, не желала управления Мар-Ионана. Впоследствии Синод исправил этот недочет, возведя во епископы архимандрита Илию, бывшего кандидатом во епископы еще в несторианстве. См.: Первое общее собрание членов Урмийского Кирилло-Сергиевского Православного Братства // *Церковные ведомости (прибавления)*. СПб., 1905. № 9. С. 386–387.

⁴ См.: *Стефан (Садо), иеромонах*. Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // *Христианское чтение*. СПб., 1996. № 13. С. 82.

И. Я. Иванов. Из старого состава были оставлены хорошо себя зарекомендовавшие диакон Михаил Саргизов и псаломщик Василий Мамонтов, в октябре 1902 года рукоположенный во диаконы. Позже, в 1903 году, к ним присоединились иеромонах Ювеналий (Масловский) и три послушника Балаамского монастыря, из которых выделялся своим усердием Сергеев, в январе 1904 года постриженный в монашество с именем Виталий и рукоположенный в иеродиаконы¹.

По прибытии в Урмию в конце августа 1902 года архимандрит Кирилл приступил к активной деятельности: при нем упорядочилась богослужебно-литургическая жизнь², была создана переводческая комиссия по переводу православных книг на классический сирийский язык³, открыта типография⁴. Православной миссией были налажены доброжелательные отношения с другими инославными миссиями. Также были налажены добрые отношения с Генеральным консулом в Тавризе⁵.

Усилиями отца Кирилла в 1903 году для содействия Русской миссии в Урмии было открыто Российское вице-консульство⁶, а в Петербурге под покровительством Императрицы Марии Федоровны создано Кирилло-Сергиевское Урмийское Братство для привлечения к миссии внимания русского общества. Усилиями Братства для Урмийской миссии покупалась утварь, книги, собирались финансовые средства⁷.

«Главное же это то, что миссионеры вели безупречный образ жизни, который прежде всего в чужой стране бросается в глаза и друзей, и недоброжелателей и сопутствует проповеди миссионеров»⁸. Деятельность архимандрита Кирилла в Урмии была недолгой, в 1904 году он назначается епископом Гдовским, викарием Санкт-Петербургского митрополита. Впоследствии, уже в епископском сане, он привлекался к делам Урмийской мис-

¹ Православная Духовная миссия в Урмии (по отчету за время с сентября 1902 по август 1903 г.) // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 27. С. 1013.

² До того среди урмийского духовенства царил конфессиональный разброд, не существовало почти никакой дисциплины, подчинения епископу, правильного ведения приходских дел; некоторые священники бродяжничали по России, собирая в свою пользу милостыню и бросая свои приходы.

³ Собрание духовенства 26 сентября 1902 г., созданное по распоряжению начальника миссии, постановило о переводе православных богослужебных книг на древнесирийский язык вместо нового разговорного. Переводческая комиссия начала трудиться 3 октября 1902 г.

⁴ См.: Собственноручный отчет Урмийской миссии с сентября 1902 г. по август 1903 г., составленный архимандритом Кириллом (РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, лл. 3–27); Православная Духовная миссия в Урмии (по отчету за время с сентября 1902 г. по август 1903 г.) // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 27. С. 1014–1018.

⁵ См.: Православная миссия в Урмии к 1912 году // Православный благовестник. М., 1912. Т. I. № 6. С. 251–257.

⁶ К сожалению, впоследствии отношения миссии с урмийским вице-консульством не всегда были доброжелательными, а иногда выливались в конфликты (например, с вице-консулом Л. Михайловым в 1905–1906 гг.).

⁷ Например, в 1905 г. Братством в Берлинской библиотеке и во Французской Национальной библиотеке в Париже были заказаны снимки с православных сирийских (мелькитских) рукописей для их препровождения в Урмийскую миссию для переводческой комиссии.

⁸ *Стефан (Садо), иеромонах.* Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. СПб., 1996. № 13. С. 84.

сии (ревизовал ее в 1907 году и участвовал в обсуждении положения ее дел в Святейшем Синоде).

Самым плодотворным и результативным был период третьего состава миссии, хотя из российских сотрудников постоянно в Урмии находилась только ее начальник — архимандрит (с декабря 1913 года — епископ) Сергей (Лавров), бывший до этого помощником начальника миссии, проявивший себя в этом служении с самой лучшей стороны и пользовавшийся безусловным доверием.

*Последний состав Урмийской миссии.
В центре епископ Сергей, справа от него архимандрит Пимен, слева —
иеромонах Димитрий, по краям о. иеродиакон и священник Мамонтов*

Помимо отца Сергия в третий состав миссии вошли: иеромонах Пимен (Белоликов), выпускник Киевской Духовной академии, направленный в 1904 году на усиление миссии (а также в 1904–1911, 1912–1914, 1916–1917 годах); иеромонах Корнилий (Соболев), долгое время заведовавший Урмийским городским училищем, а также получивший широкую известность благодаря переводам с древне-сирийского языка (1904–1907 годы), ученые иеромонахи Сергей (Шемелин) — 1904–1905 годы, Алексей (Кузнецов) — 1908 год, Антоний (Марценко) — 1914–1915 годы. Неизменным тружеником миссии оставался диакон Василий Мамонтов, в 1908 году рукоположенный во священники. Очень дельным и полезным в Урмии был также иеродиакон (с 1911 года — иеромонах) Виталий (Сергеев) из присланных в 1903 году в миссию Валаамских послушников, работавший в миссии до самого исхода в 1918 году. Помимо этого на службе в миссии состояло много коренных ассирийцев, обращенных в Православие и усердно трудившихся для укрепления дела миссии на поприщах священническом, учительском, переводческом, типографском. Особенно хорошо себя проявили: диакон Михаил Саргизов, иеромонах Григорий (Ушанов), священник Елисей Даниилов, диакон Авраам

Иосифов, священник Моисей Геваргизов, священник Авдий Георгиев, Анна Бадалова (заведующая городской школой для девочек), священник Ионан Геваргизов, священник Александр Алхасов и другие.¹

Отец Сергей (Лавров) вскоре по прибытии в Урмию (в 1902 году) освоился с ассирийским народным языком и книжным классическим настолько хорошо, что легко общался со своими пасомыми, участвовал в переводческой деятельности, а впоследствии был для урмийцев очень значимой и авторитетной фигурой². При нем на территории Духовной миссии было завершено строительство ее главного корпуса. По урмийским селениям было обустроено более сорока православных храмов. Все эти храмы были построены по православному плану — с престолом посреди алтаря, жертвенником и завесами на отверстиях алтарной стены. Богослужения совершались миссионерами неукоснительно. Чтобы не оставлять сирийцев без слышания Слова Божия, миссионеры и местные священники сами ходили в сирийские села для совершенных богослужения и проповеди в местных храмах.

Миссия не забывала и о своей просветительской задаче. Было открыто практически во всех православных селениях, в целом, свыше шестидесяти церковно-приходских школ с 2500 учащихся обоего пола³. В Урмии были учреждены семиклассное училище для мальчиков⁴ и трехклассное для де-

*Новосооружаемая в г. Урмия
церковь во имя св. Иоанна Предтечи*

¹ См.: Александр (Заркешев), игумен. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА. 2001. (кандидатская диссертация, машинопись). С. 78–79.

² Министр иностранных дел граф Ламздорф, сообщая товарищу обер-прокурора Св. Синода В. К. Саблеру о неимении со стороны МИД препятствий к назначению игумена Сергея начальником миссии, писал: «Позволяю себе выразить надежду, что игумен Сергей приложит все старания к тому, чтобы управлять вверенной ему Духовной миссией столь же успешно, как его предместник, и предупреждать повторение печальных и в высшей степени вредных с точки зрения обаяния русского имени явлений, происходивших в Урмии до прибытия туда архимандрита Кирилла». См.: РГИА, ф. 796, оп. 184, д. 2839, л. 135 (отношение от 3 июня 1904 г.).

³ Громцев В., священник. Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. № 9. С. 192.

⁴ В последние предвоенные годы оно являлось гордостью Русской миссии и на его выпускников справедливо возлагались большие надежды в деле тесного приобщения народа к Православию. Семиклассное училище представляло собой учебное заведение по типу русских семинарий, лишь с некоторыми отличиями. Выпускники его, а выпусков до 1914 г. было по 40 и более человек, могли по направлению Синода поступать сразу в 5 и 6 классы российских семинарий. Из выпускников училища получались ревностные работники миссии, образованные священники и учителя. См.: Пимен (Белоликов), архимандрит. Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 38. С. 2089.

вочек, готовившее педагогов для сельских женских школ и образованных христианских супругов и матерей¹. Преподавание всех предметов в училищах и школах велось на сирийском языке, хотя учащиеся знакомились как с русским, так, в особенности, и со славянским богослужебным языком.

Как уже отмечалось, Российская Духовная миссия с первых месяцев своего существования столкнулась с проблемой языка и чина богослужения новообращенной паствы. Разговорный язык урмийских ассирийцев — новосирийский — довольно сильно отличался от языка сирийского классического, на котором совершалось богослужение в Ассирийской Церкви Востока (несторианской) на протяжении полутора тысячелетий ее существования. Западные миссии, действовавшие в Урмии задолго до прихода Русской миссии, имели некоторый опыт в этом вопросе. Вначале Русская миссия отчасти использовала этот опыт. И лишь с 1902 года, по прибытии второго состава миссии, богослужебное дело было определено как первостепенное, и ему уделялось повышенное внимание. Было решено обучать православных ассирийских священников по чину и порядку, каким оно совершается в Русской Православной Церкви. Для этого в домовом храме миссии было заведено ежедневное богослужение, которое совершали священники, приглашаемые поочередно из различных урмийских приходов. Кроме того, было принято решение перевода богослужебных книг не на новый, разговорный, а на старый сирийский язык, освященный молитвенной традицией многих веков. Основную роль здесь сыграла стойкая традиция ассирийцев почитания сирийского (арамейского) языка, как родного языка Господа нашего Иисуса Христа, языка Его земной проповеди.

И для Церкви, и для школы, и для обычного наставления в истинах Православной веры миссии были необходимы книги. Поэтому вставала еще одна сложная задача — издательская. Она вставала настоятельно еще и потому, что в этих вопросах русская миссия чувствовала тяжелую зависимость от американской инославной миссии. Американцы ведь брали с русских священников двойную плату за предоставляемые им свои издания. И даже совсем могли прекратить продажу книг, когда видели, что православной миссии они особенно нужны. Эти обстоятельства, с другой стороны, способствовали успехам собственной издательской деятельности в миссии.

Следует отметить и благотворительную деятельность миссии. Несмотря на огромные расходы по удовлетворению духовных нужд православных сирийцев, миссия оказывала им, где было возможно, также и материальную поддержку. При этом, как подчеркивает священник В. Громцев, — «необходимо отметить то, что новоизбранные сирийцы не привыкли, например, к тарелочным и кружечным церковным сборам, к заказным молебнам и панихидам и т. д. Приходилось наблюдать такую картину: в день Крещения Господня в одном селении собралось на водоосвящение до 1000 православных сирийцев. И что же? Ни один из них не пожертвовал на блюдо в пользу Церкви ни одной копейки, никто не купил и не поставил пред иконой хотя бы копеечной восковой свечки»².

¹ См.: *Всесвятский П. Н.* Урмийская Православная миссия // *Русский паломник.* СПб., 1906. № 40. С. 641.

² *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // *Православный благовестник.* М., 1914. № 9. С. 191.

Благодаря самоотверженности и твердости отца Сергия дело утверждения бывших несториан в Православии постепенно продвигалось и, в конце концов, стало на твердую почву. Миссия оказывала свое русское православно-христианское влияние не только на сирийцев-христиан, но и на мусульман. Сначала крестился один мулла и один курд, потом еще два, потом шестеро и мулла, потом 12 мусульманских семейств. Очевидцы отмечали, что им редко доводилось видеть такую святую радость, какую испытывали эти бывшие мусульмане после совершения над ними Таинства Крещения: с каким благоговением лобызали они в храме миссии святые иконы, с каким умилением подходили они, бывшие поклонники Магомета, за благословением к священнослужителям миссии.

25 марта 1913 года в день Благовещения Пресвятой Богородицы миссия праздновала 15-летие своего существования. Ввиду важности Урмийской Духовной миссии в ноябре 1913 года Государь Император Высочайше утвердил доклад Святейшего Синода о возведении начальника миссии архимандрита Сергия во епископа с титулом «Салмасский». Особой торжественностью отличалась встреча Владыки Сергия в новом сане в Урмии. Встречали Владыку в 20 верстах от города. Его встречали русские военные отряды, выстроенные шпалерами, гремела музыка. В отрядных церквях Владыку ждали отрядные священники, приветствуя его краткими речами, служили краткие молебны, после которых Владыка сам говорил речи и благословлял чинов отряда. Радостно встречали Владыку сирийцы, улицы и плоские крыши домов были запружены народом. Возведение в епископский сан начальника Урмийской миссии считалось событием особой важности в истории Русской Церкви и, особенно, — Сирийской.

Таким образом, теперь миссия, имея во главе епископа, с увеличением своего состава и при наличности русских отрядов в Азербайджане, занимала, безусловно, первенствующее положение среди других миссий в Урмии. Однако судьба распорядилась иначе. Грянули война и революция...

6. Испытания

Успехи миссии были очевидны. Но, понятно, что внешние силы не хотели допускать укоренения Православия на землях Персии и противодействовали этому всеми силами, например, организуя грабежи и разбой с помощью курдов. И, вообще, период с 1904 по 1908 год для миссии был очень трудным¹. Особенно он был связан с тем ударом, который нанесла по авторитету России, покровительницы миссии, неудачная война с Японией и вызванные ею революционные события в России и, в частности, — в Закавказье. Как известно, революция перекинулась и на Персию: в Тавризе и в Азербайджане власть долгое время находилась в руках революционеров.

Особо тяжелое испытание пережила миссия во время революционного брожения в персидском Азербайджане, когда курды начали творить грабежи и насилие по отношению к христианскому населению Урмии (1908–1910 годы). По настоянию начальника Русской Духовной миссии и вице-консула в 1909 году в Урмию прибыла сотня казаков из Тавризского сводного отря-

¹ В отчете за 1907 г. архимандрит Сергей писал: «1907-й год, в общем, больше год разочарования, чем успеха и надежды» (РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 8246, лл. 2–14).

да, а в 1911 году были введены регулярные части, после чего дело миссии успешно продвигалось дальше.

Не стоит забывать, что в Хосрове уже давно существовала католическая миссия, и поэтому русским священникам приходилось противостоять пропаганде католицизма и провокационным выходкам католических миссионеров. Испытание для Православной миссии заключалось время от времени в урегулировании противодействия, возникавшего со стороны инославных миссий (пресвитерианской и католической), выступавших с обвинениями в печати, интригами, недоброжелательством по отношению к русским миссионерам. Англиканская миссия всячески стремилась противодействовать переходу несториан в Православие и до конца 1910 года успешно настраивала несторианского Патриарха против России. Такое спланированное сопротивление сильно расшатывало влияние на паству православных миссионеров.

Кроме того, англиканская миссия стремилась всячески возродить и поддержать в Урмийской области несторианскую партию, которая с помощью шахского правительства попыталась даже отобрать у православных все бывшие несторианские храмы (в том числе и городскую Март (Мат)-Мариам), но, благодаря энергичным усилиям архимандрита Кирилла и российского консула в Тавризе, эта опасность миновала.

Было время, когда у начальника миссии не складывались отношения с урмийскими епископами Мар-Иоанном и Мар-Илией, переходившие в отдельные периоды (особенно в 1905–1907 годах) в состояние взаимного противостояния с жалобами в Синод друг на друга¹.

Русские миссионеры жаловались на беспринципность и стремление к материальной выгоде со стороны урмийских епископов, из-за чего расстраивались многие планы миссии.

7. Миссия на защите христианства в трагические 1914–1918 годы

С началом Первой мировой войны, в которой Россия и Турция, как известно, были противниками, ассирийцы, вне зависимости от конфессиональной принадлежности, выступили на стороне России. Были сформированы ассирийские добровольческие дружины, которые с оружием в руках воевали против турецких войск и курдов, вырезавших христианское население.

Несмотря на сложное положение, миссия просуществовала с сентября по декабрь 1914 года, вплоть до отступления казачьих частей к северу в

¹ В период работы в Урмии Русской миссии церковно-административная ситуация не оставалась неизменной. До 1904 г. все православные селения в Урмии подчинялись епископу Мар-Иоанну Супурганскому и Урмийскому. После посвящения в Петербурге в январе 1904 г. Мар-Илии во епископа Тергяварского, Синод определил, чтобы ему подчинялась южная, Барандузская часть Урмии, епископу Мар-Иоанну — северная, Назлучайская часть, а епископу Мар-Аврааму — селение Марсаргиз. См.: Наречение и хиротония во епископа сирохалдейского архимандрита Илии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 5. С. 174–177. После кончины Мар-Иоанна в 1910 г. Мар-Илия управлял епархией Супурганской и Урмийской. К этому времени начальник миссии архимандрит Сергей уже не считал возможным все управление отдать в неподведомственные миссии руки. С 1914 г., когда Сергей стал первым русским епископом в Урмии (титул — «Салмасский»), он желал все управление православной паствой взять в руки миссии.

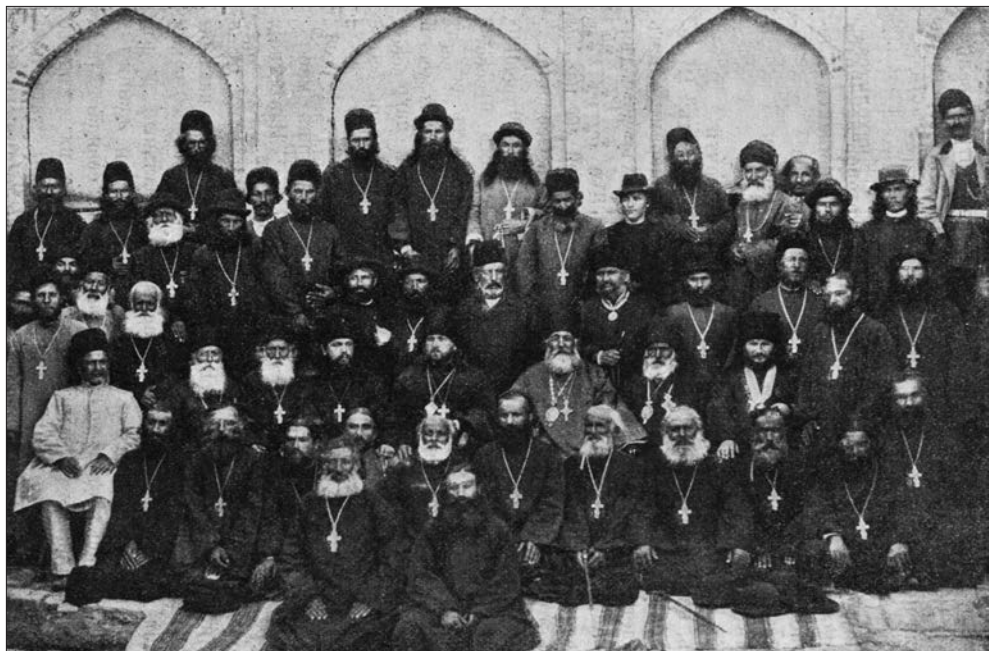
сторону России¹. Урмийская область оказалась без прикрытия войсками, а поскольку приказ об отступлении до самого последнего момента оставался тайным, то тысячи христиан в Урмии остались под угрозой полного истребления со стороны фанатичных мусульман, которые объявили «священную войну» против христиан. Беспорядочное бегство в сторону России свыше десяти тысяч урмийцев приняло хаотический характер. Часть ассирийского народа, не успевшая бежать и оставшаяся в Урмии и в селениях, была уничтожена курдами и турками, причем на некоторых убитых были явные следы мученичества: так, например, православный епископ Мар-Илия после истязаний был выкуплен у мусульман под огромный залог (12 тыс. рублей); епископ Мар-Дынха расстрелян турками вместе со многими другими христианами; позже в г. Урмия было убито до 50-ти молодых христиан; в селении Абдула-Канди священник отец Моисей был курдами изрезан кинжалами за отказ принять мусульманство; в селении Диза-Гакля православный священник отец Иоанн пригвожден ко кресту; другой священник отец Зайя сожжен в храме; несторианский епископ Мар-Гавриил сожжен заживо со своими 12-ю спутниками; также сожжены были 14 сирийцев селения Шейбани; православного священника селения Назлу отца Сархоша Георгиева обезобразили, отрезав ему уши, бороду и нос; всего из числа православного клира — 14 священников ушли в Россию, 3 — убиты мусульманами и 10 умерло от болезней и нужд². Множество христианских храмов было обращено в конюшни.

В декабре 1914 года миссия была эвакуирована в Закавказье — Тифлис и Эриванскую губернию. После весеннего наступления Кавказского фронта в 1915 году миссионеры вновь вернулись в Урмию, где нашли все свое имущество разграбленным. Что же касается православной паствы, то ситуация была совершенно трагической: многие погибли, другие рассеялись и все вообще нищенствовали и голодали. Таким образом, после возвращения из эвакуации Духовная миссия в Урмии уже не могла продолжать свою деятельность. Вся предыдущая миссионерская деятельность (образовательная, издательская, переводческая) была прекращена. Теперь первоочередной задачей миссии было духовное окормление оставшейся паствы и русских войск, оказание помощи многочисленным ассирийцам — горцам из Хаккарии, бежавшим вместе с Патриархом Мар-Шимуном от зверств, чинимых турками и курдами.

В эти поистине подвижнические времена начальником миссии был назначен уже потрудившийся в Урмии архимандрит Пимен (Белоликов), воз-

¹ Так, на вопрос епископа Сергия, можно ли ассирийцам ввиду возникшей военной опасности отправлять семьи свои в Россию, а также как быть Урмийской миссии в данном случае, наместник на Кавказе граф Воронцов-Дашков отвечал, что наличные силы в Урмии достаточны для защиты этого округа. Представитель Министерства иностранных дел также считал целесообразным оставаться христианам-урмийцам на месте: «что касается Духовной миссии, то ей надлежало бы оставаться в Урмии по примеру иностранных миссий, которые решили разделить тяготы войны со своей паствой до последней крайности». Обер-прокурор Саблер в телеграмме епископу Сергию также соглашался с нежелательностью выезда миссии из Урмии. См.: РГИА, ф. 797, оп. 84, д. 149, 2 отд., 3 стол, л. 49.

² Примеры этого приведены в статье: *Пимен (Белоликов), архимандрит. Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера)* // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 38. С. 2086; № 39. С. 2102–1204, 1206.

*Сирохалдейские православные священники
с архимандритом Феофилактом в центре*

веденный впоследствии в сан епископа. При нем в течение 1915—1916 годов состоялось несколько встреч с Патриархом Мар-Шимуном, но это, конечно, были не богословские собеседования, а, прежде всего, обсуждение вопросов, чем Россия и миссия могут помочь голодающему и погибающему народу. К тому же епископ Пимен пробыл в Урмии недолго (с октября 1916 по сентябрь 1917 года). В условиях военного времени средств на содержание миссии катастрофически не хватало. В итоге миссионеры, сами терпящие лишения, не были в состоянии помочь всем нуждающимся¹. В сентябре 1917 года епископ Пимен, назначенный на епископскую кафедру в город Верный (современный Алматы; г. Верный в своем статусе просуществовал с 1867 по 1921 год), покидает Урмию. Миссию вплоть до 1918 года фактически возглавляет священник Василий Мамонтов.

После февральской революции, а особенно с лета 1917 года, русская армия на Кавказе, столь сильная и грозная для врага прежде, стала разлагаться буквально за считанные месяцы. Как только большевики объявили свой сепаратный мир, армия хаотически стала отходить, из-за чего весь Кавказский фронт рухнул, столь значительные завоевания русских армий пропали, а турки захватили Закавказье, принеся горе тамошнему христианскому населению (армянам и грекам). Для Урмии это обернулось еще

¹ Начальник миссии слал в Синод отчаянные телеграммы: «Урмийская миссия, служа России вблизи района войны, доселе остается без всяких средств. Положение критическое. Вынуждаюсь требовать немедленной помощи русскому делу в Персии (от 24 апреля 1917 г.)»; «Выручите меня из Урмии. Положение невозможное. Рубля персы не берут. Миссионерская деятельность невозможна. Лучше псаломщиком в Россию, чем епископом в Урмию» (от 14 июля 1917 г.). РГИА, ф. 796, оп. 193, д. 1395, лл. 189, 183, 241.

большей катастрофой, чем в 1915 году. Летом 1918 года натиск регулярных турецких сил уже не могли остановить немногочисленные ассирийские дружины, и все христианское население Урмийской области было вынуждено выступить и двигаться на восток в сторону Хамадана под защиту английских войск. В этом страшном переходе погибла значительная часть ассирийцев — урмийцев и горцев¹.

Православная миссия — ее уцелевшая часть — отступила вместе со всем народом. Из русских миссионеров оставались в ней иеромонах Виталий, священник Василий Мамонтов и диакон Федор Пиденко. Священник В. Мамонтов, не выдержав тягот перехода, скончался в Хамадане в августе 1918 года. Из Хамадана англичане большую часть ассирийцев перевезли в Ирак, где они поселились в Багдаде, Бакубе и в районе Мосула. Уже оттуда в 1920-е годы часть урмийцев вернулась в свою область в Персии. Остатки православной урмийской паствы в 1920–1930-е годы имелись в Урмийской области, в Тавризе, в Тегеране, в Багдаде, в Мосуле и в других городах. Православными ассирийцами в Урмии управлял до смерти в декабре 1928 года епископ Мар-Илия, в ведении которого было несколько священников. Подчинялся Мар-Илия епископ Урмийский Русскому Заграничному Синоду в Сербии. Вскоре в Урмийской области совсем не осталось православных священников.

Исходом православной паствы из Урмии в Хамадан в июле 1918 года заканчивается собственная история Российской Урмийской Духовной миссии.

Выступление архиепископа Константина на Тегеранской конференции, 2004 г.

¹ Ужасы этого 25-дневного перехода и события до 1922 г. изложены в докладе иеромонаха Виталия митрополиту Антонию. ГАРФ, ф. 4363, д. 261, лл. 2–5.

*Архиепископ Константин и профессор Базиленко И. В.
на Тегеранской конференции, 2004 г.*

В настоящей статье представлена лишь краткая канва событий, связанных с годами ее существования. Внешне не яркая, не сопровождающаяся громкими успехами, Урмийская миссия заслуживает внимательного изучения и осмысления, как и всякое иное событие в истории Христианской Церкви, в котором явлен был Божий промысл. За время своего трудного восхождения, за время своего духовного сеяния Урмийская миссия подготовила условия для прорастания этого своего посева. Если бы не трагические времена, из урмийцев смогло бы получиться достойное поколение православных священников и благодатная паства. Но богатейший опыт этого миссионерства не пропал даром. Надеюсь, грядут времена, когда понадобятся свидетельства героического служения наших соотечественников, востребуется опыт их служения.

P.S. Автор этого доклада принял участие в Тегеранской конференции по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. При личной встрече Святейший разрешил мне снять со скуфы крестик на время моего пребывания в Иране, чтобы не провоцировать мусульман на конфликт. Однако в том не оказалось необходимости, поскольку в этой исламской республике докладчик встретился с исключительно доброжелательным отношением к себе на всех уровнях и даже на улице. Раздражающе моя церковная форма архиерея действовала только на западных участников конференции, которые не считали нужным скрывать свое негативное отношение к православному докладчику из Русской Православной Церкви.

Архивные материалы

Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). 1824–1825, д. 3, л. 8.

Дела Российского Государственного исторического архива (РГИА), г. С.-Петербург, фонд 796 (Канцелярия Священного Синода):

- РГИА, ф. 796, оп. 140, д. 968.
- РГИА, ф. 796, оп. 165, д. 1663.
- РГИА, ф. 796, оп. 184, д. 2839, л. 135.
- РГИА, ф. 796, оп. 185, д. 2922, лл. 3–27.
- РГИА, ф. 796, оп. 189, д. 8246, лл. 2–14.
- РГИА, ф. 796, оп. 193, д. 1395, лл. 189, 183, 241.

Фонд 797 (Канцелярия Обер-Прокурора Священного Синода):

- РГИА, ф. 797, оп. 29, д. 347, лл. 123–124 об.; д. 347-6, лл. 98–103 об., 128–131.
- РГИА, ф. 797, оп. 84, д. 149, 2 отд., 3 стол, л. 49.

Дела Государственного архива Российской Федерации (ГАРФ), фонд 4363 (Архиерейский Синод РПЦ Заграницей):

- ГАРФ, ф. 4363, д. 261, лл. 2–5.

Российский государственный архив ВМФ, ф.19, оп. 4, д. 16/456, л. 1.

Использованная литература

1. *Александр (Заркешев), игумен*. Русская Православная Церковь в Персии-Иране (1597–2001). Курсовое сочинение выпускника 1990 г. СПбДА. 2001. (кандидатская диссертация, машинопись).

2. *Алексий (Кузнецов), иеромонах*. Жизнь современных сирохалдейцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 11. С. 21–29.

3. *Алексий (Кузнецов), иеромонах*. Жизнь современных сирохалдейцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 22–30.

4. *Алексий (Кузнецов), иеромонах*. Несторианство и современное движение его в Урмии среди сирийцев // Монастырь. Нижний Новгород, 1908. № 12. С. 30–44.

5. *Базиленко И. В.* Россия и Иран: военно-политический и культурологический аспекты двухсторонних отношений в Новое время // Россия и Восток: феноменология взаимодействия и идентификации в Новое время. Коллективная монография. СПбГУ Восточный факультет. СПб.: Студия НП-Принт, 2011.

6. *Бартольд В. В.* Иран. Цит. по: История Ирана. Киев; М., 2003.

7. *Броневский С. М.* Историческая выписка о соотношениях России с Персией... РАН. Институт востоковедения СПб., 1996.

8. *Восторгов И., протоиерей*. Православие в Персии (Необходимое разъяснение) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1901. № 51–52. С. 1878–1883.

9. *Всесвятский П. Н.* Урмийская Православная миссия // Русский паломник. СПб., 1906. № 40. С. 640–642.

10. *Гимбутас М.* Славяне. Сыны Перуна. М.: Центрполиграф, 2007.
11. *Громцев В., священник.* Урмийская (в Персии) Православно-Духовная миссия // Православный благовестник. М., 1914. № 9. С. 182–197.
12. *Диаковский Д.* Заря Православия в глубине Азии (К положению Русской Духовной миссии в Урмии среди сирохалдейцев) // Странник. СПб., 1902. Т. I. С. 472–483.
13. Исповедание Веры, произнесенное в присутствии Святейшего Синода епископом Супурганским Ионою // Церковные ведомости. СПб., 1898. С. 70–75.
14. *Кирилл (Смирнов), архимандрит.* Речь начальника Православной Духовной миссии в Урмии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 8. С. 271–279.
15. *Мальцев А. П., протоиерей.* Православные церкви и русские учреждения за границей (Справочник с календарем). СПб., 1906.
16. *Мейендорф И., протопресвитер.* История Церкви и восточно-христианская мистика. М.: ДИ-ДИК; Правосл. Св.–Тихон. Богосл. ин-т, 2000.
17. Миссиология. Учебное пособие. Под. общ. ред. архиепископа Белгородского и Старооскольского Иоанна. — Белгород: Изд. Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью), 2009.
18. Наречение и хиротония во епископа сирохалдейского архимандрита Илии // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 5. С. 174–177.
19. Обзор деятельности Общества восстановления Православного Христианства на Кавказе за 1860–1910 гг. Тифлис, 1910.
20. Определения Святейшего Синода от 17–21 марта 1898 года № 1017, о воссоединении сирохалдеев-несториан с Православной Церковью // Церковные ведомости. СПб., 1898. № 13. С. 67–70.
21. Первое общее собрание членов Урмийского Кирилло-Сергиевского православного Братства // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1905. № 9. С. 384–391.
22. *Пимен (Белоликов), архимандрит.* Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 38. С. 2086–2090.
23. *Пимен (Белоликов), архимандрит.* Печальная судьба христиан Персии (Наблюдения и воспоминания миссионера) // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1915. № 39. С. 2102–2106.
24. Православная Духовная миссия в Урмии (по отчету за время с сентября 1902 по август 1903 г.) // Церковные ведомости. СПб., 1904. № 27. С. 1013–1018.
25. Православная миссия в Урмии к 1912 году // Православный благовестник. М., 1912. Т. I. № 6. С. 250–257.
26. Присоединение к Православной Церкви из несторианского вероисповедания епископа Супурганского Ионы и других состоящих при нем клириков. СПб., 1898.
27. *Сергий (Лавров), игумен.* Последние события в несторианской церкви // Церковные ведомости (прибавления). СПб., 1904. № 12. С. 421–428.
28. *Синадский В., священник.* Новое Торжество Православия: присоединение несториан к Православию (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник, 1898. № 13. С. 451–459.

29. *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 17. С. 597–601.

30. *Синадский В., протоиерей.* Среди сирохалдейцев-несториан (Из писем русского миссионера) // Церковный вестник. СПб., 1898. № 19. С. 661–663.

31. *Софония (Сокольский), епископ.* Современный быт и литургия христиан инославных иаковитов и несториан с кратким очерком их иерархического состава, церковности, богослужения и всего, что принадлежит к отправлению их церковных служб, особенно же их литургии... СПб., 1876.

32. *Спасский А.* Сирохалдейцы-несториане и присоединение их к Православной Церкви // Богословский вестник. Сергиев Посад, 1898. № 5. С. 202–243.

33. *Стефан (Садо), иеромонах.* Российская Православная миссия в Урмии (1898–1918) // Христианское чтение. СПб., 1996. № 13. С. 73–112.

34. *Титов Ф. И., священник.* К вопросу о присоединении сирохалдейских несториан к Русской Православной Церкви. Киев, 1900.

35. *Филарет (Дроздов), митрополит.* Собрание мнений и отзывов. Т. V. Ч. 1. М., 1887.

36. *Чайлд Г.* Арийцы. Основатели европейской цивилизации. М.: Центрполиграф, 2005.

37. *Эйвизов П.* Некоторые сведения о селе Койласаре и об айсорах // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис, 1884. Вып. 4. С. 284–326.

ВЫШЛА КНИГА

Громов А. В.

Государственное дело: Рассказы. — Самара: Русское эхо, 2011. — 128 с.

Громов Александр Витальевич — автор трех книг прозы: «Легкое терпкое вино» (1997), «Слава Богу за всё» (2000), «О Любви» (2003). Художественный редактор книги «Паракало» (2010).

С 1995 г. возглавляет всероссийский литературный журнал «Русское эхо».

Лауреат всероссийских литературных премий «Русская повесть» (1996) и Александра Невского (2011), лауреат Губернской премии в области литературы и искусства (2005).

В книгу «Государственное дело» вошли последние рассказы писателя.

Евгений СЕМИЧЕВ

«МОЙ САМАРСКИЙ НАРОД- БОГАТЫРЬ»

Евгений Николаевич Семичев — родился в 1952 году. Член Союза писателей России, поэт. Автор книг «Заповедный кордон», «Свете Отчий», «От земли до неба», «Российский развилоч», «Соколки русской земли», «Небесная крепь», а также многих публикаций в столичных и региональных литературно-художественных и общественно-политических изданиях России. Лауреат Всероссийской премии «Новая книга России-2002»; Лауреат Всероссийской литературной премии им. М. Ю. Лермонтова (2004); Лауреат Большой Литературной премии России (2006); Лауреат Всероссийской премии им. Расула Гамзатова (2007). **Живет в Новокуйбышевске Самарской области.**

* * *

Окошка сумрачный квадратик
Небесный преломляет свет...
Я был отчаянный лунатик
В свои пятнадцать юных лет.

Об этом знали все соседи
Из нашенского курмыша.
Я по ночам о звездах бредил.
Блуждала в небесах душа.

Пока ровесники метались
В снах эротических своих,
Я не испытывал к ним зависть
И был для них —
«кошмарный псих».

Мои ночные похождения
Меня прославили сполна.
Ко мне имела снисхождение
Вся наша местная шпана.

Я был на сырых не в обиде,
Но замечал издалика,
Когда они, меня завидев,
Крутили пальцем у виска.

...Я стал седым и сплю нормально,
В ночной не странствую глуши.
Из всех явлений аномальных
Я признаю — полет души.

Небесным светом облученный,
Я понял через много лет,
Что был с рождения обреченный
На кличку звонкую — «Поэт!»

* * *

Под церковной гулкой крышей
Обустраиваясь на ночлег,
Спит поэт Трофимов Миша —
Кроткий Божий человек.

Он обрел в церковной келье
Теплый райский уголок.
А когда встает с постели —
Задевает потолок.

На башке отметин много
Потолочный свод творит.
«То отметины от Бога», —
Миша скромно говорит.

Он о славе не мечтает.
Он с Рубцовым был знаком!
Но когда стихи читает —
Подступает к горлу ком.

В приходской воскресной школе
Миша учит детвору
По небесной Божьей воле
Милосердью и добру.

Лепит Божий раб Трофимов,
Как Господь лепил людей,
Лучезарных херувимов
И крылатых лошадей.

А однажды утром рано,
Упрекая мою спесь,
Подарил он мне барана,
Чтобы знал я, кто я есть.

Тот баран из глины рыжей
На столе моем стоит
И моим сознанием движет —
Зазнаваться не велит.

* * *

На крестный престол, на небесный простор
Господь расстелил полотенце.
Два ангела в небе ведут разговор.
Услышать их может лишь сердце.

Когда Млечный путь упирается в грудь,
Сердца открываются чуду.
Друг другу они говорят: «Не забудь!»
И вторят в ответ: «Не забуду!»

И свет не вечерний звезды вновь и вновь
Простор озаряет небесный.
И все, что вложили мы в слово Любовь,
И есть Млечный путь этот крестный.

БОГАТЫРСКАЯ ПЕСНЯ

Под сокольным крылом Жигулей
Воссиял во всю удаль и ширь
Молодецкою статью своей
Мой самарский народ-богатырь.

По плечу тебе звездный зенит.
В ноги волжская плещет заря.
По-над степью, как солнце, горит
Золотая душа волгара.

А на Волге вскрывается лед.
А в бору зазвенел соловей.
И космический первый полет
Стал заветною песней твоей.

Ты возделал небесный простор
И земной обустроил пустырь,
Как степной великан — Святогор,
Мой самарский народ-богатырь.

Ты своею могучей пятой
Путь-дорожку врагам заступил.
И сияет твой век золотой,
Словно храм, до небесных стропил.

В лихолетье войны мировой
Ты стоическим ратником был,
Героический промысел твой
Мир, спасенный тобой, не забыл.

И молитвенно Волга-река
Твой вселенский читает псалтирь,
Где Создатель вписал на века
Мой самарский народ-богатырь.

Ты отваги немеркнувший щит
И надежды негаснущий свет.
Золотыми лучами прошит
Стяг твоих легендарных побед.

Сквозь разломы прошедших веков
Лег твой путь,
 был он мглист и тернист.
В нем трагический стон бурлаков
И разбойничий разинский свист.

Дождь бурлит или валится снег,
Или злой ворожит нетопырь,
Есть у русской земли оберег —
Мой самарский народ-богатырь.

Волны бьются о берег крутой,
Запечатанный в грозный гранит.
Стала Волга засечной чертой.
Нашу звонкую славу хранит.

Когда в берег Засекин врубил
Частокол оборонной стены,
Вряд ли думал, что он застолбил
Запасную столицу страны.

Здесь святитель Алексий-пророк,
На валун водружая просвиру,
За два века до срока предрек
Мой самарский народ-богатырь.

Над великою русской рекой,
Где таился монашеский скит,
Богатырской сработан рукой,
Вольный город Самара стоит.

Он стоять будет тысячи лет
И цвести, словно Струковский сад,
И встречать соловьиный рассвет,
И ловить нежный девичий взгляд.

И ярыга, и беглый бунтарь,
И купец целовальник-упырь,
Аки всякая Божия тварь,
Мой самарский народ-богатырь.

Все степные луга и леса
За тебя челобитную бьют.
И осанну в слезах небеса
О тебе перед Богом поют.

Ты стоишь у сокольных широт,
Упираясь в небесную ярь,
Мой былинный самарский народ —
Мой родимый отец-государь.

* * *

Расскажи мне про речку Китой,
Затаенною грустью крутой,
Что кипит, как смолистый настой
Приангарской зари золотой.

Озорными глазами напой,
Как вселенские звезды толпой
Заповедной небесной тропой
На Китойский идут водопой.

Опиши грозным всплеском страниц
Буйство диких тунгусских зарниц,
Что как всполохи райских жар-птиц
В речки родины падают ниц.

Очерти под моею рукой
Мое сердце сибирской рекой.
И гремучей шаманской тоской
Вековую печаль успокой.

В этом мире я знаю один,
Что течет из былинных глубин,
Из самарских ковыльных равнин
Твой китойский приток Самарин.

Эту тайну хранит под пятой
Древний берег самарский крутой,
Где зарыт ханский клад золотой...
Расскажи мне про речку Китой.

Привет вам, цветы полевые,
В мой отчий влюбленные край.
Когда вас увидел впервые,
Проснулся в душе моей рай.

Я понял, что рай еще помню.
И поля шатровый овал,
Как щедрую руку Господню,
Создавшую вас, целовал.

Простите, анютины глазки,
Татарник, шалфей, иван-чай,
Что прежде без дружеской ласки
Я вас оставлял невзначай.

Поклон вам мой самый сердечный.
В родимой моей стороне

Своей красотой безупречной
Вы сердце утешили мне.

Я вас заключаю в объятия,
Когда на коленях стою.
Мои молчаливые братья,
Мы встретимся в Божьем раю.

Небесной согретые дланью,
Цветущие каждой весной,
Не вы ли земное признание
Всем сущим в любви неземной.

Я плачу по Родине отчей,
А вы благодарно в ответ,
Склоняясь, целуете очи
И сердцу даруете свет.

ВЫШЛА КНИГА

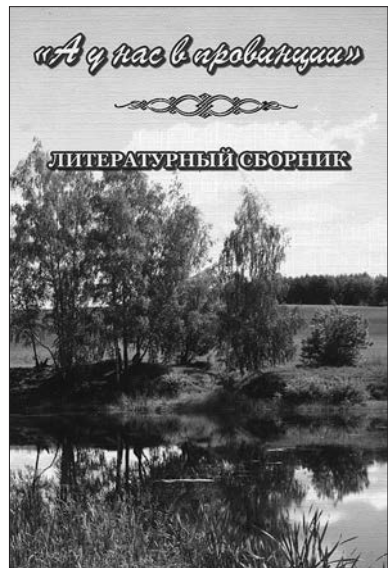
А у нас в провинции. Литературный сборник. Вязники, 2012

Сборник «А у нас в провинции» — своеобразный творческий итог шестидесятилетнего пути Вязниковского литературного объединения. Авторы сборника — люди разного возраста и профессий, работающие в различных жанрах литературы и искусства. Для одних публикация в сборнике станет первой встречей с читателями, за плечами других — заслуженное признание читательской аудитории. Каждый из авторов искренне говорит о своих чувствах ко всему, что дорого и близко, что тревожит и радует, вплетая тем самым самобытную нить своего творчества в судьбу нашей малой Родины.

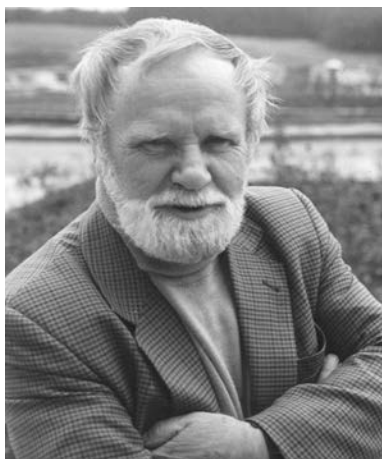
Не претендуя на статус литературного шедевра, стихи и проза сборника «А у нас в провинции» являют собой то живое слово, которое в каждом из нас раскрывает глубину собственных раздумий и переживаний. Думаю, это хороший подарок всем вязниковцам.

Желаю нашим поэтам и прозаикам вдохновения, удачи, а литературному объединению долгой творческой судьбы.

*Глава Вязниковского района
Владимир Лопухов*

Родная РЕЧЬ

Василий БЕЛОВ

О РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ЕГО РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЕ...

Василий Иванович Белов — родился в 1932 году в деревне Тимонихе Вологодской области. Учился в школе ФЗО, работал столяром, электромонтером, окончил Литинститут. Признанием его заслуг стало присуждение Гос. премии СССР, Гос. премии РФ в области литературы и искусства, награждение орденами — Трудового Красного Знамени, Ленина, «За заслуги перед Отечеством» и Преподобного Сергия Радонежского. Близ своей деревни Тимонихи он восстановил разрушенную церковь Успения. Собственноручно настилал полы, сделал по всем канонам престол, иконостас. В течение трех лет вкладывал свои сбережения в восстановительные работы. И сейчас в церкви открыт приход. **Живет в Вологде**, но часто и подолгу бывает в родной Тимонихе.

«НЕТ НИГДЕ НИ КОНЦА, НИ НАЧАЛА...»

...но есть Жизнь, непрерывная, неиссякаемая, радующая каждое земное существо, начинающаяся и кончающаяся в ее Источнике — в Боге. Трудно выразить это томящее своей невыразимостью ощущение извечности и бесконечности пугающего очевидной конечностью бытия, присущее душе каждого человека. Счастливо то сердце, которое может найти ответы и выразить все свои страхи, сомнения и восторги словами молитвы. Но есть и другие слова — высокие, мудрые слова русской литературы, которая на протяжении веков, влияя на души людей, могла просто и понятно разрешить многие духовные антиномии.

Невозможно не поверить в то, что конечна смерть, а жизнь задумана бессмертной, после таких слов выдающегося русского писателя Василия Ивановича Белова: «Весной в родимом лесу нечаянно-быстро приходит та радостно-страшная ночь, когда весь мир и вся Вселенная встают на дыбы. Жизнь и земля со своею природой выходят из своих берегов и топят душу в безжалостном счастье. Это когда постигают многие люди, что нет нигде ни конца, ни начала... Солнце выходит очень быстро. Яростно-новое, с неопределенными очертаниями, оно греет еще бледную, но густеющую с каждой минутой зелень березняка. Птицы поют взахлеб, земля продолжает сопеть и попискивать, все минутно меняет свой образ. Везде в мире жизнь и свобода, и сердце сопереживает чувство освобождения: да не будет конца свободе и радости!» Кажется только юное, стоящее у порога жизни сердце способно на такие жизнеутверждающие слова и образы. Но, как известно, тайна воз-

раста человека не в числе прожитых лет, а в его духовной зрелости, влияющей на способы миропознания.

Сегодня В. И. Белов отмечает свое 80-летие. Цифра по меркам человеческой жизни значительна. Но в сопоставлении с неиссякаемой мажорной тональностью его творчества этот возраст не страшит, но, кажется, наилучшим для богопознания, а в творчестве — для создания художественных произведений, обладающих свойством стать органичным элементом целостной Вселенной. Нет необходимости говорить об известных, достаточно полно исследованных художественных особенностях и непреходящем значении философско-поэтической прозы, мудрой публицистики, тонкой критики В. И. Белова. Но есть насущная необходимость обратиться к самому его слову, которое должно проникать в души молодых, новых жителей земли. Это слово должно стать для будущих поколений и откровением, и примером мужества, и оружием в борьбе за человеческое достоинство.

Поэтому на страницах журнала «Родная Ладога» часто публикуются произведения В. И. Белова, которого от своего имени и от имени всех наших читателей поздравляем с юбилеем. Желаем Вам, дорогой Василий Иванович, здоровья, скорой грядущей славы возлюбленной Вами России, Божией помощи во всех Ваших добрых начинаниях.

*С уверенностью в утверждении Вашего имени
на нетленных скрижалях русской литературы —
редакция журнала «Родная Ладога».*

СЮЖЕТЫ

Литература, как я ее понимаю, особенно новеллистика и драматургия, не могут существовать без сюжетов. Нерусское это слово объясняется в одном из словарей, как основное содержание литературного произведения. Но сюжет живет и здравствует не в одной только литературе. В устном народном творчестве, особенно в таком его жанре, как разговор, он, этот самый сюжет, так же необходим. Разговор бессюжетный считался в народе неинтересным, он тотчас терял свою внутреннюю энергию, слова становились пресными, приобретая чисто формальный смысл. Умные собеседники, чувствующие красоту общения и слова, тотчас хватались за рукавицы. У других же разговор продолжался, выливаясь в обычный «треп», как теперь говорят.

Душа, особенно женская, просит поэзии, творческие силы проявляются в форме приукрашивания действительного хода событий. Та или иная новость с помощью творческой фантазии собеседников приобретает новые, несвойственные ей качества, маленькая невинная добавка делает рассказ динамичным. Чаще всего все это происходит незаметно для самих участников разговора. Из таких добавок складывалась новая сюжетная интерпретация того или иного вполне банального события. Таким образом, размышляя о разговорном сюжете, вполне резонно говорить о его близком родстве с мифотворчеством. Но реальная действительность и сама всегда была весьма богата сюжетами. Далеко не во всех случаях требовалась особая фантазия и способность беседующих к сюжетному построению. Чаще всего это жизненное, действительное множество сюжетов давала бытовая, а не производ-

ственная среда. Самые увлекательные и ценимые народом сюжеты касались более всего любовных, а также семейных и родственных отношений.

Поражает излишняя экономность нашей литературы в использовании сюжетных богатств. Лишь крохотную долю реально существовавших сюжетов взяла из народной жизни классическая литература... Период, обозримый моей личной памятью и памятью близких мне людей, ограничен примерно началом первой четверти века. Но я ощущаю сейчас, что даже такой литературный гигант, как Лев Толстой, коснулся лишь нескольких социально-бытовых сюжетов, сотнями существовавших тогда в народе. Так же можно сказать и о Бунине, и о Чехове. Горький и Короленко в этом, то есть сюжетном, смысле несколько шире. Но шире отнюдь не намного. Больше того, кажется, как раз в первой четверти века родилась и широко распространилась мода на литературную бессюжетность. Многие писатели делали упор на интонационное самовыражение. В рассказе, как и в пьесе, сюжет все более вытеснялся настроением. Музыкальность и стилевое единство ценились иногда больше, чем композиционное построение, действие и сюжет.

Стоит ли спорить, что было лучше для русской литературы? Наверное, не стоит, так как для нас дорого и то, и другое. И все-таки лучшие пьесы, рассказы или новеллы как раз те, в коих есть и то, и другое. Но моя читательская горечь от неиспользования народных сюжетов удваивается, когда я читаю рассказ с явно придуманным, искусственным либо второстепенным сюжетом. Не буду приводить примеры из Чехова, Горького и Короленко, чтобы не разжигать страсти среди литературоведов и школьных преподавателей.

Сюжетное богатство народной жизни периода Гражданской войны, на мой взгляд, использовано нашей литературой тоже не очень-то по-хозяйски. Это особенно хорошо видно через посредство кино, — ведь почти все литературные произведения об этом периоде экранизированы. Одни и те же либо в разной мере сходные конфликты, ситуации, положения, темы переходят из картины в картину, от чего быстро превращаются в штампы. (И вновь, по той же причине, не хочется упоминать определенные кинокартины.)

С тем, что повторенный сюжет еще не превращает произведение в штамп, вероятно, никто спорить не будет. И все-таки подобное повторение, как и любое другое, опасно как в искусстве, так и в литературе. Особенно для начинающего или среднего таланта. Лишь гениальные писатели создают оригинальные произведения на один и тот же сюжет. (Вспомним хотя бы И. А. Крылова или А. С. Пушкина с его «Дон Жуаном».) Получается, что сюжетная новизна, необязательная для гениев, обязательна для посредственных и средних писателей... Даже заимствование литературных сюжетов художником-живописцем слегка его обедняет. Это в разножанровых видах творчества. А заимствование сюжета внутри литературного жанра и вовсе не делает чести творческой личности. (Легким отношением к подобным проблемам вполне можно объяснить и плагиат, то бишь литературное воровство.)

Известно каждому школьнику, что А. С. Пушкин отдал сюжет «Мертвых душ» Н. В. Гоголю, поскольку сам по каким-то причинам не мог его использовать. Многие писатели и помельче делились друг с другом сюжетами, но именно делились, а не использовали их втайне. Человеческая по-

рядочность в таком деле, видимо, прямо пропорциональна художественным способностям, но чем меньше способности, тем бессознательней воровство. Графоману кажется, что он не ворует, а сочиняет сам. Бессознательным плагиатом занимаются, видимо, не одни графоманы, но и подлинные писатели. Но все услышанное или прочитанное не проходит для писателя бесследно. Все запоминается и складывается куда-то в голове и в сердце. Когда, как, в какой мере, где, в каком контексте будет использована та или иная услышанная от других деталь, фраза, интонация? Писатель не знает. Да беда-то в том, что должен знать. Чем способней писатель, тем меньше он пользуется готовыми, услышанными от своих коллег образами, деталями, интонациями. Все услышанное и прочитанное начисто переплавляется в его душевном тигле, даже сюжеты, не говоря уж о словосочетаниях и прилагательных. Женщину в комиссарской кожанке среди анархистов-матросов можно написать только однажды, повторение ее у другого писателя не пойдет ей на пользу. Нельзя бесконечное число раз описывать и показывать на экране один тип, он превращается в стереотип от одного (всего одного!) повторения. На мой взгляд, именно это и случилось с каким-нибудь матросиком-анархистом или с прижимистым деревенским бородачом в жилетке и в рубахе горошком...

И СНОВА О НЕМ

О русском языке и его речевой культуре время от времени вспыхивают ожесточенные споры, иногда весьма неуместные. Частенько поводы для таких схваток создаются искусственно, а действительно важные вопросы остаются в тени либо замалчиваются. Иной спорщик «с ученым видом знатока» готов годами рассуждать о том, что правильнее: звонит или звонит. Ему и невдомек, что весь «звон» по такому поводу неуместен, что сам-то русский язык поступает мудрее и демократичнее, допуская для многих своих слов двойное ударение. Другой спорщик не менее настойчиво попытается создать теоретически спорную обстановку вокруг какой-нибудь давно устоявшейся и проверенной временем истины. Третий... Впрочем, хватит и этих двух. Их вполне достаточно, чтобы заварить очередную свару, спровоцировать полемику и... забыть о действительно важном деле.

О том, например, как важна элементарная грамотность.

Каково к ней наше общее отношение? Конечно же, далеко не все могут быть идеальными знатоками пунктуации и орфографии. В этом смысле грамотность — понятие вполне относительное. Русский язык можно учить всю жизнь, да так до конца и не выучить. Это стихия, и она, как любая другая стихия, необъятна. Но разве подобное обстоятельство освобождает нас от обязанности знать падежные окончания? Или правописание частиц *не* и *ни*? Существуют вполне определенные грамматические правила, соблюдать которые обязан каждый, считающий себя грамотным и культурным. Водитель, не знающий правил движения, лишается водительских прав. Любое ведомство всегда найдет повод избавиться от услуг юриста, не знающего законодательства. А вот докладчика, не умеющего склонять сложные числительные, зачастую не только слушают, но и аплодируют ему. Хорошо, если аудитория не очень большая. А если она многомиллионная, как это бывает в кино, на радио и телевидении? Низкая речевая культура вкупе с тех-

ническими средствами массовой информации беспардонно и, я бы сказал, безжалостно обнажает общую грамотность выступающего. И если на письме можно еще исправить ошибку, на худой конец, переписать все заново, то записанное на магнитную пленку или запечатленное на звуковой дорожке кинопленки уже вовек не исправить... При всем этом один академик, выступая недавно по телевидению, с удивительным бесстрашием игнорировал падежные окончания. Казалось бы, высокое ученое звание отнюдь не дает права на подобное игнорирование. Какой простор при этом открывается для таких обывательских рассуждений: если уж академики выбирают путь «что попротопанней и легче, то что остается мне, смертному?» Да, склонение требует определенной грамотности, а точнее... шести классов средней школы. Чтобы подтвердить свою принадлежность к образованным людям, совсем не обязательно пускаться в ход электронно-вычислительную машину. Достаточно просто просклонять любое пятизначное число. Да что пятизначное, хотя бы трехзначное! Ведь как часто слово... ну хотя бы *двести* произносят в именительном падеже, тогда как надо... Впрочем, пусть читатель сам мысленно просклоняет это простейшее числительное, ему сразу станет ясно, почему некоторые докладчики избегают пользоваться именами числительными в предложном, дательном и даже в родительном падеже. Где писать частицу *не* слитно, а где врозь, тоже, извините, мы обязаны хорошо знать, если не можем чувствовать этого инстинктивно. Иначе претендовать на звание людей грамотных просто смешно. Больше того, мы должны знать, где пишется и говорится *не*, а где *ни*, где ставится запятая, а где никакой запятой не требуется. От этой, так сказать, обязанности никуда нам не деться. Это такая же необходимость, как, например, необходимость каждое утро умываться и чистить зубы, ждать зеленого света, если едешь в автомобиле, и пр. К сожалению, очень многие из нас намеренно занижают уровень элементарно необходимой грамотности. И подобное занижение, как это ни странно, находит себе даже теоретическую поддержку. «Орфографическая грамотность всегда относительна, — пишет доктор филологических наук К. Горбачевич («Литературная газета»), — и она далеко не исчерпывает понятия языковой культуры. Более того, по справедливому напоминанию академика АПН СССР А. В. Текучева, вера в исключительную силу орфографии уже давно давала повод сравнивать орфографию с молохом, в жертву которому неоправданно много приносится детских сил».

Итак, забота о детском здоровье... В той же статье говорится: «Нельзя не согласиться с теми авторами, которые считают, что грамотность в наше время не исчерпывается значением и соблюдением орфографии, хотя эта сторона и составляет ее основу». Бедная орфография! А. Текучев называет ее молохом, намекает на то, что можно быть грамотным и без нее, но К. Горбачевич вынужден считаться с нею, поскольку она составляет ее (т. е. грамотности. — В. Б.) основу». Воздержимся от разговора о грамотности самой этой профессорской фразы. Но если прочитаем соседнюю по газете статью, то в глаза обязательно бросится цитата из высказываний известного критика: «Уровень критериев далеко обгоняет уровень письма». Я долго думал, кто кого обгоняет, да так и не мог додуматься. Будем надеяться на то, что процитировано с искажением подлинника...

Способов узаконить малограмотность на сегодняшний день накопилось достаточно, несмотря на обилие ревнителей грамотности: филологов, крити-

ков, языковедов. Давайте продолжим хотя бы ту же тему склонений. Здесь нельзя не вспомнить об игнорировании падежных окончаний некоторых имен существительных с окончанием на «о». Мне не однажды приходилось высказываться об этом странном явлении. Но, что делать? Приходится повторяться. «А вот заплакал я на спектакле в Иваново», — сообщает нам В. Чернов на страницах журнала «Культура и жизнь» (№ 10), хотя плакать надо было по другому поводу... «В небе над Тушино», — вспыхивают крупные буквы на киноэкране (киносборник «Советский патриот»). В газетах и журналах то и дело мелькают такие безграмотные выражения, как «побывали в Сазоново», «построена в Переделкино», «подумал об Ананьино» и т. д. Не знаю, что говорится по этому случаю в «Справочнике корректора», знаю только, что многие корректоры, самой судьбой призванные как зеницу ока беречь грамотность, нередко сами толкают авторов к безграмотности, переделывая «побывали в Сазонове» в нерусское «побывали в Сазоново». Увы, увы, как говорил протопоп Аввакум. Редактор, не чувствующий живого трепетного языка; корректор, не знающий орфографии (этого молоха, по выражению академика А. В. Текучева); тот самый корректор, который доверяет одним лишь справочникам, — такие люди перестали быть редкостью в органах нашей массовой информации. Между тем и дело-то очень несложное, просто надо знать, что столица Норвегии Осло — это одно, а село Ананьино — нечто другое, что склонять иностранное слово с окончанием на «о» так же опасно, как не склонять русское с подобным же окончанием. Ретивый языковед, составляющий справочник, все подряд стрижет под одну гребенку, хотя прекрасно знает, где коренное русское слово, а где заимствованное. То, что Триполи или Мапуту не склоняются, ясно всем, а то, что Ананьино и Переделкино склоняются, — почему-то приходится настоятельно объяснять. В чем дело? Не стоило бы говорить об этом так долго, если б некоторые авторы не противоречили самой своей сути ревнительной грамотности: «Ярко-красное шелковое полотнище (сб. «Литература и ты», 6-й выпуск, с. 183) волнуется как под порывами сиверко, призывая и ведя за собой!» Что ж, если так, то зачем склонять и окно, и полено, и Онего, и знаменитого Онежского плотника Нестерка? Зачем утруждать себя? Один писатель (не буду указывать фамилию) уже и кличку мерина произносит на иностранный манер. Его Гнедко хорошо запрягается, но такой норовистый, что никак не хочет склоняться. Не склоняются порой и русские имена в их уличной разновидности: Юрко, Генко, Славко. Хорошо еще, что более современная, вернее, городская форма этих имен с окончанием на «а» пока склоняется.

Каждый язык имеет свои законы, присущие только ему, именно этому национальному языку. Иначе ничего, кроме конфуза, не ожидает того, кто, игнорируя природную разницу между такими, например, словами, как манта и рядно, применяет к ним один и тот же закон (в нашем случае свойство русских имен существительных изменяться по падежам). «Нет манта» вызывает такую же улыбку, как «нет рядно» или «думаю о рядно». Впрочем, улыбки эти будут совсем разными по психологическому содержанию...

Мне очень не хочется выглядеть обличителем или насмешником, наоборот, мне как-то жалковато людей, которые, зная русский язык только по книгам, занимаются литературой и литературоведением. В таких случаях русский язык становится очень коварным и отнюдь не доброжелательным,

он устраивает «фокусы» самым почтенным людям. Один очень хороший знаток А. С. Пушкина так говорит в своей статье: «До нас дошел замечательный документ — письмо поэта сосватавшему его свояку ее, с которым Пушкин в эту пору очень сдружился — Зубкову». Попробуй-ка читатель, неискушенный в семейных делах поэта, сообразить, что к чему! Фраза просто ужасна по своей неудобопроизносимости, но дело усугубляется тем, что у женщин свояков не бывает (сваяки — это значит женатые на сестрах). Может быть, речь идет о ее зяте? Или о девере? Если же разговор действительно о свояке, то она это не она, а он. Другой автор, вернее, переводчик Е. Факторович («Литературная Россия»), сделал наоборот. В рассказе немецкого писателя В. Торниуса о великом композиторе он превратил Моцарта в женщину, поскольку золовок у мужчин никогда не было и не будет.

Грамотность подразумевает не одну лишь приверженность букве грамматического закона. Нужно иметь определенное чутье, чтобы не спутать неграмотное отклонение от нормы от «грамотного». Взять хотя бы и случай со словом инициатива. Ведь ясно, что употреблять это слово во множественном числе не очень-то грамотно. Это все равно, что использовать во множественном числе такие слова, как честь и дружба.

Как видим, несмотря на всеобуч, нам еще далековато до всеобщей грамотности. В таких условиях странными кажутся разговоры о молохе орфографии, о диктантомании и о грамматическом терроре. Нередко под предлогом необходимости упорядочить школьные программы по языку эти программы вообще свертываются. Работники просвещения, иногда весьма высоких рангов, прикрываясь трудностями изучения, иной раз и нарочно преувеличивая эти трудности, оправдывают и даже узаконивают снижение требований к учителям, к учащимся и абитуриентам. Но как же так? Ведь если б язык не был трудным, то зачем его было бы и учить? Никому не приходит в голову устранить из математического курса инженерного вуза сопромат либо интегральное исчисление на том основании, что это трудно и отнимает много времени. С языком же нередко поступают именно так.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Юрий БОНДАРЕВ

О ФОРМУЛАХ И КРАСОТЕ

Юрий Васильевич Бондарев — родился в 1924 г. в Орске Оренбургской обл. Воевал в Сталинграде, был контужен, получил обморожение и ранение. После лечения служил командиром орудия. Участвовал в форсировании Днепра и штурме Киева, и снова был ранен. Фронтовой путь отмечен боевыми наградами. После войны окончил Литинститут. Произведения переведены более чем на 70 языков. Избирался депутатом Верховного Совета РСФСР. Действительный член Русской, Международной славянской и Пушкинской академий и д. р., почетный профессор Гос. педагогического университета. Герой Соц. Труда, лауреат Ленинской премии, двух Гос. премий СССР и РСФСР и др. Награжден двумя орденами Ленина, орденами Трудового Красного Знамени, Октябрьской Революции и др. **Живет в Москве.**

Можно ли одной исчерпывающей формулой определить, что такое искусство?

Известно, что единственно верное утверждение всегда покоряет нас, оно всегда кажется ясным и логичным ответом. Но в литературе порой возможен некий отход от граничных железных формул, и я рискну сделать этот шаг.

Искусство — это очарование; стихия черного и белого; колдовство; борьба Бога и сатаны; вторая жизнь; выявление смешного и трагедийного; утверждение и отрицание; мораль, отрицающая безнравственность, и безнравственность, рождающая мораль; форма как выявленное содержание; познание мира и человека; поиск и познание истины человеком и в человеке. Наконец, искусство — это история истории и история личности.

Из всех этих определений (субъективных, конечно, — для самого себя) выделяю наиболее существенное, как мне кажется, — поиск и познание истины человеком и в человеке, то есть формулу, в какой-то степени вбирающую в себя другие определения, ибо эта формула связана с мировоззрением и мироощущением художника, с его отношением к миру и смыслу человеческого существования в данном мире. Как невозможно, так и бессмысленно втискивать в прокрустово ложе формулы книгу того или иного писателя, вкладывать ключ-отмычку в замок его творений, с высокомерностью задаваясь мыслью таким образом все понять, оценить и расчленить, найти схему, шифр к роману или рассказу. Вряд ли интимные дневники, письма друзьям раскроют полностью все, что мы называем желанием и исполнением.

Вероятно, не ошибусь, если скажу, что желание большинства писателей — и великих, и невеликих — совпадает все же в одном: найти,

показать истину человеку и утвердить ее. Вся история литературы, все повторяющиеся сюжеты, коллизии, даже некая схожесть героев доказывают нам это (Пушкин и Байрон; Тургенев и Гончаров; Чехов и Мопассан, если говорить о рассказах). Различие в исполнении? А это зависит от особой индивидуальности писателя, от глубины проникновения в жизнь общества и, что не менее важно, в свой собственный, личный мир (душевный), чему вратами является тот одержимый настрой при соприкосновении с бумагой, когда художник — не раскручивающаяся пленка чужого магнитофона, но соучастник, свидетель.

Мы порой, слава Богу, с увлечением и горячностью спорим, говорим о литературе, но почему-то все реже употребляем слова «красота» и «прекрасное». Эта некая стеснительность объясняется, возможно, осторожностью в обращении с высокими понятиями, звучащими слишком громко в утилитарный наш век.

Может быть, причина в ином — все мы главным образом озабочены выявлением самой литературной темы, оголенными, так сказать, идеями и умозаключениями произведения. Вследствие односторонности снижается, как это ни прискорбно, критерий литературы, а она, литература, изящная словесность, все-таки женского рода, призванная населять мир жизнью, выраженной в книгах, стало быть, связана с великим актом рождения, с любовью, с материнством, что само по себе — высшая красота.

Мы знаем, что человеческие идеи могут быть зафиксированы в философской системе, уложены в формулу. И чем логичнее, яснее они, идеи, тем властнее охватывают они человеческие умы.

Логика литературы — красота. Инструмент воздействия — прекрасное. И эта неумирающая область эстетики подчас отодвигается нами на задний план, хотя человек по-прежнему обладает пятью чувствами, данными ему самой законодательницей красоты — природой.

Что же такое категория красоты в литературе? И тут возникает миллион вопросов, миллион сомнений.

Красота в отдельных разительных словах? Сравнениях? Метафорах? В ритме? Или единственная красота — это правда действительности, а литература — лишь повторное, бледный слепок окружающего мира?

И все-таки литература — это вторая жизнь, сконцентрированная во времени правда. Эта увиденная художником глубина истины реального мира, человеческих действий и человеческого бытия, правда окружающих его вещей и есть эстетическая красота в искусстве. Та красота, которая заставляет нас испытывать и чувство восторга, и чувство ненависти. Правда и красота — это познанная сущность характера, явлений, вещей, в которую проник художник сквозь внешнюю их форму.

Каковы же средства познания объективного мира? Главное орудие художника — зрение и слух, реализованные в слово, в мысль. Мысль посредством слова. И слово как выражение мысли. Это нерасторжимо.

Но само по себе слово не может нести всю красоту или некрасоту, не может быть прекрасным или дурным, затертым или незатертым только потому, что оно выражает то или иное понятие.

Настоящий художник использует слова, сочетания слов как необходимость, как инструмент, без которого невозможно совершить чудо познания. И дело не в так называемых гладких словах, не в гладкописании фраз. Серьезная проза не может ставить себе цель быть образцово-показательной, то

есть такой ватерпасом выверенной, рационально построенной, что глазу не на чем зацепиться. Это ложноклассическое совершенство (во имя ложно понятой красоты) вызывает у нас серую скуку, глаза равнодушно скользят по фразам, ни на чем не задерживаясь, — мы не испытываем толчков волнения.

Слово обретает силу только в том случае, если оно знак «ясновидения плоти». Слово имеет цвет, звук, запах, которые, в свою очередь, обладают энергией, выраженной эмоциональностью. Эта же энергия возникает при точной расстановке слов, при точном эпитете, точном глаголе, точно найденном ритме, ярком сюжете самой фразы, ибо каждая фраза аккумулирует сюжет, мысли, чувства, заряд добра и зла, черного и белого, отрицания и утверждения, стыдливой иронии или же парадоксальности.

Слово — это собственное «я» художника, реализация его сущности, его восприятия. Но словами как первоэлементом человеческого общения оперируют все люди, независимо от того, насколько наделены они чувством гармонии, глубины и красоты. Художник же одарен от природы особой способностью изображать на бумаге словами не плоскостной слепок человека, окружающего мира, отдельного предмета, а глубину его, ощутимую, направленную форму, высекающую чувства и мысль, открывающие в человеке все замочки души.

Да, глубина познания достигается словами. Но как? Где эта ясная формула, отвечающая на вопрос: «Как написаны были “Война и мир”, “Дама с собачкой” или “Госпожа Бовари”»?

Думаю, что, если бы найдена была формула, искусство прекратилось бы как искусство и кибернетические машины принялись бы ремесленничать над поэмами и романами. Ведь подобно тому, как понятие «любовь» невозможно расчленить на составные части, так невозможно расчленить стиль и мысль писателя. Вот, например, некоторые высказывания о стиле:

«Краткость — сестра таланта» (*общеизвестное выражение А. Чехова*).

«Стиль — это забвение всех стилей...», «Писатель должен сам создать себе свой язык, а не пользоваться языком соседа. Надо, чтобы твой стиль рос у тебя на глазах» (*Ж. Ренар*).

«Добывайте золото просеиванием» (*Л. Толстой, письмо А. А. Фету*).

Помня эти определения, чуть-чуть коснемся стиля некоторых писателей с особенно ярко выраженными средствами выражения, с особой чуткостью к слову.

Бунин: «Сладкий ветер ходил по каюте. Быстро одевшись, я выбежал на недавно вымытую, еще темную палубу...»

В первую очередь заметьте эпитет к ветру «сладкий» и глагол «ходил» (ветер не слабый, не сильный, не утренний, не свежий, не упругий, не легкий, а сладкий; ветер не веял, не дул, не налетал, не влетал, не проносился, не гудел, не свистел, не шумел, а ходил). Два точных и вроде бы несколько неожиданных слова заставляют почувствовать и увидеть каюту, раннее утро, ощутить настроение, а следующие слова — «недавно вымытую, еще темную» — полностью укрепляют в читателе ощущение этого утра, даже запаха мокрой палубы, хотя об этом ничего не сказано. Мы прочитали фразу, то есть вдохнули в себя запахи морского ветра в каюте, где только что проснулись, выбежали, быстро одевшись, на эту влажную, пахнущую сыростью палубу, пустынную, конечно, оттого, что ее недавно вымыли, — мы уже во власти настроения, чувства и мысли писателя. Более того, мы не видим отдельных слов этой фразы, мы рационально не расчленим ее, мы

покорены художником, верим ему, идем за ним, испытывая эстетическое волнение, а это — узнавание мира: кто никогда не был на море, перенесется воображением в то ветреное утро, как будто все это было в его жизни.

Или вот другой пример из Бунина: «Золотым блеском ослепила меня вода на балконе». Заметьте, что в этой фразе нет слова «дождь». Попробуйте вставить его вместо слова «вода» — и что-то будет потеряно, исчезнет какое-то очарование, легкость, фраза сразу станет прямой, неуклюжей, тяжеловатой. Расстановкой слов (предложение это начинается с эпитета «золотым», в котором есть и свет, и звонкость дождя), верно найденным глаголом «ослепила» Бунин тончайшей акварелью рисует картину мгновенной прелести дождя, ничего не говоря о солнце, а оно присутствует в словах «золотым блеском ослепила», хоть речь идет только о воде. Зрительно же мы воспринимаем гораздо больше, чем сказано: и звук струй по балкону, и жаркое лето, и теплое солнце сквозь дождь, и даже молодую веселость от всего этого.

Все, что прямо не сказано художником, но ощутимо читателем, относится к незримому подтекстовому измерению мира чувств, к ассоциативному воображению.

Несмотря на детальнейшую подробность описаний, этот «подтекст» художнического измерения был свойствен великому чудотворцу Льву Толстому, знавшему, казалось, о человеке все, как никто не знал.

«...Солдаты, составив ружья, бросились к ручью; батальонный командир сел в тени, на барабан, и, выразив на полном лице степень своего чина, с некоторыми офицерами расположился закусывать...»

Такое представление читателю батальонного командира после того, как «солдаты бросились к ручью» (сразу воображены знойный день, усталость солдат, жажда), выражение его лица («степень своего чина») и как бы между прочим пояснение «с некоторыми офицерами» — уже начало разгадки предлагаемого читателю характера. Вроде бы Толстым в этой емкой фразе выявлено немало, а вместе с тем написана она чрезвычайно сдержанно. Образ батальонного командира сейчас же обрел свои живые черты, в то же время он еще тайна, но приоткрытая теперь. К этой тайне прикоснулся читатель, и воображение его дорисует многое: и каким тоном отдает солдатам приказы батальонный командир, и как ест и пьет, и как относится к офицерам, к службе, а по тому, как он сел в тени, на барабан, можно представить и возраст его...

Опасаясь быть слишком навязчивым в суждениях, я привел цитаты только двух художников, один из них крупнейший мастер чувственного стиля, другой — гениальный ясновидец плоти.

Однако ни Бунин, ни Толстой, проникая в тайные глубины глубин, никогда не исчерпывали этой душевной тайны до опустошения, до дна. Я говорю это не ради парадоксальности, а ради констатации истины. Как бы предельно ни было познано явление жизни, движение характера, всегда остается нечто загадочное, запредельное, рождающее у читателя волнение и вопрос «почему?», который тревожит, не успокаивает, когда думаешь, совершаешь поступки вместе с Андреем Болконским, Наташей, Пьером, вместе с героями Шолохова, Леонова, Фадеева, А. Толстого, вместе с персонажами лучших современных книг.

Раскрытая тайна окружающего мира, человеческой души и часть тайны, оставшейся за открытием, которую своим воображением, опираясь на законы бытия, додумывает читатель, — это и есть прекрасное в искусстве, правда его, эстетическое наслаждение ею.

Почетному гражданину Курганской области, секретарю Союза писателей России, заслуженному работнику культуры РСФСР, писателю Виктору Федоровичу Потанину

Виктор ПОТАНИН

УСПЕХ

Рассказ

Виктор Федорович Потанин — родился в 1937 г. в с. Утятском Курганской обл.; окончил Курганский педагогический институт, лит. институт им. М. Горького; работал в областной газете лит. консультантом Курганской писательской организации, редактором книжного издательства; избирался депутатом Курганского областного Совета, секретарем СП России, членом правления СП РСФСР. Заслуженный работник культуры РСФСР; лауреат многих литературных премий; автор более тридцати книг. Член Высшего творческого совета СП России. **Живет в Кургане.**

Многоуважаемый Виктор Федорович!

Сердечно поздравляем Вас с 75-летним юбилеем! Господь судил Вам многое совершить и пережить. Высокий талант, данный Вам от Бога, в соединении с поистине крестьянским трудолюбием позволили Вам создать замечательные произведения, проникнутые любовью к Родине, простым русским людям, труженикам и мечтателям, хранителям духовных ценностей нашего народа. Ваши книги, открывая многочисленным читателям мир Зауральской земли, стали неотъемлемой частью русской литературы.

Россия — страна слова, где писатели всегда играли особую роль добрых и мудрых наставников, страдающих своему народу, защищающих его душу от всех напастей и всевозможных угроз. Это в полной мере относится к Вашему светлому творчеству, исполненному христианской любви к человеку. Вы принадлежите к замечательной плеяде русских писателей, сумевших в условиях жестокого и лукавого XX века сохранить в своем творчестве народную душу, верность Православным идеалам. Ваше имя по праву стоит рядом с именами Василия Шукшина, Виктора Астафьева, Василия Белова... Не случайно именно Вы стали первым лауреатом Шукшинской литературной премии.

Ваш литературный и общественный труд получил заслуженное признание. Об этом свидетель-

ствуют государственные награды, многочисленные премии. А общий тираж Ваших книг, многие из которых переведены на иностранные языки, составляет около 7 миллионов.

Высоко неся звание русского писателя, Вы внесли достойную лепту в возрождение Православия в Зауралье, возвращение верующим кафедрального собора Александра Невского. Ваше искреннее и глубокое слово служит делу духовного просвещения нашего народа.

Сегодня, когда русская литература переживает непростые времена, Вы, будучи членом Высшего творческого совета Союза писателей России, прилагаете все усилия для сохранения и развития высоких духовных традиций русского слова, воспитания нового поколения русских литераторов.

В этот знаменательный день желаем Вам, глубокоуважаемый Виктор Федорович, крепости душевных и телесных сил, мудрости, терпения, благословенных творческих успехов и помощи Божией в Ваших благих делах и начинаниях.

Да хранит Вас Всемилостивый Господь в здравии на многая и благая лета!

С искренним уважением и благословением
архиепископ Курганский и Шадринский Константин,
редакция журнала «Родная Ладога»

УСПЕХ

Помню одну стылую зимнюю ночь. С вечера тогда началась метель, и ветер трепал со злобой деревья, а потом ударил мороз. И какой! В такие минуты кажется, что никогда уж не услышишь веселого птичьего голоса, никогда не выйдешь на улицу в одной белой нательной рубашке, никогда уж не ступишь на зеленую травку-муравку и не увидишь речку под теплым августовским туманом. Одним словом, тоска. И сразу же хочется забиться на диван в самый уголок, подогнуть под себя колени и лежать в нем оцепенении, и чего-то ждать, и на что-то надеяться. Может быть, на какого-то веселого залетного гостя или на какую-то счастливую телеграмму, приглашающую тебя на белый пароход куда-нибудь в зеленые изумрудные страны. Или... Да хватит уж — какие там страны. И в этот миг зазвонил телефон. Я нехотя поднял трубку. Звонили из моей родной деревни. Голос принадлежал Владимиру Николаевичу — директору школы. С этим человеком я когда-то учился, да и потом наши отношения не прерывались. Вот и сейчас он говорил так, точно мы расстались только вчера:

— Слушай, Сергей, я вступил в полосу везения. Успехи, кругом успехи! А вчера даже выбил для своих зарплату за октябрь. А мы уж хотели бастовать. Наш физик грозился голодовкой. И он бы сделал — настырный, как гвоздь. А теперь отпала нужда. Но я к тебе за другим, — он прервался, — в трубке что-то колебалось, потрескивало, наверно, мороз. Но вскоре трубка опять ожила:

— Послушай, Сережа. Через неделю у меня день рождения, круглая дата, почти юбилей. Будут только свои, деревенские, и то по строгому выбору. И надеюсь, ты, Сережа, приедешь?.. Ты понял меня, не слышу?

— Может, и приеду...

— Что значит, может — не может. Конечно, время сейчас тяжелое, но мы по-скромному, по-студенчески. Есть в наличии соленые огурчики, домашнее вино и грибочки. Все это готовила еще моя мама-покойница. Вот так, милый мой... Год уже лежит в нашем борочке, а я все еще за ее счет. Повезло мне с мамой, царство ей там небесное. А у вас, значит, тоже морозы, Сережа? У тебя даже голос какой-то простуженный. Береги себя и жене подскажи, чтоб получше тебя, ха-ха! — и на этом голос прервался. Я подошел к окну. За стеклом клубилось что-то белое, злое, бескрайнее. Мороз, наверное, царствовал уже по всей земле...

Но все равно через неделю я сидел за его столом. А передо мной стояла высокая сувенирная рюмка, и там золотилось то самое домашнее вино. Хозяин, конечно, присутствовал рядом. В последние годы он очень сдал. Одно плечо у него как бы обвисло, а другое, наоборот, приподнялось. Зато глаза все еще были молодые, чистые, ясные и поблескивали под электрическим светом, как яичная скорлупа. И голова его тоже походила то ли на яичко, то ли на бильярдный шар. Недаром в детстве его дразнили — Вовка — маленькая головка. И училась в школе эта головка — так себе, но в институт неожиданно поступила. И с тех пор Владимир Николаевич стал готовить себя к учительской жизни. И подготовил... Но мои мысли прервал его цепкий и торопливый голосок:

— Значит, Сережа, ты оценил вино. А грибочки?! Такие, наверно, в Кремле подают на серебряной вилочке. Но у меня по-простому, ведь живу без хозяйки... — он выразительно замолчал, погрузился в воспоминанья. Наверно, вспомнил жену. Она ушла от него шесть лет назад и взяла с собой дочку.

— Без хозяйки, Сережа, бывает худо, а с Ниной было б еще хуже. Я правильно употребил это слово «хуже»? Ты же у нас филолог, еще осудишь, а я давно уж высказываюсь по-здешнему, да. А иначе не могу, разучился... Но я отклонился, прости... А с Ниной мы расстались по-доброму. Не кричали, не драли волосы. Это ж по-нынешнему — просто успех, ты согласен? Конечно, согласен, ты всегда желал мне добра. А самое главное, Сережа, дочка все время мне снится. Вчера, знаешь, трещит мороз, луна в окна заглядывает, а мы плывем с ней на лодке. И лето кругом, и река, и рыбки возле лодки взлетают, и вода такая чистая, голубая. Проснулся, а дочка — во мне, она все равно во мне, понимаешь? Мы же с ней словно бы не расстались. Это же такое счастье, Сережа, такой успех в моей нынешней жизни. Ты согласен? По глазам вижу — согласен. Давай выпьем за это. За эти сны, за доченьку, за тебя... я хочу, чтоб и тебе было легко, хорошо. Ты слышишь меня, Сережа, да... А моя Нина живет нынче с богатым. У них магазин, своя контора, машины. У ней все сбылось, о чем мечталось. Такой успех для нее — и даже в городе живет, а не в деревне... Его маленькая головка приблизилась ко мне совсем близко, а глаза широко раскрылись и нервно горели. Я думал, что ему стало плохо, и он расхнычется, но он вдруг стал меня утешать.

— Не завидуй, Сережа, богатым, не надо. И не считай у них денег. Да Бог с ним. Как-нибудь перебьемся. Они пускай — новые русские, а мы с тобой — старые, да... Старые русские, ха-ха! Это же хорошо и так складно! Ай да Вовка — маленькая головка! — он тронул меня за плечо. — Помнишь,

Сережа, мое детское прозвище? Где оно, наше детство... — Он замолчал, а мне стало почему-то тревожно. Ветер бил по раме, в комнате похолодало. Я поежился — мне ведь предстояло здесь ночевать. А еще через минуту я поймал себя на подлой мысли. Она была в том, что я жалел, что сюда приехал. И в этот миг он достал из тумбочки фотографию и поставил ее на стол.

— Это, Сережа, моя мама. Всю жизнь была в колхозе, даже заведовала фермой. Своим коровушкам давала человеческие имена — Маня, Тоня да Аннушка. Я был к матери очень привязан... Нет, Сережа, не так. Надо сказать по-другому — я ее очень любил, но она об этом никогда не слышала от меня. Не слышала, и это горе большое. Но сейчас не вернешь... А похоронил я ее как надо. Место выбрал сухое, высокое, да. И на два метра могилу вырыли. Посмотрел, а на дне могилы — ни капли воды. Это ж такое везенье, успех. Значит, гроб сохранится, не будет гнить. И крест я поставил железный, надежный. Вековой будет крест. Ты слышишь, Сережа? А ты меня, мама, слышишь? — он взял фотографию и поцеловал ее. Когда целовал, то зажмурился. А потом, когда открылись глаза, — то они были мокрые. Словно чего-то испугавшись, он схватил свою рюмку и залпом выпил вино. Его маленькая головка закричала, заволновалась, мне даже показалось, что она крутанулась, как шарик. Я отвел от него глаза, и мне опять стало холодно и захотелось уехать. Но он уже заговорил о веселом — о рыбалке.

— А теперь, Сережа, я полюбил удочки, отдых возле реки. Особенно клюет на Глубоком озере. Но это от дома — три километра. И знаешь, Сережа, я решил занять колеса. Купил у одного пьяницы старенький «Ковровец». Он продал его именно по дешевке. Выпить захотелось и продал. Ты меня слушаешь, старый русский, ха-ха! — смешок у него вышел пьяненький, бодренький, хотя он почти не пил...

А потом была длинная холодная ночь. Он быстро заснул, а я проворочался до утра. Да и ветер мешал. Он бил в стену дома, стучал ставнями и злился. И мне было грустно. В деревне мне всегда грустно, если за окнами метель и ветер. И всегда кажется, что кто-то умер или стонет чья-то душа. Вот и тогда мне казалось, что этот ветер не перед добром...

Так и случилось, как думал. По весне я снова отправился в свою деревню. Мне передали, что Владимир Николаевич попал в больницу. И попал по-серьезному. Он ехал на своем мотоцикле, и его сбил «Беларусь». Точнее сказать, мотоцикл задела по какой-то оплошности тракторная тележка, и старенький «Ковровец» — в кювет. И мотоцикл, и человека измяло, как тряпку. Но бывают в жизни все-таки чудеса — хозяин мотоцикла остался жив. Его привезли чуть тепленького в районную больницу. И сразу вызвали из области хирурга. Тот оказался чудесник. Он и спас ему жизнь. Правда, пришлось отнять левую ногу — чуть ниже колена.

Когда я приехал к нему, он уже выздоравливал. В палате было сумрачно и тоскливо, как во всех сельских больницах. Стены в палате были мокроватые — штукатурка обвисла. Господи, везде не хватает денег. Были бы они, грешные, давно бы сделали здесь ремонт. Но его голос прервал мои размышления:

— Спасибо, Сереженька, что заехал. Да я уже здесь недолго... Кстати, тебя не коробит, что я все время к тебе без отчества? Нынче ведь серьезные времена...

— Тебя выписывают?.. — я выдавил из себя еще что-то, потом замолчал. Испугали его глаза. Они были такие большие, огромные, полные чего-то неведомого для меня. Такие глаза бывают у лошадей, когда их ведут на бойню... Однажды я видел такие, но он перебил мои мысли.

— Мне, знаешь, опять повезло. Это, считай, просто успех, что я попал к такому хирургу. Мог бы, конечно, и не попасть. А во-вторых, мне уже пообещали протез. Сережа, слышишь, ты слышишь меня? Пройдет какой-то месяц, и я смогу без посторонних выйти на крыльцо. А потом ко мне дочка приедет. Ведь приедет же, правда? Вон нынче какое солнышко! Как хорошо! Сережа, тебе тоже хорошо?..

Я молчал и не знал, что ответить. У меня болела душа. Она еще сильнее заболела, когда я открыл дверь палаты и вышел на улицу. Сияло солнце, зеленели деревья, а у меня сжималось горло и хотелось разорвать в том месте рубашку. Но отчего? Почему? И зачем я посмотрел в эти глаза? Сегодня они мне приснятся ночью и завтра... И его грустный смешок тоже приснится — «мы с тобой старые русские, ха-ха!» И в этот миг подошел автобус. Открылась дверца, и я заскочил в нее с облегчением. Дорога мне всегда помогает, спасает. Может, и сегодня спасет.

ВЫШЛА КНИГА

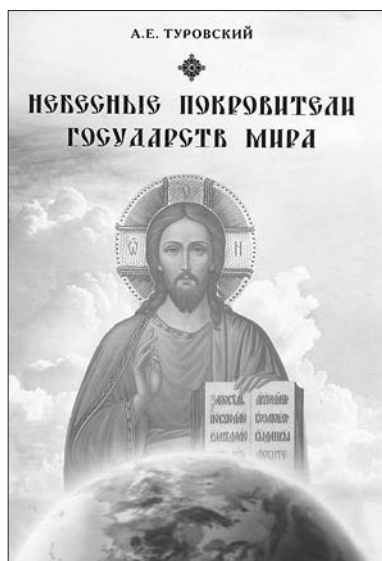
Туровский А. Е.

Небесные покровители государств мира. Христианство и место православия в мире. Тула: Гриф и К. 2011. — 400 с.

Предлагаемая книга — первый мировой результативный опыт сбора сведений о небесных покровителях христиан всех стран мира. Она имеет подзаголовок «Христианство и место православия в мире».

Данная книга осмысливает многозначность присутствия различных конфессиональных течений и групп населения в каждой из всех существующих стран мира, начало в них христианских традиций и развитие в нынешних государствах немеркнущего православного отблеска веры Христовой. Ведь в основном небесные защитники имеют православный статус, так как их миссионерский подвиг пришелся на период до великой схизмы, то есть до ухода в раскол римской кафедры прежде единой христианской Церкви.

Книгу можно использовать в качестве энциклопедического справочника, учебного пособия светского понимания христианства как одного из религиозных вероучений, а также строго исторического, абсолютно неидеологизированного материала.

ЮБИЛЕЙ

«ГОРЖУСЬ СВОЕЙ РОДИНОЙ»

*К юбилею президента
Санкт-Петербургского
государственного
университета
технологии и дизайна
Виктора Егоровича
Романова*

«Осознавая жизнь нашего Отечества, можно сделать вывод, что только наш народ смог вынести за один век столько войн, революций и других испытаний. При этом Россия остается достойнейшей страной, признанной в мире.

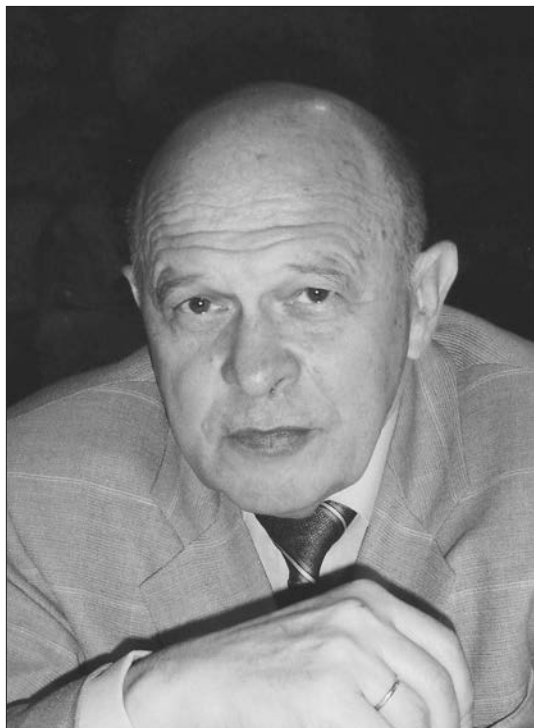
Горжусь своей Родиной, своей нацией!

Жизнь подарена нам для любви друг к другу, к природе, к труду, к творчеству. Высшая степень удовлетворения достигается, если ты искренне подчиняешь свою жизнь этим принципам.

Храни, Господь, Россию!

Храни, Господь, Санкт-Петербург и его жителей!!!»

Эти слова вписаны в Золотую Книгу Санкт-Петербурга, начатую в честь 300-летия великого города. Через несколько месяцев мы будем отмечать уже 310-ю годовщину города святого Петра. Но и сегодня, во времена не унимающегося, даже ожесточившегося противостояния добра и зла, правды и лжи, любви и ненависти, во дни, когда в культуре, искусстве, в сфере социальных отношений насильно стираются границы между нормой и патологией, между мастерством и профанацией в пользу последних, эта емкая исповедь-молитва нашего соотечественника не потеряла своей актуальности. Сегодня она звучит даже с большей проникновенной, возрождающей силой любви, направленной животворящим потоком в сердца современников. Так кто же тот человек, чей голос так вдохновляюще вот уже целое десятилетие изливается с листов исторической Золотой Книги? Можно с уверенностью сказать, что он принадлежит к особым людям нашего города, к тем, кто делает его историю, и кому она отвечает взаимностью. Да, Виктора Егоровича Романова,

Виктор Егорович Романов

которого мы хотим представить нашим читателям по случаю его 75-летнего юбилея, можно назвать одним из таких выдающихся, но не рекламирующих себя, как это стало модным, людей Санкт-Петербурга и современной России, славе и благу которой он посвятил жизнь.

Судьба этого необыкновенно интересного человека связана с Ленинградом—Санкт-Петербургом. Здесь он родился, пережил военную блокаду, здесь прошли его детство и юность. В родном городе он получил высшее образование — окончил Ленинградский институт текстильной и легкой промышленности. Вся его трудовая деятельность связана с этим вузом. В нем он осилил путь от младшего научного сотрудника до ректора института, здесь он сформировался как ученый.

Однако деятельность В. Е. Романова не сосредотачивается только в стенах родного для него учебного заведения. Обширна и поучительна в историческом смысле сфера его общественных интересов. Активная жизненная позиция с молодых лет выводит ученого на широкое поле государственной деятельности. С 1967 по 1979 год он депутат Куйбышевского районного совета, председатель Комитета по делам молодежи. Позже по его инициативе создается Ассоциация производителей текстильной и легкой промышленности — «Регион». Он избирается президентом этой Ассоциации. «Регион» стал, в определенной степени, прообразом будущего Союза промышленников и предпринимателей России, выступил одним из соучредителей этого Союза. За активную плодотворную работу и большие заслуги в решении проблем развития экономики России Виктор Егорович был назван лауреатом премии им. А. Н. Косыгина.

Став ректором института в беспокойные 80-е годы, в кризисные 90-е он предпринимает активные и эффективные меры не только по сохранению своего вуза, но добивается его расширения и развития. Текстильный институт переименовывается в Санкт-Петербургский государственный университет технологии и дизайна, возглавляет все учебные организации этой обширной отрасли. Меняется структура университета, расширяется его специализация. В условиях фактического развала в стране текстильной и легкой промышленности университету под руководством В. Е. Романова удалось стать одним из самых успешных вузов Санкт-Петербурга. Все это не помешало Виктору Егоровичу активно и плодотворно продолжать заниматься общественной деятельностью. В 1994 году он избирается Председа-

телем Совета ректоров вузов Санкт-Петербурга, становится вице-президентом Российского Союза ректоров, и на этих должностях встает на защиту традиций высшего образования в России. За заслуги на этом поприще он был награжден Президентской премией.

За что бы ни брался Виктор Егорович, везде достигает высоких результатов. Пошел в спорт — стал призером XVII Олимпийских игр 1960 года и первенства мира 1962 года по велосипедному спорту. Пошел в науку — стал доктором наук, Заслуженным деятелем науки и техники. Решил попробовать себя в системе управления — добился того, что возглавляемый им вуз по многим показателям занимает сегодня одно из первых мест среди сотни петербургских вузов.

Но несмотря на все эти достижения, на то, что Виктор Егорович является ученым технического направления и даже на то, что в послужном списке В. Е. Романова сказано, что он: *автор 180 научных трудов, в том числе 34 научных изобретений, действительный член Академии наук высшей школы, Санкт-Петербургской, Российской и Международной инженерных академий, Петровской Академии наук и искусств, почетный доктор Университета Де Монтфорт (г. Лестер, Великобритания), почетный доктор Московского государственного текстильного университета, лауреат Золотой Книги Санкт-Петербурга, с 1994 года по 2005 год — председатель Совета ректоров высших учебных заведений Санкт-Петербурга, вице-президент Союза ректоров России, член коллегии Министерства образования РФ, член Президиума и председатель Комиссии по науке и образованию Общественного совета Санкт-Петербурга, награжден орденом Трудового Красного Знамени, орденом Почета, орденом Православной церкви «Святого князя Даниила Московского»,* — да, несмотря на все это, он всегда проявлял неумную тягу к осмыслению духовно-нравственных вопросов человеческого бытия, интерес к метафизическим законам мироздания. Поэтому, наверное, он оказывает непосредственную помощь и поддержку деятельности общественной организации «Собор православной интеллигенции», особое внимание уделяет вопросам духовно-нравственного воспитания молодежи: будучи членом президиума Общественного совета Санкт-Петербурга, Виктор Егорович Романов возглавляет работу комиссии по молодежной политике. Но главное, чем он гордится и считает важным делом своей жизни, это то, что стал одним из инициаторов и руководителей Межвузовской ассоциации «Покров», объединившей более 40 высших учебных заведений Санкт-Петербурга и других городов России на основе религиозно-нравственных интересов, в плане сотрудничества с современной Православной Церковью.

Вот как сам Виктор Егорович Романов рассказывает о целях и направлениях работы этой ассоциации: «Думаю, что термин “цель” нельзя употребить в данном случае, когда речь идет о внимании, или более озабоченно сказать, о неудовлетворенности нравственным состоянием общества. Говоря короче, наша общая задача, в том числе и различных государственных, административных и общественных, включая ассоциацию “Покров”, организаций, — не потерять главное в жизни любого человеческого сообщества, а лучше в пространстве всего мира: понимание и ответственность за то, что только духовно-нравственное начало является гарантом сохранения и стабильности жизни отдельного человека и всего человечества. Эта стабиль-

ность не должна зависеть от влияния других многообразных факторов — экономической или военной мощи страны, численности народонаселения или религиозного фанатизма, мудрости или психического нездоровья избранного на время лидера государства и т. п. Главные задачи организации определяются уже из названия: “межвузовская”, “духовно-нравственного” просвещения. Чем больше студентов, а самое главное, преподавателей и ректоров проникнутся актуальностью этого направления, объективной причастностью и, не менее важно, личной ответственностью, тем ближе мы будем подходить к решению поставленной задачи. Хотя в данном случае достижение идеала утопично, оно всегда будет асимптотой.

Что касается направлений работы ассоциации? То, по моему убеждению, они состоят в том, чтобы как можно большему числу людей помочь понять, что духовность и нравственность не пустые слова и, тем более, не лозунги, а образ жизни, потребность позитивного влияния на окружающий мир. Мне очень хочется, чтобы современные молодые люди активно участвовали в созидании, а не в критиканстве. Чтобы получали удовлетворение от того, что удастся что-то изменить к лучшему не за счет разрушения, а путем собственного труда, терпеливого и бескомпромиссного. Чтобы люди не утрачивали чувство веры: веры в Божий промысел и в Божию помощь, веры в справедливость, в непобедимость нравственных идеалов в жизни общества, чтобы они интересовались историей своего Отечества и гордились своей Родиной».

Виктор Егорович Романов, ребенком переживший страшную Ленинградскую блокаду, внесший вклад своего духа в Великую Победу, имеет право все это желать своим молодым современникам, потому что не понаслышке знает, что такое нравственный подвиг, как спасительна для человека вера. Именно это ментальное знание, трудный духовный опыт, преображающий душу, дают ученому силы оставаться на высоком ответственном посту, позволяют быть личностью, уважаемой и любимой друзьями, коллегами и учениками.

Редакция, авторы и читатели журнала «Родная Ладога» поздравляют Виктора Егоровича Романова с юбилеем. Мы желаем Вам, дорогой Виктор Егорович, здоровья, новых побед на трудовом поприще, оптимизма, благой веры в неиссякаемые и непобедимые нравственные силы русского народа, которому Господом уготована спасительная для мира миссия и будущее во Славе Божией.

Вопросы ТВОРЧЕСТВА

Священник
Алексей МОРОЗ

СЛОВО И ЕГО ВОЗДЕЙСТВИЕ НА ЧЕЛОВЕКА

Протоиерей Алексей Мороз — кандидат педагогических наук, гранд доктор психологии, профессор богословия, член Союза писателей России, духовник Православной школы психологии и медицины, руководитель духовно-образовательного центра «Возрождение», председатель Собора православной интеллигенции. Автор и соавтор более 50 книг, 300 журнальных и газетных статей. Имеет многочисленные отечественные и международные награды. **Живет в Санкт-Петербурге.**

Духовная сущность слова

Слово — величайшее орудие Бога. «Вначале было Слово, и слово было у Бога, и слово было Бог», — говорит апостол Иоанн (Иоанн I, 1). Словом Бог сотворил все. «И сказал Бог: да будет свет» (Быт. I, 3), и невидимое через слово приняло свое бытие. Слово являет величайшую творческую силу во вселенной. «Словом Господним небеса утвердишася, и духом уст Его вся сила их» (Пс. 32, 6). По мнению святителя Феофана Полтавского, человек «в даре слова получил нечто по образу творческого слова и внутренний свет человека проявляет себя в слове»¹. Действительно, в человеческом существе через слово выявляется внутреннее скрытое состояние и расположение духа и души, сокровенное становится явным. **Человек, созданный по образу Божию, по образу Бога Слова, также наделен словесностью. И слово, им произнесенное, рожденное им, является образом человека, выражением его сущности.** Иначе говоря, Бог Слово по Своему образу и подобию творит человека, а человек по образу Образа творит слово. До грехопадения, согласно мнению свт. Феофана, «Слово Божие было человеку и могуществом его собственного человеческого слова; в слове Божиим имел он и силу благословения, сила сия была велика, она так близко происходила от Божественного начала. Словом Иисус Навин остановил солнце. От уст словесе его (3 Цар. 17, 1) Илиин зависели роса и дождь, в продолжение трех с половиной лет Пророк Елисей (словом) исправил злокачественные источники Иерихонские (4 Цар. 2, 21). Словом Апостол Петр

¹ Феофан Полтавский, свт. Творения (о именах божественных). СПб., Общество свт. Василия Великого, 1997. С. 691.

исцелил хромого и воскресил Тавифу (Ясно здесь) действие слова Божия в слове человеческом, обитающее в святом апостоле»¹. Человеческое слово по мере удаления от Бога Слова все более умаляется, разбавляется и искажается, даже до полной своей противоположности, неузнаваемости. Это происходит оттого, что слово неотъемлемо от человека, часть его как образа Божия, продолжение его сути, можно сказать, плоть от духа его. Слово всегда первично, музыка, живопись, архитектура — являются своего рода продолжением, новым воплощением сказаний и поэм.

Согласно одной из этимологических версий слово «человек» происходит от славянского «селовек» или «словек», то есть существо словесное, обладающее даром слова. **И как в человеке, согласно святоотеческому преданию, мы различаем дух, душу и тело, так и в произнесенном слове можно различить те же составляющие.**

В духовной составляющей слова выражается духовное состояние человека, степень его Богообщения, благодатности или безблагодатности, страстности, связанности с инферальным миром. Ведь недаром Святые Отцы указывают, что какой человек, такой и дух в нем. По мнению свт. Феофана: «Благословлять в сильнейшем значении сего слова, значит, простирать действие Божия Слова на творении Божии. Благословляющий есть благою волею посредствующий между Словом Божиим и творением Божиим»². Слово, просвещаемое через духовный ум, позволяет через различные образы и сравнения выражать умствования о Боге, итоги созерцательного познания вещей изнутри, интуитивные прозрения.

Душою слова можно считать чувства, эмоции и различного рода переживания, в него заложенные. В художественном плане это звучит как подтекст, ассоциативный ряд, образное содержание.

Телом слова является практическое смысловое содержание, информационный ряд, звук, посредством которого слово и передается.

Слово — это орудие человеческого творчества. Мы просвещаем и просвещаемы словом. Слово, имеющее в своем основании и опирающееся при своем исхождении на добрые духовные начала, освещает нашу жизнь и окружающий мир. Это происходит от того, что оно соединено с Источником света Богом Словом. Оно воплощается, ему свойственна та творящая сила, которой обладает Бог Слово. Богочеловек Иисус Христос имел небывалую силу слова. Словом Он творил множество поразительных чудес: воскрешал, исцелял, умножал хлебы. Словом и учил. Каждое Его слово, записанное в Евангелие, до конца века будет давать обильные плоды, попадая в благоприятную почву человеческого сердца. Слово обладает и особой творческой энергией. Оно вдохновляет на смертный бой, вызывает любовь, дружбу, дарует счастье. Слово — это единственное, что может быть и в сознании человека, и вне его, входить и выходить из него, проникать в иные умы, покоиться в информационных носителях. Слово через человеческое выражение постоянно воплощается, пронизывая все большие и большие слои бытия. Известный русский философ А. Ф. Лосев утверждал, что «язык — это онтологически-коммуникационное отражение личностного стержня бытия,

¹ *Феофан Полтавский, свт.* Творения (о именах Божественных). СПб., Общество свт. Василия Великого, 1997. С. 692–694.

² Там же. С. 694

связующего Абсолютную Личность Творца с тварной личностью человека». Но характер словесного воздействия напрямую зависит от своего носителя — человека.

Ведь какой дух в человеке, такой он будет и в его творческом выражении, неважно в материальном или духовном. Дух человеческий действует через слово, облекается словом и живет в нем. Недаром Священное Писание свидетельствует: «От избытка сердца глаголют уста». И изреченное слово начинает жить самостоятельной жизнью, влиять на окружающих людей, вызывая в них соответствующие резонансы.

Окружающий нас мир создан Богом, содержит в себе Его благодатные энергии и держится ими. Слова, означающие Божье творение, также несут в себе начатки энергий Творца. Выраженные посредством языка, они оказывают позитивное, гармоническое воздействие на всего человека в целом. Слова, которые возникли в процессе технического прогресса, в том числе и различные научные термины, такого воздействия оказывать не могут. Они лишены своего «духа и души», в них есть лишь тело — информационно-содержательный блок. И употребление таких «технических» слов в разговорной речи, в художественной литературе крайне обедняет и усушает человеческое общение. Недаром при опросе молодых программистов выяснилось, что большинство из них не владеют такими духовными понятиями, как Бог, благодать, Святой Дух и т. п. Для людей этой специальности оказалась также характерна чувственная и эмоциональная бедность восприятия и жизненных переживаний.

Если при беседе благое слово было лейтмотивом встречи, то потом надолго остается благодатное чувство мира и духовной радости и внутреннего единения. Примером чего являются душеспасительные беседы со старцами и вообще с духовными людьми. Слово должно сближать нас, приносить нам единение, а не разложение и разделение. Слово, попадающее в сходную по настрою, резонирующую среду, производит сильное впечатление, которое оказывает величайшее воздействие на весь строй нашей дальнейшей жизни. Часто доброе слово проходит через пласт осмеяния и несочувствия, и со временем прорастает, как зерно. Оно дает в душе человеческой свои добрые всходы.

Если к слову приражется лукавый и своим основанием оно уходит в мутный фундамент страстей и греховных желаний, то оно производит разделение, небытие, смерть. Сквернословием сеется тьма. Недаром Апостол учит: «Никакое слово гнилое да не исходит из уст ваших, но только доброе для назидания в вере, дабы оно доставляло благодать слушающим» (Еф. 4, 29). Слово должно нести благодать — благие дары, добро, служить назиданием в вере, то есть приближать к Богу, а не удалять от Него. Слово есть дар Божий. Иисус Христос сказал: «Говорю же вам, что за всякое праздное слово, какое скажут люди, дадут они ответ в день суда: ибо от слов своих оправдаешься, и от слов своих осудишься» (Мф. 12, 36–37).

Как уже было сказано, выше сквернословие является нарушением заповеди Божьей. А заповеди Божии являются принципами творения, если хотите, духовными законами бытия. Они есть предупреждение Бога, адресованное человеку — не делай того или иного, иначе тебе будет плохо. Если человек не внимает словам Творца и продолжает грешить, то включается механизм саморазрушения. Человек начинает уничтожать себя, но не толь-

ко себя. Усвоенные и закрепленные страсти пагубно отражаются и на всем грядущем роде грешника.

Православие и русский язык

Именно Православие, победив в четырехсотлетней борьбе (988–1380) последствия языческой нравственности, постепенно сформировало основы высокой культуры русского народа, воздвигло Святую Русь, где евангельские принципы стали принципами жизни всего общества.

Именно нашей стране, нашему народу Творец Вселенной дал язык редкой красоты, богатства и выразительности. Не случайно письменный славянский язык возникает как язык богослужебный, азбука которого составлена святыми мужами в целях проповеди Евангелия среди славян.

Великий русский ученый Михайло Ломоносов писал: «Карл Пятый, римский император, говаривал, что испанским языком с Богом, французским — с друзьями, немецким — с неприятелями, итальянским — с женским полом говорить прилично. Но если бы он российскому языку был искусен, то, конечно, к тому присовокупил бы, что им со всеми оными говорить пристойно, ибо нашел бы в нем великолепие испанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того, богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка».

Литературный процесс (своего рода словотворчество) — можно определить как проявление национального самосознания литературными средствами. Здесь, как нигде проявляется дух народа, его духовно-религиозная устремленность, связь с биосферой, с языком живой природы. В западных учениях о языке (герменевтических, семантических, структуралистических) на первый план выступает информационная, логическая составляющая языка. Эта традиция развивает рационалистическую, можно сказать, кибернетизирующую линию. Здесь слово — только сигнал, техническое средство¹. Для традиции же русской культуры и философии присуще рассматривать слово как нечто живое и одухотворенное. Как некую многослойную единицу смысла, живую и личностную в своем воздействии на окружающую среду. Всякий народ для постоянного сохранения и самопроизведения должен иметь некий наследственный код, подобный генам биологического организма. И этот код без слова, без национального языка не существует — народ начинается с языка. Как писал Н. И. Толстой: «Язык считается основным, ярчайшим и устойчивым показателем этноса»². Национальный язык это своего рода геном народа. Геном нашего народа начинается с азбуки, составленной святыми Мефодием и Кириллом. Кириллица создана именно для славян и несет в себе код нашей культуры и христианской духовности. Исследования бельгийского лингвиста Ф. Винке показали, что в кирилловской азбуке, в единой системе ее символики заключен особый смысл религиозного, мировоззренческого значения (о божественной Троице, о воплощении Логоса и т. д.). «Каждая новая буква хранит первичный замысел своего Создателя, содержит глубокий священный

¹ Будагов Р. А. Язык — реальность — язык. М., 1993.

² Толстой Н. И. Язык и народная культура. М., 1995.

смысл и отражает религиозное мироощущение, мистическую интерпретацию каждого символа»¹. Каждая буква вносит в порождаемые слова божественную силу и свет.

Русский язык, как и древнегреческий, относится к флективным (т. е. в нем значение слов зависит от наличия тех или иных флексий, суффиксов, окончаний и т. д.). Благодаря этому русские имеют возможность строить фразу свободно, в отличие от жесткого построения фразы (англичан, французов и др.).

Исследуя наследственный код культур, современный русский философ М. К. Петров пришел к выводу, что национальные культура и характер в большей степени зависят от строя языка, о того, как народ говорит: пластично и свободно строят фразу, или жестко закрепляя слова в заранее отведенных им местах. С этим, например, связан характер англичан и французов, стремящихся, прежде всего, все измерять, а не созерцать или размышлять, как русские.

Общий культурный уровень народа при распространении сквернословия безусловно понижается. Снижается коммуникативность людей, разрастается пошлость, хамство, грубость — эти атрибуты зоны, лагеря — вырождения. По мнению ряда ученых: «Примитивность языкового мышления создает благоприятную почву для примитивизации логического мышления, этакой формы языкового зомбирования»². Сквернословие приводит к разрушению личности, ее оригинальности, своеобразности. Возникает некая серая, заунывная во всех отношениях безымянная, безликая человеческая масса. «Насколько имя создает язык, — пишет ученый и богослов Милотавский, — собирая и сгущая его в себе, настолько безликость, безымянность сквернословия раздирает и уничтожает ткань языка. Мат — это черные дыры языка, которые затягивают в провал небытия все языком созданное»³.

Научные данные о слове и его воздействии на живую природу

К поразительному выводу о прямом воздействии слова на окружающий мир пришли и исследователи в области теоретической и практической медицины.

Как показали современные исследования в области волновой генетики (академики П. П. Горяева, В. П. Казначеева и др.), генетический аппарат организмов Земли работает не только на вещественном, но и на поле-вом уровне и способен передавать генетическую информацию с помощью электромагнитных и *акустических волн* (примером чего является так называемый зеркальный цитопатический эффект, когда клетки, разделенные кварцевым стеклом, обмениваются волновой регуляторной информацией, связанной с функциями генетического аппарата. (Ссылка: Межклеточные дистантные взаимодействия (Казначеев, Михайлова.)

¹ «Литературная учеба», 1996., кн. 3.

² Ремнева М. Л., Комлев Н. Г. Универсум филологии: язык, общество и наука. М., Вестник МГУ, Филология. 1997. № 2. С. 59.

³ Милотавский В. С. Об экологии слова. М., 2001. С. 26.

Работы ряда ученых (Горяев, Березин, Васильев — ГБВ-модели) доказали, что существует единство фрактальной (т. е. повторяющей самую себя в разных масштабах) структуры последовательностей ДНК и человеческой речи. То, что четыре буквы генетического алфавита (Аденин, Гуанин, Цитозин, Тимин) в ДНК-«текстах» образуют фрактальные структуры, обнаружено американцем Джеффри в 1990 г. и не вызвало особой реакции. Однако открытие геноподобных фрактальных структур в человеческой речи, и не только в многобуквенных алфавитах русских и английских текстов, но и в последовательностях слов этих текстов, явилось неожиданностью и для генетиков, и для лингвистов. Тем не менее это соответствует направлению в семиотике, называемому «Лингвистическая генетика», которое изучает непонятную и необъяснимую точную приложимость законов Формальной генетики к образованию межъязыковых и внутриязыковых слов-гибридов. (Ссылка: Фракталы речи, фрактальность ДНК.) Становится очевидным, что принятое и уже привычное опережающее сравнение ДНК с текстами, имевшее преимущественно метафорический характер, теперь, после открытия единства фрактальной структуры ДНК и человеческой речи, вполне оправдано. Поразителен вывод основателя волновой генетики Петра Горяева¹ о том, что **«человеческая речь (тексты) и последовательность нуклеотидов (тексты ДНК) обладают близкой математической структурой. Управление развитием высших биосистем происходит с использованием материально-волновых матриц генома, сходных с человеческой речью и, вероятно, с речью Творца».**

Волновая генетика доказывает, что гены имеют двойкую природу: вещественную и волновую. Вот как описываются эксперименты группы Горяева: «Их радиоэлектронная аппаратура умеет имитировать речь ДНК и хромосом. Она умеет моделировать эту знаковую динамику и одновременно излучает соответствующее ей электромагнитное поле, которое дополнительно промодулировано еще и человеческой речью. Когда такое поле попадает на генетический аппарат растения, животного, человека, то происходят совершенно фантастические вещи. Удалось, например, создавая определенные речевые, вербальные алгоритмы, восстановить радиационно поврежденные семена пшеницы и ячменя... С этими семенами «поговорили» на английском, русском и немецком, а на контроле — дали абракадабру. Что получилось: пока вы говорите на всех перечисленных языках — вас понимают, когда на абракадабре — вас не понимают.

То есть оказалось, что язык — это тоже генетический материал. Распознавание геномами растений человеческой речи (вне зависимости от языка) полностью соответствует положению Лингвистической генетики о существовании Праязыка генома биосистем на ранних этапах их эволюции, общего для всех организмов и сохранившегося в общей структуре генофонда Планеты. Здесь мы видим соответствие идеям классика структурной лингвистики Ноама Хомского, считавшего, что все естественные языки имеют глубинную врожденную универсальную грамматику, инвариантную для всех людей и, вероятно, для их собственных супергенетических структур. (Ссылка: Инвариантная грамматика Праязыка (нашей жизни).)

¹ *Воробьевский Ю.* Стук в Золотые врата. М.: Российский писатель, 2003. С. 161.

Пресса описывает этот эффект более популярно: «...ДНК способна слышать нашу речь и даже распознавать смысл читаемого текста, и она далеко не безразлична к читаемой информации... Слова молитвы, например, включают резервные силы генетического аппарата, а проклятья разрушают волновые программы, которые отвечают за нормальную работу организма». П. Горяев также утверждает, что: «...все эти рассказы о наговорах, внушениях и так далее — это все не пустые бредни: генетический аппарат реагирует... Значит, уже не ячмень и пшеницу, а нас могут «испортить» или «вылечить».

К сходным выводам, правда, более простым, эмпирическим путем пришел и уральский ученый Геннадий Чеурин¹. В его лаборатории в течение долгого периода времени подвергались вербальному матерному воздействию зерна пшеницы, растения и вода в сосудах. В результате семена, которые поливали такой «обматеренной» водой, всходили в 49 случаев из 100. Те же, что поливали водой, над которой читали молитвы, прорастали в 96 случаях.

Известный психофизиолог, врач, член всемирной экологической академии Леонид Китаев-Смыквот уже 40 лет занимается проблемой стресса и мата как его неотъемлемой составляющей. Согласно его данным мат стимулирует выработку мужских половых гормонов — андрогенов, поэтому при частом употреблении матерных ругательств происходят сильные гормональные нарушения в среде организма. Особенно это касается женщин. Косметологи заметили, что те их клиентки, которые не могут жить без мата, больше остальных страдают от повышенной волосатости конечностей, у них более низкий голос. По данным Китаева и Чеурина, человек прибегает к мату, когда он, пусть даже на подсознательном уровне, не уверен в своих мужских силах, т. е. чувствует свою неполноценность. То есть употребление нецензурной лексики может свидетельствовать о скрытой гомосексуальности, или о проблемах с потенцией. Так, Чеурин уверяет, что мужчин, злоупотребляющих матом, неминуемо ждет импотенция. Матерщинниц же скорее всего ожидает фригидность или однополая сексуальная ориентация.

Эффект плацебо, открытый еще полвека назад анестезиологом из бостона Генри Бичером, был подтвержден и объяснен современными учеными из Мичиганского университета во главе с Йоном-Каром Зубиетой. Суть его состоит в следующем: в тот момент, когда медики сообщали добровольным участникам эксперимента о введении им обезболивающего, нейроны мгновенно начинали вырабатывать эндорфины — «опиатные нейропептиды», действующие как блокираторы нервных рецепторов боли и предотвращающие ее распространение от одной клетки к другой. То есть можно сделать вывод, что эффект плацебо вызывает снижение мозговой деятельности в активизирующихся при боли зонах мозга. «Связь “тело—мозг” теперь очевидна», — заявляет Зубиета.

Как мы видим из этого открытия — нематериальное слово изменило материю на клеточном уровне, запустив соответствующую химическую реакцию, фиксируемую на каждом этапе высокоточными приборами. Вот еще одно подтверждение реальности воздействия слова на живой организм. Не-

¹ Грачев С. «Матюгайся почаще и будет тебе несчастье», газета «Вечный зов», октябрь 2005. С. 15.

даром народная мудрость гласит: «словом можно убить и словом можно воскресить человека». Дар словесности — великий дар Творца человеку, он выражается также и в способности воздействовать словом на окружающую среду, созидая или разрушая ее.

Заключение

Слово, будучи величайшим орудием Бога, являет свою могучую творческую силу во всей Вселенной. Человек, созданный по образу Божию, также наделен словесностью, и слово, произнесенное им, является выражением его сущности. И изреченное слово начинает жить самостоятельной жизнью, влиять на окружающих людей, вызывая в них соответствующие резонансы.

Сквернословие и матерщина в языческой древности являлись своего рода магическими заклинаниями, посредством которых люди вступали в бесообщение. В современном мире подобного рода срамословие также продолжает привлекать к себе мир падших духов.

Церковное предание всегда резко осуждало сквернословие и подвергало матерщинников различного рода прещениям.

Русский язык, будучи детищем церковно-славянского, несет в себе его Богодухновенную направленность и творческую красоту. Церковно-славянский язык углубляет и поддерживает нравственную и духовную составляющую русского языка, способствует сохранению связи с религиозным и литературным наследием наших предков.

Исследования современных ученых еще раз подтвердили нашу ответственность за произносимое слово. Слово, согласно их данным, может влиять на здоровье человека, воздействовать на его генетический аппарат. Можно сделать важный вывод о том, что матерщинник не способен дать хорошей генетической наследственности своему потомству и потому обрекает свой род на вырождение. Сквернослов или вообще бесплоден, или рожденные им дети несут в себе печать неполноценности, ослаблены родовым грехом, сильно подвержены процессу дегенерации.

Добро дерзновенно. Благое слово, несущее Божественную энергию, в сходных душах вызывает свет, укрепляет и ориентирует на добро, а в темных — выявляет и обличает таящееся в них зло. Доброе слово несет нам с собой благодать и радость в этой жизни, prepares светлые обители в Царстве Небесном. Противостоять распространению гнилых нецензурных слов — задача не только Православия, а и всей нашей культуры, и, конечно же, каждого русского человека. Мы все ответственны за будущее России в нашем мире.

Станислав КУНЯЕВ

«НО МЫ ЛЮБОВЬЮ ЖИЛИ...»

*О книге стихотворений
Бориса Бурмистрова
«Сквозь сумерки времен»*

Станислав Юрьевич Куняев — родился в 1932 г. в Калуге. Окончил филологический факультет МГУ. Работал журналистом в Тайшете, редактором в журнале «Знамя», секретарем Московской писательской организации. Автор многих сборников стихов, трехтомника мемуаров «Поэзия. Судьба. Россия», сборников критики и публицистики. Лауреат Государственной премии РСФСР. С 1989 г. — главный редактор журнала «Наш современник». **Живет в Москве.**

Я издавна знаю и высоко ценю творчество поэтов Кемеровской земли. Двадцать лет назад, посетив этот край, я познакомился сразу с целым поэтическим созвездием Западной Сибири — с Любой Никоновой, Николаем Колмогоровым, Александром Ибрагимовым, Виталием Крековым, Сергеем Донбаем, Борисом Бурмистровым. Все они стали моими младшими друзьями и авторами журнала «Наш современник». К поэтическим сборникам Колмогорова и Донбая мне довелось написать предисловие. А теперь вот и Борис Бурмистров попросил меня быть редактором и составителем его книги...

Когда я прочитал его рукопись, то сразу же в памяти всплыла одна из любимых моих русских пословиц: «Жизнь прожить — не поле перейти». И эту дорогу по бескрайнему полю поэт не прошел бы, если бы не нащупал кровные связи с вечными обликами и явлениями жизни, и в первую очередь с прошедшим, настоящим и будущим поколением родных людей:

*В моем лице —
морщинки прапрадеда,
В моем лице —
улыбки праправнука,
В моем лице —
крупинки прапрасвета,
В моем лице —
полоски прапразвука.*

С чем сталкивается человек, вступивший на край этого поля? В первую очередь, конечно же, с роковой неизбежностью работы, с библейским повелением: «В поте лица своего будешь добывать хлеб свой»...

*Что-то оплачено кровью и потом,
Что-то свалилось, как манна с небес.
И в одиночку, и с целым народом
Нес я безропотно тяжкий свой крест.*

*Кто-то роптал, изнывая от тяжести,
Кто-то проклятья швырял в пустоту.
Тихие, тихие горести-радости
Следом плелись, подгоняя толпу.*

Картинами вечной народной трудовой страды заполнена рукопись Бориса Бурмистрова. Он не «соглядатай праздный», не свидетель, а такой же, как все, соучастник земной, материальной, исторической мистерии, с достоинством несущий «бремя страстей человеческих».

*Жил. И не просто ведь жил —
Завтрашний день предугадывал,
Я ли траву не косил,
Я ли стога не укладывал.
Я ли колодцы не рыл
И за работу в награду
Воды подземные пил,
Жадно впивая прохладу.*

Самым сильным, чтобы «в поте лица своего» одолевать поле жизни — нужны более высокие цели, нежели кусок хлеба и глоток воды. Только в молодости можно рыть колодцы, метать стога, мыть золото в реках и ручьях Колымского края, одолевать просторы русских бездорожий без истерики и без проклятий, с терпением, без которого русские люди не построили бы страны.

*Распутица. Тащу сапог из глины,
Сезон осенних проливных дождей,
Заезженные русские равнины —
Храп лошадей и взмыленных людей.*

Как это все знакомо нам, русским людям из простонародья, истинным поэтом которого я считаю Бориса Бурмистрова.

И каково ж было всем нам, детям этой стихии, понять то, что понял поэт в 90-е годы прошлого века и выразил в стихотворении «Нищета», написанном рукой, до сих пор дрожащей «от тяжелой колымской работы».

*Пойдем, подруга-нищета,
И дальше в поисках позора.
Кому предъявим мы счета
В дни всенародного разора?*

Не часто поэт бросает свой взгляд в мир социальных страстей, но все его строки, написанные на злобу дня, правдивы и убедительны. Если наши семьи, родные, «родова» для какого-нибудь умного немца всего лишь приметы «дурной бесконечности», то для нашего русского поэта — передача вечного тепла из ладони в ладонь, из губ в губы, из очей в очи. Это тепло связует обрывки времен, заполняет провалы памяти, наполняет жизнь шумом родословного древа.

*Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства.
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.
Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и тленны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.*

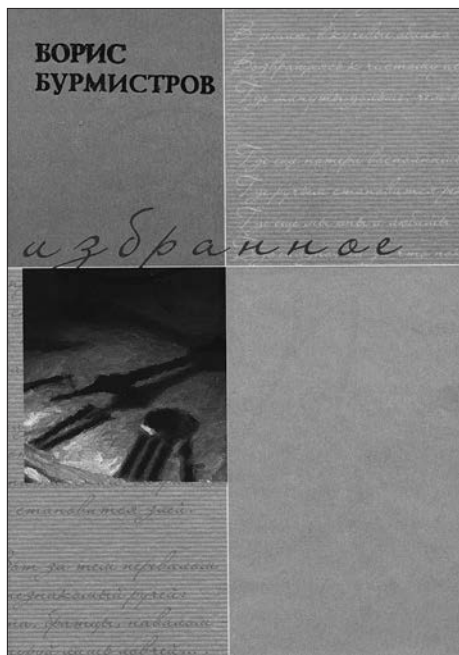
В эту кровную связь, в ее пульсирующий круговорот естественно вплетены и живые картины, и вздохи родной природы.

*И холмы, и равнины,
И глухая тайга,
Скрип продрогшей осины,
И стога, и снега...
Это все мне с начала
И до смертного дня,
И кусты краснотала,
И речушка Иня,
Тихий шепот ковыльный,
Звон колосьев литых,
И далекий былинный
Голос предков моих.*

Это не «публицистическое разгильдяйство» (говоря словами Блока), чем частенько грешит патриотическая лирика, а таинственная сокровенная «скрытая теплота патриотизма», о которой вспоминал Лев Толстой в «Войне и мире». Эту скрытую теплоту поэт научился ценить и ощущать, потеряв многих своих родных и близких.

*Мы бы могли жить совсем по-другому...
Лодка печали причалила к дому.
Мы же не звали ее, не просили,
Сел в эту лодку отец наш Василий,
Дочка Светлана, сынок — Василечек,
Бабушка Дуня и сын ее — летчик,
Брат Анатолий и друг его странник —
Лодка отчалила, скрылась в тумане,
Лишь перевозчик махнул на прощанье
И, оглянувшись, сказал: «До свиданья».*

Стихотворение так и называется «Поминальное». Сразу вспоминается «перевозчик-водогребщик» Александра Твардовского и великая человеческая мудрость, выраженная в словах «для Бога мертвых нет». Поэтому, наверное, и печаль поэта светла, а его стихи об ушедших похожи на глубокие вдохи и выдохи.

*В этот день я с вами, вы со мной —
Двери потаенные открыты.
Здесь какой-то шепот неземной
И цвета закатные разлиты.*

Из стихотворения «Родительский день»

Отцовство, материнство, братство — вот чувства, которые помогают нам не впадать в отчаянье, «перейти поле» жизни. А если еще на свет пробился новый росточек, взамен сломанных житейской бурей, то и силы человеческие возрождаются вновь.

*Новый день теплом согреет
Ласковое солнышко.
Вырастай, сынок, скорее,
Маковое зернышко.
Поделюсь я всем с тобою,
Род наш крепкий, злаковый.
От ветров тебя укрою,
Стебелек мой маковый.*

Перелистываю рукопись и везде нащупываю эти кровные, связи-вены, артерии, сухожилия:

*Три женщины любимых на земле,
Три мотылька, светящихся во мгле.
За них готов молиться день и ночь —
Храни их, Боже: мать, жену и дочь.*

Жизнь, словно кинолента, сматывается в прошлое, и волшебное воспоминание всплывает в памяти седого мужчины:

*Из прошлого высвечен сердцем
Нетленный родительский дом,
В нем зыбка с кудрявым младенцем
Качалась под звездным окном.*

И даже трагический образ родины, умытой кровью в октябре 1993 года, в жизни поэта совмещается с униженной женщиной-матерью:

*Родина — женщина русоволосая,
Милая, милая — нету милей.
Что же ты нынче нагая и босая
Кровь источаешь на груди камней.*

А когда исчерпаны все земные возможности, которые человек обретает в работе и в кровной связи, истрачены силы, данные нам природой для «пе-

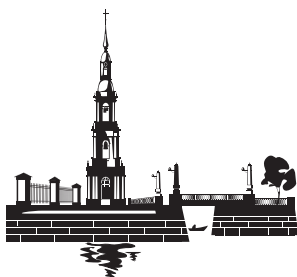
рехода через поле», то у каждого из нас остается золотой запас веры, наш последний, говоря словами Евгения Баратынского, «якорь надежды — символ. Вера, надежда, любовь» — последние средства от смертного греха, который называется «отчаянием».

*Я снова загнан в угол...
Где тьма, где белый свет?
Но нет во мне испуга
И страха тоже нет.
Бывало и похуже,
Вы помните, друзья,
Как в наши души стужа
Вползала, как змея.
Но мы любовью жили,
Молитвою Творца
И в стужу не остыли
Ни души, ни сердца.*

«Бог есть любовь», — писал Лев Николаевич Толстой. И любовь, как воздух, разлитая по страницам лирической книги Бориса Бурмистрова, связывает, скрепляет все частицы постоянно разрушаемого временем нашего внутреннего и внешнего мира. Любовь к жизни, любовь к Родине, любовь к женщине, любовь к истине, любовь к поэзии. Я знаю, что одним из самых любимых поэтов Бориса Бурмистрова является Николай Рубцов, знаменитые слова которого мне хочется вспомнить в заключение:

*С каждой избою и тучею,
С громом, готовым упасть,
Чувствую самую жгучую,
Самую смертную связь.*

У Бориса Бурмистрова — это связь поэта с прошлым, настоящим и будущим родной земли, это его родова с корнями, ветвями и листьями, это бесконечная любовь ко всему сущему.

Борис БУРМИСТРОВ

РУССКИЙ МОТИВ

Борис Васильевич Бурмистров — родился в г. Кемерово в 1946 году. Окончил Кемеровский химико-технологический техникум. Работал по специальности: механик, главный механик на оборонном заводе, в стройуправлении. 6 лет отдал Крайнему Северу — работа бульдозеристом в старательской артели на колымских приисках. В 1984 году с должности зам. директора оборонного завода ушел в литературу. Автор 12 книг стихотворений. Автор многих статей. Председатель отд. СП России Кемеровской обл., директор Дома литераторов Кузбасса, секретарь СП России, член Высшего творческого совета СП России, член-корреспондент РАЕН. Лауреат многих литературных премий. **Живет в г. Кемерово.**

РОССИЯ В НАЧАЛЕ ХХІ ВЕКА

Все обустроилось в жизни,
Видимо, правильно жил.
Только тоска по Отчизне,
Той, что я в детстве любил,

Только печаль мировая
После столь долгих дорог,
Батя сказал умирая:
— Как же вы дальше, сынок...

Видимо, думал он, зная,
Что ожидает нас всех
Междоусобица злая
И неотмоленный грех.

Трапезы реже, чем тризны,
Радости всей на пятак.
Думал, все сладилось в жизни,
Но оказалось не так.

Вновь мои русские братья
Кличут меня по утрам...
Я обещал тебе, батя —
Русь никому не отдам!

РУССКИЙ МОТИВ

Белая, белая дымка,
Воздух морозный горчит,
Утром — туманно и зыбко,
Грустная песня звучит.

С веток дымящийся иней
Медленно падает вниз,
В этой печальной картине
Русская видится жизнь.

Нету на свете чудесней
Спящих под пологом нив —
В тихой, задумчивой песне
Слышится русский мотив.

Тащит лошадка понуро
Скрип одиноких саней —
Грустно. Но это с натуры
Родины милой моей.

Зимняя стынет дорога,
Ниточки — две колеи.
Вера дана нам от Бога,
Верность — от русской земли!

РОВОА

Это дерево вечно растет.
Его корни в глубинах пространства,
В кроне, в листике каждом течет
Кровь язычества и христианства.

Перемешана, смешана кровь
И от буйства к спокойствию духа
Прорастала и крепла любовь,
И коснулась дыханием слуха.

О, далекие предки мои,
Россияне — сыны вольнодумства,

В моем сердце донине горит
Ваш огонь доброты и безумства.

Я листочек на ветке любви,
Все мы в мире и вечны, и глелны.
Дай-то Бог, чтобы в нашей крови
Не пропали великие гены.

Горе сгинет и смута пройдет,
Даст нам Бог высоты и простора.
Покаянное время грядет,
Русь, Россия — судьба и опора.

* * *

Что-то не то в этом мире творится,
Если печалью подсвечены лица,
Если на лицах тревога застыла,
Значит, душа о душе позабыла,
Значит, душе одиноко и сирот,

Значит, в миру нету Божьего мира,
Значит, Любовь в суете затерялась —
Мне не досталась, тебе не досталась...
Так и живем
в этой жизни мы брелной —
Плачет душа о душе сокровенной.

* * *

Когда сменяются цари —
Один другому петлю вяжет,
Пока погода, до зари —
Мужик с молитвой поле пашет.

Когда сшибаются вожди —
Один другому яму роет,

Пока не грянули дожди —
Мужик соломой избу кроет.

Когда грозятся небеса
И над землей гром грохочет,
Гуляет по полю коса —
Мужик о будущем хлопочет.

РУССКОМУ МУЖИКУ

*«О, русская земля,
Уже ты за холмом»*

Слово о полку Игореве

Ты пьешь вино, вины не зная,
Грустишь о чем-то о былом...
Живешь в аду, но жаждешь рая —
Россия где-то за «бугром».
Там, за «бугром», — бугры и ямы,
Там роют пропасть нам с тобой.
И не хватает, видно, «тямы»
Нам повернуть на путь другой.
Очнись, мужик, взгляни воочью,

Россия-матушка во мгле.
И днем, и ночью, днем и ночью
Гуляют бесы по земле.
Ты пьешь вино,
Что ж, пей, но в меру,
Пей, чтоб не двинуться умом,
Не потерять отцову веру.
Россия, где ты?
За холмом?..

КЛЕВЕТНИКАМ РОССИИ

Не озлобляйте ум и сердце,
Не оскверняйте души злом.
Всегда вы в роли иждивенцев —
Пасетесь во поле чужом.

В миру безмолвного творенья
Вам, громогласным, не понять,
Что исихатское моление
Нам до поры велит молчать.

Молчит народ, потом как ахнет
И разметет смердящий дым...
А русский Дух, он Русью пахнет
И оттого неистребим.

И потому хочу заметить,
Заметить раз и навсегда,
Что нам в пути не ваша светит,
А наша — русская звезда...

* * *

Я покидаю с горечью тебя —
Москва, Москва, — нерусская столица.
Мне, русскому, хамят здесь и грубят,
Здесь негде от разбойников укрыться.

Россия, необъятная моя,
Гляжу с холма, и сердце замирает.
Я уезжаю в дальние края,
Где русский дух пока еще витает,

Где Русь моя, надеждами полна,
Что через годы возродится снова.
Москва, Москва, — есть в том моя вина,
Что не сказал в твою защиту слова,

Что промолчал, когда вели в полон
Твоих детей, оторванных от древа.
Ни Ангара, ни Енисей, ни Дон
Из берегов не выплеснули гнева.

Москва, Москва, прости мне этот стыд
За всех, за всё и за мое молчанье,
Прости меня и нас Господь простит.
И всех вернет к любви изначальной.

* * *

Быть казненным или быть убитым.
Где, когда? Об этом знает смерть.
Чтобы стать в России знаменитым,
Надо раньше срока умереть.
Так уж, видно, суждено поэтам —
Не уйти от проклятой суммы.
Что-то есть мистическое в этом —
Погибают лучшие умы.

Им пророчить не дают холопы,
Не дают пророчить господа.
Пыль забвенья замечает тропы
И заносит пеплом города.
Кто казнен, тому не быть убитым.
Кто убит, тот казни избежал.
Чтобы стать в России знаменитым,
Надо переplавиться в металл.

Сыну Евгению

Здесь легкий шелест ветерка
С холмов бледнеющих стекает.
И все таинственно пока,
Пока душа того желает.

Шагну и выйду за порог —
Там, где простор все шире, шире —
Земля рассветная и... Бог!
И все сначала в этом мире.

Вы гордыню слепую умерьте
И смиренно молитесь Ему!

Мысли дерзкие мыслью стираю,
Смерть красна, говорят, на миру.
Каждый вечер, ложась, замираю,
Просыпаясь — молюсь поутру.

Как найти вечный город небесный.
У которого имени нет.
Как дойти до любви сокровенной,
Оставляя земное жилье —
Ощущать себя частью Вселенной
И при жизни, и после нее...

Родная РЕЧЬ

Валерий ГАНИЧЕВ

ЭХО БОРОДИНСКОГО ПОЛЯ

*Слово председателя
Союза писателей России
к русским писателям,
произнесенное на Бородинском
поле в честь 200-летия
победы над Наполеоном*

Валерий Николаевич Ганичев — родился в 1933 году на станции Пестово Новгородской области. Окончил в 1956 году Киевский университет. Доктор исторических наук, профессор, лауреат премии Ленинского комсомола. Главный редактор «Роман-журнал. XXI век». Председатель Союза писателей России. Автор многих книг прозы и публицистики. **Живет в Москве.**

Дорогие соотечественники, наши коллеги-писатели! Нам сегодня выпало счастье соприкоснуться со **святыней**, с нашим **Бородинским полем**. Помолиться, возложить цветы и поклониться воинам Первой Великой Отечественной войны. Пребывание на Бородинском, как и на Куликовом и Прохоровском полях — это всегда память, всегда гордость, всегда урок, всегда духовное размышление о прошлом и будущем. Об этом мы думаем и сегодня, здесь, на Семеновских флешах, и эхо Бородинского поля отзывается в наших душах. Ведь великая литература XIX века вышла из подвига 1812 года, она выросла из Победы под Бородином и Малоярославцем, из разгрома захватчиков на Березине, взятии Парижа. Она зародилась в недрах сражающейся русской армии, где служили Денис Давыдов, Федор Глинка, кавалерист-девица Дурова, преломилась в стихах Пушкина и Лермонтова, прозвучала в «Певце во стане русских воинов» В. Жуковского, вершинно поднялась в «Войне и мире» Л. Толстого. Духоподъемные и патристические воззвания, появившиеся в самые тяжелые дни Отечественной войны, были написаны великими патриотами России — адмиралом Шишковым и графом Ростопчиным. Можно с уверенностью сказать, что «золотой век» русской литературы XIX столетия был взращен и одухотворен той великой Победой 1812 года, и русская литература не позволила опорочить, сфальсифицировать и забыть державную и народную победу. Это ли не урок нам!

Ну а нынче: есть ли сегодня в России русская национальная литература, и где ее место? Для широкой российской общественности русские писатели — это либералы, фланирующие по бульварам, протестующие против русского духа, защищающие

хулиганок из группы «Pussy Riot» и пишущие самые непотребные тексты. Разве это так?

К сожалению, наша власть уже много лет не обращает внимания на русских писателей, писателей русской провинции, защищающих святыни отечественной культуры, отстаивающих русский язык. А на все международные книжные и литературные форумы за счет бюджетных средств посылаются одни и те же пригретые и облагодетельствованные, в основном либерального толка люди. Власть соответственно поощряет их всеми видами государственных премий и многими другими благами. Так, десятки тысяч долларов выплачивались на премии «Триумф» дирижером властной политики 90-х Березовским, конечно же, не из собственного кармана. Или вспомним недавнюю премию Минкульта хулиганам группы «Война» за непотребство, изображенное на одном из старинных мостов в культурной столице, в Санкт-Петербурге, и т. д.

Разве в России нет современной русской национальной литературы? Разве некому влиять на национальное сознание народа? Власть ее не хочет замечать.

Возможно, потому, что у русских национальных писателей есть немало претензий к нынешней власти, к системе развития страны и, прежде всего, к отсутствию полноценной программы и продуманной культурной политики в России. Мы тоже боремся за права, но не узкой столичной буржуазной прослойки общества, а за права всего нашего народа, который не должен отторгаться от настоящей классической и народной культуры, соответствующей его исконным духовным потребностям; за права иметь свою национальную идеологию, свою Православную веру, свою литературу, продолжающую традиции русской классики. В нашей идеологии веками заложены любовь к родной земле, любовь к ближнему, чувство сострадания, совесть и справедливость.

XV Всемирный Русский Народный Собор, учредителем которого почти 19 лет назад наряду с Русской Православной Церковью явился Союз писателей России, в прошлом году в очередной раз назвал те базисные духовные ценности, на которые веками опирается наш народ. Писатели России, наш Союз поддерживают их утверждение в российском обществе. В заключительном соборном слове, в выработке которого принимали участие и писатели, мы отметили, что в этической сфере, как никогда остро стоит *вызов сил, способствующих разрушению привычного уклада жизни, в том числе вызов стяжательства и алчности*, ставших тяжелейшими нравственными пороками. Мы отметили *вызов невежества*, приобретающего сегодня опасные, кризисные масштабы, *разрушение традиций классического образования, недооценки роли русского языка, русской литературы, русской истории* в образовательном процессе, что несет не только угрозу статусу России, как интеллектуального и научного центра мира, но и национальной безопасности.

На протяжении последних столетий Россия имела мировой статус культурной сверхдержавы. Однако сегодня оказалось под угрозой полноценное развитие отечественной культуры, искусства, нам противостоит мощнейший *вызов агрессивной антикультуры «телесного низа»*, получающего поддержку СМИ, в том числе и государственных.

Наши либеральные культуртрегеры с удовольствием используют нецензурную лексику, хулиганство и кошунство, способные, как им кажется,

прикрыть их художественную бездарность и человеческую беспомощность. Эту тенденцию с удовлетворением поддерживают за границей.

Среди базисных смыслов русской культуры в XXI веке должна оставаться *красота, преображающая мир, воплощающая стремление человека к прекрасному*.

Мы убеждены, что культурная политика в нашей стране коренным образом должна быть изменена.

Великая культура, классическая литература, русский язык, следующие за Православной верой, являются теми основополагающими ценностями, без которых наш народ, союз народов не проживут.

В нынешнем постсоветском обществе эти категории или забыты, или отодвинуты, или отрицаются, как и само существование национальной русской идеологии и национального самосознания. Не стало даже графы в паспорте, отражающей национальность человека. Название страны — Россия поставлено после названия административного устройства даже в Конституции. Следует обратить внимание на то, что по всей Европе и в мире, наоборот, происходит национализация сознания, люди все активнее выступают за свои права, идет отказ от так называемого мультикультурализма, ложно понимаемой толерантности — все больше людей вовлекается в антиглобалистское движение, требующее социальной справедливости. Тому подтверждение и победа Николича на президентских выборах в Сербии, и устранение проамериканца Саркози во Франции.

В России существуют сегодня две духовные культуры — малая (по своей духовной сути) либеральная, с осью вокруг Рублево-Успенского шоссе и олигархических оффшоров, но с немалым количеством телестудий и глянцевого СМИ, и большая традиционная, народная, русская — с осью от Калининграда до Владивостока, проходящей через провинциальные центры, небольшие городки, поселки, села. Малая нападает на большую, поносит ее, развращает, откалывая от подлинной культуры группы подрастающего поколения. Власть, постоянно подпитывающая свою малую культуру, вдруг ощутила ее враждебность самим основам русской государственности, враждебность всем ее традициям, заложенным в русской истории. Но сумеет ли власть, осознав это, повернуться к большой традиционной русской народной культуре, да и захочет ли наша большая культура даже в малой мере оказать поддержку такому институту власти? Не чувствует ли наша большая традиционная культура, как в либеральствующей прослойке, так и в некоторых слоях правящей элиты, чуждое себе миропонимание, чуждые нравственные и культурные ценности?

Нужна ли России гельманоподобная культура? И что заставляет власть-имущих даже в такое тревожное для себя время делать ставку лишь на нее, на растворение нашего национального сознания? Русский народ всегда был способен на национальную мобилизацию, на совершение великих исторических подвигов не только во имя себя, но и во имя всей страны и даже человечества. Но он должен видеть перед собой настоящие исторические задачи, должен понимать реальную цель.

Сегодня русская национальная литература с культурного поля почти устранена, и во многом сама устранилась от вторжения в формирование нового государственного мышления. Может, это от того, что нынешнее государство для русских писателей чужое?

Не пора ли повернуться лицом к русскому народу и к нашим традиционным духовным и культурным ценностям? Ведь никогда в истории нашей страны, даже во времена предреволюционного декаданса, мы не имели столь безнравственную и растленную творческую группировку предпринимателей от культуры, утверждающих, что они и есть элита.

Мы не призываем к запретам, гонениям, мы призываем к повороту властей к русскому национальному самосознанию. И тогда найдется на общем поле место даже либеральному балаганчику, потешающему зрителей особого свойства.

Нам нужны народные права. Нам нужна народная интеллигенция, нам нужна народная культура, имеющая тысячелетние традиции. Дайте им дорогу!

Настроения последнего времени наглядно показали отсутствие державно-культурной доктрины в государстве, что приводит к попранию любых законов, любых традиций, к попранию патриотизма, религиозности, справедливости, семейной ответственности и, в конце концов, приводит к попранию самой власти, как таковой. Ставка на растленное молодое сознание приводит не к безразличию по отношению к власти, а ко всеобщей радикализации общества.

Парадокс в том, что критикуемая сегодня правительственная элита нередко живет по тем же самым законам, что и протестные слои либерального вестернизированного общества. Хватит ли у той части правящей элиты, которая обладает государственным сознанием, силы и воли осуществить поворот идеологического и культурного руля в сторону национального самосознания?

Это зависит, в том числе, и от настроения самих русских писателей. Хватит ли у нас воли, пассионарности, чтобы зажечь народ энергетикой реального преобразования всего общества, или мы уже свыклись со своей ролью человека на обочине, свыклись со смиренностью и пассивностью? Легко вспомнить знакомые со школьных времен строчки из знаменитой поэмы Лермонтова «Бородино», но гораздо труднее исполнить эти боевые заповеди.

Во многом задача доведения до власть имущих подобных истин ложится на современного русского писателя. Он не может быть только «зеркалом русской жизни». В сегодняшних обстоятельствах требуется его активное обращение к обществу через свои произведения. Хватит ли сил у русских писателей «глаголом жечь сердца людей»? Не утратил ли русский писатель возвышенную, но порой и опасную роль проводника Божественного предназначения? Способен ли нынешний писатель мерным звуком своих могучих слов воспламенить человека для духовного возвышения, для созидания, для битвы за наши ценности? Прозвучит ли писательское слово сегодня, «как колокол на башне вечевой во дни торжеств и бед народных»?

Сегодня, казалось бы, все настроено против возрождения значимой роли русского писателя. Это и отторжение его от молодежной аудитории, и лишение малейшей материальной поддержки для издания его произведений, и явное изгнание и столичных русских писателей и литераторов, представляющих нашу провинцию, со всех каналов телевидения и с любых значимых информационных трибун. Писателя осознанно отлучили от читателя. Отсюда и вопрос: есть ли вообще сегодня русские писатели в числе

авторов так называемой русской литературы? Есть ли им там место? Вряд ли случайно, что на всех каналах телевидения, если и допускаются ведущие телепередачи, то непременно из самого либерального лагеря. Невозможно представить русского патриотического, государственно настроенного писателя в роли ведущего на государственном же телевидении. Как сказал один публицист, может быть, когда трупы отечественных Кадаффи будут тащить по улицам Москвы, кое-кто из правящей элиты пожалеет о запрете в России литературной патриотики. Так, кстати, было и при царском режиме, не принимавшем во внимание национальные патриотические организации и поддерживавшем либеральные начинания, завершившиеся разрушением устоев страны. Так было и в советское время, когда чиновники всех мастей угождали, чем могли, и Аксенову, и другим шестидесятникам, и всем уехавшим за границу поэтам, но ставили заслон перед яркими представителями русской национальной литературы — от поэтов Николая Рубцова, Юрия Кузнецова и Николая Тряпкина до представителей деревенской прозы, — вели гонения на «писателей-русистов» по указанию шефа КГБ.

Пора современной русской литературе, пора русским национальным журналам «Наш современник» и «Москва», пора всем литературным газетам и изданиям начать решительное наступление на царящее во власти и в оппозиции потребительское развращающее сознание.

У России есть только свое национальное будущее, нам не присущ олигархический тип мышления. Русскому человеку надо вернуть его достоинство. Русской нации — ее национальную культуру. Русскому языку — его богатство.

Не случайно главные, судьбоносные литературные откровения относительно родного языка рождались именно «во дни сомнений, во дни тягостных раздумий о судьбах» нашей Родины — как у Тургенева. Во дни надвигающейся революционной смуты, как у Бунина: «Умейте же сберечь хоть в меру сил, в дни злобы и страдания, наш дар бессмертный — речь». В Великую Отечественную, как у Ахматовой: «Мы сохраним тебя, русская речь, великое русское слово. Свободным и чистым тебя пронесем, и внукам дадим, и от плена спасем. Навеки».

Нельзя позволять дальше разгораться открытой борьбе, направленной на уничтожение отечественной литературы, сохраняющей и охраняющей подлинный и правдивый русский язык! Нельзя допускать убийства литературы, не замаранной грязнословием, нездоровым интересом к проблемам сексуальных меньшинств, патологии и извращениям, не унизившей себя осмеянием национальных гениев.

Мы оставляем за собой право аргументированно, резко отстаивать историю нашего народа, в том числе и попытку предать забвению Победу нашего народа в 1941–1945 годах. Комиссия по борьбе с ее фальсификацией распущена. Но мы призываем ветеранов войны, учителей, деятелей культуры, всех писателей продолжать давать отпор любым очернителям и хулителям нашей Победы. Мы требуем вернуть в школьную программу расширенный курс литературы, необходимо знакомить с лучшими произведениями нашей литературы о Великой Отечественной войне школьников, молодое поколение. Мы призываем всех соотечественников провести юбилей 1812 года, как праздник патриотизма, познания собственной истории, как праздник высокого духа победы, праздник нашей классической литературы и культуры.

Мы обращаемся к властям Москвы и Санкт-Петербурга с пожеланием, чтобы в наших столицах были воздвигнуты памятники великим державным деятелям, людям высокого духа — адмиралу Шишкову и графу Ростопчину, писателю В. Жуковскому, создававшим пламенные словесные творения в тяжелые дни 1812 года.

Ну а нынче мы говорим: российское общество, русские граждане, протяните руку этой нашей отечественной литературе, ибо за ней — историческая правда и победа здравых сил. Россия живет сегодня тяжело. Но она живет в вере, и в надежде, и в жажде созидания.

Давайте же созидать вместе под знаком русской классической литературы, великого Русского Слова.

Нет сомнения, что это относится и ко всем общероссийским национальным литературам, с которыми мы плодотворно сотрудничаем. И это сотрудничество показывает пути единения народов нашей страны вокруг русского народа.

Слово поддержано и принято как обращение к соотечественникам участниками Соборной встречи и пленума Союза писателей России «Литература подвига. Русская литература Первой Великой Отечественной войны».

ВЫШЛА КНИГА

Хомутов С. А. Чем оправдаю жизнь свою. — Рыбинск: Рыбинское подворье, 2012. — 80 с.

Книга новых стихов Сергея Хомутова не объединяется какой-то одной идеей, но все-таки имеет определенную общую направленность. Поэт хочет показать, что жизнь человека в любое, даже самое нелегкое, время разнообразна. В ней и радость обретений, и горечь утрат, и размышления о настоящем и будущем, и воспоминания о прошлом. В целом автор остается верен себе, своим убеждениям. Поправку надо сделать только на возраст поэта, уже вступившего в пору жизненной осени. Название сборника точно выражает его настроение на этом отрезке творческого пути.

Наталья НАРОЧНИЦКАЯ ПЕРВАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ

Вместо предисловия

Наталья Алексеевна Нарочницкая — доктор исторических наук, эксперт в области международных отношений и внешней политики России, специалист по США и Германии. В 1982–1989 годах работала в Секретариате ООН в Нью-Йорке. В 2004–2007 годах — депутат, заместитель председателя Комитета по международным делам Государственной Думы Российской Федерации IV созыва. С 2004 года — учредитель и президент Фонда исторической перспективы. С 2008 года возглавляет парижское отделение российского некоммерческого фонда «Институт демократии и сотрудничества». Н. А. Нарочницкая является членом Попечительского совета Фонда «Русский мир», Совета Императорского православного палестинского общества. **Живет в Москве.**

В серии «Актуальная история» издательства «Вече» вышла книга, подготовленная Фондом исторической перспективы (Москва) и Институтом демократии и сотрудничества (Париж). Обойти вниманием этот труд журнал «Родная Ладога» не считает возможным. Книга является, по нашему мнению, литературно-историческим событием года, посвященного 200-летию юбилею победы над Наполеоном. Метафорическое название книги «Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года» свидетельствует о насыщенности и неординарности ее содержания. Исторические издания Фонда исторической перспективы и Института демократии и сотрудничества всегда вызывают особый интерес, так как связаны с животрепещущими проблемами современности. Читатели нашего журнала могут составить представление о содержании книги и об историко-политических ее акцентах по предисловию, подготовленному президентом ФИП и директором ИДС Н. А. Нарочницкой к этому уникальному изданию, а также по развернутой аннотации.

Война 1812 года — первая война, которая была Россией наречена Отечественной, и таковой она и останется в русском сознании. России приходилось воевать немало, практически каждое десятилетие в течение многих столетий. Однако войны Нового времени, в том числе и героические походы А. В. Суворова, которые прославили русского солдата на всю Европу, не затрагивали судьбу страны в целом, а служили либо решению геополитических задач, или участию в коалициях и замыслах других держав, то есть были борьбой за интересы, но не за живот.

«Гроза 1812 года» — вот в памяти народа образ нависшей над нацией огромной тучи, угрожавшей не столько отобрать часть достояния, сколько лишит нацию, как самостоятельное явление истории, самого будущего. Именно такое ощущение рождает неприятельская армада, вторгшаяся на просторы Отечества, и превращает войну в Отечественную, когда старый и молодой, образованный и простой, богатый и бедный вдруг ощущают себя единым преемственно живущим организмом с общим духом, с общими целями и ценностями национального бытия, с общими историческими переживаниями. Ибо беда случается не с государством, а именно с Отечеством — понятием, включающим не только и не столько землю и построенную на ней жизнь, но чувство рода, живую сопричастность деяниям предков и судьбе потомков. Неслучайно в учении Филарета Московского государство — это не «общественный договор», а «разросшееся семейство». Утрата самостояния в истории в сознании народа вдруг ощущается обесмысливанием всех предыдущих национальных сверхусилий — и стояния за веру, и победы на Чудском озере и на Куликовом поле, и подвига Минина и Пожарского, воплотивших общенародную волю к восстановлению разрушившегося государства, и петровского «окна в Европу».

Если нация способна ощутить угрозу Отечеству как общенациональную беду, то это симптом известного духовного строя народа, который определяется тем, что он почитает наиценнейшим. Рациональные иностранцы в 1812 году видели варварство в пожаре Москвы. Но этот эпизод, по словам Д. Хомякова — сына А. С. Хомякова, — иллюстрирует, «как народ смотрит на земные блага, когда они стоят поперек пути к высшим целям», ради которых он сознательно жертвует действительными и мнимыми благами, чтобы охранить и сохранить наиценнейшее¹. В таком порыве нет места сомнениям о цене победы. Помещики жгли свои поместья, крестьяне бросали свое хозяйство, не думая о том, что потом нечего будет есть, брали вилы и шли на неприятеля. Упоминая «самосожжение» Москвы, Ильин писал, что «Россия победила Наполеона именно этой совершеннейшей внутренней свободой... Нигде люди не отказываются так легко от земных благ... нигде не забываются так окончательно потери и убытки, как у русских»².

Отечество вечно в отличие от государства — преходящей формы, творения рук человеческих, которая наследует предыдущие грехи и накапливает собственные. Государство всегда несовершенно и всегда будет вызывать критику, даже отторжение у части общества. Отечество же — это вечный дар, данный нам для постоянного исторического делания. Подлинное национальное сознание — это не слепое любованье, не завышенная самооценка, это жгучее чувство принадлежности ко всей истории Отечества и его будущему. Такое чувство пробуждается, когда встает вопрос: «Быть или не быть?» В годину «грозы 1812 года» это чувство пронизало все общество от аристократии, преклонявшейся перед французским гламуром, до крестьян, знающих только Псалтирь. М. Ю. Лермонтов не случайно написал свое знаменитое «Бородино» от лица простого солдата, свободного от всякого «классового» чувства, об отсутствии которого в войне 1812 года так сокрушалась

¹ Хомяков Д. А. Православие, Самодержавие и Народность. Монреаль, 1983. С. 136–137.

² Ильин И. А. О национальном призвании России. (Ответ на книгу Шубарта). См. Шубарт Вальтер. Европа и душа Востока. М., 1997. С. 380.

«красная профессура» ультрамарксистской школы Покровского, считавшая Наполеона «освободителем», который нес, якобы, прогресс в «отсталую» Россию. Но нет, Царь, офицер, аристократ и простой мужик были едины: «Полковник наш рожден был хватом, слуга Царю, отец солдатам...».

Такое же чувство — «ярость благородная» «вскипело как волна» во время гитлеровского нашествия, хотя многие, пребывая в ужасе от революции и ее следствий, не принимали государство. Но когда чужеземцы пришли топтать русскую землю, «ее бесчестить небеса, пожрать богатства, сжечь леса и высосать моря и руды» (М. Волошин), ощущение вселенского зла затмило все распри об устройении государства ради спасения Отечества. И именно Великая Отечественная война, востребовав национальное чувство, порушенное классовым интернационализмом, очистила от скверны гражданской войны и воссоединила в душах людей разорванную, казалось, навеки, нить русской и советской истории. Не случайно тогда были возвращены с «исторической свалки» великие имена Суворова, Кутузова, Давыдова. Память об Отечественной войне 1812 года вдохновила и на великую Победу мая 1945-го...

В сегодняшний век скепсиса и нигилизма нелишне помнить, что нация, способная ценить и чтить свою историю, в итоге всегда побеждает и остается самостоятельным субъектом мировой истории. Победа в Отечественной войне консолидирует национальную волю и дает огромный заряд энергии, несмотря на материальные потери и гибель людей — самых смелых и пылких. И Россия вышла из войны 1812 года и последующего победного шествия по Европе способной к историческому рывку — как всегда в русской истории, противоречивому, усилившему внутренние напряжения, рождая буйное переживание новых идей общественного переустройства. Именно эта способность подвигла Россию на дальнейшее закрепление на Дальнем Востоке, на Черном море и в Закавказье, оградив его от Персии и Турции, несмотря на все козни Англии. На Венском конгрессе 1815 года она уже действительно могла вести себя, как Держава, «без которой ни одна пушка в Европе не стреляла». Россия стала превращаться в такой фактор мирового соотношения сил, который и поныне вызывает нервное отношение.

1812 год оставил глубочайший след в сознании и, без сомнения, породил исполинский творческий импульс, давший миру великую русскую литературу. Наши национальные гении — столпы мировой литературы — А. С. Пушкин и Л. Н. Толстой не могли обойти вниманием это событие. У Пушкина есть потрясающее стихотворение «Бородинская годовщина», по которому можно изучать геополитику с XIX века по сегодняшний день: «Куда отвиним строй твердынь? — За Буг, до Ворсклы, до Лимана? За кем останется Волынь? За кем наследие Богдана?»

Лев Толстой через призму ВОЙНЫ, как глубокого переворота всех взаимосвязей, когда меркнет все суетное, представил панораму русской и одновременно общечеловеческой жизни, когда война уравнивает всех, и это явлено в образе и испытаниях Пьера Безухова.

XIX век — век империй и «тиранов» был еще веком почти «рыцарских» войн по сравнению с войнами XX столетия и сегодняшним веком насаждаемой бомбами вселенской демократии, породившей явление Гуантанамо. В народной памяти не осталось воспоминаний о жестокости пришельцев, хотя «на войне, как на войне», и было и мародерство, и смерть гражданского населе-

ния, и взаимная жестокость, но война еще велась с соблюдением христианских представлений о морали, о человеке, о смерти. Маленький шедевр советского кинематографа фильм «Гусарская баллада» неслучайно стал удивительно светлым отображением исторической памяти о войне 1812 года. И своя сторона, и противник представлены одинаково по-человечески достойными образами: с верностью присяге и долгу и этическим нормам, как на дуэли.

Но война 1812 года, если говорить и о жертвах, и о геополитике, имела всеевропейский характер. По масштабу геополитических амбиций «тяготеющего над царствами кумира» и по втянутым участникам наполеоновского нашествия на Россию это была почти мировая война. В ходе нашествия «двунадесяти языков» французы составляли лишь половину «великой армии». В ней же была вся покоренная Европа — голландцы и бельгийцы, баварцы, саксонцы и хорваты, итальянцы и принудительно мобилизованные испанцы и португальцы, австрийцы в лице восточноевропейцев, румын и мадьяр, и, конечно, неугомонные, когда дело касается вреда России, поляки, давшие 100 тысяч солдат.

Почти религиозным поклонением Наполеону и почти мистической ненавистью к России был сжигаем Адам Мицкевич. Гуляя вместе с А. Герценом по ночному Парижу и поравнявшись с памятником Наполеону на Вандомской площади, Мицкевич снял шляпу и поклонился, прошептал: «Это ОН!» На одном из собраний разноплеменных либералов поэт пламенно призывал к новому походу на Россию двунадесяти языков, разумеется, под флагом демократии, которая «собирается в новый открытый стан» и «снова ринется на освобождение всех притесненных народов, под теми же орлами, под теми же знаменами, при виде которых бледнели все цари и власти». Повести же этот стан должен был опять «один из членов той венчанной народом династии, которая как бы самым провидением назначена вести революцию стройным путем авторитета и побед». Это был Наполеон III — фигура, противоположная идеалам демократии, но враждебная России, что в глазах поляка делало его героем. Это с горечью описал А. Герцен, как и то, что к чести собрания, Мицкевича никто не поддержал, а прудонист испанец Рамон де ла Сагра — сын народа, «притесненного» амбициями Бонапарта, да еще с помощью польского полка, не оставил речь поляка без «протестации» и призвал погибель на всякий «деспотизм, как бы он ни назывался: королевским или императорским, бурбонским или бонапартовским!»¹

Похоже, А. Мицкевичу была неизвестна подлинная цена польского вопроса для Западной Европы. Его кумир — Наполеон Бонапарт, «не любивший Польши, а любивший поляков, проливавших за него кровь» (Герцен), считал Польшу разменной картой против России, о чем свидетельствуют его предложения в ходе переговоров по Тильзитскому миру.

Наполеон, ярчайшая фигура не только французской, но и европейской истории, вернул залитой революционной кровью Франции мотив национального единения и величия, за что его правомерно почитают французы. Но в соответствии с западным «прометеевским» типом (В. Шубарт) Бонапарт обратил революционный пафос в завоевательный, демонстрируя воспетое Вернером Зомбартом героическое авантюрное начало «народов-завоевателей» в отличие от презируемой нищезанемлемым сознанием «морализаторской

¹ Герцен А. И. Былое и думы. Часть V. Глава XXXVII. М., 1933. Т. II. С. 50.

аскетической склонности» «незападных» народов. Возжелав возглавить Европу, Наполеон безуспешно пытался подорвать мощь своего главного соперника — Британии, втягивая в «континентальную блокаду» Россию, безуспешно предлагал в Тильзите Александру I убрать с карты Европы Пруссию. Наполеон, может быть, первым в истории осознал, что невозможно стать правителем мира, не устранив с мирового поля Россию, не лишив ее роли великой Державы. Россия уже мешала, как будет она мешать в XX и в XXI веках любому, кто мнит управлять миром. Не пожалевшая жизней за Отечество Россия уже тогда оказалась силой, равновеликой совокупной мощи Европы, что и выразил Пушкин с его необычайным историческим чутьем:

*Великий день Бородина
Мы, братской тризной поминая,
Твердили: «Шли же племена,
Бедой России угрожая;
Не вся ль Европа тут была?
А чья звезда ее вела!..
Но стали ж мы пятою твердой
И грудью приняли напор
Племен, послушных воле гордой,
И равен был неравный спор...»*

Выдающийся русский политический географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский, председатель Русского географического общества, рассматривал большие, когда-либо существовавшие геополитические проекты, среди которых со времен Пунических войн было стремление кольцеобразно овладеть обоими побережьями Средиземного моря, что делали и арабы, и турки, и что начал реализовывать Наполеон. Если бы он по наущению своей соперницы Англии, как пишет Семенов-Тянь-Шанский, не двинулся на Россию, Бонапарт вполне мог стать «господином мира». Было бы интересно найти документальные подтверждения такому мнению и выяснить, не являлись ли англосаксы уже тогда заинтересованными в сталкивании крупных континентальных соперников в Европе, дабы не допустить формирования одной преимущественно влиятельной державы на европейском континенте, что составляет суть британской стратегии. Это была роковая ошибка Наполеона. Потерпев сокрушительное поражение, он бежал из России, бросив свою разгромленную, голодную, оборванную и замерзающую «великую» армию. Россия же за века не знала такой гибели людей и такого разорения и опустошения.

Русская армия победоносно вошла в Париж, удивляя парижан казачьим обмундированием и желанием все получить «быстро-быстро». Но Россия, тем не менее, спасла Францию, став на Венском конгрессе единственной страной, не позволившей лишить ее геополитического значения, что предпочитали Австрия и Пруссия. Император Александр содействовал уменьшению репараций, возложенных на Францию, сокращению срока оккупации союзными войсками французской территории. Меркантильность совершенно не была свойственна тогдашней русской политике, руководствовавшейся, прежде всего, принципом легитимизма и тогда еще сохраняемой государственной морали.

Исследователи за два столетия уже, наверное, вскрыли все доступные документы, с разных точек зрения рассмотрели канву событий. Трудно предположить, что какие-то ранее неизвестные факты могут радикально изменить представление о летописи войны 1812 года. Однако у современного человека и исследователя есть возможность осмыслить этот период не только с высоты накопленных знаний, но более отстраненно и панорамно, в свете совокупности международных отношений и преемственных геополитических устремлений за два столетия. Именно сейчас можно в полной мере оценить значение этой эпопеи для всей русской истории, для положения России в мире и в истории, провести параллели и сравнения.

Любопытную картину могло бы дать исследование эволюции в историографии трактовки тех масштабных событий. Ибо борьба идей и общий тон мировой политики, особенно в наш век невиданной идеологизации амбиций, окрашивает интерпретацию не только современных явлений, но и предыдущих этапов истории, в чем можно убедиться на примере искажения и пересмотра смысла и итогов Второй мировой войны. Это относится и к оценке Первой мировой войны, столетие которой непременно продемонстрирует попытку использовать историю как инструмент политики. Так, если до Второй мировой войны и даже в годы «холодной войны» никто не обвинял историческую Россию в развязывании Первой мировой войны, то в апогее «идеологического противоборства» в 1970–1980 годах в некоторых работах это уже присутствует. То же можно проследить в отношении войны 1812 года.

Необычайно интересно осмыслить, как память об этой войне отражается в общественном сознании, как образы России и Франции в сознании друг друга эволюционировали на протяжении двухсот лет через призму памяти о наполеоновском нашествии. Настало время исторической социологии, ибо мировоззренческая рама исторического сознания определяет формирование образа друг друга.

Хотя Франция была неприятелем и завоевателем, французские политические идеи оказались весьма заразительными, и российские умы возмечтали о республиках, социализме, свержении Самодержавия, ничуть не испугавшись террора. Это и дух декабризма с его еще кабинетными, хотя весьма кровавыми утопиями, это и развивавшийся весь XIX век революционный проект, который реализовал себя через столетие в Октябрьской революции, скопировавшей и якобинский «революционный террор», и неизбежный итог, когда «революция, как Сатурн, пожирает собственных детей» (А. Франс), а гильотина репрессий рубит уже собственных «октябрьских» дантонов и робеспьеров.

Можно только пожалеть о том, что взаимное узнавание России и Европы, столкновение и взаимодействие культур, привычек, образа жизни непосредственно и осязаемо происходило в прошлые века тогда, когда русский народ, изгоняя захватчиков и оттесняя их к собственным границам, освобождал и другие страны и народы. Но это очень интересный процесс на самом живом человеческом уровне. Классическая историография Нового и тем более Новейшего времени в основном опирается на официальные документальные источники. Для исторических исследований второй половины XX века и вовсе характерны сухость изложения, скудость образности. Но возвращаясь сегодня к «грозе 1812 года», о которой уже написаны тысячи

страниц, есть смысл обратиться и к письмам, мемуарам, устным преданиям и рассказам, которые передают дух эпохи.

Живые образы людей, походя высказанные в письмах мнения и зарисовки расширяют нашу палитру восприятия и понимания прошлого, воссоздавая живую картину эпохи, и придают нашим знаниям гуманистическое измерение. Такие краски возвращают нас к классической истории античных времен, когда описание нравов и поведения, живых характеров имело значение наравне с фактами, которые как раз искажались в первую очередь. Наверное, такой и должна быть история, которой покровительствует муза Клио, а не холодный рассудок.

Если во французском языке русские оставили свое слово «бистро-быстро», то в русском языке до наших дней сохранилось слово «шаромыжник» — вызывающий жалость проситель, от французского обращения «Шер ами» (Cherami! — Дорогой друг!), с которым замерзающие французы поздней осенью 1812 года, съев уже своих павших лошадей, просили поесть и обогреться. Слово это чисто по-русски, беззлобно отражает судьбу завоевателя, который приходит в Россию в блестящем мундире на белом коне, мня себя правителем мира, а обратно, усеяв русскую равнину своими и нашими мертвыми телами, возвращается с протянутой рукой, голодный, холодный, жалкий и недоумевающий, зачем он сюда пришел с оружием... Уроки истории, хотя никого не учат, все-таки назидательны.

ВЫШЛА КНИГА

Партитура Первой Отечественной. Война 1812 года. Серия «Актуальная история». Изд-во Вече. М., 2012.

Фонд исторической перспективы объединил для работы над этой книгой ряд авторов, которые считают необходимым, несмотря на огромное количество литературы об Отечественной войне 1812 года, представить новое осмысление тех событий.

Существует множество публикаций об этой эпохе на многих европейских языках. Наряду с исследовательскими итогами, позволяющими до мельчайших подробностей реконструировать ход военных действий или политических переговоров, продолжает существовать засилье стереотипов и мифов.

До сих пор мифологизированы вопросы, почему же все-таки началась война между Францией и Россией, что послужило основной причиной поражения Наполеона в России, случайно или неслучайно Бонапарту удалось ускользнуть от пленения зимой 1812 года и многие другие.

Труды, написанные в данной области, при всей внимательности к подробностям военных действий, тем не менее, оставляют без внимания неповторимость, жестокость этой войны. От внимания исследователей ускользает так называемое человеческое измерение военных событий, то есть мысли, чувства и переживания непосредственных участников и свидетелей далеких событий. Интерес представляет, как Отечественная война 1812 года была пережита и прочувствована участниками боев и гражданским населением, тем более что существующее собрание источников — мемуары, письма, записки — позволяет сделать это.

В представленной книге коллективом авторов из Москвы, Санкт-Петербурга, Саратова, а также из Франции сделана попытка ответить на некоторые вопросы и развенчать некоторые мифы, безусловно, не претендуя на всеобъемлющий характер данного исследования. В статьях заведующего кафедрой истории государства и права Юридического факультета МГУ им. М. И. Ломоносова В. А. Томсинова, профессора Саратовского государственного университета им. Н. Г. Чернышевского А. В. Гладышева, главного хранителя Государственного музея «Бородинская панорама» Л. Л. Ивченко, директора Центра исследования по истории славян Парижского университета Сорбонна М.-П. Рей, французского историка, президента фонда «Наполеон» Тьерри Ланца рассматриваются тайны происхождения войны 1812 года, проблемы международных отношений эпохи наполеоновских войн, характерные черты и особенности предлагаемого Наполеоном международному сообществу миропорядка, подводные камни и скрытые пружины современной историографии этих вопросов.

По традиции, сложившейся в серии «Актуальная история», книга имеет документальное приложение, содержание которого обусловлено проблематикой данной книги. В нем представлены тексты декретов Наполеона о блокаде Англии, текст Тильзитского договора, переписка Александра I с М. М. Сперанским, Манифест Александра I от 6 июля 1812 года, перепечатанные из Полного собрания законов Российской Империи и сборников Русского исторического общества. Старший научный сотрудник Института всеобщей истории РАН Н. В. Проmysлов также публикует письма французских солдат — участников войны 1812 года.

Не секрет, что современное российское общество плохо знает и плохо изучает свою историю. А это чревато разрушением исторической памяти народа и его национального самосознания, что создает условия для разрушения традиционных национальных ценностей и подмены их ложными ориентирами.

Поэтому в книге особое внимание обращено на то, как память о первой в истории России Отечественной войне претворяется в жизнь в современных условиях. Писатель, член Союза писателей России В. Я. Коростышевский, проживающий в московском районе Куркино, два года назад узнал о том, что жители этого района были участниками народного ополчения в 1812 году. Он разыскал в московских архивах подтверждение этим сведениям. Эта исследовательская работа подвигла его на написание романа о первой в

истории России Отечественной войне, а также на проталкивание идеи об установке в районе памятника его уроженцам — участникам войны 1812 года. Читателям предлагается рассказ об этой работе, а также отрывок из еще незаконченного романа. В книге также можно найти материал руководителя авторского коллектива из Санкт-Петербурга скульптора В. Н. Филиппова о проекте памятника военным священникам, погибшим во время войн при исполнении своего воинского долга, который должен обратить внимание на необходимость возрождения духовно-нравственной составляющей современной российской армии. А идею такого памятника подсказал подвиг о. Василия (Васильковского), священника 19-го Егерского пехотного полка, принимавшего участие в сражениях при Витебске и Малоярославце в 1812 году и первым среди военных священников награжденного Георгиевским крестом.

Редакционная коллегия не случайно поместила эти материалы в книгу. Цель данного труда также — напомнить о значении победы в Отечественной войне 1812 года для современной России. Ведь недаром в Федеральном законе «О днях воинской славы России» в перечень включено 8 сентября — день Бородинского сражения. Среди многих славных страниц родной истории память о «дне Бородина» имеет особое значение, поскольку, по выражению А. С. Пушкина, «через Отечественную войну 1812 года миру была явлена миссия русского народа».

Сегодня, когда перед современным обществом поставлены грандиозные задачи, решение которых требует напряжения всех общественных сил, вопрос не стоит только о том, какие материальные затраты потребуются для решения этих задач. Вопрос стоит, какие люди будут воплощать эти планы в жизнь. Гарантией успеха является условие, что эти планы реализуют люди, понимающие свою причастность не только к реалиям сегодняшнего дня, но и всей национальной истории и духовно-нравственным традициям.

*Е. Н. Рудая, руководитель научно-просветительских
и культурных программ Фонда исторической перспективы*

Русские СУДЬБЫ

**Игорь
АНДРУШКЕВИЧ**

БОРОДИНСКИЕ ТОРЖЕСТВА СТО ЛЕТ ТОМУ НАЗАД

Игорь Николаевич Андрушкевич — родился в 1927 г. в Белграде (Югославия) в семье русских белых эмигрантов. Был крещен в РПЦЗ. Отец — полковник Русской Армии. Окончил Первый Русский В. К. Константина Константиновича Кадетский Корпус. Затем переехал в Аргентину, где учился на журналистском и философском факультетах. Работал директором на металлургических заводах в Буэнос-Айресе. 30 лет преподавал историю России. Был членом Епископского Совета Аргентино-Парагвайской Епархии РПЦЗ, председатель «Объединения кадетов Российских кадетских корпусов в Аргентине». Редактор журнала «Кадетская перекличка». Автор многих книг и статей. **Живет в Буэнос-Айресе, Аргентина.**

Один из старших русских кадетов в Аргентине, кадет Пажеского Его Императорского Величества (Е. И. В.) корпуса, граф Александр Алексеевич Коновницын сто лет тому назад стоял семилетним мальчиком на царской трибуне, почти рядом с Государем Императором Николаем Александровичем, во время торжественного юбилейного парада Русской Императорской Армии на поле Бородин, в день столетия Бородинского боя. Он об этом подробно и неоднократно рассказывал во время кадетских встреч в Буэнос-Айресе.

Граф Александр Алексеевич Коновницын родился 10 августа 1905 г., в семейном имении его родителей, и скончался 23 марта 1998 г., в буэнос-айресском пригороде Оливос, в Аргентине. Он был праправнуком героя Бородинского сражения графа П. П. Коновницына.

В его домике в пригороде Оливос, у входа в гостиную, висела небольшая картина Бородинского сражения, на которой был изображен лежащий на земле, смертельно раненный около полудня, князь П. И. Багратион, рукой указывающий на генерала П. П. Коновницына в ряду стоящих полукругом военных, чтобы он принял на себя командование боем.

Когда в 1912 г. во Всероссийской Империи торжественно отмечалось столетие Великой Отечественной войны 1812 года, все мужские потомки героев этой войны были приглашены на юбилейный парад в день Бородинского боя на царскую трибуну, в том числе и граф А. А. Коновницын. Ему тогда было всего лишь семь лет, он уже имел право надевать военную форму Пажеского Е. И. В. корпуса без погон, ибо все потомки героев этой войны имели право на поступление в этот Корпус. Он был одним из самых маленьких принимающих этот парад, и

*Портрет Петра Петровича Коновницына.
Художник Джордж Доу. Эрмитаж*

стоял почти рядом с Царем-Мучеником, который ему даже что-то сказал, и при этом погладил по голове. Граф А. А. Коновницын всегда говорил, что это был самый лучший момент в его многолетней жизни, и что ласка Святого Царя его оберегала всю жизнь и всегда ему давала силы правильно жить. После парада Царь пригласил всех участников царской трибуны на парадный завтрак в царской палатке на Бородинском поле, в том числе и его. На столе были разложены серебряные приборы с инициалами каждого гостя и с датой этого дня. После парадного завтрака все его участники, если хотели, могли взять с собой свои приборы на память.

Когда ему исполнилось десять лет, А. А. Коновницын поступил в Александровский кадетский корпус в Санкт-Петербурге, где он учился два года, а затем он поступил в Пажеский Е. И. В. корпус.

Когда началась Гражданская война, пятнадцатилетним подростком, после расстрела большевиками его отца за то, что он был графом, А. А. Коновницын поступил вольноопределяющимся в ряды Георгиевского пехотного полка Северо-Западной армии генерала Юденича. Служил в команде конных разведчиков. Участвовал в наступлении на Петроград. После разгрома этой армии ему удалось пробиться в Эстонию.

В эмиграции он жил сперва в Югославии, а затем во Франции, где в туристических центрах учил теннисному спорту и играл в балалаечных оркестрах. После Второй мировой войны переехал с дочерью в Аргентину, где преподавал французский язык, работал декоратором и, под именем «А. Ветов», играл в постановках Общества друзей русского театра в Буэнос-Айресе.

Граф А. А. Коновницын в 90-е годы был старшим членом Кадетского объединения в Аргентине и председателем *«Комиссии для определения основных предпосылок для наименования «Русский кадетский корпус»*, учрежденной в 1995 году, когда ему уже было 90 лет. Кроме графа А. А. Коновницына в этой Комиссии состояли: кадет Донского кадетского корпуса в Новочеркасске А. Е. Эльснер и председатель Кадетского объединения в Аргентине И. Н. Андрушкевич. Граф А. А. Коновницын сформулировал определение предпосылок для наименования «Русский кадетский корпус», которые затем были многократно опубликованы в печати. За несколько лет до смерти он почти ослеп, но продолжал посещать кадетские встречи. Дома он ежедневно упражнялся в игре с теннисным мячиком. Он сам себе смастерил для этого специальное устройство: он ударял в мячик ракеткой, мячик отска-

кивал от противоположной стенки и возвращался к нему по тонкой веревочке с пружиной.

Граф А. А. Коновницын почти до самой своей кончины продолжал поддерживать связь с окружающим обществом. За пару лет до его кончины меня с женой пригласили на месячную встречу одного местного клуба коллекционеров старых автомобилей, принадлежащих, в большинстве случаев, к довольно культурным слоям местного общества. В этот день они устраивали «русский обед» с русским меню. Меня попросили сказать перед обедом пару слов о русской культуре. Устроители мне обещали, что до обеда познакомят меня с «фигурой дня», как они сказали, то есть с «настоящим графом» (*verdadero conde*). Меня повели навстречу к элегантному пожилому господину в темном костюме с красивым галстуком, с русским орлом в петлице. Мне сказали: «Это и есть наш *conde*!» Оказалось, что это был наш 90-летний старший кадет, граф Коновницын. «Даже когда мне приходилось жить как нищий, я продолжал быть русским кадетом и русским графом», — сказал он мне потом.

Граф А. А. Коновницын очень интересовался событиями в России и говорил, что не надо копаться в наших общих прошлых нехороших делах, но надо стараться избегать их повторения, чего наши враги будут настойчиво и умело добиваться.

Под конец он часто вспоминал, что в часовне в их маленьком имении были похоронены его славные предки. Кто-то ему сказал, что эти захоронения были осквернены и даже уничтожены большевиками после убийства его отца. Он часто спрашивал, так ли это, а если так, то почему? Он просил устроить ему встречу с местным послом РФ, которого он хотел лично попросить узнать, что случилось с останками его предков. Когда эта встреча была намечена, он неожиданно скончался, практически не болея, так что встреча так и не состоялась.

Граф А. А. Коновницын говорил:

«Хотя я аристократ по происхождению и в душе, всю жизнь я был вне моего круга. Я должен был бороться за кусок хлеба, пробиваться зубами и ногтями: я трудящийся. В нынешнее время привилегии аристократии исключительно нравственного характера: удовлетворение нести хорошую фамилию, блюсти честь и жертвовать собой для пользы других».

* * *

Коновницын Петр Петрович, герой Отечественной войны 1812 г., генерал от инфантерии, родился 8 сентября 1764 г. в своем имении Кярове, под Гдовом.

Происходил из старинного дворянского рода Коновницыных. Его отец, тоже Петр Петрович, видный сановник, приближенное лицо к Императрице, петербургский губернатор, генерал-поручик, еще в детстве записал сына капралом в Артиллерийский корпус. В 1786 г. Петр Коновницын окончил кадетский корпус и получил чин прапорщика, а через два года он — подпоручик. Петр Коновницын участвовал в русско-шведской войне 1788—1790 гг. в военных действиях в Финляндии.

Затем служил в армии, которая вела войну с Турцией. В боевых действиях не участвовал, так как ко времени прибытия Коновницына в Южную армию военные действия практически закончились.

В 1792—1794 гг. П. П. Коновницын принимал участие в польской кампании, командовал Старооскольским полком, получил чин полковника. Отличился при Баре, под Хельмом и Слонимом. За проявленную храбрость был награжден орденом святого Георгия IV степени. В сентябре 1797 г., в возрасте 32-х лет, Петр Петрович получил чин генерал-майора, был назначен шефом Киевского гренадерского полка. В 1807 г. Император Александр I ввел его в свою свиту. Государь советовался с Коновницыным по военным вопросам в преддверии войны со Швецией. В русско-шведской войне 1808—1809 гг. Коновницын был назначен дежурным генералом Финляндской армии, занимался вопросами снабжения армии, принимал участие в боевых действиях, командуя артиллерийскими подразделениями. Отличился при взятии крепостей Свартгольм и Свеаборг, получил чин генерал-лейтенанта, был награжден орденом святой Анны I степени.

Петру Петровичу пришлось даже возглавить морское сражение около города Або при отражении русской гребной флотилией нападения шведских канонерских лодок; он отразил попытки шведов высадиться у м. Рунсало и у о. Кимито, за эти сражения был награжден орденом святого Георгия III степени.

Перед Отечественной войной 1812 г. Коновницын П. П. командовал лучшей в русской армии 3-й пехотной дивизией, входившей в корпус генерал-лейтенанта Тучкова, в составе 1-й Западной армии М. Б. Барклая-де-Толли, расквартированной в районе Вильно.

Дивизия Коновницына, отступая в составе 1-й армии, участвовала в боях при Островно, его противниками были части маршала Й. Мюрата и генерала Е. Богарне. Затем с дивизией защищал Смоленск, был ранен, но поле сражения не покинул. Храбро сражался у деревни Лубино, прикрывая переправу русских войск через Днепр.

Затем командовал арьергардом объединенных русских армий при отступлении к Бородину, участвовал в Бородинском сражении, заменив сначала раненного командующего 2-й армией князя П. И. Багратиона, а потом — смертельно раненного командира корпуса Н. А. Тучкова. Командуя армией в Бородинском бою, Петр Петрович сумел привести в порядок находившиеся в замешательстве после ранения Багратиона части, затем передал командование армией генералу Д. С. Дохтурову. Генерал П. П. Коновницын во время сражения был дважды серьезно контужен, за проявленное военное искусство и личное мужество был награжден золотой шпагой, украшенной бриллиантами. Кутузов М. И. назначил его командиром 3-го пехотного корпуса вместо Тучкова (первого).

Надо отметить, что в повседневной жизни Петр Петрович ничем не выделялся, по воспоминаниям современников, он был глубоко религиозным, очень скромным, даже застенчивым человеком, но как он преобразился во время боя! Вот какие строки в одной из своих элегий написал о его храбрости и одержимости в бою В. А. Жуковский:

Хвала тебе, славян любовь,
Наш Коновницын смелый!..
Ничто ему толпы врагов,
Ничто мечи и стрелы...

На совете в Филях генерал Коновницын высказался за проведение нового сражения под Москвой, с болью воспринял приказ главнокомандующего об оставлении Москвы. В Тарутинском лагере Кутузов назначил Петра Петровича дежурным генералом штаба армии. К этому времени 48-летний Коновницын имел большой боевой опыт и незаурядные способности. Введение должности дежурного генерала внесло существенные изменения в организацию работы штаба.

Центр тяжести по управлению войсками был перенесен на дежурного генерала Коновницына. Через его канцелярию стали проходить все распоряжения фельдмаршала, к нему стекались все сведения о состоянии войск, ходе формирования резервов, обучении войск. Коновницын был основным докладчиком по вопросам подготовки армии к контрнаступлению.

С назначением Коновницына дежурным генералом главнокомандующего значительно улучшился и порядок в Главном штабе. Судя по многочисленной переписке, которая велась в тот период по самым различным вопросам, генерал Коновницын фактически исполнял должность начальника штаба главнокомандующего, которую занимал генерал Беннигсен. Генерал Коновницын П. П. проявил на этом посту исключительное трудолюбие, неутомимость и распорядительность.

До конца Отечественной войны Коновницын — будущий военный министр — исполнял обязанности дежурного генерала, оставаясь правой рукой главнокомандующего. При этом принял участие в Тарутинском бою с авангардом Мюрата, едва не погиб.

По поручению Кутузова с 3-й пехотной дивизией принял бой под Малоярославцем, сражался под Вязмой и Красным. Награжден орденами святого Владимира II степени, святого Александра Невского, святого Георгия II степени, золотой шпагой с алмазами. Получил звание генерал-адъютанта.

В апреле 1813 г. Петр Петрович Коновницын во главе Гренадерского корпуса принял участие в сражении при Лютцене около Лейпцига. В этом последнем для себя бою Коновницын получил тяжелое ранение в ногу — пуля раздробила кость. Рану пришлось долго лечить.

Надо отметить, что Петр Петрович пользовался большим уважением у Императора. В 1814—1815 гг. он стал военным наставником Великих Князей — братьев Царя Александра I — Михаила и Николая, а затем был назначен на пост военного министра Российской Империи, затем стал членом Государственного Совета. В декабре 1817 г. Коновницын П. П. получил чин генерала от инфантерии.

В 1819 г. Александр I назначил Петра Петровича Главным директором кадетских корпусов: Пажеского, 1-го и 2-го кадетских, Дворянского полка, Военно-сиротского дома, Смоленского кадетского корпуса, Дворянского кавалерийского эскадрона и Императорского Царскосельского лицея. В этой должности он оставался вплоть до кончины в 1822 г. В этот же год П. П. Коновницын был возведен в графское достоинство Российской Империи.

Граф П. П. Коновницын скончался 22 августа 1822 года и был похоронен в своем имении Кярово, недалеко от древнего русского города Гдова, в Покровской церкви.

История и современность

Игорь НОВОСЁЛОВ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ «ДОРОГА ЖИЗНИ»

Игорь Петрович Новосёлов — родился в 1930 г. в Ленинграде, пережил блокаду. Окончил академию им. А. Ф. Можайского. Служил в Главкомате РВ СН. Работал ведущим специалистом в отделе административных органов Госплана СССР. В 1990 г. работал в Секторе по вопросам обороны и госбезопасности Секретариата Верховного Совета СССР. В 1991—1992 гг. зам. директора по вопросам конверсии в Российском союзе промышленников и предпринимателей. Был руководителем представительства Администрации Псковской обл. при Правительстве РФ. С 2005 г. занимается общественной деятельностью: пропагандирует русскую культуру в зарубежных странах и на территории России, устанавливая памятники русским писателям и поэтам. Полковник в отставке. Живет в Москве.

К написанию данной статьи меня побудило то, что в последние годы в средствах массовой информации, в выступлениях зарубежных и отечественных «деятелей» от истории и политики звучат факты, искажающие, а иногда и просто порочащие то великое дело, которое было сделано советским руководством в предвоенный и особенно в военный периоды жизни страны. Сегодня можно слышать в адрес И. В. Сталина даже обвинения в допущении блокады.

На самом же деле во многом причина блокады состоит в следующем. Когда в 1940 г. Советский Союз присоединил к себе Эстонию, Латвию и Литву, советское руководство, в виде исключения, разрешило комплектовать воинские формирования на территории этих, теперь уже республик, из местных жителей, исключая принцип экстерриториальности, который был обязательным для всей территории Советского Союза при проведении призыва в Вооруженные Силы страны мужчин, достигших призывного возраста.

Таким образом, уже в июне 1941 г. немецко-фашистские войска, вступившие на территорию прибалтийских республик, встретили, в основном, перешедшие на их сторону воинские формирования, созданные из эстонцев, латышей и литовцев. А офицеры и солдаты, состоявшие в штатах этих формирований и прибывшие из остальных республик СССР, оказались в окружении и были вынуждены с тяжёлыми боями пробиваться к своим советским войскам.

Следовательно, какого-либо серьёзного в военном отношении задела наступающему противнику не оказалось, в результате чего немецко-фашистские войска успешно и довольно быстро вышли на Лужский рубеж, а в дальнейшем — и к ближайшим подступам к Ленинграду.

Советское руководство, полагая, что Прибалтийский военный округ в случае войны, превратившись в Прибалтийский фронт, отразит наступление противника, больше боялось объединенных немецко-финских войск со стороны Карельского перешейка и Карелии.

Но, видимо, руководством не был учтен характер Маннергейма, который воспитывался в России, служил в царской армии на больших должностях и хорошо представлял, что такое Россия и русский народ. Он понимал, что война Гитлера с Советским Союзом будет затяжной и непредсказуемой. Поэтому он не случайно проводил довольно хитрую политику — особенно не ссорился с руководством фашистской Германии, но и не проводил активных военных действий по отношению к Советскому Союзу. Достаточно напомнить, что финские войска не перешли старую государственную границу (в районе Белоострова), ни один финский самолет не участвовал в бомбардировках Ленинграда, немецкое руководство не смогло разместить батареи своих дальнобойных орудий на Карельском перешейке для обстрела Ленинграда. Есть еще сведения о том, что быстроходные итальянские катера, переброшенные на Ладожское озеро для уничтожения советских конвоев, снабжавших жителей блокадного города продовольствием, а также вывозивших женщин и детей из Ленинграда на Большую землю, были уничтожены не без явной помощи Маннергейма. Все это подтверждает проведение Маннергеймом дальновидной политики. Учитывая все эти обстоятельства, И. В. Сталин в 1945 г. вычеркнул Маннергейма из списка военных преступников, что дало генералу в дальнейшем успешно потрудиться на благо своей родной Финляндии.

Но мало, очень мало достоверных фактов известно о героической обороне Ленинграда. Особенно в перестроечный период нашей истории замалчивалось или искажалось все, что было связано с блокадой, а историю Ладожской Дороги жизни, кажется, совсем предали забвению. Был уничтожен прекрасный Музей обороны Ленинграда со всеми экспонатами. Долгие годы принижалась роль руководства, как партийного, так и военного, в этом героическом сражении Великой Отечественной войны.

Поэтому мне, как свидетелю этих событий, хотелось бы в данной статье рассказать правду о тех, уже далеких, годах, когда ценой своей жизни и здоровья честные и преданные своей Родине люди сумели выстоять и победить врага и спасти нашу северную столицу!

* * *

Особое место в исторических событиях Великой Отечественной войны занимает героическая оборона блокадного Ленинграда войсками Ленинградского фронта, тыловые службы которого должны были в силу сложившихся условий блокады города заниматься эвакуацией на Большую землю мирных жителей, а также обеспечением оставшихся горожан продовольствием и медицинским обслуживанием наравне со снабжением всем необходимым войск фронта.

Для современных читателей следует напомнить о том, что к началу нападения фашистской Германии на Советский Союз тыловые службы военных округов Красной Армии были довольно незначительными как по своей организационной структуре, так и по количественному составу. Но нужно

отдать должное тому, что буквально в короткое время, уже в начале 1942 г., тыловые службы всех фронтов представляли собой разносторонний и сложный организм, который полностью оправдал созданную структуру.

Не случайно маршал Советского Союза Г. К. Жуков в своих мемуарах писал: «Поистине титаническую работу проделали тылы фронтов, армий и соединений. Но, к сожалению, у нас мало пишут о тылах, о работниках тыловой службы, которые своим трудом, своей творческой инициативой помогали войскам и командованию всех степеней бороться с противником, громить его и завершить войну всемирно-историческими победами».

Так, например, тыл Ленинградского фронта представлял собой следующую структуру.

Во главе находился начальник Тыла фронта, который одновременно являлся заместителем командующего войсками фронта.

Ему подчинялись:

- штаб Тыла в составе двух отделов — организационно-планового и материально-технического, а также секретная часть;
- интендантское управление (в составе двух отделов — ободно-вещевого и продовольственно-фуражного. В блокаду продовольственно-фуражный отдел был выделен в самостоятельное управление продовольственного снабжения);
- военно-санитарное управление;
- управление военных сообщений;
- автодорожное управление (в период блокады было разделено на два самостоятельных управления — автотранспортное и дорожное);
- управление военной торговли;
- политическое управление;
- отдел снабжения горючим и смазочными материалами;
- квартирно-эксплуатационный отдел;
- ветеринарный отдел;
- отдел специальной укупорки (снарядные и патронные ящики);
- трофейный отдел;
- отдел военнопленных;
- отдел кадров;
- инспекция.

В непосредственном подчинении указанных управлений и отделов соответственно находились автомобильные и дорожные полки и батальоны, склады продовольствия, вещевого имущества, материально-технического обеспечения, горюче-смазочных материалов, ремонтные заводы и мастерские, госпитали и т. п.

Кроме того, в составе армии, корпуса, дивизии, бригады и полка были соответствующие тыловые службы.

Но, как известно, не все зависит от хорошо слаженной структуры любого подразделения. Очень многое зависит от людей, в особенности от руководителей основных звеньев любой структуры. Ленинградскому фронту в этом повезло.

Основными руководителями тыла Ленинградского фронта в период 1941—1945 гг. были генералы Ф. Н. Лагунов, П. И. Новоселов, Г. М. Савоненков и А. М. Шилов.

Эти люди уже имели богатый жизненный и военный опыт. Все они были активными участниками Первой мировой войны и Гражданской войны, а некоторые принимали участие в войне с Финляндией. В период создания Красной Армии они занимали руководящие должности. Поэтому не случайно их богатый опыт сыграл огромную организаторскую роль в условиях блокады Ленинграда, когда на их плечи легли обязанности по эвакуации мирных жителей и раненых военнослужащих из блокадного города, а также уникального оборудования и ценностей в зимнее время по льду Ладожского озера. Была создана для этого сложнейшая организационно-техническая структура, которая функционировала и в летнее время — водным путем по тому же Ладожскому озеру.

Кроме того, этим же людям было необходимо обеспечивать теми же путями доставку в блокадный город продовольствия, боеприпасов, горючего, а также воинских контингентов с техникой.

Самое главное, что такую сложнейшую задачу в течение 900 суток блокады пришлось решать впервые в мировой практике ведения боевых действий.

В сентябре 1941 г. начальником Тыла фронта был назначен генерал Ф. Н. Лагунов, который пробыл в этой должности до января 1944 г.

В январе 1944 г. начальником Тыла фронта был назначен генерал Г. М. Савоненков, который до этого был начальником управления продовольственного снабжения Тыла фронта.

Весь период войны начальником штаба Тыла фронта был генерал П. И. Новоселов.

Заместителем начальника Тыла фронта был генерал А. М. Шилов, который одновременно исполнял обязанности уполномоченного Военного совета фронта, отвечающего за обеспечение функционирования подвоза в осажденный город продовольствия и других материально-технических средств, а в последующий период блокады одновременно исполнял обязанности начальника Военно-автомобильной дороги (ВАД-101), названной впоследствии Дорогой жизни.

На плечи этих людей легли тяжелейшие обязанности по эвакуации мирных жителей из блокадного города на Большую землю, по обеспечению не только личного состава войск фронта, но, главное, оставшихся в осажденном городе жителей продовольствием и медицинским обслуживанием. Причем следует отметить, что такие условия выпали на тыловые службы Ленинградского фронта в отличие от других фронтов в силу сложившихся условий в связи с блокадой Ленинграда.

С 7 сентября 1941 г. Ленинград с пригородами оказался в блокаде, которая длилась 900 суток по 27 января 1944 г. В блокадном кольце оказались не только войска фронта, но, главное, миллионы мирных жителей, которых нужно было в сложившихся условиях взять под свою опеку.

Учитывая ограниченные запасы продовольствия в городе, остро встал вопрос об эвакуации мирных жителей за пределы блокады, а также о срочной доставке в осажденный город муки, мяса, крупы, консервов, боеприпасов, горючего, оружия, дополнительного контингента войск с техникой.

Вначале командование фронта решило использовать для этой цели транспортную авиацию. Так, 13 сентября 1941 г. Военный совет фронта принимает постановление «Об организации транспортной воздушной связи

между Москвой и Ленинградом». Основными самолетами, с помощью которых осуществлялись воздушные перевозки, были ЛИ-2, а также тяжелый бомбардировщик ТБ-3. Ежесуточный объем воздушных перевозок был от 100 до 200 тонн. Из города были эвакуированы специалисты Кировского и Ижорского заводов, а также оборонная продукция, необходимая для других фронтов.

Но полеты крайне зависели от метеоусловий. Кроме того, почти каждый рейс проходил с боями с авиацией противника, но все же что-то удалось сделать. Так, до 25 декабря 1941 г. в блокадный Ленинград было доставлено самолетами 6,2 тыс. тонн грузов, в том числе 4,3 тыс. тонн продовольствия и 1,3 тыс. тонн боеприпасов. Из Ленинграда было вывезено более 50 тысяч человек и более одной тысячи тонн грузов.

Но руководство фронта понимало, что воздухом решить все проблемы невозможно. Понимали, что по-настоящему решить задачи блокадного города могла только Ладога. Причем в теплый период времени с использованием речных и озерных судов и барж, а в зимний период — по льду гужевым и автомобильным транспортом.

События сложились так, что Ладожское озеро, точнее его южная часть, находящаяся в непосредственной близости от противника, должна была стать единственной артерией, связывающей город с Большой землей.

30 августа 1941 г. было принято постановление «О транспортировке грузов для Ленинграда», в котором были намечены конкретные меры по организации водных перевозок по Ладожскому озеру, для этого выделялось 75 озерных барж грузоподъемностью по 1 тыс. тонн и 25 буксиров с ежедневным курсированием по 12 барж от Лодейного поля до Ленинграда, но для этого нужно было создать несколько перевалочных баз, портовых сооружений и провести массу организационных мероприятий. Также нужно было сформировать Ладожскую военную флотилию. Но параллельно с этой подготовкой с 12 сентября 1941 г. начала действовать навигация. Серьезную опасность представляли осенние штормы, а также авиация противника, что приводило к серьезным потерям; кроме того, очень плохим было состояние самой техники, т. е. плавучих средств.

За 30 дней навигации в Ленинград было доставлено 9,8 тыс. тонн продовольствия (при этом суточный расход муки в Ленинграде составлял 1,1 тыс. тонн), что, естественно, никак не могло удовлетворить потребности блокадного города.

В то же время в связи с оперативной обстановкой было необходимо из Ленинграда перебрасывать на восточный берег Ладожского озера также и войска. Так, в первую навигацию из блокадного города было переброшено более 20 тысяч человек военнослужащих, более 1 тысячи лошадей, 129 орудий и 115 автомашин, тракторов и малых танков, с помощью которых удалось отразить наступление врага.

В конце ноября 1941 г. навигация прекратилась — озеро покрылось полностью льдом.

А в Ленинграде голод свирепствовал всюду.

За осеннюю навигацию 1941 г. в Ленинград было доставлено около 60 тыс. тонн различных грузов, в том числе 45 тыс. тонн продовольствия, 7 тыс. тонн горючего, вооружения, боеприпасов. Из города было эвакуировано около 34 тысяч мирных жителей.

Военный совет фронта решил начать подготовку к строительству ледовой дороги через Ладогу уже в октябре месяце.

Исторический опыт переправ по льду рек, озер и проливов в России был раньше.

Так, в марте 1710 г. корпус русских войск совершил 130-километровый ледовый переход с острова Котлин на финское побережье для осады г. Выборга. Большой переход по льду Ботнического залива совершили русские войска во время войны со Швецией в 1808–1809 гг. В 1940 г. во время советско-финской войны по льду Выборгского залива успешно прошла 70-я стрелковая дивизия Красной Армии.

Вся работа по изучению возможностей использования ледовой дороги была поручена Военным советом фронта Тылу фронта, и в частности начальнику автодорожного отдела военному инженеру 1 ранга В. Г. Монахову.

13 ноября 1941 г. начальник Тыла фронта генерал-майор Ф. Н. Лагунов подписал приказ «Об организации постройки ледяной дороги по водной трассе мыс Осиновец—маяк Кареджи».

Дорогу было приказано строить шириной 10 метров для двухстороннего движения автомобильного и тракторного транспорта. В районе ст. Ладожское Озеро и маяка Кареджи надлежало устроить перевалочные базы, а вдоль всей трассы с промежутками в 5 км питательно-обогревательные пункты и установить маслородогрейки и пункты технической помощи автотранспорта. Руководство постройкой ледовой дороги поручалось военному инженеру 3 ранга Б. В. Якубовскому, которому для этого передавалось 3 батальона с необходимым количеством различных транспортных средств и техники.

С 14 ноября 1941 г. начались тщательные обследования возможностей ледового покрова озера, ежедневно на лед выходили отдельные группы солдат и офицеров для этой цели. 19 ноября 1941 г. все собранные материалы ледовой разведки были обработаны и систематизированы, с ними начальник Тыла фронта генерал Ф. Н. Лагунов, В. Г. Монахов и Б. В. Якубовский были вызваны к члену Военного совета А. А. Жданову.

Уже вечером этого же числа командующим войсками фронта генерал-лейтенантом М. С. Хозиным был подписан приказ о создании ледовой дороги за № 00172 «Об организации автотракторной дороги через Ладожское озеро». Этим приказом на начальника Тыла фронта возлагалась организация автотракторной дороги через Ладожское озеро по трассе мыс Осиновец—острова Зеленцы с разветвлением на села Кобона и Лаврово, с грузооборотом в оба конца 4000 тонн в сутки. Военному инженеру 1 ранга В. Г. Монахову передавались 3 специализированных батальона и дорожно-эксплуатационный полк.

Перевалочные базы создавались в Осиновце, на ст. Ваганово, ст. Ладожское озеро, Кобона и Лаврово. К 22 ноября в районе Осиновца для осуществления перевозок сосредотачивается 60 тракторов, 120 автомашин, 150 саней, а к 25 ноября еще 30 тракторов, 40 автомашин и 150 саней.

Для нормальной эксплуатации и охраны ледовой дороги было сформировано Управление дороги, подчинявшееся непосредственно начальнику Тыла фронта, начальником которой назначается военный инженер 1 ранга В. Г. Монахов с оставлением его в должности начальника автодорожного отдела Тыла фронта.

На уполномоченного Военного совета фронта генерал-майора А. М. Шилова приказом возлагалось к 22 ноября 1941 г. создание этапной службы по трассе Новая Ладога—Черноушево—Лемассарь—Кобона с открытием в этих селениях (кроме Кобоны) питательно-обогревательных пунктов и к 21 ноября — перевалочных баз на ст. Войбокало и ст. Жихарево, а также обеспечение подвоза грузов к перевалочным базам в Кобоне и Лаврове.

Приказом предусматривалось открытие по ледовой дороге пешеходного и гужевого движения 22 ноября, а автомобильного — 25 ноября 1941 г.

С 26 ноября 1941 г. приказом начальника Тыла фронта ледовая дорога стала именоваться Военно-автомобильной дорогой № 101 (ВАД-101). 7 декабря начальником ВАД-101 был назначен капитан 2 ранга М. А. Нефедов вместо В. Г. Монахова.

Работу ледовой дороги можно разделить на два периода: первый период — с 20 ноября 1941 г. по 5 января 1942 г., а второй период — с 5 января 1942 г. по 24 апреля 1942 г.

Сначала был сформирован конно-транспортный полк, из которого 20 ноября 1941 г. был отправлен батальон в составе 350 упряжек по ледовой дороге для доставки в Ленинград 63 тонн муки. 21 ноября 1941 г. для практической проверки возможностей движения по льду автомобильного транспорта генерал Ф. Н. Лагунов на легковой автомашине М-1 проехал по трассе ледовой дороги. Результаты этой поездки были сразу же доложены руководству фронта и только после этого было принято решение начать перевозки автомашинами ГАЗ-АА.

22 ноября 1941 г. колонна автомашин ГАЗ-АА из 60 единиц с буксирами-санями отправилась по ледовой трассе с продовольствием для Ленинграда.

Уже с 19 ноября 1941 г. на ледовой дороге было сконцентрировано 9 тысяч военнослужащих, 1400 лошадей, 60 тракторов, 9 буеров. Кроме того, из отдельной автомобильной бригады было выделено для ледовой дороги 120 автомашин и 120 саней.

Вначале было две дороги: ВАД-101, которая проходила по льду Ладожского озера (Шлиссельбургской губы), и ВАД-102, шедшая от восточного берега Ладожского озера до ст. Заборье. 7 декабря 1941 г. эти дороги были объединены в одну — ВАД-101, начальником которой был назначен генерал-майор А. М. Шилов.

ВАД имела ледовую дорогу длиной в 30 км и 308 км за счет сухопутных дорог (в период захвата г. Тихвина немцами), а после его освобождения Красной Армией — 180 км.

В начале зимы лед на озере на трассе был толщиной 14 см, а позднее — уже 60 см.

С момента первых дней функционирования ледовой дороги нормы выдачи хлеба в осажденном Ленинграде были увеличены на 100 грамм для каждого военнослужащего и гражданского человека.

Достаточно напомнить, что с помощью ледовой дороги из осажденного города было эвакуировано более 500 тысяч женщин, детей и пожилых людей, свыше 400 тысяч уникального оборудования и музейных ценностей. В то же время блокадный город получил по ледовой дороге около 2 млн тонн грузов, в том числе более 500 тыс. тонн продовольствия.

Поэтому значение ледовой дороги для осажденного Ленинграда было неопределимо.

Она являлась органической частью фронта, а ее военнослужащие были боевыми и стойкими защитниками города.

История Ладожской Дороги жизни — это настоящая поэма о мужестве, настойчивости и непреклонности людей нашей Родины.

Эта дорога жила полнокровной фронтовой жизнью. На самом деле это и был настоящий боевой и трудовой фронт вместе.

Мне, как сыну генерала П. И. Новоселова, очень повезло в жизни тем, что я хорошо знал многих офицеров Тыла Ленинградского фронта и особенно генералов Ф. Н. Лагунова, Г. М. Савоненкова и А. М. Шилова, которые для меня в детстве послужили образцами для подражания в будущем. К сожалению, время неумолимо. Сегодня осталось очень мало живых участников, да и свидетелей этих героических событий. Я дорожу своими дружескими связями с двумя ныне здравствующими участниками тех событий.

Один из них — полковник в отставке А. А. Соколов, ныне проживающий в г. Пскове, которому в феврале 2011 г. в год его столетия в Кремле Президентом России Д. А. Медведевым был вручен Орден Александра Невского. В годы войны лейтенант А. А. Соколов в должности командира автомобильного взвода работал на ледовой трассе.

Другой участник тех событий, которого я знаю с 1943 г., — полковник в отставке Б. М. Пидемский, ныне проживающий в Санкт-Петербурге. В годы войны Б. М. Пидемский был уполномоченным особого отдела Смерш при штабе Тыла Ленинградского фронта.

В 2011 г. исполнилось 70 лет с начала функционирования Ладожской Дороги жизни. В связи с этой замечательной датой в истории Великой Отечественной войны я, как один из последних свидетелей этой эпопеи, решил установить мемориальную памятную доску на здании, в котором в годы войны размещались управления и отделы Тыла Ленинградского фронта.

Это дом № 1 по Караванной улице, которая ранее называлась улицей Толмачева. К счастью, мне это удалось при помощи ветеранов-военачальников Маршала Советского Союза Д. Т. Язова, генерала армии М. А. Моисеева, Главного Маршала артиллерии В. М. Михалкина, генерал-полковника И. С. Скуратова. Так, 18 ноября 2011 г. я вместе с делегацией этих прославленных военачальников присутствовал на торжественной церемонии открытия этой мемориальной памятной доски. На доске сделана надпись: «В этом доме в Великую Отечественную войну размещался штаб Тыла Ленинградского фронта под руководством генералов Ф. Н. Лагунова, П. И. Новоселова, Г. М. Савоненкова, А. М. Шилова, реализовавших идею создания дороги по льду Ладожского озера.

По этой Дороге жизни из блокадного города было вывезено более 500 тысяч жителей и завезено около 2 миллионов тонн продовольствия и ценных грузов».

Таким образом, я полагаю, что свой гражданский и сыновний долг перед памятью тех людей, которых я хорошо знал, выполнил!

Геннадий ИВАНОВ

«ВСЯ ДУША МОЯ НАПОЛНЕНА ВЕСНОЙ!»

Геннадий Викторович Иванов — родился в 1950 году в г. Бежецке Тверской области. Окончил Литературный институт. Работал в издательствах. Автор десяти поэтических книг. О своей малой родине написал и издал трехтомник «Знаменитые и известные бежечане». Первый секретарь Союза писателей России. **Живет в Москве.**

СТРИЖИ В МОСКВЕ

Прилетели стрижи
покорять этажи.
Выше всех небоскребов летают.
Над Москвою — стрижи,
над Москвой — виражи!
И стрижиные звоны
витают...

«Надо жить! Надо жить!» —
слышу я у стрижей.
Это нам —
постояльцам
своих этажей.

* * *

Николаю Старченко

Обогреть муравейник непросто
После долгой студеной зимы.
Но наверх муравьи-теплоносы
Выползают из мерзлой тьмы.

Их работа — на солнце нагреться
И спускаться теплом в глубину.
Отогрели примерзшую дверцу,
Отогрели каморку одну...

Отогрели каморку другую...
Теплоносы — прекрасен их труд!
Согревают обитель родную
И других они к солнцу ведут.

* * *

Камни стучали о камни.
Волны хлестали утес...
Вспомнил я берег давний,
Где я у моря рос.

Вспомнил я лодки качку,
Быстрый пролет гагар...
Вспомнил не как подачку,
Вспомнил как Божий дар.

Вспомнил морские дали.
Я уплывал туда...
Дали меня качали,
И волновала звезда

На горизонте где-то.
А это был маяк.
Север, морское лето...
Я уже вырос. Моряк.

Главное были — дали,
Волны и острова...
Годы прошли, миновали.
Только остались слова.

Арктика наплывала
Зеленоватым льдом...
Все, что душа искала,
Было в морях кругом.

Но и слова прекрасны:
Берег, маяк, волна...
Как хорошо и ясно
Давняя даль видна.

* * *

Мне вспомнилась вдруг почему-то пилотка.
Красивая, в линиях плавных, пилотка.
Такая удобная эта пилотка...
Я рад, что пилотку застал.

Она как привет из далекой Победы.
Отцы в ней служили и славные деды.
В ней есть окрыленность, в чудесной пилотке, —
И в ней хорошо на плацу и в подлодке.

На смену фуражки пришли и береты.
А я про пилотку. Пилоточка, где ты?
И звездочка так хорошо красовалась,
Что в памяти многих и многих осталась.

* * *

Мухучу Патахову

Живет в горах мой друг Мухуч.
Он и приветлив, и могуч.
В его родной аул Цада
Я приезжаю иногда.

Мы с ним обнимемся, с Мухучем,
Друг другу поглядим в глаза —

Как бы уверенность получим,
Что мы с ним оба, вместе — ЗА...

За мир в России! Это нужно
Ему и мне, стране большой.
Ну и, понятно, мы за дружбу,
За Родину мы всей душой!

* * *

Те, кто ходит в храм,
будут и на том свете ходить в храм.
Те, кто ходит по аллеям или полям
и ждет вдохновения,
будут и на том свете ходить по аллеям и полям...

Те, кто любит семью,
будут и на том свете со своими близкими...
Многие, по милости Божьей,
будут жить тем, чем живут здесь.
Но не все.
Ибо там не будет рыночной экономики,
шоу-бизнеса и политики...

* * *

Такой был чемоданчик — патефон,
И это было чудо из чудес.
Теперь — айфон, мобильник и смартфон,
А вот восторг от техники исчез.

Стремителен технический прогресс,
А слово — медленно.
Не поспевает слово?
Вокруг такой индустриальный лес...
Но слово — это все-таки основа.

Устаевают выдумки людей —
Идут в политехнический музей.
А вот обычное, казалось бы нам, слово
Жить и сиять всегда готово снова.

И СНОВА — ЖИЗНЬ!

Белые хлопья каштанов цветущих
С розовым цветом внутри...
Мыслей не надо угрюмых, гнетущих.
Все расцветает — смотри!

И одуванчиков желтые краски,
Зелень и листьев, и трав...
Все они сбросили снежные маски.
Всякий ликующий — прав!

Было безумно, но мы дотерпели.
Вот и наградою нам
Тонко, свирелисто птицы запели!
Сердце прильнуло к цветам!

Наша весна — это Божия милость.
Дивно в родной стороне.
Бог не оставил — и жизнь заструилась
В реках, в полях и во мне...

* * *

Козодой — ночная птица. Козодой,
Что кричишь ты по округе? Что с тобой?
Что с тобой, я знать не знаю. А со мной —
Вся душа моя наполнена весной!

Жизнь летела, пролетела и ушла,
А, казалось, что стоять ей, как скала.
Улетела, пролетела, но весна
Возвратила жизни силы. Не до сна!

Ах, кричи, ночная птица козодой!
Я опять неуголимо молодой!
И опять все перепетое давно
В исчезающей судьбе обновлено.

* * *

Ликуй, душа!
Ты видела так много
Прекрасных дней.
Ликуй, душа!
Ты чувствовала Бога
В судьбе своей.

Вот потому,
Когда все стало остро,
Вот в эти дни,
Я говорю и повторяю просто:
Спаси и сохрани!

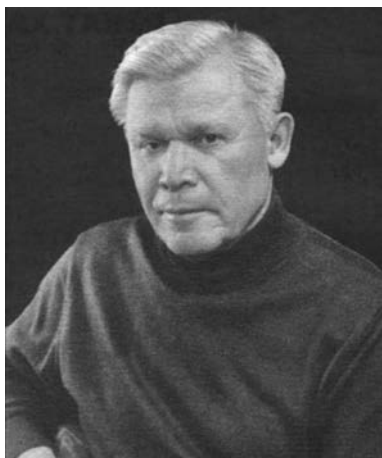
* * *

Как будто на волнах,
на дереве осеннем
Качается листва, качается листва.
Зачем я грежу будущим спасеньем?
Затем — что так слагаются слова.

Хочу ли, не хочу ли я спасенья,
Но нас качает на волнах туда,
Где ангельское пенье и цветенье,
Где в сердце не вонзается беда.

ПОЭЗИЯ

Ренат ХАРИС «Я ВНОВЬ И ВНОВЬ ИДУ РОДНОЙ КАЗАНЬЮ...»

Ренат Харис (Харисов Ренат Магсумович) — Народный поэт Татарстана, автор более сорока книг на татарском, русском, английском, башкирском, чувашском языках. Родился в 1941 году. Окончил Казанский государственный педагогический университет. Работал учителем, журналистом, ответственным секретарем СП Татарстана, зам. министра культуры, главным редактором, зам. Председателя Госсовета Татарстана, народным депутатом Парламента республики трех созывов. Лауреат Государственной премии РФ, Государственной премии Республики Татарстан и др. Заслуженный деятель искусств Татарстана, заслуженный работник культуры Чувашии и Каракалпакии (Узбекистан). Секретарь СП России, член Геральдического совета при Президенте Татарстана, член Главной редколлегии Татарской Энциклопедии. **Живет в Казани.**

НА УЛИЦАХ КАЗАНИ

Я столько раз гулял родной Казанью,
пройдя ее из края в край пешком,
читая зданья, будто лет сказанья,
и говор улиц слушая тайком.

Ночной порою, в шорохи вникая,
я часто слышал: камни мостовых —
мне что-то шепчут голосом Тукая,
словно читают его новый стих.

На кружевах чугунных ограждений
цветут цветы. И из былых эпох —
как из домов — ко мне выходят тени
тех, кто для всех когда-то был как Бог.

Гул сотен лет витает над садами,
и в мою грудь вливается жизни суть:
чтоб слить себя

с великих дел следами —
борись за край свой, патриотом будь!..

Я вновь и вновь
иду родной Казанью —
вот площадь, спуск,
знакомый поворот...

Проходит все. Но никогда, я знаю,
моя любовь к Казани не пройдет!

*Перевод с татарского
Николая Переяслова*

НА ТЕПЛОХОДЕ «ДМИТРИЙ ДОНСКОЙ»

Нет, не Волги водоворот, —
волей сжатое время течет.
Под его поднырнув волну,
думы мчат мои в глубину.

Век за веком, как пласт за пластом,
словно мысль, прохожу напролом.
И неожиданно — из небытия —
натыкаюсь на два копыя:

Пересвета и Челубея...
Кровь течет, на свободе алея...
Где — вразлет — встали два копыя.
Между ними — щитом и я!

Эти копыя сломались во мне,
но концами торчат извне...
Пересвета потомок — мой друг.
Нашу дружбу не взять на испуг.

Он о предке, как я, не забыл...
А под ветром растет чернобыл.

Там, где пали два богатыря,
восстает молодая заря.

Я не чувствую боли в себе
и ни в теле своем, ни в судьбе.
Но не смейте, обидев меня,
стронуть с места два этих копыя!..

Перевод с татарского Анатолия Парпары

МЕЖДУ ДВУМЯ ПЕСНЯМИ

Усну под пенье соловья,
проснусь кукушкою разбужен...
Так и живу на свете я,
двух песен графику послушен.

В столицах — шум, шуршанье шин.
Толпа. Тоска о ветре вольном.

Тут даже камню без души
и то порой бывает больно!

И все же жизнь — бесценный дар,
пока ты видишь, дышишь, слышишь,
и твое сердце — как радар,
что ловит зов, летящий свыше...

Перевод с татарского Николая Переяслова

* * *

Лилии Харисовой

Дом без тебя —
как будто дом не мой.
Как холодны глаза такого дома!
Откроешь двери,
входишь, как чужой,
а за дверьми все чуждо, незнакомо.

Но если дома ты — твои глаза
меня берут в целебные глубины,

со мною происходят чудеса,
мы воскресаем, если мы любимы.

Я без тебя представить не могу,
чтобы меня из дома выносили...
Душа вспорхнет —
перелетит в строку,
заплачет, словно дверью прищемили.

Перевод с татарского Станислава Куняева

НЕВЫСТРЕЛЕННОЕ СЛОВО

Я не орал на площадях и на
сколоченной умельцами трибуне.
Слова копились, будто стрелы, втуне,
а на глазах менялись времена.

Померкли затаенные слова;
и стали ядом; в кровь легко проникли.
Вот — перемены... Снова... В каждом цикле
тревогу чую... Кругом голова...

А по ночам, когда ищу ответы,
раскаяний ко мне приходит вал...
От стрел непущенных охотник погибал.
От слов своих немолвленных — поэты.

Перевод с татарского Ивана Тertyчного

ПУШКИН В КАЗАНИ

Сентябрь 1833 года

Взволнован был Тукай и поражен,
когда в Казань въезжал впервые он.
И вырвалось из сердца у Тукая:
«Казань, ты светозарна, дорогая!..»

А почему ж душевной пары строк,
в Казань въезжая, Пушкин не изрек?
Тогда стоял сентябрь, пестрели дали
и в сумерках вечерних пропадали.

Быть может, та осенняя пора,
источник вдохновенья для пера,

так русского творца заворожила,
что речи на короткий срок лишила?

А может, как и многие места,
Казани не заметил он тогда.
Да и казанцы Пушкина едва ли
заметили в ту пору и узнали.

Но ни ему укора нет, ни им.
Зато теперь он стал для них своим.
И в очаге татарском вспыхнет снова
живое пламя пушкинского слова.

Перевод с татарского Валерия Шамигурина

МЕСТО ДУЭЛИ

Хоть сердцем я и рвался в облака,
но не взошел на гребень
к высям вечным,
ведь камни у подножья Машука
меня назвать могли бы
бессердечным.

Здесь у подножья
брезжит слабый свет,
и ближе звезды с траурного места:
площадка эта, где убит поэт,
надмирней,
чем вершина Эвереста.

Отсюда мир открыт во все концы.
Сюда, с лучистым звездным ветром спора,
земные бури — черные гонцы —
несут людскую боль и вести горя.

Сквозь линзу — свыше века толщиной —
я вижу, как
недужное любовью
поэта сердце бьется предо мной.
И кровь его с моей смешалась кровью.

Пою о вечном обращенье дней.
Но там, где пал поэт,
не зная смерти,
тень и моя среди других теней
упала на святые камни эти...

Перевод с татарского Рашида Бухараева

ПОЧЕМУ?..

«В Хороссане есть такие двери...»

Сергей Есенин

Почему же ты, брат, не заехал ни разу в Казань?
Почему не свернул с колеи, убегающей прямо?
Здесь такое же небо, какое течет на Рязань,
и такие ж березы, и крытые золотом храмы.

Наши двери от века висели в домах без замков,
лишь скрипучие петли из меди при этом имели,
чтобы слышать, как гость,
завернув к нам с ночных большаков,
их рукой открывает, добравшись счастливо до цели.

Если б ты их открыл — засвистели б они соловьем,
и татарочка юная встретить тебя поспешила.
В коридоре ночном вы столкнулись бы с нею вдвоем,
и тебе б она взглядом себя целовать разрешила!..

Хороссанские пери, укрыв под чадрую лицо,
прячут истинный лик свой, навек оставаясь загадкой.
А красотки Казани, взбежав на резное крыльцо,
дарят взгляд-поцелуй, оглянувшись на гостя украдкой.

В сотый раз твои книги читая в ночи для души,
я и ныне ищу в них приметы родных мне татарок.
Хороссанские пери — не спорю, они хороши,
только взгляд у татарок — и жгуч и, как молния, ярок.

Почему же ты, брат, не увидел в окошке наш свет
и, маршрут изменив, не доехал до наших предместий?
Не бывает *незванным* вовек в нашем доме поэт,
потому что поэт — это *посланный Богом к нам вестник*...

ЗАБОТА О КОРНЯХ

Листья падают, падают, падают,
говоря о предзимней поре.
Каждый лист полон собственной правдою,
каждый лист — словно весть о добре.

Еще рек не сковало морозами,
и бегут ручейки во всю прыть.
Но деревья не зря листья сбросили,
а — чтоб корни ковром их укрыть...

* * *

По мраморным ступеням я спускаюсь,
и, опускаясь, в думе поднимаюсь:
Хребты, болота, хляби — позади.
Трепещет сердце, голова гудит...

Устали руки, голова устала,
изведал все, трудясь в пути немало.
И подустал... Но это ничего...
Я гласом стал народа своего.

Перевод с татарского Николая Переяслова

ВЫШАА КНИГА

Невярович В. К.

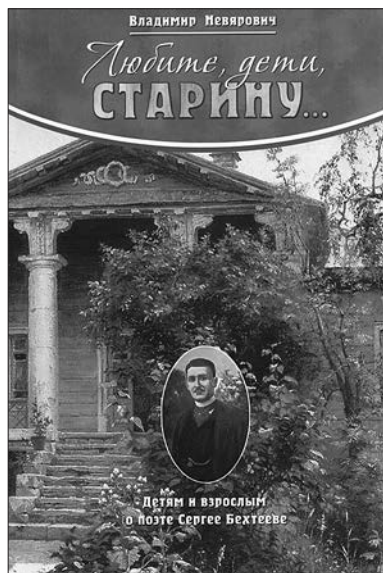
Любите, дети, старину... Биографические очерки и стихи. — Воронеж, 2011, 208 с., 65 илл.

Слово от автора и составителя

В ноябре 2009 года в Воронеже состоялись Первые Бехтеевские чтения, посвященные русскому поэту Сергею Сергеевичу Бехтееву.

В чтениях, организованных благотворительным Бехтеевским фондом любителей русской старины, приняли участие представители духовенства, воронежские писатели, поэты, педагоги, врачи, музыканты, студенты, учащиеся школ, колледжей, лицеев и гимназий Воронежской и Липецкой областей. Тогда же и возникла мысль написать книгу о поэте Бехтееве, которую интересно было бы прочесть не только взрослым, но и детям, интересующимся русской поэзией. Кроме биографической части, в которой рассказывается об основных вехах нелегкого жизненного пути поэта, читатель найдет в книге и подборку стихов Сергея Сергеевича Бехтеева. В нее вошли 133 стихотворения, написанные в разные периоды времени и отражающие главные направления его возвышенной поэзии. Надеюсь, что книга эта будет полезна как детям старшего школьного возраста, так и их родителям.

*Владимир Невярович,
директор Бехтеевского фонда
любителей русской старины*

Национальная БЕЗОПАСНОСТЬ

Степан СУЛАКШИН

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕЯ РОССИИ: БЫТЬ ВСЕГДА!

Степан Степанович Сулакшин — родился в 1954 г. в Томске. Окончил радиофизический факультет Томского государственного университета. Доктор физико-математических наук, доктор политических наук, профессор. 1991 г. — член Верховного Совета СССР. 1993—1999 гг. — депутат Государственной Думы РФ I и II созывов. С 2006 г. — генеральный директор Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования. С 2006 г. — советник президента ОАО «РЖД», советник председателя Совета Федерации РФ. Автор более 250 опубликованных работ (20 книг), 24 изобретений. **Живет в Москве.**

Точно так же, как любой человек стремится обрести смысл жизни, любое государство нуждается в идее — основном смысле и цели своего существования.

Национальную идею нельзя придумать — она должна отражать суть российской цивилизации и ценностей большинства народа. Национальная идея — это среда, в которой живет, развивается и действует и каждый человек, и общество в целом.

Современная Россия имеет шанс на формулирование национальной идеи, адекватной уникальной российской цивилизации и вызовам времени.

Можно сформулировать несколько концептуальных признаков национальной идеи.

1. «Национальная» и «государственная» идеи должны совпадать (в идеале), но категориально они не являются одним и тем же. К сожалению, не всякая государственная идея способствует реализации национальной идеи народа, как, например, это происходит сейчас в России.

2. Национальную идею нельзя сводить к идее этнической. То есть идея может быть национальной, но у нее не может быть национальности. Россия есть уникальное, самобытное государство-цивилизация с собственным путем исторического развития. Масштабы национальной идеи должны быть как минимум цивилизационными.

3. Неправильно навязывать национальную идею народу «извне» — она должна родиться «изнутри», исходя из выработанных веками ценностных ориентиров. Это, в свою очередь, предполагает коллективную творческую деятельность. Надо наконец-то прекратить искусственно придумывать высшие идеи и навязывать

вать их России ради какой-то призрачной и обманной цели. Ни коммунизм, ни либерализм, ни любой другой «-изм» не способны выразить уникальную цивилизационную специфику России и создать условия для ее гармоничного развития.

4. Необходим баланс религиозного и светского наполнения идеи. Связующим звеном выступает система нравственных норм поведения, эстетических представлений и народных преданий. И это не искусственное соединение, но естественное и единственно правильное сосуществование. Атеисты на самом-то деле живут (или стараются жить) исходя из понимания традиционной нравственности, вышедшей из религиозного сознания. А верующие люди, в свою очередь, в реальной жизни во многом стараются подстроиться под гражданские нормы поведения. Национальная идея обязана прочувствовать эту связь и закрепить ее, сживить разорванное народное сознание.

5. Национальная идея имеет внутреннее и внешнее измерение. Только всемирность идеи поднимает нацию до мирового масштаба.

6. Национальная идея должна быть адекватна времени, отвечать на его вызовы. В то же время не стоит забывать, что существует ценностная константа, отражающая устойчивые характеристики государственности того или иного народа.

7. Национальная идея объединяет общество, отодвигая на второй план существующие социокультурные различия. Она интегративна в силу того, что увязывает интересы личности, общества и государства в единый долгосрочный, позитивный национальный проект. Образно говоря, национальная идея указывает «обществу-кораблю» систему координат в безбрежном цивилизационном «море», а идеология государства служит «компасом» для соотнесения собственного курса в этой системе координат.

8. Национальная идея обязана быть направленной в будущее. Она по самой своей сути футуристична, так как задает проект будущего и программу действий. Недостаточно объяснить национальную идею прошлым и привязать ее к настоящему. Она должна формировать и программировать будущее.

9. Национальная идея должна быть жизнеспособной, чтобы выстоять в течение десятилетий и столетий. Быть жизнеспособной — значит быть устойчивой и одновременно подвижной, реагирующей на изменения условий и способной побороться за свои ценности. Принцип жизнеспособности только на первый взгляд кажется очевидным и банальным. На самом же деле его недооценка и даже непонимание приводили многие идеологии к быстрому краху.

10. Национальная идея, представляя совокупность оригинального философского творчества, неизбежно включает как самобытные компоненты, так и успешный опыт иных цивилизаций и государств. Ни в коем случае нельзя замыкаться только в себе. Российская цивилизация всегда умела искусно совмещать самобытность и творчески обрабатываемые заимствования.

В рамках масштабного исследования, проведенного Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, национальная идея звучит так: «Моя страна должна быть, и должна быть всегда!»

Чтобы понять истинный смысл слова «быть» нужно сопоставить его со словом «иметь». Эти слова обозначают противоположные образы и прин-

ципы жизни: потребительский, паразитический («иметь») и созидающий, одухотворенный («быть»).

Итак, Россия должна быть, и должна быть всегда! Должна быть здоровой и жизнеспособной, цветущей и развивающейся, идентичной собственному культурному коду. Россия должна быть **успешной**! Успешной не только для избранных, а как единый большой светлый дом, построенный с любовью ко всем жильцам и заботой о каждом человеке. Гражданин России должен чувствовать себя в собственной стране именно как дома: защищенным, уверенным в себе, располагающим всеми условиями для максимальной реализации своих возможностей.

Успешным человек может быть только в успешной стране. И наоборот, успешная страна невозможна без успешных людей, ориентированных не только на технический прогресс, но и на духовно-нравственное развитие.

Для задачи оценки степени успешности страны в исследование вводится мерный показатель — «коэффициент жизнеспособности страны» (КЖС). Значения коэффициента на исторической шкале делают наглядным представление об интегративном состоянии государства в каждый конкретный жизненный период (рис.1).

Рис. 1

Коэффициент высчитывается с учетом следующих обстоятельств: страна как сущность имеет три необходимых и достаточных признака — это ее территория, ее народ и единое государственное управление.

Стоит только исключить любой из этих признаков, и становится очевидным, что сущность-страна исчезает. Причем само слово «страна» в этом смысле не является синонимом государству. Государство — это институт, аппарат управления, созданная людьми оболочка. Страна должна обладать определенным набором свойств, чтобы быть максимально ЖИЗНЕСПОСОБНОЙ и УСПЕШНОЙ. Поэтому формально задача выглядит таким образом: жизнеспособность должна быть максимизирована.

Так как же сущностные признаки могут быть максимизированы с точки зрения успешности России? На рис. 2 видно, что каждый из сущностных признаков, в свою очередь, раскладывается на несколько признаков, те также разветвляются, их ветви, в свою очередь, дают начало новому делению.

Структура исследования. Конечный продукт

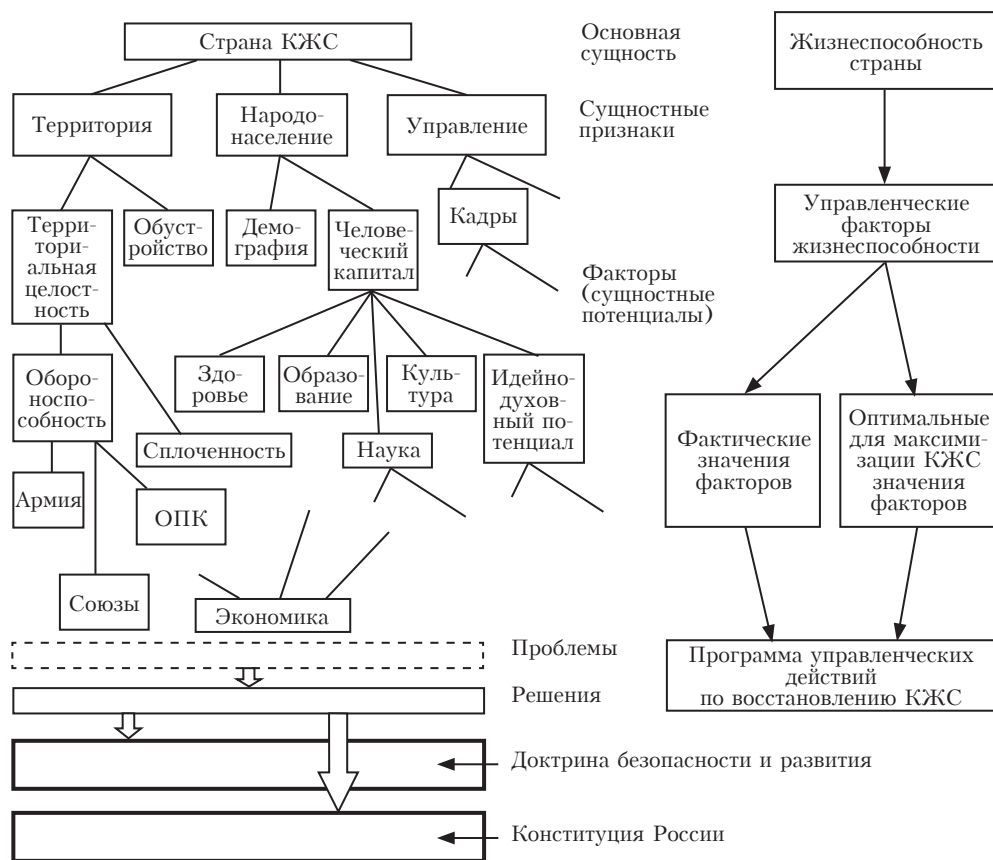

Рис. 2

В экономическом пространстве этих признаков порядка 500, в демографическом — около 160. В конечном счете, подобный подход порождает факторно-управленческое пространство для государственной власти. Проблемы, отраженные на этом древе, могут найти решения, а вся совокупность подобных решений может быть оформлена в два ключевых документа: Конституцию России и Доктрину безопасности и РАЗВИТИЯ России, что принципиально, поскольку сохранять себя, не развиваясь, невозможно. Эти документы: образ, способ, порядок, детализация жизнеустройства страны во всех сферах ее жизни. Для чего? Для того чтобы страна была максимально жизнеспособна.

Этот подход имеет и более фундаментальное, философское содержание, а именно: по философским законам бытийная способность сущности максимизируется тогда, когда достигается единство формы и содержания. То есть

когда форма сущности, отвечающая на вопрос «Быть или не быть?», дополняется еще ответом на вопрос «Каким именно быть, чтобы быть наиболее надежным образом?» (Рис. 3).

**Форма и содержание страны, как сущности,
и переход к продуцированию рекомендаций
для государственного управления**

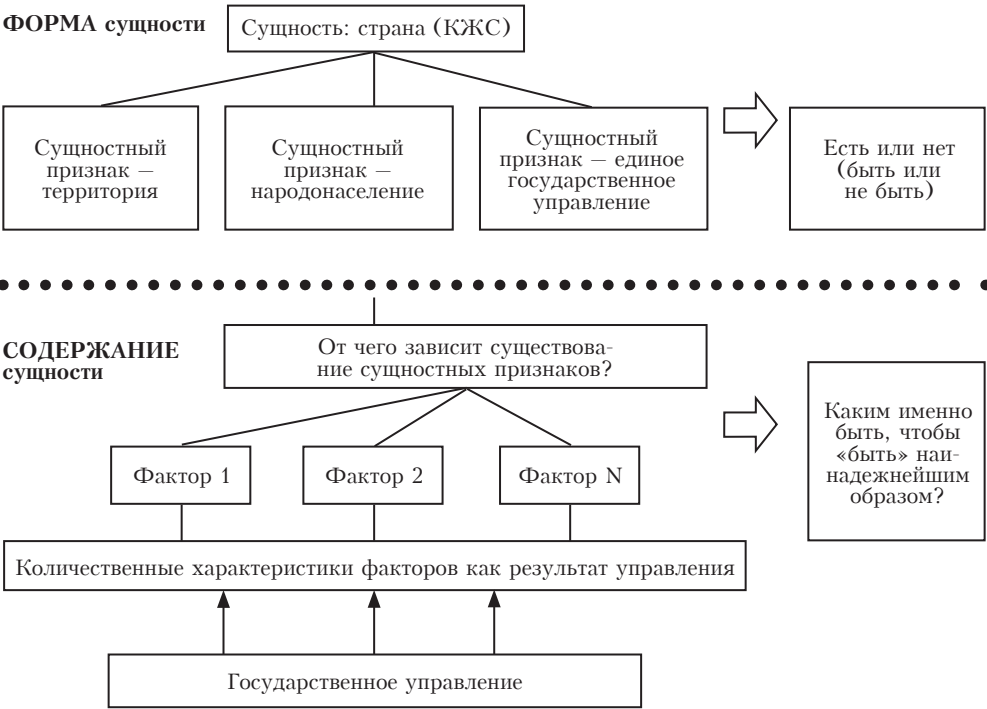

Рис. 3

Каждая страна имеет свои особые, неповторимые потенциалы успешности, они связаны с уникальным опытом выживания, исторического становления конкретного человеческого сообщества. Проведенное исследование позволило выявить оптимальные значения факторов управления, которые в совокупности задают новую модель страны, максимизирующую совокупную успешность государства.

В таблице 1 представлены оптимальные для успешности страны экономические мерные факторы в сравнении с их реальными значениями.

Таблица 1

Управляемый параметр			Оптимальное по критерию успешности развития значение	Фактическое значение
Коэффициент монетизации экономики	M2/ВВП, %		100—280	35
Доля госрасходов в ВВП, %			65	34

Управляемый параметр	Оптимальное по критерию успешности развития значение	Фактическое значение
Доля госсобственности в структуре собственности страны, %	60	24
Отношение госдолга внешнего к внутреннему, %	0	54
Доля госдолга в ВВП, %	60	8
Ставка рефинансирования ЦБ РФ, %	4	9
Доля оплаты труда в ВВП, %	64	45
Ширина спектра ВВП, отн. ед.	300	100
Ширина спектра инвестиций, отн. ед.	500	100
Доля инвестиций в ВВП, %	60	17
Налог на прибыль, %	25	20
Налог НДС, %	13	18
Э/И, %	100	160
(Э+И)/ВВП, %	60	38
Доля налогов, идущих в федеральный центр, %	50	60
Отношение госрасходов федерального центра к госрасходам в регионах, %	50	61
Отношение максимальной ставки подоходного налога к минимальной в прогрессивной шкале, раз	7	1
Коэффициент фондов	7	16
Пенсионный коэффициент замещения, %	60	30
Доля бюджета на общегосударственные расходы, %	5,5	8,8
Доля бюджета на оборону, %	12,6	10,5
Доля бюджета на безопасность, %	7,9	10,1
Доля бюджета на поддержку экономики, %	18,4	21,3
Доля бюджета на ЖКХ, %	1,6	1,5
Доля бюджета на экологию, %	3,45	0,09
Доля бюджета на образование, %	7,9	4,4
Доля бюджета на культуру, %	11,7	0,67
Доля бюджета на здравоохранение, %	12	3,8
Доля бюджета на социальную политику, %	3,0	27,8
Доля бюджета на дотации субъектам РФ, %	6,4	5,8
Доля бюджета на науку, %	8,9	5,6
Доля в расходах на экономику субсидий АПК	12	1,7
Отношение числа платных мест к бюджетным в образовании, %	20	163
Отношение затрат на закупки ВиВТ к затратам на содержание армии, %	50	47

Управляемый параметр	Оптимальное по критерию успешности развития значение	Фактическое значение
Доля численности армии в населении страны, %	1,5	0,7
Доля численности всех силовых структур в населении страны, %	5	2,6

Формирование нового облика страны невозможно без представления о высших народных ценностях России, без их нормативного правового закрепления через внесение в Конституцию России и без практической программы развития страны согласно этим ценностям.

Высшие ценности — это наиболее важные для жизнеспособности и жизнеустройства страны состояния и характеристики народонаселения и устройства территории, государственного и общественного управления. По сути, они наполняют национальную идею качественным содержанием, отвечают на вопрос «какой именно быть России?»

Самой главной из высших ценностей является вечное существование самой страны Россия — Родины Народа России. Высшими ценностями являются: *нестыжательство, коллективность и взаимопомощь, преобладание духовного над материальным, патриотичность, цивилизационная идентичность, народосбережение, территориальная целостность, человеческая жизнь и свобода человека, гармоничное развитие личности, неприятие какой-либо дискриминации, общественное благо в гармонии с благом каждого человека, любовь и семейность, социальная справедливость, альтруизм и сопереживание, служение государству Народу России, трудолюбие, честь, совесть и нравственность, устремленность к творчеству, ответственность за судьбу человечества.*

Как видно из списка высших ценностей, в центре внимания национальной идеи находятся Россия как уникальная цивилизация, ее народ, государство как защитная социальная оболочка народа, семья и человек как основа всей сложной социальной системы. Эти высшие ценности не придуманы искусственно и не принесены откуда-то из «цивилизованных стран», они плоть от плоти российской цивилизации, в них выражена вся суть русского мира, наш культурный код. **Для повышения жизнеспособности страны эти ценности необходимо озвучить на самом высоком уровне и придать им статус основы жизнедеятельности России.**

Но этого недостаточно. Высшие ценности мало просто объявить, они должны работать. Высшие ценности обязаны быть мотивационными, деятельными, влиять не только на помыслы, но и на реальные решения. Национальная идея страны — это не благолепное томление в поиске самого себя или новых образов непознанного мира, но активная и научно аргументированная программа жизни и действия каждого гражданина, общества, государства и страны в целом.

Высшие ценности в совокупности формируют идеал, к которому обща стремится вся страна. Государственная власть, ориентируясь на ценности и идеал, формулирует цели, которые необходимо достичь. На пути реализации этих целей обнаруживаются проблемы, для поиска решений которых включаются механизмы управления. Таким образом, выстраивается логич-

ная и понятная схема управления государством: ценности (идеал) — государственная политика — целеполагание — проблема — госуправление — задачи — решения — исполнение — результат. Конечным звеном цепочки является результат, который соотносят с теми самыми ценностно-ориентированными целями и делают выводы о степени эффективности госуправления (власти).

Так государственное управление наполняется смыслом и обретает конкретные критерии для оценки.

Государство в предлагаемой национальной идее России идеократично и осмысленно. Его цели и действия должны быть понятными для каждого, что соответствует лучшим традициям Российского государства. Государство — защитная социальная оболочка страны, отвечающая за ее сохранение и развитие, за то самое «быть». Именно поэтому государство в России должно отвечать за все! Это не означает, что оно всем рулит и командует. Государство оптимизирует свое участие по нескольким управленческим направлениям. С одной стороны — прямое управление государственными ресурсами (бюджетом, имуществом, иными ресурсами) и в вертикали административной подчиненности. С другой стороны — создание мотивирующих поведение частных хозяйствующих субъектов условий хозяйствования через нормотворческую функцию и исключительное право на это государства.

Государство должно ориентироваться не на материальные ценности, а на духовные. Не отрицая важность материального в жизни человека и общества, государство должно в первую очередь развивать здоровые человеческие отношения между людьми, духовность.

Нравственное государство — это государство очеловеченное, генерирующее в обществе через свои институты нравственный потенциал отношений. Только нравственное государство может обеспечить такое состояние России, при котором она была бы жизнеспособной всегда.

Постлиберальная Россия — это нравственная Россия.

Мы отвергаем дискуссию, навязываемую либеральной школой: государство или человек. Государство создается как инструмент номер один и именно для обеспечения благополучия и жизни людей. Не может быть России и российского государства без здорового, одухотворенного человека, созидającego и развивающегося согласно высшим ценностям. Как и человек, в свою очередь, не способен быть в одиночку, без народа, без защитной оболочки в виде государства, без России. Все взаимосвязано и гармонично. Одно не может существовать без другого. Огромное преступление — противопоставлять человека и государство, вбивая между ними искусственные противоречия.

Права человека входят в список высших ценностей России. Более того, в центре предлагаемой национальной идеи находится именно **человек**. Но человек не атомизированный, не враждебный народу и стране, не конкурирующий за «миску похлебки» со своими родными и близкими. А человек коллективный, солидарный, развивающийся в гармонии со страной и народом. И главное — осознающий тот факт, что к правам прилагаются ответственность, обязанность и долг. Права без ответственности — путь к саморазрушению как для человека, так и для страны.

В отличие от либеральной парадигмы в предлагаемой национальной идее права и свободы человека — это только одна из составных частей находящегося под государственной защитой ценностного арсенала. Человек

не ограничивается только одной этой ценностью. Не менее важны для него и другие: чувство Родины (малой и большой), альтруизм, нестяжательство, семья, стремление к совершенству и пр. Если выпячивается и защищается только одна из них, обязательно ущемляются остальные. В предлагаемой национальной идее четко проговаривается этот момент: высшие ценности России равнозначны, никакая из высших ценностей России не может преобладать в государственном управлении.

Национальная идея должна быть закреплена в высшем законодательном документе страны. В противном случае она является хоть и правильной, но ни к чему не обязывающей декларацией. Что само по себе тоже неплохо, но недостаточно для управления государством.

Конституция, являясь документом высшего уровня, должна описывать и высшие основания построения страны. К их числу иногда относят только административные институциональные основания, что характерно для либерального подхода. Вместе с тем очевидно, что если страна рассматривается в рамках предлагаемой национальной идеи, где успешность страны производна от деятельности человека и общества, то ценностное мировоззренческое, мотивирующее человека и общество основание становится важнейшим в числе оснований государственности и общежития в целом. И оно должно быть закреплено в Конституции. Таким образом, Конституция — это не просто свод произвольно собранных правил и норм, которые преследуют непонятно какие цели, но законодательно оформленная и закрепленная в конкретных формулировках национальная идея, в центре которой находятся высшие ценности страны.

И такая Конституция уже разработана! Авторский коллектив Центра проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования создал **научный макет новой Конституции России**. В ней учтены все аспекты конституционного строительства и предложены юридически проработанные решения самых острых проблем российского государства: от административного устройства и экономической политики до системы образования и сферы средств массовой информации. И все это согласно высшим ценностям России, в интересах народа и с целью роста его жизнеспособности.

Помимо Конституции в рамках предлагаемой национальной идеи созданы и готовы к использованию в госуправлении Доктрина безопасности и развития России, а также система нормативно-правовых актов, институциональных, социально-экономических, региональных, финансовых, внешнеполитических и гуманитарных принципов жизнеустройства России. Все это вы найдете в шеститомнике «Национальная идея России».

Итак, накануне эпохи больших перемен и глобальных геополитических сдвигов сформулирована национальная идея России, адекватная русской цивилизационной идентичности и вызовам времени, основанная на досконально разработанной научной теории и воплощенная в Конституции и других практических управленческих решениях. Ее непростой смысл эмоционально и на глубинном уровне понятен каждому: «Россия должна быть и быть навсегда!» Должна быть — и точка. Ибо без России нет нас, а без нас нет России. Это понимали наши предки, это должны понять и мы. Если хотим не просто влачить жалкое существование и умирать, но быть и развиваться.

Мы верим: Россия обречена на успех!

Владимир КОЛЕСНИКОВ

ВОЗРОЖДЕНИЕ РОССИИ КАК ПУТЬ К ВОЗВРАЩЕНИЮ К ДУХОВНЫМ ЦЕННОСТЯМ

*К вопросу об одном
из аспектов «качественного»
развития страны*

Андрей ГОЛОБОРОДЬКО

Более чем двадцатилетняя история развития современного российского государства, история проб и ошибок, ряд положительных результатов и, одновременно, значительное число негативных трендов, характеризующих развитие страны в экономическом, социальном, политическом и других измерениях, стали предметом достаточно большого количества исследований.

Но, по нашему глубокому убеждению, до настоящего времени еще не сформировано четкого ответа на вопрос о том, насколько оптимальна и жизнеспособна избранная в 90-е гг. модель развития России, и, что еще более важно, как она должна видоизмениться в новых условиях развития мирового сообщества¹, какими «импульсами» наполниться, какими «точками роста» обогатиться...

¹ Ср. Багдасарян В. Э., Сулакшин С. С. Властная идейная трансформация. М., 2011. С. 4.

Владимир Иванович Колесников — родился в Ростове-на-Дону в 1941 году. Окончил физико-математический факультет Ростовского государственного университета, доктор технических наук, профессор, действительный член (академик) РАН, заслуженный деятель науки РФ, председатель Высшей аттестационной комиссии Министерства образования и науки РФ по транспорту, «Почетный машиностроитель», «Почетный железнодорожник», «Почетный гражданин города Ростов-на-Дону». **Живет в Ростове-на-Дону.**

Андрей Юрьевич Голобородько — родился в с. Большая Федоровка Красносулинского района Ростовской обл. Окончил Таганрогский государственный педагогический институт. Проректор Ростовского государственного университета путей сообщения. Член Союза журналистов России. **Живет в Ростове-на-Дону.**

В настоящей работе представлена авторская позиция относительно одного из основополагающих, фундаментальных, базисных факторов развития и модернизации нашей страны, коим мы считаем сохранение культурной (или цивилизационной) идентичности.

Сохранение, а в нынешних условиях, может быть, даже возрождение, культурной идентичности — это возвращение к истинным корням российской духовности, которые исторически выступали «питательной средой» российской государственности, национального самосознания, патриотизма народов России.

Несколько слов о патриотизме. На наш взгляд, истинный патриотизм (а здесь мы разделяем позицию профессора К. А. Феофанова) всегда заключался не в ханжеском замалчивании отечественных цивилизационных изъянов и деградационных процессов, не в их представлении как уникального и бесценного национального своеобразия, которое спасет, может быть, действительно в чем-то «загнивающий» капиталистический мир, а в стремлении к объективному и беспристрастному анализу с целью поиска работающих объяснений и решений¹. Только открыто признавая критический уровень развития в важнейших сферах российского общества, можно понять, какие шаги должны быть предприняты к сущностной модернизации российского общества на основе поиска оптимального пути развития.

Но что такое «модернизация»?

Думается, модернизация экономики начинается с модернизации сознания. А модернизация сознания берет свое начало в формировании (в душе, сердце, уме каждого человека) устойчивого понимания необходимости изменений — и, прежде всего, изменений в себе — изменений внутреннего содержательного характера, изменений сущностных. Этот путь очень сложен и тернист, он требует необычайной силы воли и смелости духа.

Ведь модернизация — это, на наш взгляд, переход на качественно новый уровень развития — развития общества, государства, каждого гражданина — обуславливающий не консервацию существующей модели, а обновление ее посредством содержательных изменений в экономике, социальной сфере, и, что не менее важно, в системе отношений по векторам «человек—общество», «человек—государство».

И до тех пор, пока эта сущностная трансформация сознания наших сограждан не станет реальностью, пока модернизация не наполнится подобным содержательным, «сутовым» наполнением, пока не будут поняты и усвоены ее базовые ориентиры как изменений внутреннего, качественного характера, как изменений духовного порядка и нравственного совершенствования человека как субъекта деятельности, мы вынуждены будем признать, что написание слова «модернизация» без приставки «псевдо» не является правильным и отвечающим реальному положению дел.

Ведь что происходит сегодня? Писатель Валентин Курбатов пишет: «...русский человек всегда знал, что этика — дочь здорового и разумного хозяйствования, просто дочь жизни... а коли жизнь “пошатнулась”, этики не жди. И первой пошатнулась любовь к Родине... и эта потеря, может быть, самая невозполнимая»².

¹ Ср. *Феофанов К. А.* Социально-гуманитарные знания, 2012. № 1. С. 19.

² «Аргументы и Факты», 2012. № 17.

Горько констатировать эту реальность, но ведь это так.

Поэтому одна из первостепенных целей в нелегком пути спасения России — возвращение патриотизма как истинной ценности.

Но для этого нужно сделать очень много. И начинать надо, на наш взгляд, в том числе с изменения характера информационного пространства, которое обрушивается на нас каждый день — люди «жаждут» человеческих новостей о простом деле жизни — о труде, о надеждах, светлых праздниках, честных людях и дорогих победах, а на них ежедневно «выливается» ушат негативной информации, представление одиозных событий, «записав сообщение о которых», человек сразу темнеет, делается враждебным...

Нельзя ожидать перемен в душе человека, в его поступках, нельзя «заставить» его любить свою Родину, не изменив содержание сегодняшнего информационного потока — понимание этого, и далее — эффективные действия в этом направлении — один из важнейших механизмов решения задачи воспитания патриотизма как истинной духовной ценности.

К большому сожалению, проходят тысячелетия, а грехи человеческие все те же, потому что в их основе лежат те же человеческие страсти: гордость, властолюбие, сребролюбие, чревоугодие, зависть... К большому сожалению, многим и многими в нашем обществе правит сегодня «золотой телец»...

Но это — путь в никуда, путь к катастрофе.

Поэтому другой, не менее важной, задачей является переосмысление ценностей, «внутренняя» реформа системы ценностей человека-гражданина.

Каковы инструменты осуществления подобной внутренней «реформы»?

Здесь, на наш взгляд, должен работать, прежде всего, принцип воспитания и «очищения» (по выражению писателя В. Курбатова) **делом, добром, созидательной деятельностью**. Воспитание и очищение это нужно всем нам — и молодежи, и старшим нашим согражданам, вне зависимости от социального статуса, роли и положения.

И очень важно создать условия, естественную среду, чтобы, например, наша российская молодежь была «погружена» в созидательную по своей природе среду воспитания делом. А инструментов здесь, по нашему мнению, предостаточно: это и масштабные проекты, реализация которых инициирована руководителями страны (например, деятельность студенческих строительных отрядов на объектах Олимпийских игр-2014), и осуществление собственных инициатив, проектов, идей.

Именно такая созидательная, ориентированная на систему нравственных, моральных, этических норм, ценностей, требований деятельность молодого человека — это его путь к духовному воспитанию и просвещению — путь к «окультуриванию себя и окружающего мира». Ведь «культура есть деятельность, соответствующая своему понятию как свободное, сознательное жизнепроявление универсального индивида»¹.

Удивительно метко охарактеризовал понятие культуры Н. К. Рерих: «Культура есть истинное просветленное понимание. Культура есть красота во всем ее творческом величии. **Культура есть утверждение добра во всей его действительности... Культура защищает историческое достоинство народа**»².

¹ Жданов Ю. А. Давидович В. Е. Время культуры. 2005. С. 30.

² Рерих Н. К. Из литературного наследия. М., 1974. С. 402.

Бесспорно: сегодняшняя молодежь — это значительная сила, обладающая большим потенциалом энергии. И общая задача государства и институтов общества — суметь направить эту энергию в созидательное русло.

Но, размышляя о том, как сделать так, чтобы увлечь молодежь, помочь найти ей жизненные ориентиры, не дать сбиться с пути истинного, мы должны откровенно говорить о том, какую роль играют вопросы нравственного самоопределения для нас самих, для нас, на которых равняется наша молодежь, и с кого она берет пример. А это и учителя, и политики, и предприниматели, и актеры — спектр очень широкий.

Самое главное здесь, на наш взгляд, создать условия для того, чтобы каждый молодой человек смог осознать себя, смог понять то, ради чего он должен жить и творить, смог, наконец, ответить на три жизнеутверждающих вопроса: «Где мы живем?», «Среди кого мы живем?», «Как мы живем?»

На первый взгляд, ответы на эти вопросы являются достаточно очевидными — в Ростове, Таганроге... живем мы среди людей, живем мы хорошо/плохо... Но не так все просто.

На самом деле ситуация значительно серьезнее. Отвечая на такие вопросы, зачастую, люди думающие, «вникающие», говорят: мы живем в стране, которая забывает историю, своих предков, свои традиции, мы живем неправильно, мы живем в обществе равнодушия...

И людей думающих (рефлексирующих), подобным образом отвечающих на эти вопросы, становится все больше. Да и вообще, кстати говоря, многие ученые нынешний («переходный», по их терминологии) этап развития социума называют «рефлексивным»¹.

И, к большому сожалению, наши сограждане, подобным образом отвечающие на указанные вопросы, во многом будут правы — ведь, сколько традиций мы потеряли: доверие, верность данному слову. Как здесь не вспомнить старые добрые традиции русских купцов, их «купеческое слово», позволявшее обходиться без расписок, долговых обязательств... Эти ценности зачастую выступали предметом описания в русской литературе (помните Козьму Пруtkова с его «Солгавши единожды, кто тебе поверит?»).

К сожалению, сегодня в нашем обществе традиции эти во многом утрачены. Поэтому их надо возвращать в общество, изучать историю. Надо помогать нашей молодежи правильно видеть смысловые ориентиры поступков и деяний, давать ей возможность гордиться прошлым Великой России.

Представляется, что одним из действенных ресурсов решения этой задачи может стать взаимодействие образовательных заведений и учреждений Русской Православной Церкви.

Пример: уже 17 лет Ростовский государственный университет путей сообщения и Ростовская-на-Дону Епархия Русской Православной Церкви совместно проводят Димитровские образовательные чтения. Предполагается, что одним из предметов дискуссии в рамках ближайших чтений будет проблема **«Нравственности в экономике»**. Ведь, с точки зрения Православной Церкви, Господь осуждает не то, что человек обладает богатством, а те случаи, когда богатство начинает обладать человеком, подчиняя жажде наживы любой ценой все лучшее в человеке. Не практические способности

¹ См. Чанкова Е. В. Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 150–152.

и деловая хватка плохи, а жестокосердие и цинизм, которые могут сопутствовать им.

Как известно, в русском языке термин «богатство» выражается также понятием «состояние». Причем Церковь рассматривает «состояние» не только в материальном, но также в душевном и в духовном плане, как всеобъемлющую характеристику личности. Поэтому подлинный объем, настоящее качество и непреходящая ценность состояния предпринимателя, будь он представителем малого бизнеса, финансистом или нефтепромышленником, зависят от того, насколько он, по евангельскому выражению, «в Бога богатеет».

Убеждены: только разбудив души и сердца нашей молодежи, наших предпринимателей на великих примерах наших предков, на духовных ценностях, мы сможем «нравственно исцелить наше общество»... А это — путь к развитию и процветанию России!

Весь ход исторического развития нашей страны подтверждает, что когда уровень духовности в России достаточно высок, когда наш народ живет «по Богу», считает нравственные ориентиры главными и первостепенными — Господь помогает нашему народу и нашей стране. И, наоборот, во времена духовного кризиса, поражавшего Россию на протяжении своей истории, страна впадала в пучину невзгод, кровопролитных войн, революций — взять хотя бы начало XX века... Сейчас, когда, по нашему глубокому убеждению, значительная часть народа России встала на путь возвращения к Богу, когда возрождаются старые и встают новые православные храмы, очень важно помнить об этих исторических уроках и заботиться о развитии духовности и нравственности в нашем обществе.

И работы здесь — в области повышения духовности — очень много... работа эта должна быть совместной — государства, Церкви, общества. Важно, чтобы человек получал «импульсы» к тому, чтобы «духовно исцелиться», думать о своих недостатках, понять свои заблуждения в стремлении к «золотому тельцу», осознать истинную ценность добра, любви, сострадания.

Если в нашем обществе будет больше людей, которые, духовно исцеляясь, будут искренними в своем понимании истинных ценностей жизни и встанут на путь модернизации своего сознания, которое будет «готово» к восприятию, пониманию и «деланию» добра, творению милосердия, служения Отечеству в лучших традициях российской истории, то и путь к модернизации нашей страны (уже в экономическом измерении) станет менее долгим и более успешным.

Но путь к искреннему, глубокому пониманию истинных ценностей — путь нелегкий, порой очень трудный. Ведь это путь радикального изменения ума человека, даже, может быть, его (ума) обновление! Такая «перемена ума» начинается с признания человеком своих грехов (раскаяние), сопровождается сердечным сокрушением о них, исправлением своей воли по воле Божией (возвращение к Богу) и направлением в соответствии с ней своих мыслей, слов и поступков (метанойя).

Это и есть путь духовного возрождения и исцеления.

Именно духовное возрождение каждого человека, в целом всего народа, по нашему мнению, одна из наших национальных идей! Ведь общеизвестно, что «с гибели отдельной души начинается гибель целого народа». Спасение

же народа зависит от той лепты, которую внесет в это дело каждый отдельный человек!¹

В заключение отметим, что опыт исторического анализа убедительно свидетельствует о том, что ни одна держава мира не может удержаться в статусе мирового лидера, не имея внутри себя мощного и, главное, уникального духовного или идейного стержня, которого бы не было ни у какого другого государства.

И хочется верить, что Россия возвращает свой духовный авторитет — и это может и должно стать одним из важнейших аспектов модернизации нашей страны, ее развития в различных аспектах жизнеобеспечения населяющих нашу Родину народов.

И задача каждого из нас, задача государства, общественных институтов, Церкви — внести свой вклад в дело возрождения России как великой Державы.

Литература:

1. *Феофанов К. А.* Цивилизационные проблемы и перспективы российской модернизации // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 3–19.

2. *Чанкова Е. В.* Трансформационная модель коммуникативной компетентности личности // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 1. С. 147–153.

3. *Шигарева Ю.* Хватит уже пятиться! Писатель Валентин Курбатов — о том, в чьих руках «ключ от темницы» // Аргументы и Факты. 2012. № 17, 25 апреля — 1 мая.

4. *Жданов Ю. А. Давидович В. Е.* Проблемы теории и истории культуры // Сущность культуры. Изд. 2-е, перераб. / отв. ред. Ю. Г. Волков. Ростов н/Д: Наука-пресс, 2005. С. 432.

5. *Немыченков В.* Размышления в дни Великого поста // Вестник Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы. 2012. № 1 (9). С. 115–119.

6. *Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С.* Властная идейная трансформация: Исторический опыт и типология. М.: Научный эксперт, 2011. С. 334.

7. *Рерих Н. К.* Из литературного наследия. М., 1974. С. 402.

¹ Ср. *Немыченков В.*, цит. по: Вестник Фонда Андрея Первозванного и Центра национальной славы России. 2012. № 1. С. 119.

ПОЭЗИЯ

Татьяна ГРИБАНОВА

«РОЖДЕННЫЙ НЕБОМ СИЛУЭТ»

Татьяна Ивановна Грибанова — родилась в деревне Игдино на Орловщине. Окончила факультет иностранных языков Орловского государственного педагогического института. Работала преподавателем иностранного языка. Автор двух поэтических книг «Апрель» и «Прощеный день». Член Союза писателей России. Лауреат международного конкурса «Звезда полей». Живет в Орле.

* * *

Август спелый,
Стреноженный, в яблоках, ветер.
Мне, как птице,
В дорогу отчалить пора.
Ну, не надо о прошлом,
Утраченном лете.
Кони рыжие ждут
И храпят у двора.

А вчера промелькнул
Первый клин журавлиный.
Намотало на спицы
Солнце тонкую нить.
Ранний утренник тронул
В садах георгины.
Ветер стал самосад
На болотах курить.

Что ж так рвется душа
В непочатую осень?
Где полынь придорожная —
Горечь разлук.
Где надежды судьба
Несозревшие косит,
И не в двери,
А в сердце
Прерывистый стук...

ПРОГУЛКА

Мне шепот листьев —
бальзам на душу.
Мне осень позарез нужна!
Брусничкой алой
горит опушка.
Сентябрь, да я, да тишина.

Над пашней стылой,
над захолустьем
К заморским дивным берегам
печально-важно
проплыли гуси.
«Пора-кага! Пора-кага!»

День-паутинка
прозрачен, тонок.
Но речка чует холода.
И гуще меда
стоит в затонах
ее тяжелая вода.

В лощинах иней,
что кипень, белый.
Скует, видать, до Покрова.

Камыш о воздух
ломает стрелы.
Душа в разрыв, как тетива.

* * *

Милая даль захолустная.
Сельцо. Чуть пониже — погост.
Птицы подсолнечник лузгают.
Стежка к церквушечке узкая.
Июль, а на сердце — мороз.

Клубом была и конюшнею...
Но все ж сберегла куполок.
Кладка старинная сдружила...

Мох — древнерусское кружево
Укрыл, словно саван, порог.

Видно, на вечность пророчество —
Такое бывало не раз —
Образ... На нем Богородица
(Только оклад покоробился).
Явилась...
И молит за нас.

АНГЕЛ

Еще февральская луна
Струила свой крахмальный свет,
Когда на грани полусна
В проеме ближнего окна
Мелькнул знакомый с детских лет
Рожденный небом силуэт.

Звук колоколец... И опять —
Чуть слышно дзынькнуло стекло.
Напев Богемии цenia,
Так ложкой о хрусталь звенят,
И под Крещение так мело —
Легко, прозрачно и светло.

О, этот долгожданный звук!
И Ангел в трепетных лучах!
С крыла стряхнув остатки вьюг, —
«Привет!» — кивнул, как старый друг,
Как будто заглянул на чай,
Чуть свет, по-свойски, невзначай.

Рассвет затеплил край небес,
Затрепетал парчой в крылах.
Я жаждала еще чудес.
Но, не скрывая интерес,
Присев у краешка стола,
Спросил он просто: «Как дела?»

Мой Ангел! Что сказать тебе?
Тому, кто знает наперед
Порогов каждую ступень
В моей извилистой судьбе,
Ведет падений, взлетов счет
И знает всех событий ход.

Что вслух печалиться о том?
Беззвучный выслушав ответ,
Меня он осенил крестом —
Коснулся лба и плеч перстом.
Очнулась — Ангела уж нет.
Лишь ярче за окошком свет.

* * *

Пыль-зола проселочной дороги.
Все поля, поля да хлипкий лес
Придержи, отец, залетки-дроги.
Чтобы стороной прошли тревоги,
Видишь: ладят на распутье крест.

Православный. С образком. Дубовый.
Из былых времен, издавека
Светоч веры праведной Христовой.

Нет для Родины пути иного.
Вдаль бредут паломники-века.

Мимо не пройти, не затеряться.
И кропит кипрейник, словно кровь.
Может, сняли **здесь**

Христа с распятия?
Плащаницей — погребальным платьем
Стало **это** небо, **эта** новь?..

СОЛЬ

Листья смородины, зонтик укропа,
Перец забористый да чесночок.
Своих огурчиков первая проба —
Намалосолим дубовый бачок.

Мама командует, я на подспорье,
С детства на кухне знакомая роль.
«Батюшки, Таня! Вот горе так горе!
К тетке скорее! Закончилась соль!»

Хаты бок о бок, тетка — соседка,
Настежь калитка, пахнуло парным.
Дома нечасто, точней — очень редко,
Летом — на отпуск, зимой — к выходным...

Два великана в углу, две кадушки
Крупною солью до края полны!
Взгляд оценив, не стерпела старушка:
«Ты не отведала, детка, войны!»

Завспоминала под вздохи и ахи
Рабство в Германии, беженки путь.
— Горя пришлось под завязку хлебнуть,
Соль мне казалась послаще, чем сахар,
Знаю соль жизни.
И цену, и суть.

* * *

Лишь только под Сретенье сбавят шальные морозы,
Во мне забурлит, заиграет крестьянская кровь.
Потянет к земле, приснятся хлеба и покосы,
И щедро политая майскими ливнями новь.

Примчусь-прилечу, стосковавшейся ласточкой-птицей,
Хоть как-то подправить почти нежилое гнездо,
Сходить на погост и крестам дорогим поклониться,
Кулич покрошить под могильным жасминным кустом.

А вечером выйду — метель под черемухой кружит,
Скрипит коростель из неспелых туманных лугов.
Вот так бы стоять, с замиранием слушать и слушать
Ночную деревню, до третьих бродить петухов.

Есть место такое на свете,
Где в пояс июньский покос,
С полынною горечью ветер,
А ночь так светла от берез,
Что дед, закутив из кисета,
Накинув на плечи «пинжак»,
На лавке читает газету.
Прикинет и эдак и так,
Коль час его смертный настанет,
Кому завещать, — вот вопрос, —
Гнездо ласточаток за баней,
С могилами предков погост?
Округу с лазоревой далью
И воздух — не сыщешь хмельней?
А заросль ивана-да-марьи?
А в них полусонных шмелей?
Поля без конца и без края,
И новый помол на столе?

Душа за воротами рая
Не сможет не ныть о земле,
Об этих заутренних звонах
Пусть храмовый колокол мал!
И о придорожном поклонном
Кресте, что неделю строгал.
Старик-то и тянет одною
Мечтою, что выпадет срок,
Под Вербное, ранней весною,
Отслужится Мишка-внучок.
Осядет и пустит здесь корни,
Заложит с антоновкой сад,
Дом выстроит светлый, просторный...
Старик был бы этому рад.
Чтоб ставни, карнизы резные,
Чтоб в Красном углу — образа,
Чтоб деду ладони родные
Закрыли навеки глаза.

ДОМА

Вот и дорога у сосен,
Здравствуй, родная земля!
Стелется под ноги осень,
В озими яркой поля.

То ли полынь на ресницы,
То ли с морозу слеза.
Простеньким в крапинку ситцем
Реет октябрь в небесах.

Пройдено в жизни немало
Разных путей и дорог.

Сердцу всегда не хватало
Тропки, которой сбегало
Детство за отчий порог.

Старая песня калитки,
Шар золотой у крыльца.
Пахнет из кухоньки ситным,
Слышится голос отца.

Спелым антоновским садом,
Дымом печного огня,
Поздним ночным звездопадом
Родина манит меня.

ЕЩЕ НЕ ВСЕ СКАЗАЛА РУСЬ

Ухабист путь, тернист и долог,
Но, зная наших, не страшусь.
Пока пылит еще проселок,
Еще не все сказала Русь.

Пока, как храмы, осиянны
Березы на родном дворе,
Молюсь на свет их неустанно,
Как ликам древним в алтаре.

Дождаться б радостных событий,
Страхнув проклятье с русских сел,
Взрастить хлеба на чернобылье,
Очистить зерна от плевел.

Стоит на росстанях Россия,
Венец терновый на челе,
И копит, копит, копит силы,
Как богатырь припав к земле.

(продолжение)

**Протоиерей
Борис
НИКОЛАЕВСКИЙ**

ДУХОВНЫЕ БЕСЕДЫ*

Протоиерей Борис Николаевский (1884–1954) последние годы своей жизни служил в Свято-Троицком храме в Санкт-Петербурге в Лесном. В этот период отец Борис записал свои духовные размышления, касающиеся вопросов, волнующих его прихожан. Эти размышления составили содержание «Духовных бесед».

«Духовные беседы» подготовлены к публикации С. Н. Корытиным и Н. Б. Егоровой и печатаются по благословлению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II.

*Продолжение. Начало в № 1, 2, 3, 4 за 2008 г., № 1, 2, 3, 4 за 2009 г., № 1, 2, 3, 4 за 2010 г., № 1, 2, 3, 4 за 2011 г. и № 1, 2, 3 за 2012 г.

Кто хочет еще узнать тайны молитвенных состояний, читайте богомудрых наставников наших.

Есть сборник «О трезвении в молитве», где епископ Феофан собрал очень много изречений святых Божиих — о молитве.

Читайте т. V «Добролюбия» и другие книги о молитве, и вы увидите, что преуспевание в молитве не имеет конца, или, как говорит один церковный писатель: «В деле этом нет конца: конец бесконечен».

В заключение вернемся к тому состоянию молящегося, в каком мы все находимся, и послушаем еще раз наставления епископа Феофана. В книге «Невидимая брань» есть еще прекрасные изречения о молитве:

«Ты, верно, слышал такие слова: словесная молитва, мысленная молитва, сердечная молитва, слышал при том, может быть, и рассуждения о каждой из них особо.

Отчего происходит такое разложение молитвы на части? Оттого, что по нашей оплошности бывает, что иной раз язык произносит святые слова молитвы, а ум блуждает невесть где, или и ум понимает слова молитвы, а сердце не отзывается чувством...

В первом случае бывает молитва только словесная, и это совсем не есть молитва.

Во втором — со словесной соединяется молитва мысленная, и это будет молитва несовершенная, неполная.

Полная и настоящая молитва есть, когда со словом молитвенным и молитвенною мыслью сочетается и молитвенное чувство»¹.

¹ Епископ Феофан. Невидимая брань. С. 188.

«Умная или внутренняя молитва есть, когда молящийся, собрав ум внутри сердца, оттуда не гласным, а безмолвным словом воссылает к Богу молитву свою, славословя Его, благодаря Его, сокрушенно исповедуя пред Ним грехи свои и испрашивая у Него потребных себе благ духовных, душевных и телесных.

Не словом только надо молиться, но и умом, но и сердцем, да ясно видит и понимает ум, что произносится словом, и сердце да чувствует, что помышляет при этом ум.

Все это в совокупности и есть настоящая молитва, а если нет в молитве твоей чего-либо из этого, то она или несовершенная, или совсем не молитва»¹.

А как же научиться такой правильной настоящей молитве?

«Прежде чем начать читать слова молитвы, поставь себя в присутствии Божию до сознания и чувства Его (то есть чтоб сознавать и чувствовать присутствие Господа Бога) с благоговейным страхом и восставь в сердце умную веру, что Господь Бог видит и слышит тебя, что Он не отвращается от молящихся, но благоволиительно взирает на них и на тебя в час молитвы, и окрылись надеждою, что Он готов исполнить и действительно исполнит прошение твое, если оно полезно для тебя.

Настройся так и произносить молитвы твои, всеми силами углубляйся в них и всячески заботься, чтоб они исходили из сердца, как твои собственные.

Не позволяй вниманию твоему отклоняться и мыслям улетать в сторону. Как только сознаешь, что это случилось, возврати свои мысли внутрь и начни с того места, где внимание отклонилось. Не позволяй себе спешить на молитве, а всю свою молитву благоговейно, как священное дело, с терпением доводи до конца»².

«Бывает, по Благодати Божией, и одна сердечная молитва, и это и есть духовная молитва, Духом Святым в сердце движимая: молящийся сознает ее, но не творит, а она сама в нем творится. Такая молитва есть достояние совершенных.

Общедоступная же и от всех требуемая молитва есть, чтобы со словом молитвенным всегда сочетаваемы были мысль и чувства.

Бывает еще молитва, которую называют “предстоянием пред Богом”, когда молящийся, весь сосредоточившись внутрь сердца, мысленно созерцает Бога присущим себе и в себе — с собственными тому чувствами: то страха Божия и благоговейного изумления пред Его во всем величии, то веры и упования, то любви и преданности в волю Божию, то сокрушения и готовности на всякие жертвы.

Такое состояние приходит, когда углубится кто в обильной молитве словом, умом и сердцем. Кто как должно молится, у того такие состояния чаще и чаще будут повторяться, и, наконец, такое состояние может сделаться постоянным, и тогда оно называется Хождением пред Богом, и есть непрестанная молитва.

В таком состоянии пребывает святой царь и пророк Давид, который свидетельствует о себе:

¹ *Епископ Феофан*. Невидимая брань. С. 188.

² Там же. С. 14.

— презрех Господа предо мною выну, яко одесную мене есть, да не подвижуся (Пс. XV, ст. 18)»¹.

Думаю, что вы меня спросите: зачем я вам рассказываю об этих высоких молитвенных состояниях, когда нам их все равно не видать?

Для того, во-первых, чтобы курс молитвенного научения был более и более полон, а во-вторых, чтобы вы, когда помолитесь искренне, со слезами, от сердца, не подумали бы, что вы уж — ух какая молитвенница, выше и быть не может, и не начали бы на всех смотреть свысока, и, в-третьих, когда стоите в церкви за богослужением и разглядываете и судите стоящих рядом да и думаете о своих домашних делах, чтобы вздохнули вы с горьким покаянным чувством и просили бы от искреннего сердца: «Господи! Прости меня! Ведь я не молилась, а только грех совершила и оскорбила Тебя! Прости меня, Господи!»

Наши русские молитвенники, как преподобный Серафим Саровский, иеросхимонах Парфений Киевский и многие другие, оставили нам свои молитвы, в которых они изливали свои чувства к Господу... Для многих из нас дорога молитва Филарета, Московского митрополита, уже давно умершего.

Молитва Филарета митрополита Московского

Господи! Не знаю, что мне просить у Тебя!

Ты один знаешь, что мне нужно. Ты любишь меня больше, чем я сам умею любить себя...

Отче! Дажь рабу Твоему то, о чем я тебя и просить не умею!.. Не смею просить ни Креста, ни утешения, только стою перед Тобою. Сердце мое Тебе открыто. Ты зришь нужды мои, которых я не знаю, зри и сотвори по милости Твоей. Порази и исцели, низложи и подыми меня! Благоговею и безмолвствую пред Твоей Святою волею и непостижимыми для меня судьбами Твоими!

Весь я предаюсь Тебе! Нет у меня иного желания, кроме желания исполнить волю Твою!

Научи меня молиться! Сам во мне молись!

Аминь.

В заключение приведу прекрасные слова преосвященного Иннокентия, митрополита Московского, из его книги «Указание пути в Царство Небесное» (с. 39–40):

«Дух Святой дает истинное смирение».

А как понимать это надо?

«Человек, даже самый разумный, если не имеет в себе Святого Духа, не может надлежащим образом познать себя, ибо без помощи Божией он не может видеть внутреннее состояние души своей.

Святой Дух, вселившись в сердце человека, показывает ему всю бедность и слабость его, растление души и сердца его и удаление от Бога. При всех его добродетелях и правде, показывает ему все грехи его, леность, нерадение о спасении и благе людей, его своекорыстие в самых, по-видимому, бескорыстных его добродетелях, его грубость, самолюбие — там, где он не подозревает его.

¹ *Епископ Феофан. Невидимая брань. С. 183.*

Кратко сказать, Дух Святой показывает все в настоящем виде, и тогда человек начинает смиряться истинным смирением, начинает терять надежду на собственные силы свои и добродетели, считать себя худшим из людей.

И начинается тогда истинная молитва. Святой Дух научает человека молитве такой. Никто, пока не получит Святого Духа, не может молиться такой молитвой, которая истинно приятна Богу. Потому что, если, не имея в себе Святого Духа, начнет молиться, то душа его рассеивается в разные стороны, от одной вещи к другой, и он никак не может удержать свои мысли на одном. И при том он не знает должным образом ни себя, ни своих нужд, ни того, как просить и чего просить у Бога, и не знает, Кто такой Бог.

Но человек, в котором Дух Святой, и знает Бога, и верит, что Он есть Отец его, знает, как приступить к Нему и как просить и чего просить у Него.

Мысли у него в молитве стройны, чисты и устремлены к одному предмету — к Богу, и молитвою своею он точно может сделать все».

Только одно помните:

Станете на молитву, начнете просить у Господа — так никак не подумайте, что Господь обязан дать все, что вы пожелаете.

Ведь у нас частенько и такое дело бывает: станем на молитву и спокойны — чего же еще от меня потребовать? Я же читаю, говорю молитву — чего же еще? Стало быть, все в порядке... И я, следовательно, имею право получить свое: я сделал все, что от меня требовалось — стою и читаю молитвы.

Ведь так и есть...

Если не всегда ясно понимаем сами это, то на деле так и есть. Почитаю, почитаю, да кругом посмотрю или в кухню сбегаю, там что-нибудь поделаю. Приду и, как ни в чем не бывало, снова читаю слова молитвы.

(А где здесь благоговейный страх, сознание, что стою я беседую с Господом и Владыкой жизни моей, что я стою на суде Божиим? Ничего этого и в помине нет!..)

То же и в церкви на молитве: и позеваю, и на соседей посмотрю... А думы далеко-далеко от церкви и от молитвы.

Это ли молитва?

Это ли вопль покаянный измученной грехом души? Есть ли здесь тоска и горе от сознания, как я далек от Господа? И стоит такой молитвенник в спокойном сознании, что «я в церковь пришел и вот молюсь Богу — меня хвалить надо, а уж ругать решительно не за что. Это только отец Борис такой капризный, все пробирает, когда в храме разговариваем да порядок нарушаем...»

А между тем отец Борис, как и все другие священники, отвечает пред Господом за ваше поведение в храме и за то, как вы молитесь. То, что я сейчас описал, — это не молитва, это только насмешка над молитвой, а если сознательно делается, то надо назвать — кощунством...

Никто не может заставить Господа дать нам здоровье, покой душевный, милость Божию.

Если мы стоим, слушаем дивные слова: «Господи, помилуй!», а сами зеваем, то можно ли надеяться получить милость Божию? Нет, это все вымолить надо у Господа с искренним смирением, с самым униженным воплем о своем недостойнстве.

Святитель Тихон Задонский в глубоком чувстве сокрушения и умиления иногда вопиял: «Господи, пощади! Кормилец, помилуй! Потерпи, Благодость наша, грехам нашим! Услыши, Господи, и не погуби нас со беззакониями нашими...»

И бился головой о пол. Вот как молился святой, еще при жизни прославленный, святитель-архиерей!

И как далеко такое моление от нашего, когда мы стоим в храме и зеваем, да на соседей посмотрим, улыбнемся кому, словечком перекинемся. А на клиросе что-то поют, что-то в алтаре батюшка говорит — ну и пусть поют, ну и пусть говорит, только бы поскорее кончили да не задержали бы... Стоим, а голову высоко держим, на соседей свысока смотрим: ведь я молитвенница, а не какая-нибудь.

Что думают о себе прочие — я не знаю, а одна такая молитвенница мне сказала, что по ее молитве моя жена усопшая Царство Небесное получила и что больные исцеляются по молитвам ее.

А какая-то молитвенница встрепенулась, когда сказали: «Все, конец обедни», — с каким облегчением вздохнула она: «Можно домой». И идет домой спокойно: «Я ведь в церкви была...» А вот Мария — такая-сякая — не хочет в церковь ходить... и так далее...

И Господь все еще терпит, все еще ожидает — вот-вот исправятся, вот одумаются, возьмутся за дело как следует.

И сказать нечего... Ведь правда, пусть неприглядная, но правда. Пусть больно, досадно, глаза яд колет, а ничего не поделаешь: так на деле есть.

Так запомним же: Господь не обязан нам делать то, что мы пожелаем, никто Его заставить не может... Он из жалости, по милости, быть может, и даст, но бывает, что и отнимет обратно... И ничего с Ним не сделаешь...

Только в католическом учении (так называемая юридическая теория — правовые отношения) о вере (помните, я говорил вам), там человек высчитывает, грубо говоря, примерно так: я десятину нищим роздал, подай мне на такую сумму благодати...

Но ведь мы и говорим, что эти подсчеты да расчеты — только оскорбление вере христианской. А мы, выходит, еще хуже, и на рубль добра не сделали, а требуем себе на тысячу и обижаемся, когда не получаем, роптать начинаем.

Молилась, молилась — всю Всенощную, и раннюю обедню, и позднюю простояла и — ничего не получила... ну и перестала молиться... Вот как крепко наказала Господа! А кому от этого вред?

Богу не нужны наши молитвы.

У Него в руках все, и мы Ему ничего дать не можем...

Вот, родные мои, какое дело! Вот в чем причина разлада жизни нашей — в том, что мы молиться не умеем, ничего не понимаем, учиться не хотим, да еще по глупости своей и нос задираем высоко — по пословице: «Пустой колос кверху нос дерет, а полный голову клонит».

И это не только неправильно, а еще и страшно.

Добавление от 4 февраля 1952 года

Почему я вам так часто напоминал о молитве? Да потому, что молитва так нужна для спасения нашего, для будущей жизни.

«Молитва — путь к Богу», — говорит епископ Феофан. Великое дело научиться молиться правильно и молиться постоянно.

О значении молитвы в жизни духовной так говорит епископ Феофан:

«Молитва — проба всего; молитва и источник всего, и двигатель всего, молитва и направитель всего. Коль скоро молитва исправна, все исправно. Ибо она не допустит быть чему-либо неправильным» (Письма. Т. V, № 769).

Следовательно, если молитва неисправна, то и ничего исправного нет, все худо. А если враг отнимет молитву, какое же это будет горе!

И как несчастен человек, который Богу не молится. И как твердо и ясно Святые Отцы говорят о значении молитвы, о том, что такое молитва.

Приведу несколько изречений святых подвижников:

Молитва — причащение жизни. Оставление ее — приносит душе невидимую смерть. (Разумеется — смерть духовная: разлучение души с Богом.) (Епископ Игнатий (Брянчанинов). Аскетические опыты. Т. 1. С. 141).

Молитва — плач падшего и кающегося человека пред Богом.

Молитва есть мать и глава всех добродетелей (Лествица. Заглавие слова 28. Преподобный Макарий Египетский, Слово III. Гл. 1. С. 140).

Сознание своей греховности, сознание своей немощи, своего ничтожества — необходимое условие для того, чтобы молитва человека была милостиво принята и услышана Богом... (С. 155).

Истинная молитва есть голос истинного покаяния (Т. II. С. 161).

Единственный жертвенник, на котором следует приносить молитву Господу, есть смирение (Т. I. С. 141).

Хотя бы кто стоял на самой высоте Добродетелей, но если он молится не как грешник, молитва его отвергается Богом (преподобный Исаак Сирин, Сл. 55).

Младенец плачем выражает свои желания, и твоя молитва пусть всегда сопровождается плачем (Т. II. С. 163).

...Верным — только молитва есть сила. Им слезы — залог и победа и слава. (Акафист Божией Матери пред иконой «Отрадо и Утешение», кондак XI).

Отвергнись всего, чтоб наследовать молитву (Аскетические опыты. Т. II. С. 168. Преп. Исаак Сирин, Сл. 21).

Кто достиг (непрестанной молитвы), тот достиг края добродетелей и сделался жилищем Святого Духа (преп. Исаак Сирин).

И много-много других подобных изречений великих молитвенников!!!

Родные мои слушатели! Какими путями можно убедить вас в великой важности дела молитвы? «Верным — молитва есть сила», — поем в акафисте, но эти прекрасные слова только скользят по сознанию нашему, а внутрь души не заходят...

Враг наш невидимый отлично знает страшную для него истину этих слов: «Верным — молитва есть сила», та великая сила, которая делает человека-молитвенника недоступным для врага, неуязвимым для нападков и искушений нечистого. Потому он и нажимает в эту сторону: всяким способом лишить человека молитвы...

Нет молитвы — нет христианина; есть только полустертая надпись «христианин», а на этой надписи и букв уже не разобрать.

Вы только посмотрите серьезно вокруг себя — как далеко мы ушли от Господа; как мы не похожи на тех первых христиан, о которых написано в книгах святых!

Молитва — проба всего!

Молитва есть верный признак христианина.

Молитва есть барометр жизни духовной, термометр, который покажет, высоко ли стоит человек у Бога.

Наши барометры и термометры — все упали, все стоят на нуле. И все это правда...

Одни — совсем не молятся Господу, не желают побеседовать с Ним.

Другие — молятся от случая к случаю, когда время благоприятное подойдет, и то молятся кое-как.

Иные — хотя и молятся иногда, но отнюдь не считают молитву чем-то крайне важным в их жизни, а наоборот: думают, что можно и без молитвы прожить.

«Папа и мама не молятся, да ведь живут же не хуже других», — говорила одна девушка, и хорошая девушка.

Все это так и есть. Но все же надо кончать. И хочу, наконец, указать вам на то, что служит к той же цели: ясно понимать окружающую нас жизнь и свое положение в настоящую минуту.

Для чего служат все эти наши беседы? Чего мы ищем в них? А ищем — быть как можно ближе к Господу, совсем-совсем близко стать к Нему. Это и есть спасение! Это и есть жизнь вечная — общение с Господом! Это и есть то, о чем мы просим Духа Святого: «Прииди и вселися в ны!»

Или в акафисте пред Причащением молимся Сыну Божию: «Иисусе, Боже сердца моего! Прииди и соедини ны с Тобою навеки!»

А с Ним, с Господом, — и радость, и счастье, и блаженство!

А как это достигается? Путь к Богу — молитва. Лучше этих слов не скажешь. А посему — молитесь. Молитесь усердно, молитесь с искренним сердцем, тянитесь к Господу, как цветок к солнышку.

А Он... Сам сказал: «Грядущего ко Мне не прогоню вон».

Просите от всего сердца и за себя, и за всех:

Господи Милостивый, пощади нас! Отец наш, Родной наш, пожалей нас! Сам вытащи нас из трясины греха! Сам научи, Сам помоги! Сам помилуй нас! С Тобою, Господи, и скорби не страшны.

Аминь.

Конец и Богу слава.

Великая ПРОВИНЦИЯ

**Валерий
СДОБНЯКОВ**

ДОРОГА К ХРАМУ

Валерий Викторович Сдобняков — родился в 1957 году в Красноярском крае, на станции Решеты. Прозаик, публицист. Лауреат литературных премий имени М. Горького, имени Города (Н. Новгород), лауреат волгоградского фестиваля православных СМИ им. Александра Невского. Член Союза писателей России. Председатель Н. Новгородской писательской организации. Главный редактор журнала «Вертикаль. XXI век». Живет в Нижнем Новгороде.

Притом же ты с детства знаешь священные писания, которые могут умудрить тебя во спасение верою во Христа Иисуса. Все Писание богодухновенно и полезно для научения, для обличения, для исправления, для наставления в праведности, да будет совершен Божий человек, ко всякому доброму делу приготовлен.

2 Тим. 3, 15–17

БАТЮШКА СЕРАФИМ

Пасмурным днем 28 июля 1991 года я, приехавший для этого специально из деревни, пришел поклониться святым мощам Угодника Божия Преподобного батюшки Серафима Саровского Чудотворца.

Опять же непостижимо и достойно всякого удивления, как вел меня Господь к мощам великого старца. И если применить тут одно из самых пустых и никчемных определений в нашей жизни, как «случайность», то сразу понимаешь всю его беспомощность, невозможность влиять на жизнь нашу, подчиненную только Промыслу Божьему.

Впервые, насколько я помню, пришлось мне увидеть изображение великого старца в пятнадцать лет на фотографии, отснятой в свою очередь с широко известной теперь репродукции, где батюшка Серафим в лесу, сидя на бревнышке, кормит из своих рук медведя. Фотографию эту мне тогда подарил мой приятель, и она долго после была у меня, хотя я и не знал, кто на ней изображен, что за момент в жизни старца она отображает и к какому времени относится. Тогда я еще не знал совершенно истории Церкви. Пробудившийся же интерес к религии больше был обращен на внешнюю сторону Православия — архитектуру храмов, живопись, старинные книги и т. д. Вера для меня была понятием далеким, непостижимым, даже, как

Старый Ярмарочный собор. А. Карелин

о батюшке Серафиме, о нашем молитвеннике перед Престолом Божиим. Как это произошло, что послужило поводом — сейчас об этом вспомнить уже невозможно. Только, когда позднее, ноябрьской осенью 1990 года я оказался на отдыхе в городке Новый Афон в Абхазии, имя Серафима Саровского говорило мне о многом.

Ах, что это была за осень!

Приехал я в Абхазию в настроении далеко не лучшим. Поселившись один в гостиничном номере, сильно тосковал по семье. Утром и днем ярко светило солнце. Сочная зелень и пальмы под окном на какое-то время вселяли в сердце чувства беззаботные, праздные. Я уходил к морю на каменистый берег. Раздевшись по пояс, устраивался загорать или перебирал округлые, обточенные водой и песком камни, выискивая среди них разбитые, буро-желтые снаружи, и немного розовые, стеклянно блестящие внутри раковины ракушек. Солнце припекало, но ветерок с моря был ознобисто прохладен. От него приходилось прятаться за торчащие осколки валунов. А вверху, на горе, среди сочной и нежной зелени, возвышаясь над ней, блестели золотом купола Новоафонского монастыря. Глядя на них, я брал в ладони каменные мячики. Теплые снаружи, они скоро начинали холодить пальцы, и холод этот, мертвый, убивающий, был подстать тяжести камня.

Вскоре я побывал в монастыре, уже зная, что воздвигнут он в 1883—1896 годах. К нему вела выложенная камнем дорога, вдоль которой на протяжении всего пути растут высоченные кипарисы. Сам монастырь — мощный, с великолепным храмом, воздвигнутым в 1888—1900 годах. Двор выложен камнем. В душе невольно что-то происходит, когда вступаешь в него. Не то, чтобы трепет, а волнение.

История монастыря берет свое начало в 1874 году. Именно тогда по Промыслу Божьему среди русской братии монастыря св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афон возникло желание «на случай политических обстоятельств» приобрести приют в России. Ведь ожидалась война с Турцией, а среди греков, составлявших в то время большую половину среди братии монастыря, появилось желание взять исключительные права на русскую обитель. Потому некоторые из монашествующих этого убоялись, а поэтому и надумали найти возможный приют в России. Только

мне казалось, чуждым. В минуты детского отчаяния я обращался к Богу с молитвой о помощи и защите. Но все это шло от некоего внутреннего позыва, от спасительной искорки веры, тлевшей во мне, как и в любом человеке, изначально, независимо от собственной воли и несмотря на мое полное недостоинство. Но время неминуемо шло к тому, чем и должно было разрешиться. И конечно же, я узнал

место необходимо было выбрать уединенное, где и построить дополнительный монастырь, являющийся отделением Афонской обители.

Свои взоры иноки обратили на Кавказ. В Абхазии, по преданию, свет Христовой веры проповедовали святые апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит. Эта земля орошена кровью мучеников и находится, как и святая гора Афон, в уделе Божьей Матери.

В 1875 году, в августе на Кавказ прибыл иеромонах о. Арсений с несколькими иноками, они-то и выбрали глухое место на побережье Черного моря на развалинах древнего города Анакопии, где находился поврежденный храм св. апостола Симона Кананита, построенный в IV веке от Р. Х. на месте его погребения у реки Псыртсха.

Иноки попросили об отводе земли у наместника кавказского, Великого Князя Михаила Николаевича, который эту просьбу удовлетворил. Его Императорское Высочество дал согласие на отвод 327 десятин земли под усадьбу и угодья и по 100 десятин строевого и дровяного леса. Тогда же определяется название монастырю: «Ново-Афонский Симоно-Кананитский».

В марте 1876 года начата постройка монастыря, а уже к 1 октября все заложенные здания и церковь были окончены. Но наступили трудные времена, война с Турцией, и 1 мая 1877 года обитель разоряется.

Сразу после войны монастырь вновь возрождается. 8 декабря 1879 года последовало утверждение Государем законных прав Ново-Афонского Симоно-Кананитского монастыря. А вскоре, в 1884 году, после отстройки старой обители начинается грандиозное строительство нагорного монастыря на склоне Афонской горы. Строится он в виде правильного четырехугольника с большим двором внутри, в середине которого еще только предполагалось возвести главный собор.

Братия перешла в новосооруженные корпуса нагорного монастыря 1 марта 1896 года, хотя работа по его строительству продолжалась и после этого.

Конечно, за прошедшие десятилетия власти богоборческие постарались. В бывших кельях сейчас живут люди. До недавнего времени отдыхали туристы (в монастыре устроен дом отдыха), но последние беспокойные события в Абхазии оставили его, на мое счастье, без клиентов¹. Так что танцевальная площадка и шашлычная (такое впечатление, что власти из кожи вон лезли, придумывая, как бы еще побольше осквернить святыню) оказались заброшенными, не востребованными. Но от каменных лестниц, узких окон, каменных стоков для дождевой воды веяло стариной.

Все современные строения мне кажутся подделкой, рассчитанной на сиюминутный, кратковременный эффект. Здесь же все по-другому, основательнее. Иные задачи ставили перед собой зодчие.

В это первое посещение монастыря в храм я не попал. Он оказался закрытым.

Вечером, сидя в пустом гостиничном номере, я читал «Старый Валаам» Ивана Шмелева, опубликованный в девятом номере журнала «Москва» за 1990 год. Этот журнал я долго возил с собой. Он побывал со мной в Моск-

¹ Очерк писался до начала войны между Грузией и Абхазией, но после провозглашения Грузией независимости и просьбы Абхазии вновь принять ее в состав РСФСР, как это и было до 20-х годов нынешнего столетия.

*Нижегородская ярмарка (снесенные здания)**

ки, привозимые туда из Нового Афона монахами и странниками, русскими крестьянами-паломниками, про трудников-мужиков, сначала рывших каналы у Симоно-Кананитского монастыря (они в сохранности и по сию пору), а затем перебравшихся потрудиться во славу Божию и на Валааме. А еще И. Шмелев пишет, будто специально в подтверждение моих недавних мыслей: «Мы проходим в монастырские ворота, которые называются — святыне: над ними церковь Петра и Павла. Дальше — еще ворота. Говорю: “Как в крепости живете?” О. Антипа не понимает будто и говорит с улыбкой: “Пустынножителям всегда надлежит в крепости пребывать. А про камни вы разумеете... Это дело хозяйственное, строено на века. А на врага у нас крепость — Крест Господень. От врага камнем не оградишься. Крестом да крепостью духа ограждаемся”».

Ну, как тут не усмотреть Промысел Божий? Всему свой срок. Посещение и чтение совпадают неотвратно — не раньше и не позже. Так Господь помогает мне разобраться в собственном душевном состоянии, когда и я, пройдя сквозь монастырские ворота, оказался на мощном камнями дворе обители.

За окнами накатами шумело растревоженное море. Я в волнении открыл дверь и вышел на балкон. Монастыря видно не было. Он, невидимый в эту пору, покоился в темноте. А мне так хотелось вновь посмотреть на него.

Море шумело всю ночь. Стихло лишь к рассвету.

На следующее утро я пошел к месту, называвшемуся в поселке водопадом. Там, на берегу реки находится древняя христианская святыня — храм во имя Святого апостола Симона Кананита.

В книге «Русский монастырь св. великомученика и целителя Пантелеймона на святой горе Афон», изданной в Москве в 1886 году¹, об этом храме рассказывается следующее.

«По преданию грузинских летописей, в царствование грузинского царя Адеркия в Абхазии и прилежащих странах вместе проповедовали христианство св. апостолы Андрей Первозванный и Симон Кананит, потом св. апостол Андрей удалился в дальние страны для распространения Евангелия, а св. апостол Симон остался и, во время жестокого гонения на хрис-

ве и Самарканде. Но так было угодно Промыслу, чтобы работу Шмелева я начал читать только здесь, в Новом Афоне.

За окном темно. Шумят под порывами ветра пальмы, раскачивая мохнатыми листьями на фоне темного, заволоченного облаками неба. А я читал про чудный северный остров Валаам на Ладого, про кипарисовые крестик-

¹ Издание седьмое, исправленное и значительно дополненное.

* Здесь и далее: старинные фотографии, сделанные в окрестностях Старого Ярмарочного собора.

тиан, воздвигнутого царем Адеркием, мученически пострадав, скончался и погребен на том месте, где после построен в честь его храм.

Храм стоит в расстоянии одной версты от берега Черного моря. Местность дикая, но живописная и чарующая, усеянная вековыми ореховыми, смоковничными и другими плодовыми, а равно и не плодовыми деревьями».

Известный русский паломник А. Н. Муравьев писал об этом же месте.

«Посредине поляны стоит церковь небольшая, но почти совершенно уцелевшая, кроме обвалившегося купола; западный ее притвор завален камнями и зарос дикими растениями, как и сама вершина церкви, вход — от южного притвора, над коим виден еще полустертый лик Спасителя. Устройство храма греческое, с тройным разделением алтаря и полукружием горнего места. Поразительна тонкость стен и высота стройных сводов, которые опираются на чрезвычайно легкие столбы; живопись уже стерлась, но на западной стене еще видны Успение Богоматери и два мученика».

Об этой же церкви оставил сведения и еще один путешественник.

«Церковь имеет вид четвероугольника; с западной стороны устроен особый придел с крепким уцелевшим сводом, с правой стороны придела устроен вход в подземелье, засыпанное землею и щебнем. Южные, северные и западные двери прикрыты портиком с каменными сводами; стены сложены из бело-сероватого прочного дикого камня, чисто тесанного, с узорчатыми древними карнизами; кладка замечательной прочности, купол и крыша хотя давно уже обрушились, но стены еще прочны; внутри по штукатурке заметны остатки древней фресковой живописи. Западная стена и алтарь проросли лавровыми и смоковничными деревьями».

В таком положении храм находился несколько столетий. Вправо от храма углубляется в гору Трахейское ущелье. На вершине горы находятся остатки крепости Трахеи, которую греки завоевали у абазгов (абхазцев) в VI веке при Иустиниане после кровопролитной осады. (В свое время я побываю и в этой крепости, и то путешествие оставит в моей душе неизгладимый след.)

Как рассказывается в книге дальше, «возобновление древнего храма начато в 1880 году ...развалины были тщательно очищены от мусора и щебня, стены, местами обрушившиеся, наложены, и храм покрыт красивым куполом в древнем стиле... Иконостас поставлен дубовый резной; многие иконы в храм присланы со св. горы Афон.

Освящение храма совершено в самый день памяти св. апостола Симона, 10 мая 1882 года.

Близ храма в устье Трахейского ущелья, откуда быстро вытекает речка Псыртсха, устроена каменная прочная плотина; она образует очень глубокий пруд, при котором устроена мельница. На высокой пирамидальной горе, почти отвесно возвышающейся над ущельем, где находится упомянутый выше древний замок, сохранились еще, на самом шпиле скалы, высокие стены древней церкви. Здесь в настоящее время устроена часовня в честь Иверской иконы Божией Матери».

Так было. Что-то предстанет моему взгляду теперь?

Слава Богу, часовенка уцелела. Обихаживают ее несколько женщин. Их здесь называют монашками. Может, оно так и есть. Когда я поднимался к развалинам храма, то встретил их. Одеты строго, головы покрыты темными платками. Они доброжелательно объяснили мне дорогу к часовенке, куда я поднялся и где помолился.

В древнейшем храме, как и положено для богоборческих времен, размещена библиотека, да и та закрыта.

Я вышел к плотине. Когда-то, по всей видимости, здесь было очень красиво — ограждения, лепнина, арки, лестницы. Озеро точно такое, как и описано в книге. Но сейчас мерзость запустения овладела всем. Все порушено, побито, изгажено и представляло собой зрелище жалкое. Даже мемориальная доска еще тех, дореволюционных времен в честь посещения этого места Государем Императором Александром III с Цесаревичем, Царицей и Великим Князем исчеркана и обезображена.

Тогда я вновь отправился к монастырю. Поднялся к его воротам, перекрестившись на надвратные каменные кресты (больше крестов, включая и купола храмов, нигде не сохранилось). Пройдя вдоль монастырских стен, остановился на откосе у склона горы. Место вольное, надвременное, ни одна власть над ним не властна, кроме Божеской. Далеко видно море с заходящим солнцем — так скоро в хождениях по городу, у реки, по горам — прошел наступивший день.

Вся впадина между горами, где и расположен городок, как на ладони. По склонам ее растут мандариновые деревья, множество остроконечных кипарисов — столбов-карандашей. От всего веет спокойствием, теплом, довольством. Пальмы стоят неподвижно, ни один громадный лист не шелхнет. Справа по монастырскому склону раскинулся старинный, посаженный когда-то еще монахами, теперь уже, конечно, заброшенный, оливковый сад. Не о нем ли вспоминал Иван Шмелев в своей книге о Валааме?.. Да, конечно, о нем!

Пурпур заходящего солнца, сочность вечно зеленых деревьев, белесая голубизна осеннего моря. Словно это место создано Богом специально для раздумий о вечном.

А потом я вновь вошел в монастырь через ворота с надвратной церковью.

У церкви орут мужики, азартно играющие в домино. В самой церкви из окон вывешено для просушки белье. Рядом понастроены сараи. Тут же — в монастырской стене — общественный туалет. Возле кухни выгружают из машины мясо, какие-то ящики.

Опять побродил я по монастырскому двору, посидел, подумал. Было мне грустно, но не тоскливо. По-доброму грустно. Шмелев, что ли, был виноват в этом моем настроении, его очерк, прочитанный мною накануне? Или виной тому все увиденное и передуманное мной в этот день? Ведь все осквернения и разрушения творил на этой земле, как и в других подобных местах, все тот же самый боголюбивый и богомольный народ. Он и монахов-молельщиков выгнал из келий, чтобы самому с детьми и женами в них поселиться. Не его ли предки с трепетом и любовью приезжали поклониться валаамским святыням, да и новоафонским тоже?

Нет, я пишу эти строки не с осуждением (какое имею право, да и сам я не без греха), а с недоумением... Хорошо, пусть не сам народ, а только единицы из него. Но ведь он допустил, чтобы эти единицы на его глазах сотворили все эти бесчинства.

С первого взгляда непостижимая загадка, если считать, что история творится людьми без попушения свыше. Попытались создать новую религию — социализм, которую многие поддерживали и продолжают поддерживать. Но вновь восстают единицы и начинают разрушать уже новую,

относительно недавно созданную религию, а народ вновь безмолвствует. И оттого новоявленные бунтари входят в раж, беснуются, разрушают все, что можно, вплоть до государства, упиваясь безнаказанностью.

Большое можно при желании разглядеть и в малом: ведь вот озеро, плотина, водопад, каналы. Сколько приложено выдумки, сил, старания. И по оставшимся деталям видно, как красиво, ухоженно было здесь. Но нет, все сами же поломали, разрушили, испоганили. «Да, тайна сия велика есть», велика и непостижима.

Наша удивительная национальная черта — непостоянство. Нас, как детей, можно увлечь любой бредовой идеей. И только спасительная Православная вера в Христа остается нашим единственным маяком.

Я сидел в углу монастырского двора, а трое мальчишек у стен собора на вкопанных в землю теннисных столах что-то колотили. Звуки от ударов палки раздавались так громко, что я невольно ощутил, как тихо, несмотря ни на что, за монастырскими стенами. И тогда же представилось, как ходили раньше по этой каменной площади монахи и богомольцы, приезжавшие сюда со всех концов России. Как поднимались по широким каменным лестницам без перил в кельи, как с колокольной звонили к вечерне и в праздники.

Тогда я еще не предполагал, что пройдет совсем немного времени, и в монастырском дворе будет слышна артиллерийская канонада.

Я подошел к входу в собор, над которым громадным шатром раскинулась крона старого дерева, немого свидетеля прошедшей за этими стенами истории. На стене собора опять мемориальная доска. Его закладка была совершена 24 сентября 1888 года лично Государем Императором Александром III.

4, 9 и 12 сентября 1898 года над главами собора засияли кресты. 28 сентября 1900 года освящен главный предел храма святого великомученика Пантелеймона. Сюда же перед этим торжественным событием была перенесена чудотворная икона Божией Матери, именуемая Избавительница. Ее завещал игумен Русского на Афоне Свято-Пантелеймонова монастыря о. Макарий «в благословение братии, всего народа православного и в залог братской любви и неразрывного союза Старого и Нового Афона».

На этот раз храм оказался открытым, я вошел в него и был поражен его размерами, величием.

Конечно же, теперь в нем был музей, висело по стенам несколько запыленных и грязных стендов с отвратительными по качеству фотографиями, на которых трудно было что-либо разобрать. В этом состояла вся экспозиция краеведческого музея. Но не ради нее я пришел сюда.

Храм внутри был скудно расписан. На сером темном фоне (даже, наверное, фиолетовом) крупные картины библейских, новозаветных сюжетов.

Нижегородская ярмарка

Нагорная проповедь, въезд Христа в Иерусалим, Воскрешение и т. д. Изображение во весь рост святых. Все очень красочно, много золота, но темный фон все это как-то приглушает. Он рождает в душе ощущение непосредственной причастности тебя самого к тому, что в изобилии изображено на стенах и потолке храма. Будто вдруг оказался в ожившем вокруг тебя ином, так знакомом тебе по чтению Евангелия, мире. И тут — образ дорогого согбенного старца, батюшки Серафима Саровского. Изображен он стоящим, и будто укрепляюще смотрел на меня. Словно отвечая на мои мысли, возникшие во мне у монастырской стены и все смущающие мое сердце лукавыми рассуждениями: «все по воле Спасителя нашего и Матери Его Богородицы, молитвенницы нашей пред престолом Его». Образ батюшки так неожиданно обрадовал меня, так утешил, будто в далекой чужеземной стране вдруг негаданно повстречал родного, близкого человека. Такие чувства пробудил в моей душе образ батюшки.

Собор, по всему было видно, оказался заброшенным. Роспись местами попортилась, иконостас оказался сохраненным только в левом приделе. Повсюду хлам, пыль, неухоженность. Видно, не убирались в нем не один год. Но над алтарем с купола смотрит вниз лик Иисуса Христа. Потрясающий живой взгляд, внимательный, пронизывающий, но не холодный. Этот взгляд не рассматривает тебя вовсе. Он глубок, и оттого ты действительно понимаешь, что Господу все известно о тебе — и грехи, и нужды, и страшно от этого взгляда, но батюшка Серафим, заступник, рядышком, и, видно, потому, несколько раз обходя собор, я каждый раз возвращаюсь, чтобы постоять у его образа.

Вышел я из монастыря через главный вход. Опять перекрестился на сохранившийся массивный каменный крест. На душе было легко и грустно.

Я отправился к морю. Оно спокойно, легонько бьет волной. Вода холодная, прозрачная — все камушки на дне видно, как через увеличительное стекло. Они с легкой зеленцой. Это от воды. На подводных камнях ребристо играют солнечные блики, и от всего этого, и от ощущения, что образ великого старца все еще со мной, становится покойно и умиротворенно на душе.

Так во второй раз привел меня Господь к батюшке Серафиму Саровскому.

ПАЛОМНИЧЕСТВО

И вот — свершилось! Всей семьей, вместе с дочерьми и духовным отцом, мы едем в Дивеево, к Преподобному. До этого однажды проездом, ненадолго, нам посчастливилось побывать в Макарьевском Свято-Троицком Желтоводском монастыре. Но чтобы отправиться в путь специально для поклонения православным святыням, в своего рода паломничество — это мы предпринимаем впервые.

Дорога не близкая, но с надеждой на помощь Господа, Богородицы и молитвы батюшки Серафима отправляемся с уверенностью поспеть сегодня еще и на вечернюю службу, и к мощам Преподобного приложиться.

Погода превосходная, тепло и солнечно. Для лета 1994 года это не совсем обычно. Весна стояла затяжная, холодная, да поначалу и лето теплом не баловало. Считай, весь июнь в плащах проходили. Но ко времени нашей поездки погода установилась.

Надо сказать, что готовились мы к этому паломничеству загодя. Собирались, затем переносили сроки, вовсе откладывали. И то, что оно, наконец, состоялось, радовало вдвойне, создавало взволнованно-праздничное настроение, вселяло уверенность в его благополучное завершение. Если все-таки едем, и все препятствия, до этого мешавшие, каким-то образом устранились, неловкости и сомнения разрешились, значит, батюшке Серафиму наша поездка угодна. Так все мы решили.

На вечернюю службу мы, действительно, попали. Успели прямо с дороги помолиться и приложиться к святым мощам.

В некоторой спешке я поначалу не успел разглядеть монастыря. Только игуменский корпус с колокольней, строение архитектурно выверенное, величественное, белоснежное, заставило обратить на себя внимание еще с дороги, невольно притягивая взгляд и несколько даже подавляя до робости своей противоположностью окружающей мирской жизни с неаккуратными, плохо ухоженными низенькими домами, магазинчиками... Монастырский двор в цветах. Вдоль тротуара крупные и нежные розы, довольно людно, но не суетно. Во всем чувствуется уважительная степенность, ведь приехали к батюшке.

Как же долго я мечтал побывать здесь, и вот сподобился. По высоким каменным ступеням поднимаемся к входу в Свято-Троицкий собор. Перекрестившись и поклонившись, входим в просторные врата. Вот мы и в гостях у батюшки, и ощущение на душе, что гости мы званные.

Идет служба. Молящихся не так много. В просторном и величественном храме у больших икон горят лампы. Центральная часть храма огорожена. Там подходит к завершению сооружение внутрихрамовой часовенки, где будет находиться рака со святыми мощами батюшки Серафима Саровского. После службы мы перешли в правый придел храма, чтобы приложиться к мощам батюшки.

Выходим на прицерковную площадь. Упокоительно вокруг. Даже солнце, склоненное к закату, кажется, льет свое тепло и свет на эту землю осторожно, ровно, с любовью.

Чтобы не терять время понапрасну, решили сегодня же побывать и на источнике в дальней пустыньке о. Серафима. Отправляемся туда на машине. На берегу реки тихо. В этот час позднего вечера мы оказались здесь одни. Спускаемся по тропинке с крутого берега на довольно большой дощатый настил, в нем прорезано квадратное окно, указывающее на место источника. Поочередно раздеваемся и по три раза окатываемся ледяной водой, зачерпнутой из источника. От холода перехватывает дыхание, мелкими иголочками покалывает кожу. Но через мгновение в теле появляется легкость, обновленность. Усталости, утомления от дальней дороги — как не бывало. Уйдя к машине, слышим, как визжат и смеются окаченные водой из источника дети. Мой духовный отец благословляет меня четками. Я безмерно рад этому дару. Первые мои четки, к тому же полученные в таком благословенном месте. Но вот подходят дети. Они приносят в кулачках землю и камушки от дерева, у которого, по преданию, молился батюшка Серафим.

Ведь само появление источника здесь связано с явлением батюшке Божьей Матери. Было это в 1825 году 25 ноября, когда батюшка Серафим пробирался по обычаю сквозь чащу леса по берегу реки Саровки к своей

дальней пустыньке. Тогда и увидел он близ берега реки Божью Матерь, явившуюся ему тут, а дальше и позади Нее на пригорке двух апостолов: Петра Верховного и евангелиста Иоанна Богослова. Матерь Божья ударила жезлом в землю, и «истек из земли источник фонтаном светлой воды». Здесь Богородица дала батюшке завет об устройстве в Дивееве обители, четвертого вселенского жребия Божьей Матери на земле. Сама дала ему для этой обители новый устав, нигде до того времени и ни в какой обители еще не существовавший. Здесь же обещала Сама быть всегдашней Игуменьей этой своей обители. «Изливая на нее все милости свои и всех благодатей Божиих благословения во всех Своих трех прежних жребиев: Иверии, Афона и Киева. Место же, где стояли Пречистые стопы ног Ее, и где от удара жезлом вскипел из земли источник и принял целебность на память будущих родов выкопаньем тут колодца, обещала дать водам оногo большее благословение Свое, чем некогда имели воды Вифезды Иерусалимские». Так описал со слов батюшки это явление Божьей Матери «служба» о. Серафима Н. А. Мотовилов.

Возвращаемся назад в Дивеево. Приютившие нас хозяева заботливо кормят и укладывают на ночлег детей. А ранним утром следующего дня мы вновь приходим в Свято-Троицкий собор. Исповедуемся, а затем и причащаемся. Опять и опять прикладываемся к мощам батюшки. Кажется, что этому желанию нет насыщения. В заключение у мощей Преподобного служитя молебн. Мы в последний раз, выстояв очередь (пожилые и молодые, калеки и дети), подходим приложиться. Затем к другим православным святыням — осколку камня, на котором совершил батюшка свой подвиг, молясь тысячу ночей на нем после того, как диавол воздвиг на старца гонение, подняв в его душе мысленную брань; а также цепи с крестом — этими веригами, носимыми во время своего пустынножительства, смирял батюшка свою плоть — и другим личным вещам о. Серафима.

Прикладываемся к ним и идем к выходу из храма. Тут меня останавливает послушница.

— Матушка игуменья благословила всех паломников сегодня работать на сенокосе.

С сожалением отказываюсь. Нам уже пора в обратный путь. Мне очень хочется поработать на монастырском послушании. Затаенно сохраняю это желание в душе с надеждой, что если будет на то воля Богородицы и батюшки о. Серафима, оно исполнится в определенное на то время.

Покупаем в храме на память складничок, иконку батюшки Серафима, кормящего из рук медведя во время отдыха на бревнышке, иконку Божией Матери «Умиление», цепочки для старинной медной лампы, найденной мной на чердаке деревенского дома, да книжку писем схиигумена Иоанна своим духовным детям. Еще маленькие книжечки кратких молитвословов, изданных в Греции, да серебряные крестики детям.

Прощаемся с нашими заботливыми хозяевами. Прощаясь же с Серафимо-Дивеевским монастырем, идем по канавке и читаем каждый в себе молитву Богородице. Много чудного говорил батюшка Серафим про эту канавку. Что ступала тут нога Божьей Матери. Приказывал рыть сестрам эту канавку, а видя нерадение сестер к исполнению его заповедей, сам явился,

чтобы положить начало этой работе. Вот как рассказывала об этом старица Анна Алексеевна, одна из первых двенадцати сестер¹.

«Самое это место, где теперь канавка, ровное и хорошее было, и на нем-то и приказал батюшка вырыть канавку, дабы незабвенна была во веки веков для всех тропа, коей прошла Матерь Божия, царица Небесная, в удел Свой взяв Дивеево! Слушать-то сестры все это слушали, да все и откладывали исполнить приказание батюшкино. Раз одна из нас... ночью, убираясь, вышла зачем-то из келии и видит, батюшка Серафим... сам начал копать канавку. В испуге... вбегает она в келию и всем нам это рассказывает. Все мы... бросились на то место и, увидев батюшку, прямо пали ему в ноги, но, поднявшись, не нашли уже его, лишь лопата и мотыга лежат перед нами на вскопанной земле. С аршин была уже она на том самом месте вырыта; поэтому-то самому и называется это началом канавки...».

Вот и мы начали свой путь по канавке с этого начала. Тропа петляет мимо сараев, жилых домов, иду и произношу про себя Песнь Пресвятой Богородице: «Богородице Дево, радуйся, Благодатная Мария, Господь с Тобою; благословенна ты в женах и благословен плод чрева Твоего, яко Спаса родила еси душ наших».

Уезжая от батюшки, ощущаю, как меня наполняет чувство защищенности. Чувство, что есть на земле место, где можно найти душевное успокоение от житейских невзгод, есть где найти защиту и истинное приложение своим силам, своему земному труду.

Читая Иисусову молитву, я перебираю впервые обретенные мной четки. За окном машины проносятся поля, леса, деревеньки, погосты. Русская, милая моему сердцу, родная земля. Земля, рождающая праведников и подвижников Православия. Оттого непреходящи ее величие и сила. Ее вера. Потому что именно здесь тысячи людей произносили и произносят, веруя, что это так и есть: «Преподобный отче Серафиме, моли Бога о нас». И дорогой русскому православному сердцу батюшка не оставляет нас, немощных и грешных, своими молитвами. Верую в это! Верую!

ОБРАЗОК, ПРИСЛАННЫЙ БАТЮШКОЙ СЕРАФИМОМ

Случай, о котором я расскажу в этой главе, произошел не со мной, а с одной женщиной, хорошей моей знакомой, и рассказан он был ею столь буднично и с такой искренней и естественной верой в заступничество за ее судьбу Преподобного батюшки Серафима Саровского, что остается только восхититься чудесам, совершаемым ради нас Господом. Только умеем ли мы разглядеть их и оценить?

Впрочем, вот что мне стало известно.

На протяжении последних лет здоровье этой женщины значительно ухудшилось. Простудные заболевания измучили ее, принося физические и нравственные страдания. В последний же раз заболевание было столь серьезно, что в поликлинике, опасаясь за саму жизнь пациентки, рекомендовали ей срочно лечь в больницу.

¹ Рассказ взят из книги «Летопись Серафимо-Дивеевского монастыря». Составитель архимандрит Серафим Чичагов. Санкт-Петербург, 1903.

*Фасад ярмарочного здания
по проекту А. А. Бетанкура*

К Православной вере эта женщина была приобщена еще в детстве, но раньше в храм ходила редко, от случая к случаю. А тут твердо решила ехать в Дивеево и у раки Преподобного старца в покаянии и молитве найти исцеление. И хоть чувствовала себя плохо, да и погода стояла холодная, осенняя, решения своего менять не стала и на автобусе вместе

с другими паломниками поехала в Серафимо-Дивеевский монастырь. Там, выстояв службу, отправилась к святому источнику старца, где с верой и упованием на его помощь в выздоровлении окунулась трижды.

На обратном пути в автобусе она облегченно заснула. Как рассказали потом ей ее попутчицы, пот градом катил у нее по лицу, и его постоянно убирала платком. Самой же ей в это время приснился батюшка Серафим Саровский, который сказал, что поможет ей в выздоровлении его образ. А надо сказать, что еще в храме после службы она купила карточку с изображением старца. И подумалось ей в автобусе, что именно ее святой и имел в виду.

После поездки здоровье моей рассказчицы быстро пошло на поправку. В больницу ложиться не пришлось. Она продолжала ходить на работу, а когда выпадала возможность, то посещала службы в нижегородских храмах. Если болезнь напоминала о себе, то спешила надеть рубашку, в которой окуналась в источник. О случившемся же сне как-то само собой забылось, пока однажды в здание железнодорожного вокзала, где и она тогда находилась, не зашла группа паломников, возвращавшихся из Дивеева. Один человек, «навроде юродивого», как только увидел нашу рассказчицу, то бросился к ней, расталкивая при этом окружающих и протягивая ей руку с медальоном-образком святого батюшки, и сказал: «Возьми, возьми, это тебе батюшка прислал». На возражения и отказы его требования становились еще настойчивее.

Образок остался у нашей рассказчицы. Паломники уехали, а свидетели случившегося все не переставали удивляться: «Почему он так к тебе бросился, а нам, стоявшим впереди, этот образок не отдал?» Она и сама удивлялась, пока не вспомнила тот, случившийся в автобусе, знаменательный сон. Так вот какой свой образ имел в виду старец!

Но опять минуло время. Вот и сын закончил техникум. Начались тревожные дни ожидания призыва в армию. Сын — единственная для матери опора. Как можно лишиться его, когда здоровье слабое, годы берут свое, да еще так беспокойно в России. Проводишь в армию, а может статься, что на войну. Беспокойно было на сердце у матери. Обивала пороги военкоматов, просила не забирать далеко, говорила о своем плохом здоровье, показывала справки о слабом здоровье сына, о том, что одни они на всем белом свете.

Незадолго перед тем, как отбыть сыну в армию, спрашивает он у матери про человека, изображенного на фотографии. Рассказала мать ему про стар-

ца. (Раньше молилась и просила защиты у старца одна за всю свою малую семью — себя и сына.) Затем поинтересовалась, почему вдруг спросил.

— А он мне ночью приснился и сказал, что ты мне его образок дашь, когда я в армию пойду.

Тогда мать сняла с себя образок и, благословив сына, надела его ему на шею.

Так с образом старца ушел сын на службу. Через какое-то время пришло матери от него письмо — из-под Моздока. Служба, житье у солдата были нелегкими. Немного он послужил. Вернулся из армии инвалидом. Видно, потому и явился ему батюшка во сне, чтобы укрепить духовно. Матери же и это возвращение в радость. Все-таки живой и рядом.

Вот такой искренний рассказ пришлось мне недавно выслушать. И вновь удивиться непостижимому Промыслу и чудесам, творимым им через своих угодников. Мы все думаем, что чудеса были когда-то давно, а они везде, вокруг нас. Только не каждому они открываются, а лишь тем, кто заслужил их по вере своей.

ВЫШЛА КНИГА

Харис Р. М.

Испивший молнию: книга стихов и поэм / Ренат Харис; вступ. сл. Николая Переяслова. — Казань: Татар, кн. изд-во, 2007. — 191 с.

В книгу Рената Хариса — народного поэта Татарстана, лауреата Государственной премии Российской Федерации (2005), лауреата Государственной премии Республики Татарстан им. Габдуллы Тукая — вошли новые переводы стихов и поэм разных лет, выполненные, в основном, известными русскими поэтами. Его глубокая лирика с горячим гражданским темпераментом и философскими раздумьями всегда привлекала внимание многонационального российского читателя. Между предыдущей книгой стихов Р. Хариса на русском языке и настоящей — пятнадцать лет. Это целая эпоха социально-политических перемен, больно сказавшаяся на судьбах людей, народов и страны, и она нашла искреннее отражение в данном издании.

История и современность

Евгений ТИТКОВ

КАТАКОМБНОЕ ДВИЖЕНИЕ

Евгений Павлович Титков — родился в с. Глыбочка Шаблыкинского района Орловской обл. Окончил историко-филологический факультет Горьковского госуниверситета. Служил офицером в Советской Армии. Окончил аспирантуру МГПИ им. В. И. Ленина. Доктор исторических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ. Автор монографий об образовательной политике Екатерины Великой, о епископе Дамаскине, Патриархе Сергии (Страгородском). Опубликовал серию научно-популярных книг о Великой Отечественной войне. Лауреат премии «Александр Невский». Главный редактор альманаха «Арзамасская сторона». Живет в г. Арзамасе Нижегородской области.

Долгое время в нашей литературе о катакомбном движении в Русской церкви приводились лишь фрагментарные сведения. Хотя, как утверждает М. В. Шкаровский, «к началу Великой Отечественной войны большинство православных священнослужителей и мирян СССР принадлежало к так называемой Катакомбной церкви». Эта церковь никогда не представляла собой единой организационно оформленной структуры и являлась собирательным названием для обозначения различных тайных православных течений. С учетом этого более правильно употреблять понятие «катакомбное движение», обозначающее всякую неофициальную и потому не контролируемую государством церковную деятельность. Нелегальные общины Русской Православной Церкви в Советском Союзе зачастую находились в оппозиции не только к Советской власти, но и к священноначалию Московского Патриархата.

Первые тайные православные общины появились в Советской России уже вскоре после Октябрьской революции — в 1918 г., вслед за выходом воззвания Патриарха Тихона, предавшего анафеме гонителей Церкви.

Главной причиной появления тайных православных общин, где службы проводились нелегально, стал временный захват церковной власти весной 1922 г. обновленцами. Именно в этом году было впервые зафиксировано первое употребление термина «катакомбы» для противопоставления нелегального богослужения сторонников Патриарха Тихона богослужению обновленцев в захваченных ими храмах. В «катакомбы» ушли и выступавшие против изъятия церковных ценностей, и защитники Православия, вступившие в конфликт с Патриархом Тихоном и митрополитом Петроградским Ве-

ниями (Казанским), которые пошли на компромисс с Советской властью в этом вопросе. Переход на тайное служение благословил известный Оптинский старец монах Нектарий (Тихонов).

Сеть нелегальных приходов и монастырей начала создавать влиятельная группа архиереев, возглавляемая архиепископом Волоколамским Феодором (Поздеевским). Эта группа называлась «даниловской», по наименованию Московского Данилова монастыря. Даниловская группа стала оппозицией не только обновленцам, но и пошедшему на компромиссы Патриарху Тихону. По некоторым сведениям, они даже создали в 1923 г. так называемый «параллельный Синод». С даниловцами был связан и епископ Уфимский Андрей (Ухтомский), который в 1920-х гг. совершил хиротонию вместе с другими архиереями более 10 тайных епископов.

Катакомбное движение на северо-западе России возглавили епископ Стефан (Бех) и схиепископ Макарий (Васильев). Владыка Макарий был настоятелем Воскресенского монастыря в Новгородской губернии. В 1925 г. указанные архиереи не признали патриаршим местоблюстителем митрополита Петра (Полянского) и продолжали свое основное служение тайно.

Значительную часть катакомбников составляли люди, враждебно настроенные по отношению к Советской власти. Некоторые из этих групп зародились еще до революции 1917 г., это были группы новохлыстовского типа, доходившие до обожествления отдельных лиц: святого отца Иоанна (Кронштадтского) — иоанниты, схимонаха Стефана (Подгорного) — стефановцы, монаха Феодора (Рыбалкина) — феодоровцы и др. Особенное распространение они получали в Центральном Черноземье России.

Одной из первых возникла в 1921 г. основанная мирянином Поддубным группа «Правильный путь ко спасению» в Никитовском уезде (ныне Белгородской области). Группа насчитывала около 300 человек. Наибольшее распространение в южных районах центрального черноземья получило движение феодоровцев, созданное к середине 1920-х гг. монахами Ново-Донского монастыря. Его сторонники предсказывали возвращение белых и неизбежное падение Советской власти. Монах Феодор также объявлял, что светопреставление и приход «белого воинства во главе с архангелом Михаилом» совершится в новогоднюю ночь 1926 г. В 1927 г. в связи с проведением переписи населения в различных катакомбных группах вновь возобновились проповеди конца света. Феодоровцы полагали, что антихрист пришел в мир в 1917 г., но царствовал только до 1922 г., когда свершилось второе пришествие Христа на землю и началось 1000-летие Царства. Движение было в основном разгромлено в 1928 г., его руководители предстали перед судом. Но полностью движение не исчезло, действуя в подполье до 1970-х гг.

В середине 1920-х гг. возникли группы «истинных» в Татарской и Мордовской АССР, евлампиевцев в Брянской области, ерофеевцев в Вологодской, скрытников и васильевцев в Иваново-Вознесенске. В период коллективизации, церковных расколов конца 1920-х гг. все они существенно расширяли свою деятельность. Часть подобных групп центрально-черноземной области — имяславцы, ианниты, стефановцы, «ревнители Церкви» — влились в возникшее иосифлянское буевское движение. Но некоторые остались самостоятельными, не согласившись с рядом пунктов программы иосифлян. Широкую пропаганду своих взглядов вели, например, чердашники. Одеты в длинные черные одежды, они ходили от села к селу и агитировали против

колхозов, за торжество «Царства Бога на земле». В 1930 г. ОГПУ раскрыло на юге центрального черноземья подпольную религиозную организацию, имевшую связь с Северным Кавказом, Кубанью и Украиной. Она использовала «чудесно спасшихся» членов Царской Семьи. Многие из этих групп в конечном итоге влились в движение «истинно-православных христиан», окончательно оформленное в 1927–1928 гг.

«Декларация 1927 г.» митрополита Сергия всколыхнула православных людей по всей стране. Начался переход на нелегальное положение сотен приходов и монастырей. Помимо иосифлянского движения, о котором подробно рассказано выше, в СССР возникли даниловский, мечевский, украинский, кирилловский и андреевский уклоны «непоминающих» за богослужением митрополита Сергия и Советскую власть. Упомянутая даниловская группа включала более 10 архиереев. Мечевцы получили свое название по фамилии Сергия Мечева. К ним относились епископ Серпуховский Арсений (Жадановский), епископ Дмитровский Серафим (Звездинский), епископ Ковровский Афанасий (Сахаров) и еще 3–4 архиерея. В украинскую группу входили в основном иерархи, проживавшие в Киевской и ближайших к ней епархиях (5–6 человек). Возглавлял их схиархиепископ Таврический Антоний (Абашидзе). Значительная часть священнослужителей были андреевцами или кирилловцами, т. е. шли за епископом Уфимским Андреем (Ухтомским) и митрополитом Казанским Кириллом (Смирновым). Существовали и «непоминающие» архиереи вне этих уклонов, например епископ Варнава (Беляев).

Большая часть «непоминающих», не порывая молитвенного общения, старалась обособиться от митрополита Сергия и находиться в стороне от церковной жизни, оставаясь в рамках легальности. Уходя от заместителя патриаршего местоблюстителя, эти архиереи уходили фактически за штат и не рукополагали других священников или епископов. Но другую тактику выбрала часть даниловцев и андреевцев. Они встали на путь активного противодействия как светской, так и церковной власти. Особенно важную роль в этом движении играл епископ Уфимский Андрей (Ухтомский). Он рукоположил самое большое число тайных архиереев. Он ввел в широкое употребление существовавший и ранее термин «истинно-православные христиане» (ИПХ). Этот термин обозначал тех священников и мирян, которые сознательно перешли на тайное служение в 1920-х гг., когда еще в основном сохранялись возможности для легальной религиозной деятельности.

Идеологическое оформление движения ИПХ завершилось в конце 1920-х — начале 1930-х гг. Наряду с обновленчеством «сергианство» было признано тяжелейшей ересью, которая разрушает все догматическое понимание Церкви Христовой. Главной идеологемой «истинно-православных христиан» был антикоммунизм, имевший специфический религиозный характер. «С самого начала на всех уровнях: от епископов до малограмотных старух... утвердился взгляд на Советскую власть как на власть антихриста, а на Ленина как на сущего антихриста». Красная пятиконечная звезда была понята как физическая печать антихриста. Нежеланием поклоняться антихристу объяснялась невозможность участия катакомбников в любых советских общественных организациях. Они отказывались от регистрации, принятия советского паспорта, участия в выборах, мотивируя это все тем же нежеланием поклоняться антихристу.

Важное место в идеологии ИПХ занимали пункты, запрещавшие членство в колхозах, службу в Советской армии, нежелательность любой государственной службы. Колхозы рассматривались как «антихристовы учреждения», создающие новую форму жизни крестьян, поклонившихся дьяволу. Не желая участвовать в «грехах безбожников», многие деревенские катакомбники отказывались от радио и электричества. Среди ИПХ доминировал монархизм, хотя он и заключался преимущественно в оплакивании рухнувшего дореволюционного порядка и опасении в появлении «лжецарей». Еще одним важным пунктом идеологии ИПХ являлось отрицание Московской Патриархии. С 1928 г. у «истинно-православных христиан» установилась форма возгласа: «О еже избавити люди своя от горькия мучительства безбожия власти». Это уже означало явный раскол.

В 1930–1933 гг. по всему Советскому Союзу была проведена кампания по ликвидации широко распространившихся общин «истинно-православных христиан», в частности Макарьевская пустынь была закрыта в феврале 1932 г. Все ее монахи были арестованы. К трем годам лагерей был приговорен и архиепископ Макарий.

Провокатор выдал осенью 1932 г. весь клир служившего в Ленинграде епископа Стефана (Беха). Сам Владыка, арестованный еще в 1929 г., скончался в заключении 26 апреля 1933 г. Сильный удар по катакомбникам нанесла проводившаяся в 1933 г. паспортизация населения. В это время в «катакомбах» возникло движение «беспаспортников». Почти все архиереи, служившие тайно, благословили не брать советские паспорта, ибо при оформлении документов выявились «бывшие», подлежащие арестам. Вместе с этим отказ от паспорта трактовался этими верующими как отрицание печати антихриста и объявление себя негражданином СССР. В 1932 г. был арестован и выслан, а в 1934 г. заключен в политизолятор архиепископ Андрей (Ухтомский). Расстреляли его 4 сентября 1937 г.

Вторая разгромная волна по отношению к ИПХ имела место в 1937–1938 гг. В эти годы выявлялись скрывавшиеся в подполье священнослужители и уничтожались отбывавшие сроки заключения руководители антисергианского движения. Однако, несмотря на жестокие гонения, деятельность «истинно-православных христиан» продолжалась. Схиархиепископ Макарий (Васильев) после освобождения из лагеря в 1935 г. вновь возглавил часть катакомбных общин северо-запада России. Сам Макарий вел труднейшую жизнь в подполье, в течение 10 лет не ночевал двух ночей в одной и той же квартире. С большими предосторожностями и постоянной опаской и оглядкой он скитался из селения в селение, из одного города в другой, работал у крестьян в колхозах в качестве пастуха. У него было довольно много духовных чад — мирских, тайных монахов и тайных священников. Шутя, Макарий говорил, что у него была своя духовная семинария и академия, он тайно готовил людей к принятию священнического сана. Почти до самого начала Великой Отечественной войны Владыка Макарий курировал своеобразную тайную «семинарию», в которую приезжали слушать лекции из очень отдаленных мест. Причем, по некоторым сведениям, в ней периодически преподавали такие известные профессора-богословы, как И. Андреевский, С. Аскольдов, А. Мейер. Одна из подобных подпольных «семинарий» была раскрыта и разгромлена НКВД в 1938 г. в Москве.

Исследователи отмечают, что в 1930-е гг. произошло существенное изменение состава катакомбников. Если в конце 1920-х гг. в подполье находились лишь ИПХ и часть иосифлян, то теперь они составляли меньшинство. Из-за закрытия почти всех православных храмов с середины 1930-х гг. самую многочисленную часть катакомбников составляли верующие, которые никогда не порывали с митрополитом Сергием. Они ушли в подполье лишь потому, что открытое совершение религиозных обрядов стало невозможным, и, когда положение изменилось, а это произошло в 1943 г., они восстановили каноническую связь и литургическое общение с избранным Патриархом Сергием. Наиболее известные из таких групп — общины архимандрита Гурия (Егорова) в Средней Азии и архиепископа Варфаломея (Ремова) в Москве. В «катакомбы» были вынуждены уйти и умеренные группы «непоминающих», они считали отход от Московской Патриархии явлением временным, что в дальнейшем и подтвердилось.

Великая Отечественная война стала переломным моментом в жизни катакомбников. «Истинно-православные» были сторонниками всяких, в том числе вооруженных, форм сопротивления. По-разному складывались их отношения с оккупационными германскими властями. На северо-западе России ИПХ в основном предпочитали оставаться в подполье. В других районах они переходили на легальное положение. Однако анализ их деятельности выходит за хронологические рамки данной статьи.

ВЫШЛА КНИГА

Помпеев Ю. А.

Гулкое эхо России. Культурологические очерки / Санкт-Петербургский государственный университет культуры и искусств (СПб ГУКИ). СПб., 2009. С. 202.

Очерки, представленные в книге, объединяет авторская концепция вершинных достижений в истории русской культуры трех последних столетий, изложенная эмоционально и доказательно.

Представленные здесь тексты Ю. А. Помпеева стали основой одноименных выпусков мультимедийного повествования о российской цивилизации — «Вся Россия. Энциклопедия от А до Я», осуществленных радиостанцией «Голос России» при поддержке МИД РФ на основных европейских, а также на китайском и японском языках.

Юрий Помпеев

ГУЛКОЕ ЭХО РОССИИ

*Санкт-Петербург
Фонтаны Петергофа
Царское Село
Александр II
Менделеев
Жуковский
Урал
Петр Ильич Чайковский
Шаятин
Крещение Руси
Золотое Кольцо
Гипертекст Александра Ракова*

ПОЭЗИЯ

Александр АНАНИЧЕВ

«...СВЯТОЕ НАЗНАЧЕНИЕ ЕДИНОЙ РОДИНЫ МОЕЙ...»

Александр Сергеевич Ананичев — родился в 1970 году в Сергиевом Посаде. Секретарь правления Союза писателей России, руководитель писательской организации города Сергиева Посада. Дипломант всероссийского конкурса «Золотое перо России» (2004), литературной премии имени С. А. Есенина (2005), международной премии имени В. Крапивина за книгу «Моя Москва. Листая страницы истории» («Росмэн», 2006), фестиваля поэзии и песни им. А. Фатьянова (2010). **Живет в Сергиевом Посаде.**

НОВГОРОД

Над новгородскою Софией
Звезда высокая зажглась.
Здесь между небом и Россией
Видна таинственная связь.

В свободном Волхова теченье,
В величье сдержанном церковей
Узришь святое назначение
Единой Родины моей.

Поврозь мы кто? — Рязань да Ржева,
Торжок, да Тверь, да Кострома...
А вкупе — грозная Держава,
Врага сводящая с ума.

Во все концы земли, по сути,
Отсюда нас вела звезда.
Мы о былом своем забудем,
Враг не забудет никогда.

Моголы новые да шведы
Нам прошлой славы не простят.
Едва ослабим хватку где-то,
За все России отомстят.

Но — чу! Деревья — показалось —
Свеченьем внутренним полны,
Где колыбель славян качалась
Под шелест ильменской волны.

УТРЕННИЙ ПОЕЗД

Этот поезд, летящий к столице
Перелеском, заснеженным полем...

Этот поезд из русских провинций
На рассвете уже переполнен.

Неуютно деревьям и птицам:
Тишину заколдованной чащи

Разрывает гудками и свистом
Этот поезд, во тьму уходящий.

Не до смеха в вагонах и гнева —
Люди в поезде утреннем дремлют,

Перед тем как спуститься под землю
И насытить московское чрево.

Раствориться в цехах и подвалах,
Провонять и борщом, и мазутом,

В кабаках и на шумных развалах
День зачеркивать свой по минутам.

Обвенчать б этот поезд настырный
Под шумок с тупиком захудалым!

Что тогда? А тогда пассажиры
До Москвы доберутся по шпалам.

Доползут, обгоняя друг друга,
Невзирая на камни и ветер,

Ведь у них где-нибудь под Калугой
Плачут дома голодные дети...

Даже если за рюмкой забыться
И не мучиться о настоящем,

Все равно этот поезд приснится,
Сноп огня из лба исходящий!

Вот летит он, гремя одиноко,
Торопя и тревогу, и горе...

И зеленое лунное око,
Не мигая, ему семафорит.

ГОРОД МОЙ

Я устал от незнакомых городов
И людей, живущих невпопад,
Ты возьми опять меня
под свой покров,
Светлый Сергиев Посад.

Я свою любимую песню погублю,
Потеряю где-нибудь во мгле,
Если прежде эту песню не спою
На родимой земле.

Ах, позволь по узким улочкам твоим,
Городок разросшийся, пройтись,
По асфальтовым,
мощеным, дождевым,
Снизу вверх, сверху вниз.

Колокольный, неземной,
мастеровой —
От крыльца лучист до изразца...

Дивным камушком в оправе —
город мой —
Золотого кольца.

Что там, лес на Козьей горке не зачах?
На Нижневке жив еще пустырь?
Купиной священной
в солнечных лучах —
Твой святой монастырь.

Он горит, не гаснет
и плывет, плывет,
Куполов расправив паруса,
В свой лавандовый
и ладановый порт —
В небеса, в небеса.

А за ним по шумным,
пляшущим волнам,
Вспенив весла вольные свои,
Семь веков гребет Россия к берегам
Самой лучшей земли.

ПОЭТ

Годже Халиду

Неужели вчера на морском берегу
Ликовал я, терзаемый ветром...
Неужели вчера в суетливом Баку
Я гулял с настоящим поэтом!

Чуть заметно виски седина замела,
Но глаза озорные сияют.
Никогда он дороги родного села
На асфальт городской не сменяет.

Его голос негромок, певуч и глубок,
Пахнут строчки землею и сеном.
Где сверкает в горах огнеликий восток,
Он один — как Рубцов и Есенин!

Мы и спорили с ним, и смеялись до слез,
И по чарке бодрящей махнули.
Он шутил: «Ты зачем из России привез
Холода в середине июля?..»

Низами, Саабир, а еще — Физули,
А еще — оглушительный ветер...
Кроме них на краю прикаспийской земли
Ничего я тогда не заметил.

Разве город цветет, как цветут Шамахи¹,
И дробит ледяные потоки?
Города — это проза, деревня — стихи —
Лопухом шелестит у дороги...

Даль над миром опять и темна, и мертва,
Лунный лик снова желт и расколот.
Ничего! — если будет деревня жива —
Ни страна не погибнет, ни город!

ГУНИБ

Магомеду Ахмедову

Даже если вам снятся Дербент и Цуриб,
Над Каспийском рассветный туман,
Кто ни разу не видел священный Гуниб,
Тот не знает тебя, Дагестан!

Солнце выше Гуниба, луна да орлы —
В облаках слышу их голоса...
На шершавой ладони могучей горы
Подпирает Гуниб небеса.

Он рожден воевать, он как крепость стоит
Над шумливой проворной рекой.
Здесь и царский солдат, и отважный мюрид
Под скалою зарыты одной.

¹ Шамахи — село, где родился поэт Саабир.

Мне по нраву, Гуниб, и размах, и простор,
Неприступных вершин громадьё...
Слышу я — где-то здесь, за доспехами гор,
Дагестан, бьется сердце твое.

Пусть меня полноводная Кара-Койсу
Покарат о камни, шутя,
Если щедрость твою и любовь на весу
Расплескаю нечаянно я.

Одного только жаль мне, смотря с высоты
Как долины темнеют во мгле,
Что такого величья живой красоты
Я не скоро найду на земле.

ВЕСНА

Опять весна. И соловьи уже...
И все вокруг душисто притомилось.
В такие дни мерещится душе,
Что ничего с Россией не случилось,

Что мы не выживаем, а живем
Под русским небом, близким и белёсым,
Чужой пастух не щелкает кнутом
Над нами, как над жертвой безголосой.

Страдает Русь. Глаза ее чумны.
А соловьи беснуются на воле.
С восточной нет спасенья стороны,
А с западной — тем более, тем боле...

Кровавый отсвет зреет впереди.
Душа пуста — ни удали, ни злости.
Какие будут яблони цвести
И птицы на родном свистеть погосте!

* * *

Разве есть земля дороже?
Разве есть края родней? —
Даль за желтым бездорожьем,
Лес, чернеющий за ней.

Где глядит в рассвета алость
Колокольня, не дыша,

Где росла и причащалась
Светом Родины душа...

Росы, радость, Радонежье...
Для меня довольно, да! —
Что над полем безмятежным
И ольхой в сиянье нежном
Здесь горит моя звезда.

Юрий ПЕРМИНОВ ОТ ХРИСТОВОЙ РОСЫ

*К юбилею
русского поэта
Евгения Семичева*

Юрий Петрович Перминов — родился в 1961 году. После окончания средней школы работал монтировщиком сцены в театре музкомедии, служил в армии, работал на промышленных предприятиях Омска. Окончил филфак Омского государственного пединститута. В настоящее время — редактор газеты «Омское время». Автор пяти поэтических сборников. Стихи публиковались в журналах «Наш современник», «Сибирские огни», «Байкал», «Литературный Омск», «Земля-Сибирь», в альманахах «Истоки», «Иртыш» и др. Член Союза писателей России. Живет в Омске.

Так бывает. Редко, но — случается...

Чуть более трех дней общения с Евгением Семичевым, а такое ощущение, что знаешь его всю жизнь. Сколько людей мне знакомы? — Сотни... Но о многих вспоминаешь лишь при встрече, зачастую — случайной. Это хорошие, по-своему замечательные люди, но — за гранью ощущения родства между нами. Слишком в себя они, в личные заботы свои погружены, но сам-то — чем пример? Тем, что не только о своей семье радеешь? Впрочем, об этом судить не мне... Кстати, «суд» — это часть слова «судьба». Вспомним: «Не судьба крестьянскому сыну калачи есть», «От судьбы не уйдешь», «Такая судьба!»... Не случайно слово «судьба» в словаре Даля помещено в словарной статье к слову «судить» со значениями — участь, жребий, доля, рок, предопределение, неминуемое в быту земном и др. Все, что делается судьбою, что суждено провидением, исключает свободную волю человека и, кстати, случай. Судьба — совершенно не христианское понятие: в судьбе есть насилие, деспотизм.

Итак — не случай, не судьба... Что же тогда? — Божий Промысел, дающий, в том числе и возможность знакомств с такими людьми, как поэт Евгений Семичев.

*Те за Россию. И те — за Россию.
Все за Россию... Кто против?
Никто!*

*Только Россию опять не спросили,
Хоть бы спросили:*

«А ты-то за что?»

*Как про другую страну голосили.
Дышло им в глотку!*

*Туды — растуды!
Те за Россию. И те — за Россию.
Но — за другую! А нашу — куды?*

Те три дня — это выездной пленум Союза писателей России в Липецке. Понятное дело, что все там были за Россию. Некоторые — «и за Россию». Ну или «за Россию и...» В смысле, «здесь играем, здесь не играем, здесь — рыбу заворачивали...»

*Не обижайся Ты, Господи-Сыне!
Что-то никак я умом не пойму,
Где ТА Россия? В какой Палестине?
Энта, другая. А наша — кому?*

Наша. Где «...под землей в гнилом колодце // Спят малолетние бомжи».

Наша. Где «...у бабушки Маруси // Удивленные глаза. // Сколько лет в их теплой грусти проживают небеса».

Наша. Где «Инженер Егоров под забором // Плачет... А в сиреновой дали, // Проплывая над осенним бором // Инженеру вторят журавли».

Наша. Где «По тебе слезно плачет тюремный барак...», и, тем не менее:

*Покуда на родной земле
Такие светлы,
Не бросят Родину во мгле
Ее поэты.*

Такие, как Семичев. Потому что естественная потребность его сердца — взойти на небо, соединяясь с Богом, «Чтобы восстала из праха Россия... // Все остальное — мирская тщета».

Такое чувствуется сразу.

Во многих — чувствовалось. А потянуло к Евгению. Слушать. Внимать. А после, по возвращении домой — перечитывать:

*Все мы подвластны житейскому блюду.
Грех омываем озерами слез.
Но и продавшего веру Иуду
На растерзанье не выдал Христос.*

*Или погибнем в разборках кровавых,
Или из пепла воспрянет страна.
Бог не делил нас на левых и правых.
Всех меж собой разделил сатана.*

(«Нет оправданья ни правым, ни левым...»)

Русские мы, русские!.. А «левые» и «правые» — все прочие. Только они-то есть, потому что и мы — там. Не все мы, так многие.

Потому и наступила «цивилизация душевной лени», морально-этической опустошенности, а либерал-культурники считают себя равными олигархам, которым они расчищали дорогу в общественном сознании. И перед ними, столь исправно десятилетиями проклинаявшими советское равенство и братство — обязаны расступаться те, кто был народом, но стал быдлом.

Элитой — «звездами»! — называет себя гомосексуальная тупая попса и эстрадные хохмачи, за чьим «юмором» для дебилов, скабрёзной иронией скрывается ненависть к России и ко всему русскому. Впрочем, и не скрывается уже, а вовсю афишируется...

Но кто такие — «мы», и почему лучше «их»? Русскому человеку — к левым «пристанет» или к «правым» забредет — все равно, что на суд нечестивых попасть, а дьявол-то платит разбитыми черепками, разделяя нас. И эта, по слову Бахтина, бесовская карнавальность, вытягивает из каждого, пошедшего туда, русского человека. Вот и надо прислушаться к поэту:

*Или утонем мы в дьявольских сквернах,
Или на грешной земле устоим...
Бог не делил нас на красных и белых.
Милостив Он ко всем чадам своим.*

*Что же молчите вы, добрые люди?
Или опять покоримся беде?
Все мы повинны. Безгрешных не будет
Перед Всевышним на Страшном Суде.*

Мы повинны перед Родиной, перед нашими предками, друг перед другом, но никак не перед «либерал-культурниками», ... Только вот инженеру Егорову журавли вторят, и каждому из нас — вторят, песни ли поем, плачем... И плачем-то, как некоторые, не потому, что русские, поскольку не только по слову Александра Васильевича Суворова, а по кровной сути своей «Мы — русские! Какой восторг!», а вот так надо бы, как Христос у гроба Лазаря, но сказав притом сестрам его: «Если веруете, паки жив будет». Молился потом Христос, и слезы, капля за каплей, как будто бы капли росы благодатной, из очей Его пречистых струились. То есть не оплакивал даже — не в мирском значении этого глагола, ибо, как пишет преподобный Андрей, Христос «пришел воскресить Лазаря, и потому бесполезно было бы плакать о том, кто должен воскреснуть».

«Иисус прослезился» (Ин. 11: 35), образы нам предлагая «сердечные любви»¹.

Вот об иудеях поистине и плакал Христос², поскольку предвидел, что и по соделании чуда они останутся в своем неверии: дьяволом движимые, взбесились книжники иудейские на Христа и на Лазаря, совет свой неpravедный собрали и на нем порешили убить их обоих...

Святое Евангелие свидетельствует, что Христос за время Своей земной жизни трижды плакал. Плакал Он над другом Своим Лазарем, плакал через несколько дней в Гефсиманском саду, молясь до кровавого пота о Чаше и прося Отца Небесного: «Если возможно, да минует Меня чаша сия» (Мф. 26,39). Плакал Христос в день торжественного входа в Иерусалим — над

¹ Андрей Критский, преподобный. Канон на повечерии пятка седмицы ваий. Песнь 7.

² Василий Великий, святитель. О скорби и слезах Иисуса Христа перед воскрешением Лазаря. Цит. по: Барсов М. Толкование /// Сб. ст. по истолковательно-му и назидательному чтению Четвероевангелия, с библиографическим указателем. СПб.: Синодальная типография, 1893. Т. 2. С. 300. Репринт.

его жестокостью, заблуждением и нераскаянностью, над его жителями, которые сами себя обрекли на осуждение. Плакал потому, что люди не познают времени своего спасения: «О, если бы и ты хотя в сей твой день узнал, что служит к миру твоему! Но это сокрыто ныне от глаз твоих» (Лк. 19,42). И потому «...окружат тебя и стеснят тебя отовсюду, и разорят тебя, и побьют детей твоих в тебе, и не оставят в тебе камня на камне за то, что ты не узнал времени посещения твоего» (Лк. 19,43—44).

А слово, благодарное, любящее слово русского поэта — от Христовой росы идет, из Гефсиманского сада:

*Ставлю свечи и плачу,
Жизнь иначе свою.
В долг даю без отдачи —
Разочтемся в раю*
(«В долг давал без отдачи...»
Памяти Юрия Кузнецова)

Нам, смертным, воскрешать-то никого не дано, но словом памятным и любящим, да и слезой очистительной разве дадим умереть Родине нашей здесь и сейчас, ее поэтам, ее праведникам и грешникам в памяти сердечной и скрижальной, матери нашей — в нас самих:

*Предки мольбы к небесам возносили,
Слезно кропили луга и поля...
И ни к чему нам другая Россия!
Нами намолена крепко своя.*

И слезы предков, народа нашего — от Христовой росы благодатной...

Так что вирши известного стихотворца, где «Бог заплакал вместе с ним (русским. — Ю. П.)» — есть богохульство и клевета на русского человека... И не стал бы я вспоминать сейчас его, если бы не говорил здесь о действительно русском поэте, для которого Родина — есть образ и символ Божественного поприща русского народа, его вселенского призвания неизъяснимый в своей красоте и тайне земной мир, говорящий о еще более великой тайне, о жизни вечной, о Родине Небесной, которая светится и предвосхищается в дорогих чертах материнского лица земной Родины. Отсюда и выдох сыновний:

*Небес взыскующее пламя.
Весь отраженная в реке.
Русь разговаривает с нами
На материнском языке.*

*Так разговаривает млеко
Кормящая младенца мать...
И надо быть нечеловеком,
Чтобы ее не понимать.*

*Дождями, облаками, снами...
Про наше кровное житье
Русь разговаривает с нами...
Почто не слушаем ее?*

Здесь, на родной земле начинает человек учиться Небесному жительству, здесь, на Родине находит он уготованные для него «Врата Сиона» — сущие на земле «Дворы Божии, Господни» — святые Церкви с их таинствами и праздниками, с их молитвами и Хлебом Небесным — Словом Божиим... И так день от дня, век от века просвещается и крепнет духовно, восходит народ (и капля его — человек) от силы в силу, в «мужа совершенна». Так исполняется Родиной и народом его священное призвание и спасение:

*Нашу землю, политую отчею кровью,
Никакие враги не возьмут в оборот.
Можно нас истребить, но останутся корни.
И — из них прорастет будет русский народ.*

(«Русь взрастила меня, меня поит и кормит...»)

Потому-то и необходима так поэзия Евгения Семичева в «наше зыбучее время», когда традиционные ценности и сами понятия о добре и зле начали меряться «аршином близорукой выгоды», стали размытыми, относительными, что, кстати, охарактеризовано еще Достоевским в романе «Бесы»: «Точно с корней соскочили, точно пол из-под ног у всех выскользнул».

И вот уже Россия сама представляется «Булгарией», еще не затонувшей, но уже ушедшей в свое последнее плавание... Довелось пройти по Иртышу на теплоходе «Чернышевский» — аналог утонувшей «Булгарии»: сделан в 1955 г. в ГДР, две установки по 420 л. с. , 16–17 км/час по воде. О, реликт, но и таких — 4–5 штук на всю Сибирь. В Усть-Ишиме много народу село, и всяк тащит 5–10 мешков картошки. На Севере мешок по 2 тыс. руб. уходит, продашь с десятков и зарплата в кармане. Когда швартовались к дебаркадеру, капитан в рупор назидал — не боле двух мешков на пассажира, иначе не посажу, корабль перегружен. Точно — на двух палубах ящики с картошкой, арбузами, перцами, апельсинами и прочей снедью. И что? Всех посадил, загрузив верхнюю палубу картошкой. Так и тоном по доброте, нарушая устав... А живя не по совести, во злобе? Долго ли протянем? Да и куда — протянем...

«Куда ты, Родина, куда // Спешишь день ото дня, // Когда сквозь пальцы, как вода, // Уходишь от меня?..». Не было бы этого вопроса, если бы в самом начале пути не пронзил сердце другой: как увижу, как узнаю, как постигну святое лицо моей Родины-Матери, как охвачу взором ее пространства и дали, ее великий и таинственный путь, как смогу почувствовать себя ее малой частицей и каплей, и понять, что же ждет от меня моя Родина? Но достаточно ли только любить Родину, хотя «узлы кровавых жил» на руках разве не от каждодневного труда? Так почему же она молчит в ответ? Почему тишина?

Уходящая Родина — это исчезающий народ? Очень на то похоже, но все-таки — только похоже. Родина перестает ею быть для своего народа, теряющего веру, а, значит, и свое Божественное призвание. Хотя и пом-

нится еще, что народ подобен дереву, «насажденному при исходящих водах», которое «плод свой даст во время свое: и лист его не опадет» (Пс. 1:3). На Родине вырастает это великое дерево — народ Божий, — и если он сохраняет верность своему призванию, то не только долго плодоносит, а постепенно превращается из дерева земного, — по слову святителя Филарета (Дроздова) — в «дерево вечное, плодоносное, в дерево райское».

Не напитают и не напоят его живой водой чужие воды. Не привьется на земле нашей чужой сад... *«Забыли о русской сноровке, // Пленились нерусской судьбой...// И нас на поганой веревке // Ведут мясники на убой...»*.

Кто мы, зачем и почему? Никто и зовут каждого никак — наемники на базаре мирового порядка. Не нравится — будь россиянин. Многие о сказанном здесь процедиат: «Ну, знаю я, тоже мне — удивил». А что ты сделал, чтобы уменьшить это знание? Блаженно хмыкнет, и потопает восвояси. Моя хата с краю. Мы начисто разобщены, и поговорка «дружба дружбой, а табачок врозь» — как пророческий приговор из прошлого. Так-то все свои, но на соседа фиолетово. Который год вместе по одному. Всех возлюби, но обмани ближнего своего, из огня да в полымя и как ошпаренный по судьбе. До злобы постыдно, но факт. Зато какой год *«Колдуны и скоморохи — // Злое сонмище невежд — // Саранчой летят на крохи // наших радужных надежд»*. («Бесы»). Когда не ровен час, да и напишет мне Евгений, умеющий в обычном общении пошутить серьезно, словно почувствовав тревоги мои:

«Здравствуй, Юра! Как там тебе, в Сибири, среди китайцев?..»

И слава Богу, если я отвечу:

«Здравствуй, Женя! У нас все как было: сугробы до головы, розовое небо и свежий ветер...Нет, никто не возьмет нас в оборот...»

И не только потому, что Господь не позволит, а потому что держимся за исконное: «На Бога надейся да на себя не плошай». За веру в то, что *«И пребудет Россия во все времена, // Потому что на вечные лета // Светом Божиим вселенским омыта она // И дыханьем Господним согрета»*. («Сизый месяц за млечную тучку нырнул...»).

А рок, фатум, судьба и т. п. — не наше. Есть такие религиозные учения, которые утверждают, что Господь все за нас решит. Но не Православие! Оно учит: надо всегда, при всех обстоятельствах жизни делать максимум того, на что ты способен. А вот дальше Бог открывает твои пути. Однажды прославленный полководец Александр Суворов поинтересовался: «Лошади кормлены?», а ему в ответ: «Ваше сиятельство, никак нет. Господь соломки не послал». Суворов возмутился: «Господь Бог мне не конюх. Тебе поручили лошадей кормить. Иди и, пожалуйста, изволь это сделать».

Еще раз повторим: идеи кармы, фатума, рока, судьбы чужды христианству. Чтобы понять насколько, прежде вспомним, что у каждого языческого народа был и есть божок, чья область занятий — человеческие судьбы: Фатум, Мойры, Парки и т. д. А теперь вопрос: какое имя носил бог Судьбы у хананеян? Как свидетельствует Библия, — простое русское имя «Гад». Господь в гневе Своем говорит израильтянам: «А вас, которые оставили Господа, забыли и святую гору Мою, приготовляете трапезу для Гада и растворяете полную чашу для Мени (богини плодородия) — вас обрекаю Я мечу, потому что Я звал — и вы не отвечали, говорил — и вы не слушали» (Ис. 65, 11–12). Карма — синоним слова «гад», представляете?

Совсем другое — Премудрый и Благой Промысл Божий — Божественная деятельность, сохраняющая мир и направляющая его к предназначенной цели бытия. И если ситуации, с которыми мы сталкиваемся, определяются Божиим Промыслом, то поступки — нашей свободной волей. По сути, об этом и говорит нам Евгений Семичев:

*Дождичек — калика перехожий —
Под моим окошком семенит.
Не иначе, как по воле Божьей,
Жизнь мою печалью осенит.*

*Образ русской доли ненавязчивый,
Под окно сошедший с небеси...
Но сквозит меж струями знобящими
Горнее дыхание Руси.*

*Суждено и мне, однако, вскорости
Собирать дорожную суму.
Родины моей печали-хворости...
Разве же доверишь их кому?*

*И однажды светлым днем погожим
В Гефсиманском радужном саду
Я, как этот дождик перехожий,
Под окошком Господа пройду.*

*Бог мне скажет: «Не заради корысти
Ты явился... А в суме чего?..»
— Родины моей печали-хворости.
Разве их оставишь на кого?*

Вопрос-то — по глубине своей — тютчевский. Тайное сияние русской души не заметит «гордый взор иноплеменный», но оно видно тому, кто, подобно «Царю небесному», исходил и познал русскую землю. Стезю русского народа Тютчев называет «ношей крестной» и связывает испытания, выпавшие на его долю, с причастностью к деяниям Христовым. И вот уже поэт «иных времен» решает взять на себя все печали-хворости Родины — это его «ноша крестная»... И что поэту — смерть, если «Трепещет, как юный подснежник, // Обретшая небо душа». «Иудеи требуют чудес, и Еллина ищут мудрости; а мы проповедуем Христа распятого, для Иудеев соблазн, а для Еллинов безумие», — восклицает апостол Павел (1 Кор. 1. 22–23). Такова Благая весть, которая была и остается безумием для всех, кто пребывает в плену у «ветхой» религии или атеизма. Но мир смеется над христианами, а христиане смеются над смертью. Да, нам, смертным, не дано воскрешать, но в день Светлого Христова Воскресения мы повторяем слова святителя Иоанна Златоуста: «Смерть, где твое жало? Ад, где твоя победа? ... Воскрес Христос — и ни одного мертвого в гробу. Ибо Христос, воскресши из мертвых, положил начало воскресению умерших».

Владыка Антоний Сурожский, который так часто сталкивался со смертью и как врач на войне, и как священник, служивший более пятидесяти лет, говорил: «Воплощением, крестной смертью, сошествием в ад и воскресением Спасителя любовь — уже не наша, человеческая, хрупкая любовь, но непобедимая Божия любовь — сразилась со смертью, и смерть была побеждена. Она побеждена не в том смысле, что ее больше нет, что никто из нас не умрет — мы все умрем; любимые наши умерли, любимые наши умрут. Она побеждена в том смысле, что вместо того, чтобы быть преградой и безнадежным, безвозвратным концом, смерть стала дверью в вечность».

О победе над смертью, о всеобщем воскресении, о грядущем Царстве мы, христиане, узнаем не только из Священного Писания, это знание рождается в нас от личного опыта присутствия Христа в нас, от радости Его пришествия к нам, от переживания любви как Царствия Божьего внутри нас:

*Месяц плывет молодой
Мимо окошка доверчиво...
Каждая лужа звездой
Высшей небесной увенчана.*

*Каждый земной водоем
Орденом высшим пожалован.
Сколько брильянтов на нем —
Бог сыпанул — не пожадował.*

*В наших краях и чужих
Видел картину я схожую.
Щедрость правительств земных
Меркнет пред милостью Божью.*

*Реки, деревья, поля,
Не пропадем мы в безвестии.
Наша планета Земля
В Божие входит созвездие.*

*Где бы я ни был — везде
Жизнь принимаю с отрадою:
К Божьей представлен звезде,
Высшей отмечен наградою.*

А потом был Иркутск... Дни русской духовности и культуры «Сияние России». Честно говоря, в Липецке наше с Евгением общение свелось лишь к нескольким непродолжительным разговорам — без представления друг другу. Так что, получается, свел нас, дал окрепнуть узам нашего товарищества классик русской литературы Валентин Григорьевич Распутин, пригласивший меня и Семичева в Иркутск осенью 2010 года... В Кутулик — на родину Вампилова, в Усть-Уду — на свою малую родину... Весело общались, шумно, как будто и молодо, отражаясь «в полный рост в байкальском солнечном зеркале»...

*В глазах у Распутина — зоркая горечь,
Что зрит сквозь народной судьбины пласты...
Прости нас, дурных, Валентин наш Григорьевич,
Пути твоей отчины шибко круты!*

(На малой родине Валентина Распутина)

О гении следует говорить гениально... Семичев так и сказал.

...До того рубежа, который политики назвали перестройкой и реформами, до расчленения огромной страны в 1991-м и последующие годы, невозможно было встретить взрослого или взрослеющего человека, не интересовавшегося написанным словом Валентина Распутина. Миллионы читателей жадно передавали друг другу журналы «Наш современник» или «Москву» с повестью ли, с подборкой ли рассказов писателя, еще в журнальном варианте обсуждая «Прощание с Матерой», «Живи и помни», «Деньги для Марии», «Век живи, век люби».

Иные наступили времена, нынче и преданному русской литературе читателю не удастся подержать в руках новинки подлинной литературы; то, что обеспечивалось «Союзпечатью», лопнуло, киосков прибавилось, да только не увидишь в них толстых всероссийских журналов. И спрашивают порой удивленно: «Распутин еще пишет?» А однажды было даже так, что школьник при встрече с Распутиным простодушно воскликнул: «А разве вы еще живы?» — об этом он сам, грустно посмеиваясь, рассказывал.

Миф о том, что Валентин Распутин много лет ничего не пишет, глубоко проник в сознание не только читателей, которым недоступны новые рассказы, очерки Распутина, но и в среду профессиональных ценителей литературы. Не замечали профессионалы шедевров: «В ту же землю», «Нежданно-негаданно» — почти повестей по насыщенности сюжетных поворотов, психологической напряженности, языковой бездонности.

Но я-то помню, не могу не помнить, что рассказ «В ту же землю» впервые был опубликован в патриотической газете «Омское время» по желанию самого Валентина Григорьевича, а я тогда трудился там в должности заместителя редактора (позднее стал и редактором), и мы каждый день получали десятки писем со словами благодарности. Затем учителя нескольких школ Омска по своей инициативе провели «открытые уроки» по рассказу Распутина, а потом еще около года мы публиковали школьные сочинения...

Можно, конечно, без усталости винить в снижении планки культуры, в утрате культурой национального лица — телевидение. Разумеется, есть в чем винить, если на сотни дебилизирующих молодежных программ приходится одна об «умницах и умниках», побуждающая школьников к осмысленности, да редкие вкрапления чего-то подлинного.

Пока журналы спорили, какой из них нужнее читателям, подросло поколение, а потом еще одно, и еще, которое вовсе перестало читать литературные журналы, а заодно и всю классику, русскую, советскую. Литература умирает не оттого, что писатели перестают писать, а оттого, что читатели перестают читать.

Получается, не писатель Распутин исписался, а читатель нынешний исчитался. По инерции держат в электричках, в метро изделия, похожие на книгу, на журнал, но это не русская книга и не русский журнал. Подоб-

но тому, как не имеет никакого отношения к священному слову «Любовь» блудливое словосочетание «они занимаются любовью», так чтение чтиву рознь.

Растлители — они во всем растлители, в литературе в том числе. Тех, что поумнее и честолобнее, заманивают модернистской элитарностью, тех, что попроще, подоверчивее — завлекают поделками раскованной и рискованной жизни, но и тех и других — подальше от традиции, от глубины чувств, от трудного пути культуры, приближавшей человека к Абсолюту, к Богу. Дух — слово всемирное, духовность — слово русское, именно как противоположность бездуховности, пустоте, бесчеловечности.

Русский человек, русская культура тем и держались, тем и интересны были и остаются человечеству, что несли в себе духовность и душевность. Разума хватало многим, и в Европе, и в Америке, и в Японии, а душа мельчала. «Вы богаты, у вас есть Распутин», — сказал в сердцах один американец.

У нас действительно есть Распутин, есть Семичев, как восприимчики духовной традиции, имеющей десятки, сотни имен в литературе, философии, музыке, живописи, у нас есть святые, без которых не было бы русской духовной культуры, ибо духовность только там и держится, где душа очищается божественным, где она возносится к небесам, где любить — значит боготворить, открывать, в человеке ли, в природе ли, высоту неба. По Семичеву:

*Воздух Родины — воздух весны —
Словно тайну люблю и приемлю,
Когда дивные райские сны,
Словно ангелы, сходят на землю.*

*Он огнем закипает в крови
И сердца разрывает осколки.
И о нем, как о первой любви,
Воят самые лютые волки.*

*Не оставишь его на потом...
С ним легко и прощать, и прощаться.
И до смерти обугленным ртом
Им никто не сумел надыхаться!*

«Литература — это надежда», — обронил Валентин Распутин в почти уже родном для меня Тобольске, среди руин бывшей улицы Пеляцкой, обозначенной ныне как улица Мира. И вера наша, и литература, и история — это надежда на неиссякаемость духовного материка, именуемого Россией... Такую надежду дает и поэзия Евгения Семичева:

*Покуда вертятся планеты,
Взбивая пенный Млечный Путь,
Небесной милостью поэты
Во мгле не смогут утонуть.*

*Покуда солнце не погасло
Над миром, над землею, над...
Свет заливает нас, как масло,
Из млечных падая лампад.*

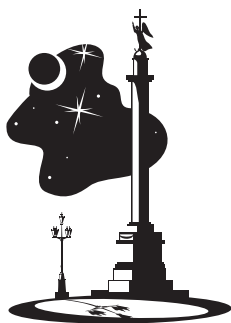
*Покуда в круговерти вечной
Земля вращается во мгле,
Мы все — молитвенные свечи
На Божьем праздничном столе.*

Литургист XV века, блаженный Симеон, архиепископ Солунский, так объясняет символическое значение свечи: чистый воск означает чистоту и нескверность людей, его приносящих. Мягкость и податливость воска показывают нашу готовность к послушанию Богу, а горение свечи символизирует обожение человека, его превращение в новую тварь и очищение огнем Божественной любви.

Словно о русских поэтах сказано. Или о русских поэтах — тоже...

«Огонь горящих... свечей и лампад, как и само кадило с горячими углями и благовонным фимиамом, служат для нас образом огня духовного — Духа Святого, шедшего в огненных языках на апостолов, попадающего греховные наши скверны, просвещающего умы и сердца наши, воспламеняющего души наши пламенем любви к Богу и друг к другу: огонь пред святыми иконами напоминает нам о пламенной любви святых к Богу, из-за которой они возненавидели мир и все его прелести, всякую неправду; напоминает нам и о том, что мы должны служить Богу, молиться Богу пламенным духом, чего у нас большею частью и нет, ибо имеем охладевшие сердца. Так в храме все поучительно и нет ничего праздного, ненужного» (св. прав. Иоанн Кронштадтский).

Нет ничего праздного и ненужного и в поэзии Евгения Семичева, даже если это «лучшие дурочки мира», гуляющие в его дворе. Поэт пишет, что им ни к чему его лира, но здесь он ошибается: погоди чуток, брат мой, вот они ее услышат и... Если уже не слышали — в твоём любимом, «самом удивительном ТВОРИТЕЛЬНОМ падеже»...

Русские СУДЬБЫ

Татьяна ДОРОНИНА

«ЖИВЯ НА ПРЕДЕЛЕ»

Из дневника актрисы

Татьяна Васильевна Дорони-на — родилась в Ленинграде. Народная артистка СССР (1981), художественный руководитель Московского художественного академического театра им. М. Горького, трижды лауреат титула «Лучшая актриса года». На Международном кинофестивале в Тегеране в 1973 году удостоена приза за лучшее исполнение женской роли в фильме «Мачеха». Лауреат премии им. Николая Симонова, Лауреат премии им. Евгения Лебедева. Награждена орденом «За заслуги перед Отечеством» III и IV степени, орденом Дружбы народов, орденом Почета. Главная экономическая награда: «Актриса Эпохи» (специальная номинация). **Живет в Москве.**

Роман Достоевского «Идиот», инсценированный в БДТ, возвращал сцене высокую литературу, а с ней серьезный разговор со зрителем о глубине человеческих натур. Для меня Достоевский интересен более всего этой погруженностью в бездны людских страстей, темпераментов, характеров. Все герои его — всегда «на пределе», они живут интенсивно, растрачивая себя до конца. Спектакль (в первом варианте) имел «от Достоевского» Мышкина — Смоктуновского, генерала Епанчина — Сафронова, генеральшу — Казико, Ганечку — Стржельчика и музыкальную тему Шварца. Четыре настоящие актерские удачи (одна — Мышкин — на уровне подлинной гениальности). Это бывает не так часто, когда автор требует и душу твою, и мозг твой, и интеллект, и приобщение к самым крупным темам, и такую отдачу всего себя на спектакле, которая возможна не более двух раз в месяц. Этого автора можно играть без декораций, и совсем не обязательно надевать на актера костюм по моде конца XIX века. Нужно только «влезть», проникнуться, заболеть Достоевским. Это очень трудно, хотя у автора все написано — и «второй», и «десятый» план каждого лица. Но чтобы сыграть персонаж Достоевского, недостаточно быть просто большим актером, надо «быть» самому, состояться как личность.

Личность Смоктуновского. Наверное, о нем захотел бы написать сам Федор Михайлович, не отказался бы, не пропустил. Уж очень много разного «намешала» жизнь в одном человеке. Если бы меня спросили — хорош он или плох, — я бы сказала: «Не знаю». И никто не знает. И нет даже самого недумającego и нечувствующего, самого примитивного человека, который подходил бы под рубрику «хорош» или «плох».

А тут — большой актер. Может быть, самый большой после Хмелева. На его уровне — Луспекаев, которому было отпущено судьбой меньше времени для реализации.

Когда я приехала в Волгоград, там, в театре, очень сильна была «память о Смоктуновском». Рассказывали, что он не всегда имел успех у публики и совсем редко у актеров, что личная жизнь его, связанная тогда с талантливой актрисой, была бурной и шумной. Как он однажды разрезал на маленькие кусочки все ее нищенские платья, платья актрисы со ставкой 80 рублей. Как он мог предать, не имея никакого личного интереса, а просто по «склонности натуры». Но, зная уже все это, я смотрела фильм «Солдаты», видела незащищенное близорукое лицо Фабера, которого он играл, и восхищалась. Его актерский уровень был уже тогда исключителен, а индивидуальность — уникальной. Труппа в Сталинграде (переименованном уже в Волгоград) — была яркой и сильной. Определяли эту яркость и силу несколько подлинных талантов. Но их всегда не хватает, их мало — талантов. И я думала о том, что могло случиться и так: остался бы в Сталинграде в областном театре этот актер, играл бы умно, тонко и талантливо среди нетонких, и неумных, и неталантливых, и считался бы плохим актером, и спился бы, если бы смог, и удавился бы от ярости, бессилия и боли. Тогда никто не увидел бы Мышкина Достоевского на русской сцене и Гамлета, поразившего родину Шекспира своей тонкой духовной организацией, значительностью и безусловностью права разговаривать с тенью отца своего.

Я забыла все сталинградские разговоры, вернее, не забыла, а проанализировала поступки Иннокентия Михайловича, пытаюсь найти его правду и его право на ярость.

Итак, начало спектакля.

В купе поезда сидели двое. Один, на левой лавочке сидящий, был одет в черный старый плащ, на голове — шляпа с большими полями, ноги обуты в ботинки с широкими носами. Ему было холодно. «Зябко?» — спросил второй, с правой лавки, одетый в черный тулуп. «Очень», — ответил «левый» и сразу сосредоточил на себе весь зрительный зал. Сразу, безусловно, до конца спектакля и на много времени после. Чем? Внешность — высокий, худощавый, с чуть рыжеватыми волосами. Светлые глаза. И руки, созданные отдавать и быть распятыми. Его заинтересованность другим человеком была не просто органикой. Он был прекрасен в этой заинтересованности. Так снится. Об этом мечтается. Каждому хоть раз в жизни. Очень необходимо. Вот именно — такая встреча. С ним. Которому веришь сразу. Знаешь — успокоит. Поможет. Не предаст.

Грешная душа Парфена Рогожина согрелась, стала способной на молитву, на покаяние, на открытость. И название этой молитвы было «Любовь к женщине». Уметь слушать так, как слушал Мышкин—Смоктуновский — сопереживая, сострадая, утешая и почти без слов, — само по себе дар, чудо! Смоктуновский—Мышкин — это событие не «театральное», а общечеловеческое.

Евгений Лебедев—Парфен почти зло, со странной улыбкой, будто ненавидя, а не любя (изумительно точный ход), излагал о «подвесках для королев».

Как может выразить свой восторг душа русского купца, который всю свою жизнь «до любви» видел темные углы толстостенного дома на Горо-

ховой улице да лавку отца, в которой обмеряли, обвешивали, продавали и покупали? Углы в доме освещались по праздникам маленькими желтыми лепестками лампад, а в лавке праздником считался день наибольшей прибыли от продажи. Когда же бывает наибольшая прибыль? Когда обсчитаешь, обворуешь, недовесишь. Праздник под названием «большая прибыль» — это единственный праздник лавки. Так как же может выразить «любовь» купец с Гороховой? Украсть! И краденым, в виде бриллиантовых подвесок, одарить! Так просят милости у любви российские православные. Вернее те из них, которых окрестили, обратили из язычников, но они остались язычниками, с привычкой подкупить, купить, одарить и украсить свое божество. Парфен Рогожин решил украсить свою икону, свою Настасью Филипповну подвесками, купленными на деньги, украденные у отца. В лавке на Гороховой не любят, чтобы свой крал. И принял Парфен побои смертные, и изгнание, и горячку, и обгрызли собаки его, и чуть выжил. Но после принятой за любовь муки полюбил еще сильнее, и горячка его не оставила, а была с ним. Она просто чуть другой стала, из горячки тела превратилась в горячку души. А такая «душа в горячке» приведет владельца своего к концу страшному и неизбежному. И когда князь Мышкин почувствовал весь этот горячечный восторг и горячечную обреченность, то и полюбил Парфена, как брата, как страдальца. Даже раньше, до «подвесок», полюбил, потому что умел князь Лев Николаевич понимать и сострадать. Так он верно и хорошо понял, так в Парфене брата увидел, что не постеснялся от него милостыню принять. Принял. Поблагодарил. Поверил. Не осудил.

Я «вошла» в этот достоевский спектакль потом, через год с лишним, когда Смоктуновского в театре уже не было, а осталась легенда о прозрении и причастности режиссера к автору и об откровении актера в роли. Актера, ставшего «первым», любимым и по праву названного «гениальным».

А тогда, сидя в зрительном зале на первом просмотре, я потеряла чувство времени, реальности. Я была загипнотизирована зрелищем, погружена в это идеальное сценическое действие. Когда наступил антракт и я стала утирать слезы, которых не замечала во время действия, я увидела на своем лице застывшую улыбку, которая странна рядом со слезами. Мера воздействия равна была молитве верующего во время церковной службы. Когда явился перед тобой тот, кому обращаешь молитву и радость подтверждения насущного, реального, — это то, вечно желаемое: «Ну дай, Господи, знак, что Ты есть, ибо, если Ты есть, все становится на свои места, все имеет смысл, все, включая смысл страдания, потерь и смысл ухода в вечность. Уход к Тебе, Господи, — это такое счастье».

Мысль была грешна и вне канона, вне закона Православия, ибо вера должна быть вне сомнений и вне материальных воплощений.

Но спектакль игрался для атеистов, так как все присутствующие зрители уже слишком давно ходили в атеистах, гордясь своим грехом отречения от самого высокого, что сумело выстрадать человечество: смысл жизни в вере, что явился Он среди людей и, моля о миновании чаши физического страдания, преодолевая в себе ужас предстоящей муки распятия, — не отказался, не отрекся, а принял это страдание во имя спасения души моей, его и всех, которые — мало или совсем не достойны жертвы Его. Ибо погрязли в грехе и ставят тело свое впереди души своей. («Вот, брат Парфен, как дело с верой-то обстоит».)

Финальная сцена спектакля, когда «она» — «там», неподвижная, отбунтовавшая и сознательно пошедшая навстречу ножу Рогожина, игралась Смоктуновским и Лебедевым вдохновенно, на прозрении. Они не играли самого факта смерти Настасьи Филипповны, они просто оберегали ее покой. Не страшный вечный покой, а бытовой. Словно боялись ее разбудить. А потом вопрос Мышкина: «Как ты ее? Ножом? Тем самым?»

Тот самый — это садовый нож, купленный Рогожиным задолго до того, когда он «срубил», как рубят дерево, — женщину, самую желанную и совершенную в стремлении к очищению от скверны. «Отказ» ее от жизни необычен — со смехом, с азартом победы своей над собой во имя того, «в кого в первый раз в жизни поверила». «Прощай, князь! Первый раз в жизни человека увидела». И пошла на нож Рогожина, ибо другого пути, чтобы освободить этого «единственного» человека, у нее не было. И не вынес князь муки загубленной жизнью красоты, этого женского бунта, ведь «все было бы спасено» только в одном случае — «если бы она была добра». Но откуда добро в душе — если с детства она поругана. Потом пять лет «чистой» была и молила Бога о возвращении способности прощать. Но явился Рогожин и «оценил» в сто тысяч, и не сомневался, что возьмет сто тысяч королева, потому лошади-то уже внизу стояли, значит, сомнения у Рогожина не было, что купится за сто и поедет с ним, с Рогожиным. А ее мечта о прощении и чистоте, так это «дурь меня доехала». Будь прокляты эти деньги, правящие всем в мире, и горят пусть они в огне!

Продажен и жаден мир вокруг, и не нужен мир этот мне. А тебе, Ганечка, — обгорелая пачка мною отдается за то, что ты что-то в душе имеешь, за деньгами в камин горящий не бросился, «не пошел». Значит, «ничего, очнется». В обморок грохнулся от борьбы внутренней, чтобы сдержаться, за тысячи «божеское», оставшееся в душе, не продать.

«А о таком, как ты, князь, я мечтала: Придет и скажет: “Вы не виноваты, Настасья Филипповна, и я вас обожаю”. Да так размечаешься, что с ума сойдешь. А потом Тоцкий явится. Опозорит, разобидит, развратит, распалит. Уедет. Так тысячу раз в пруд хотела кинуться, да подла была. Души не хватило».

Сцена «вчетвером», вместе — Аглая, Рогожин, князь и она, грешница. Победа ее, грешницы, над соперницей. «Неужто ты, князь, меня оставишь и за ней пойдешь? Так будь ты проклят, что я в тебя одного поверила». Не будет проклят. Остался с ней: «Мой! А я его этой гордой барышне отдавала! Зачем? Для чего? Сумасшедшая!» Со мной князь, хоть и другую любит. Со мной остался, значит, и вера моя в него со мной. Да принять нельзя ей, Настасье Филипповне, такую «победу». И тогда лучше уж нож Рогожина, чем принятие жертвы князя во имя ее, Настасьи Филипповны, веры.

А теперь она — убранная «букетами», с белым лицом и единственным пятнышком крови на груди. Ибо нож прямо в сердце вошел, не промахнулся рогожинский нож, и удар был «счастливый» — в самое больное и страдающее в ее грешном теле — в сердце. «Это внутреннее кровоизлияние называется, это я знаю», — говорит князь, сползая со стула, слабея и возвращаясь в то состояние, что в Швейцарии его так мучило — в безумие, — от этого мира уходит! И это есть единственный выход.

Да, это не Валя с первой получкой из «Иркутской истории», это борьба троих за душу свою, за Бога. Это плата за несостоявшегося себя. Это искупление.

«Какая ваша любимая роль?» — спрашивали и спрашивают почти все берущие у меня интервью. Она! Вот она и есть любимая. И старалась, и готовилась к ней, к этой роли, — заранее и очень добросовестно. И это мое старание — оборачивалось сомнением. Это самое «то», что не должно быть. Перед ролью нельзя «трепетать», должно быть «хозяйкой» роли, подчинить ее, сделать управляемой. Но чувство справедливости бунта моей героини было столь сильно, что иногда «не удерживала», срывалась, не могла сдерживать эмоцию, теряла логику персонажа, и в результате было «либо-либо». Или хорошо, или плохо. А по правде, мне кажется, было «открытым нервом», криком, а у Достоевского вернее: когда огонь внутри, а сценически тихо, приглушая страстность, а не выявляя ее в открытой боли.

На гастролях в Англии после «удачного» спектакля, вернее, точно сыгранной любимой моей героини, за кулисы ко мне пришла великая «дягилевская» балерина, встала на колени и поцеловала мне руки, сказав: «Я не знала, что когда-нибудь увижу это и что “это” вообще возможно сыграть».

А после «неполучившегося», неудачного моего выступления, в вечер, когда «не состоялось» и было стыдно, я услышала другой отзыв: «Я вас не понял». Мы сидели втроем в зале лондонского ресторана — Георгий Александрович, один литератор и я. Я сказала: «Мне так жаль», а Товстоногов, обидевшись, наверное, за меня, через паузу произнес: «Наверное, вам надо прийти к нам еще. Поймете».

После Лондона мы играли в Париже, в здании театра Сары Бернар, недалеко от набережной Вольтера. По сравнению с БДТ — помещение казалось аскетичным, почти некрасивым. Гримерная, отведенная мне, была гримерной самой Сары и тоже была аскетична и некрасива. В зале сидели, в основном, эмигранты первой «волны». На «своем» месте во втором ряду, в середине — сидел Феликс Юсупов. Он не пропускал, как сказали, спектакли русского театра. Никогда. И хотя был стар и болен — пришел и на сей раз. Спектакль принимался бурно. После окончания ко мне зашел Смоктуновский и сказал, что нас троих — его, Женю Лебедева и меня — пригласила на ужин актриса Одиль Версуа. Что кто-то из зала преподнес нам ящик шампанского, мы сейчас вместе с этим ящиком и поедем в дом Версуа.

Одиль оказалась легкой в общении, говорила по-русски почти без акцента. Чем-то неуловимым и узнаваемо русским: мягкой женственностью, светлостью облика, сиянием ясных серых глаз она напоминала свою сестру — Марину Влади. Машина остановилась у высоких чугунных ворот, мы вошли за ограду и увидели стоящий в центре, напоминающий старые особняки XIX столетия дом, по бокам два больших двухэтажных флигеля. «В доме, который в центре, живет наша мама с нашими детьми. А нам — налево». Мы поднялись на второй этаж левого флигеля. Рядом с Одиль шагал высокий, красивый человек, который был представлен нам как наш коллега — актер театра, в котором играла Одиль.

Мы поднимались по высоким ступеням — каменным и белым, прошли в чистые, большие комнаты с мягкой мебелью, с телевизорами в каждой комнате, и именно телевизоры в каждой комнате более всего и поразили меня. У меня дома не было ни одного. Одиль сказала: «Может, по-

ужинаем на кухне?» Это было тоже очень «по-русски». Огромная кухня — стол из широких отполированных досок. На стенах висят длинные связки красного перца и лука. Мы уселись за стол, и наши мужчины стали открывать шампанское. Французское шампанское! Я так много читала о нем. «Клико»! Почти как у Пушкина. Бокалы звенели нежно и волнующе. И все кругом казалось волнующим, полным любви, нежности и... тайны. «Клико» разочаровало. Наше родное «Советское шампанское» было намного вкуснее и пьянило... пьянило. А это — знаменитое и воспетое в веках, оказалось кисловатым и напоминало наше «Ркацители» за рубль шестьдесят пять копеек.

Но нам было хорошо, мы расслабились. Волнение, столь сильное после того, как сыграешь с «затратой», постепенно освобождало нас от тяжести и дрожи. Мы запели. Вернее, вначале запела Одиль — «Ох, ря-бина, ря-бина...» — выводила она старательно, не по-русски «сокращая» гласные. Они у нее звучали без русской протяжности, поэтому и песня звучала своеобразно. Мы выпили еще по бокалу и уж тут грянули с «русскими протяжными», громко, «душевно»!

Спутник Одиль смотрел на нас удивленно, то ли не ожидал такой мощи и открытости, то ли ему казалось, что это другая песня, не та, что пела Одиль. Выпили за наши песни и, предвкушая «русский вечер в Париже» (что само по себе экзотика), затаили «Ноченьку». Первым замолчал Женья, потом Кеша. Солировали мы с Одиль, потом она замолчала тоже. Я посмотрела в ту сторону, куда смотрел Женья, и увидела в проеме двери стоявшего еще одного красавца. Он стоял, как в раме, как «портрет в полный рост». Прямые волосы, темные и блестящие, падали ему на лоб, глаза тоже темные. Взгляд был странен. Пауза. Одиль сказала: «Знакомьтесь. Это мой муж. Он потомок Боргезе». И еще что-то про Наполеона. То ли он из рода Наполеона, то ли Боргезе где-то там давно породнились с Наполеоном. Этого я уже не уловила. Актер-колlega исчез, а когда и куда — непонятно.

Потомок стоял в дверях и не двигался. Мы молча смотрели на него. Первым встал из-за стола Женья: «Спасибо за такой приятный вечер». Кеша сказал: «Да, очень, очень приятный, и пусть он продолжается». Женья опустился на свой стул, Кеша еще раз наполнил бокалы и протянул один из них «красавцу в дверях». «Потомок Наполеона» бокала не взял, а смотрел огненным взором на всех нас. Опять пауза. «Ну уж теперь мы обязательно пойдем», — сказал Женья и как-то бочком двинулся к дверям. Наш «русский вечер в Париже» не состоялся. Вернее, не совсем состоялся. Экзотика все же была

Мы шли к гостинице «Пале д'Орсе», что на набережной Сены, любовались огнями, отраженными в темной воде, и нам было хорошо.

Этот мой «первый» Париж — весенний, в сиреновой дымке, с ожившими страницами Бальзака и Гюго — был не открытием, а скорее воспоминанием. Словно я когда-то давно была в этом городе, ходила по этой набережной, заходила в собор Нотр-Дам, восторгалась витражами, останавливалась возле лавочек букинистов, любовалась старыми литографиями, вдыхала запах книг в толстых кожаных переплетах. Окна моего номера в отеле глядели прямо в зеркало Сены. Все казалось огромной, талантливой иллюстрацией к любимым книгам.

На «весь» Париж у нас был только один свободный вечер. Мы с Кешей были приглашены на спектакль Барсака. Достоевский поставлен в Париже, играют тоже «Идиота». Декорации небрежны. Покои генерала Епанчина обозначены неровно повешенными, словно из толстой бумаги склеенными, стенами. Они колышутся. Но за этим колыханием — не образ, а то, что называется «поменьше затрат». Актриса, играющая Настасью Филипповну, одета в странное платье из красных и черных легких кусков шелковой ткани. Очевидно, предполагалось, что это придаст динамику, столь необходимую роли.

Слушать Достоевского на французском трудно, чуть забавно. Кеша, понимая, что зрители смотрят не только на сцену, но на него тоже, силился «делать» восторженное лицо, но иногда об этом забывал, и тогда на лице читалось некое недоумение, а иногда скука. Он уставал на каждом нашем представлении, играл в полную силу, на износ. Нервами своими играл. И тот единственный вечер в Париже ему бы надо было провести не так.

Но... пригласили. А те, кто нас «курировал» в посольстве, сказали, что «ну обязательно, обязательно надо выразить» и так далее... Мы сидели и «выражали».

Из Достоевского — сюжет, сильно адаптированный инсценировкой.

Барсак и несколько актеров встретили нас на выходе, в неуютном фойе, замызганном, с валяющимися банками из-под воды и пива.

Кеша раскинул свои, воспетые, как мечи — прекрасные руки, обнимал Барсака и актера, играющего «его» роль», улыбался, он «выражал» восторг изо всех своих уставших сил.

Из театра возвращались в отель шумной, ярко освещенной улицей. Остановились возле ларька, купили «хот-доги» и стали их жадно поедать. Мы были голодны. Ни Барсак, ни наши французские коллеги были не знакомы с нашими обычаями — крепить «мир-дружбу» за рюмкой чая. Кеша сказал: «Ты знаешь, я не наелся. Давай зайдем в кафе, что ли». Зашли. Несмотря на позднее время, это огромное кафе было набито людьми и птицами. Люди — за столами, птицы — в больших стеклянных вольерах, тянущихся вдоль стены. «Какая прозрачная тюрьма, — сказал Кеша, глядя на птиц за стеклом. — Как же им там плохо. Ведь они не рыбы. Зачем же их в такие плоские аквариумы?»

Мы заказали что подешевле, ели эту невкусную, нищенскую еду и говорили о том, о чем всегда говорят актеры и что только нам всегда интересно, — о нашей профессии. Неужели, когда мы играли французских или английских авторов, мы выглядели так же странно, несоответствующе, как эти французские актеры, которые пытались играть Достоевского?

Казалось, что они боятся пауз, существуют вне внутренних оценок. Они не меняются, не изменяются от сцены к сцене. Они внутренне статичны. Хотя говорят быстро и громко, но нет той напряженности, страшной тишины, которая взрывается, выплескивается живой болью. Без боли Достоевского не сыграешь. Они расчетливы, рациональны, они «отрабатывают», обозначают, а не проживают. А попросту говоря, не страдают. Способность страдать для актера — не несчастье, а преимущество.

Какое страшное преимущество...

«Похожи мы с тобой на этих птиц в вольерах. Кричим, каждый из своей клетки, для развлечения жующей публики», — сказал Кеша. И я по-

думала, глядя в Кешины печальные глаза, что его способность образно воспринимать мир вокруг — его крест; благодаря ему, этому «кресту», Кеша может «дойти» до сердца каждого. И еще... что самый заурядный парижский актер не зашел бы после спектакля в эту забегаловку, не был бы так одет, не жевал бы скверный бутерброд и не печалился бы о «заточенных» птицах. Но и велик бы так не был, и элегантен в нищем костюме бы не был, «Смокуновским» бы не был.

Вечером следующего дня, после спектакля, я в своем номере увидела алые розы и записку. «Французский» Мышкин выражал мне свои восторги и благодарность за Настасью Филипповну. Я хотела спросить Кешу, выразили ли ему восторги в письменной форме, но вовремя остановилась, подумав: а вдруг «не выразили»? Куда я тогда со своим стыдом денусь?

Публика в зале, в своем большинстве, понимала по-русски. Это было ясно по реакции. Глаза зрителей, глядящих на Кешу во время поклонов, были такие же, как в Ленинграде, — заплаканные и восторженные. Сомневаться в оценке — превосходной, высочайшей — не приходилось. И Кеша опять тянул к ним свои выразительные руки и прижимал к сердцу цветы, от которых, как он потом скажет, его руки устали.

Это был его триумф, триумф Товстоногова, триумф театра.

Чиновник из посольства сказал, смотря в сторону, мимо глаз: «Вам разрешено встретиться с эмигрантами». «Разрешено» было Товстоногову, Лебедеву, Смокуновскому и мне. «Это, в основном, “остатки” из врангелевской армии. Они нас просили», — сказал чиновник.

Нас привезли. Мы вошли в небольшое помещение, метров тридцать, не больше. С обеих сторон — длинные дощатые столы, длинные скамейки. В глубине — крошечное возвышение, очевидно, для музыканта. Одного. Тишина. За столом сидят — плечо в плечо, словно они все одного роста, мужчины. Женщин нет. У мужчин странно прямые спины и опущенные головы. Когда мы вошли — они встали. Нас всех вместе усадили за один из этих столов и поставили перед нами кружки с кофе. Пауза. Длинная. О чем говорить? «Врангелевцы» молчат. Мы тоже. Закурили. Те, с прямыми спинами, тоже. Молчим. Чиновник пьет кофе. Ни на кого не смотрит. Пьет. Мы курим. Начал Женечка. Наш мудрый и душевный Евгений Лебедев. Он запел. Как в деревне, в избе, когда лучина трещит, а за окном снег и ветер: «Побывал бы я в деревне. Поглядел бы на котят...» Так замечательно, так тепло запел. Не по-актерски, не как певец, а как деревенский мужик — естественно, от сердца. Я стала тихонько подпевать. И «По диким степям Забайкалья», и «Ямщик», и «Вечерний звон», и частушки. На эстраде «пяточке» появился баянист. Стал аккомпанировать. Хорошо так, в настроении.

Я посмотрела на эмигрантов. На тех, которые «белые», которые «враги», которые «Родину предали». Головы у всех опущены, а спины — не прямые и уже не «плечо в плечо», а врозь. И тяжело поднимаются плечи. Они плакали. И мы заплакали. Георгий Александрович протирает очки. Женя слез не скрывал, лицо было мокрое, Кеша сидел, облокотясь, прикрывая лицо узкой ладонью.

Выгнанные, оторванные, вырванные с корнем, брошенные на чужбину, обруганные и оболганные на своей Родине люди, бывшие офицеры гренадерского полка, подобранные по росту, по стати. Ах, как это было тяжело.

Смотреть тяжело. А жить им здесь как тяжело. А тоска, а русская, присущая только нам в сильной мере, непомерной мере — ностальгия! Ах ты, Боже ты мой! Господь наш! Прости и пощади это страдание!

На русском кладбище под Парижем стоял православный храм, и русский священник вышел навстречу. Какая совершенная русская речь! Слово!!! Как великий, объединяющий навечно знак общности, как Божий дар!

Руки у священника натружены, с мозолями на ладонях и черной, траурной каймой под ногтями. Храм нищий, и священник нищий. Прирабатывает тем, что могилы помогает копать.

Он повел нас длинной, печальной аллеей к месту, где хоронят «воинство». «Здесь, которые с Юденичем, здесь, кто с Деникиным, здесь, кто с Врангелем были». И стоят эти памятники каждому отдельному «воинству» с изображением знамен и знаков и длинными списками тех, кто захоронен в этой черной земле.

У «врангелевцев», недалеко от общего памятника, зияли чернотой несколько могил.словно они ждали жадно свои жертвы, открыв пасти. Я спросила: «Это столько человек сразу умерло? Почему могилы вырыты?» Священник ответил: «Они могилки заранее покупают, заказывают. Дорого платить. Так что они на могилки себе сами зарабатывают, оплачивают их, место себе определяют».

Значит, и те, которые плакали вместе с нами, здесь «себя определили», значит, они приходят на это кладбище и заглядывают туда — вниз, в черноту, в пасть, которая поглотит их, и не согреет, и не «упокоит», а просто поглотит, не примет в себя, как русская матушка сыра земля.

А батюшка сказал: «Давайте я вас к могиле Бунина подведу». И повел сквозь строй надгробий с надписями на русском языке знакомых русских фамилий: Гагарины, Голицыны, Муравьевы, Апраксины, Волконские, Оболенские... А это — Мережковские. А это — Булгаковы (оба брата Михаила Афанасьевича Булгакова). А это... Бунин. Окаянные дни, окаянная судьба...

Окаянство!

Окаянство! Окаянство!

Мир праху вашему!..

Николай РАЧКОВ

У РУССКОГО ПРЕДЕЛА

Николай Борисович Рачков — родился в 1941 году в селе Кирилловка Арзамасского района Горьковской области. Окончил историко-филологический факультет Горьковского пединститута. Автор многих поэтических книг. Секретарь правления Союза писателей России, лауреат «Большой литературной премии России», Всероссийской премии имени А. Твардовского, премии «Ладога» им. А. Прокофьева. Живет в городе Тосно Ленинградской области.

У меня в руках небольшая книга стихов «Свет вечерний» поэта Анатолия Аврутина из Минска. Давно слежу за творчеством этого одного из наиболее одаренных на так называемом постсоветском пространстве современных поэтов. Помню, когда впервые прочитал его стихотворение «Грушевка», меня охватило невольное волнение — так по-новому, так безыскусно и точно о послевоенной женской судьбе еще мало кто написал. У грубой дощатой колонки «стирали на Грушевке бабы, подолы чуток подоткнув», они «смывали с одежды войну», стирали «обноски ребячьи да мелкое что-то свое». Вот она картина послевоенного разбитого войной города, вот они — наши сильные, работающие, бедные бабенки, оставшиеся без мужей, молодые солдатки-вдовы, которые «дружно глазами тоскуя, глядели сквозь влажную даль на ту, что рубаху мужскую в тугую крутила спираль». И вся картина. Но сколько жизненного пространства в этих коротких строчках, сколько болевой судьбы целого поколения! Такое мог увидеть незашоренными глазами только тот, кто стоял рядом, кто все это пережил, перечувствовал, перестрадал любящим сердцем — только настоящий поэт.

Поразило меня и другое его стихотворение — «В тридцать лет». Приведу его целиком.

*Да было ли?
Стекло звенело тонко,
Я слушал, очарован и влюблен,
Как ты шептала:
«Не хочу ребенка...
Ведь хоть немного, нас разделит он».*

*Мне тридцать лет.
Морщины огрубели.
Курю... Не спится.
Полуночный час.*

*Кудрявый мальчик
Плачет в колыбели,
И только он соединяет нас.*

Как предельно точно, лаконично уместились в эти две строфы и счастье человеческое, и жизненная безысходность, когда любовь уже на грани, когда только совесть напоминает о чем-то более высоком, когда не спится потому, что душа страдает от рухнувшей близости двоих, страдает потому, что это ее «мальчик плачет...»

Настоящие стихи невозможно пересказать своими словами, потому что есть в них некая тайна, о которой и сам-то поэт еле догадывается, ибо сам бьется над мыслью: «тьма ли родится из света, свет ли родится из тьмы».

Да, только истинный поэт может увидеть в вечернем небе мерцающий «звездный пруд, как золото на черни». Этот тихий свет вечерний напоминает ему, как «мало было звезд и много терний» в жизни, которая тоже склонилась к вечеру. И когда «в хрустальном перышке кончилось слово», поэт понимает, что ничего нет ближе родной «покосившейся крыши», выше которой «лишь звездная нить... Звездная нить. И нельзя уже выше». Разумеется, слово не кончилось и не кончится, но бывает такое состояние души, когда тебе кажется, что все, все ушло, умчалось, улетучилось, что ничего больше не напишешь лучше того, что уже написал. Но это опять лишь повод для написания блестящего стихотворения. «Уже понимаю, что годы виною тому, что душа будто стала иною».

Да ведь иначе-то и не бывает!

Поэт Анатолий Аврутин, воспитанный с детства на русской классической литературе, с болью воспринимает то роковое размежевание, которое ныне обрекает еще недавно единый народ снова на мучительный и необъяснимый поиск себя в этой пылающей враждой цивилизации. Больше всего он боится услышать, что не Ярославна и не Пересвет откликаются ему из глубины веков.

*Этим живу и страдаю,
И вдруг услышать боюсь,
Что моя хата — не с краю,
Что мне Отчизна — не Русь.*

Поэт знает, о чем пишет. И знает, чего боится. Да как же иначе, если душа его объемлет тот мир, который не любить невозможно, в котором он растворялся в детстве, погружался в небесные бездны вдохновенного пушкинского стиха. Русского стиха!

*Хочу в Лицей, где бродят Музы,
Где Пушкин плачет за стеной...*

Да, в Лицей, в Лицей, где дух великой Державы маячит, где дружба, честь, любовь, где все мы один многонациональный народ, где гордость за свое Отечество. Поэт зорко всматривается в окружающее и пока не видит выхода из того тупика, в котором заплуталась настоящая действительность. Чувство бесприютства — вот что приобрели мы за годы распада.

*Стылый сумрак. Родина у дома
Бесприютно спит на сквозняке.
Мир изломан... Линия излома
Бьется синей жилкой на виске.*

И читая Аврутина, живущего в Белоруссии, я, живущий в России, понимаю его боль, ибо сам страдаю от того, что произошло и происходит. Распад страны повлек за собой распад души. А это страшнее. На кого надеяться?

*Только совесть к истине воздета,
Да порою чудится — вдали
Чей-то голос кличет Пересвета,
А в ответ: «Все наши полегли...»*

Увы, но приходится согласиться с этой горькой истиной. Потому что вот так же «стоишь среди пустынного поля и гадаешь — а где же страна?» Вот она, непреходящая боль, когда в своей Отчизне «болезненно любя, быть нелюбимым» — это ли не то, к чему мы пришли, от чего можно прийти в отчаянье, когда одно только и остается:

*Почти не жить... Болезненно любя,
Шепча: «Всевышний недругам оплатит...»
Когда Отчизне смертников не хватит,
Тогда Отчизна хватится тебя.*

Грозное, пророческое предупреждение.

Но поэт не был бы поэтом, если бы сам не был частицей этого народа, который в истории вроде бы уже и погибал не раз, но потом вновь воскресал из пепла, как птица Феникс, воскресал в еще более великой славе, могуществе и красоте. И не случайно появляются у него строки о роженице, крик которой пронзает осеннюю стынь и небесный простор, в котором «ослушники тайно прощают Иуду, послушники внемлют, что скажет Иов». Вперекор всему рождается новое дитя, рождается в муках, а значит, нарождается новая жизнь.

*И вечность не чудится золотицей,
И кровь вместо пота сочится из пор.
И только за стенкой кричит роженица —
Умолкнет она, и умолкнет простор...*

Как ясно и вместе с тем многозначительно сказано. Поэт все равно верит, что этот простор не умолкнет, потому что это не просто простор, это цивилизация духа. Анатолий Аврутин не только глубокий лирик, его лирика полна философского осмысления действительности этого мира, всей жизни, которую он переплавил страдающим, любящим сердцем в стихи. «Всю жизнь выходит на Отчизну оконце узкое мое», — это не только метафора, это правда, с которой поэт не расстанется. И пусть «в ночной тиши Иуда целует Родину в уста», пусть, а вот он-то ее не предаст, потому что святое не продается.

*Россия... Родина... Рябина...
Распятие... Реченька... Роса...*

Вот где и строка, и судьба, и спасенье поэта. Родина — это не только малый уголок, где ты родился, где ты живешь, Родина — это все то великое, духовное, святое, что вошло в кровь с детства вместе с русским словом, это история, это народ одной судьбы, одной муки, одной радости.

Я мало сказал о проникновенной лирике Аврутина, о его умении изобразить в нескольких словах, строчках целую эпоху отшумевшей, но такой родной, незабываемой жизни. Вот как он изображает переулочек, где стоял родительский дом, где «о своем глаголет мостовая на древнебулыжном языке», вот место, где «сушилась папина рубаша и моя пеленочная бязь». Удивительно это: «на древнебулыжном языке». Где вы еще встречали такое яркое определение? А как он трепетно пишет о матери! Всего-то три строфы, но в них сказано самое главное. В детстве: «Быстро завтракать, Толик, — слышал я по утрам». Когда вырос, когда «сам себе фон-барон», непереносимое материнское беспокойство: «Что ты завтракал, Толик? — вопрошал телефон». И наконец:

*Мама... Что-то нахлынет —
И ни встать, ни присесть.
Завтрак поданный стынет,
Но не хочется есть.*

И ничего не надо объяснять. В этом стихотворении ни одного слова о любви к матери, но все стихотворение и есть любовь.

И вот, на мой взгляд, еще одно из лучших стихотворений поэта «Завершив конечный путь земной», одно из самых проникновенных, самых задушевных, в котором он представляет, как «растворившись в мирозданье», встретится вновь с любимой, у которой

*Вновь гвоздика вспыхнет в волосах
Под свеченье яблоневого дыма.*

Только там, по другую сторону дыхания, только там он осознает, прав был или не прав в своих поступках и словах, только там, наверное, многое поймет в этой жизни, где «всю земную благодать Дьяволу отдали на закланье...»

*Но дышать, как хочется дышать
По другую сторону дыхания...*

Жажда жизни и любви переполняет сердце поэта, несмотря на все потери и невзгоды.

Аврутина можно цитировать и цитировать, в его стихах нет пустословия, нет ничего лишнего, он как истинный мастер умеет отграничить, отшлифовать каждую строчку, каждое слово у него на своем месте, оно звучит, оно цветет, оно дает возможность увидеть и почувствовать гораздо больше, чем сказано. Вообще, поэт часто не договаривает, он оставляет домысливать

и дочувствовать нам самим. Это особый дар, это тайна таланта, которая не каждому дается.

*Стою у русского предела,
Где Бог не терпит суеты...*

Вы чувствуете, как это близко к Тютчеву, к Юрию Кузнецову, и все-таки это Аврутин, который так же, как они, пытается нам доказать:

*Зачем нам смутные терзанья,
Когда мы — бездна и земля?*

Но не потому ли Бог и посылает нам в душе столько терзаний, что мы — «бездна и земля». Вдумаемся в это. Мы просто не можем быть другими, потому что такими созданы. Каждое стихотворение Аврутина пронизывает нерв времени, ощущение себя сегодня и вчера, здесь и во всем. Такая поэзия обогащает душу читателя, настраивает его на более глубокую сопричастность к миру, к жизни. Его стихи достоверны и исповедальны.

Читайте поэта Анатолия Аврутина.

ВЫШЛА КНИГА

Досугов Анатолий Сергеевич

Морские пехотинцы — Герои Советского Союза. — СПб. : Родная Ладога, 2012. — 368 с.

Автор книги генерал-майор Досугов Анатолий Сергеевич. Службу проходил в Центральной группе войск, участвовал в боевых действиях в Демократической Республике Афганистан, командовал полком морской пехоты на Тихоокеанском флоте. Около пятнадцати лет прослужил в Главном оперативном управлении Генерального штаба Вооруженных Сил РФ.

В его книге собраны автобиографические данные, описание героических подвигов, а также фотографии морских пехотинцев — Героев Советского Союза, участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., которые известны на сегодняшний день. Эта книга — дань памяти подвигу Героев. Поиск морских пехотинцев — Героев Советского Союза продолжается.

Русские СУДЬБЫ

Галина КУЧИНА

ВОЙНА ЗАСТАЛА НАС ВРАСПЛОХ

*Рассказ о жизни русской
австралийки из Китая*

Галина Игнатьевна Кучина, урожденная Волегова — родилась в 1929 году в Маньчжурии, Китай. Отец — Игнатий Волегов — офицер Белой армии, пройдя всю Сибирь, включая Ледяной поход, оказался в Китае, где женился на дочери купца Антонова. Гимназию закончила в Хайларе, продолжала образование в Харбине. Активно занимается общественной деятельностью, возглавляет литературно-театральное общество им. В. Солюхина, многие годы проводит Дни Русской Культуры, организует камерные концерты. Автор книги «Минувшее разворачивает свиток» (СПб., 2007). В 1957 году вместе с семьей мужа и своими родителями переехала в Австралию в Мельбурн, где и проживает до настоящего времени.

Шел 1945-й год. Над городом собиралась гроза. Тучи сгустились и тяжелой серой глыбой давили город. Все больше и больше появлялось японских отрядов. По железной дороге перебрасывались какие-то грузы в неизвестном для нас направлении. В поездах тоже в течение уже продолжительного времени от Хайлара до Угунора и от Маньчжурии до Джелайнора под строгим надзором японской жандармерии туго затягивались окна вагонов плотной, крепкой занавеской на пружине, укрепляемой металлическим замком внизу окна. Мы даже не пытались предположить, что могло там происходить.

В одну из поездок я оказалась свидетельницей страшной сцены. Со мной в купе сидела японская девочка, одетая в школьную форму, а отец ее был в штатской одежде (я думаю, что это был ее отец). Скорее всего, автоматически или из чисто детского любопытства эта девочка приоткрыла одним пальчиком сторону занавески. Неизвестно откуда появившийся японский жандарм в ненавистной для нас форме стал дико кричать на девочку и бить ее по щекам. Я не знала японского языка и не понимала, что он говорил, вернее кричал. Он продолжал бить девочку. Слезы лились градом из глаз этого несчастного ребенка, а бедный отец, низко опустив голову, не имел права вступить за свою дочь. Что было дальше — я не помню. Ужас этой сцены меня потряс. Даже сегодня я содрогаюсь, вспоминая о ней.

И только после того, как Маньчжурия была занята советскими войсками, мы узнали, что в этих районах, от Хайлара до следующей станции, строились подземные сооружения. Под нашим маленьким городом был целый город с полным снабжением на много лет. Были госпитали, сто-

ловые, магазины и пр., и пр. Работали там несчастные кули, как в муравейнике, и по окончании работ были безжалостно, бесчеловечно убиты так называемой цивилизованной расой японцев.

Уже после войны, когда сооружения были открыты, по слухам мы узнали, что в них погибали люди. Японцы, уходя из Хайлара, делали приманки в этих подземных ходах. Оставляли труп японки, одетый в кимоно, которое само по себе привлекало внимание, или, как я слышала, на видное место под «обе» (это предмет туалета японской женщины, который опоясывает ее и завершается большим бантом на спине, обычно сделан из очень красивой материи — парчи, шелка), вкладывали кошелек, который привлекал внимание, а под ним — бомба. Таким образом погибали люди уже после войны.

Мы жили в Хайларе, но я часто ездила в Маньчжурию к бабушке. В тот период проводником поезда был наш знакомый Толя Попков. Мама сажала меня в поезд, он следил за мной, развлекал меня, как мог, в минуты отдыха от своих обязанностей, а в Маньчжурии меня уже встречали бабушка и тетя Лиза. Я очень любила гостить у бабушки, и эти поездки всегда доставляли мне много радости. Будучи ребенком, я не знала и даже не подозревала, что происходило на политической арене. О том, что люди исчезали, гибли в японских тюрьмах, и об ужасах этих тюрем мы узнали только после прихода Красной армии, когда оставшиеся в живых были выпущены на свободу. Некоторые из них, молодые и от природы наделенные крепким здоровьем, нашли себя в тех послевоенных условиях и стали вести очень плодотворную жизнь. Деятельность людей, которых я знала лично, была развернута в области коммерции, сельского хозяйства в очень крупных масштабах. Пожилые люди погибали в застенках японской тюрьмы.

В городе Маньчжурия был большой гастрономический магазин братьев Воробьевых. Два брата, оба женаты, одна пара бездетная, а вторая пара имела двух детей — дочь Галю, мою подружку, и сына Алешу. Галя была моей ровесницей, Алеша помладше. Когда я приезжала к бабушке, мы все время проводили вместе. Это была чудная семья. Братья Воробьевы были всегда заняты в магазине, а Елена Иустиновна, Галина мама, и Мария Васильевна были всегда дома, гостеприимны, добры и милы к нам. Этот дом был — полная чаша. Все, от мала до велика, находили в этой семье уют и гостеприимство, теплоту и любовь. И их постигло великое несчастье. Японцы арестовали обоих братьев. Осталась Елена Иустиновна с двумя детьми, разбитая горем в полной растерянности и безнадежности. Но Галя не теряла надежды. Помню, как она приехала в Хайлар (а было нам тогда лет по 13—14, мы ровесницы). Она решила хлопотать за отца и добиться с ним свидания. Ломилась во все двери. Но это было абсолютно невозможно. Только детский оптимизм и наивность могли породить идею переговоров с работниками японской жандармерии. Я ходила с Галей и ждала ее у ворот жандармерии в течение многих часов, и вот спустя 50 лет она в своем звуковом письме из Саратова благодарит меня за преданность, дружбу и верность. Она не забыла, что я разделяла с ней ее горе в то время, когда сама не имела покоя, волнуясь за своего папу. Ведь первый вопрос, когда я приходила из школы: «Папа дома?» Детство было омрачено постоянным страхом ареста.

Но как бы там ни было, как бы мы ни ненавидели японцев с их полным внедрением в нашу жизнь, в нашу школу, мы все равно оставались счастли-

ливыми, веселыми, шаловливыми детьми. Однако в процессе естественного развития интересы стали меняться, куклы и другие детские игры потеряли свою прелесть, нас стали интересовать мальчишки, танцы, вечеринки. В школе нам давали уроки танцев. Мы прекрасно танцевали вальс, мазурку, падекатр, цыганочку, польку, польку-бабочку и много других танцев. В школе бывали вечера, в частных домах — вечеринки, устраивались школьные спектакли, летом всегда школой ездили на пикники. В общем, жизнь была заполнена. Одни интересы сменялись другими. Мне вдруг захотелось научиться печатать на пишущей машинке, и я стала брать уроки у одного из наших преподавателей в обеденный перерыв. Пожертвовала играми и отдыхом и стала брать уроки машинописи. Почему я об этом пишу сейчас? А потому, что это сыграло определенную роль в моей жизни.

7 августа 1945 года мама и папа посадили меня на поезд и отправили на станцию Хакэ провести остаток летнего отпуска, там отдохнуть, пожить на свежем воздухе в здоровой деревенской атмосфере, тем более что тетя Лиза и дядя Дора в это время были в Хакэ тоже, а я была очень привязана к тете Лизе, и она меня любила и баловала. Перспектива была заманчивой. Мне нравилась деревенская жизнь. Купанье в реке, поездки за ягодой, встреча коров с пастбищ. Встречать коров выходили и девушки, и дети. Коровы шли прямо в свои стайки, их быстро доили, пропускали молоко на сепараторе, сливки — в крынки, обрат — в ведра для телят, и, быстро закончив эти вечерние работы, девушки и парни бежали на протоптанную лужайку на танцы. Там уже всегда был гармонист, и начиналось веселье. Танцевали на этой утоптанной лужайке и русскую, и цыганочку, и водили хороводы, и пели, и как это было приятно! День проходил в работе и в ожидании вечера. Я была только наблюдателем, потому что еще не успела познакомиться с местной молодежью, но так и не познакомилась, потому что началась война.

8 августа 1945 года дядя Дора, тетя Лиза, Аня — дочь прислуги и я собрались ехать в поле за черемухой. Выезд был готов. Насколько я помню — телега, запряженная парой лошадей, провизия на целый день и, конечно, туески для черемухи. Не успели мы сесть в телегу, как вдруг нас оглушил гром летящих самолетов. Мне показалось, что стая черных громких птиц летит по направлению к Хайлару. Именно эта ассоциация с черными, громкими, страшными птицами осталась у меня на всю жизнь. Небо как будто потемнело и наше сознание затуманилось. Не хотелось верить, что это война. Мы решили, что это японцы проводят маневры, к которым психологически мы уже привыкли. Ведь до этого времени в обязательном порядке проводились военная подготовка, тушение мнимых пожаров, строительство бомбоубежищ, затемнение окон и пр. Вот и теперь мы, немного подумав, решили, что это военная подготовка к обороне, или, как называли в то время, — военная оборона. Пораздумав и поразмыслив, мы все сели в телегу и поехали в поле.

День был прекрасный. Солнце грело и радовало, но не пекло. Ярко-зеленые, изумрудные поля расстилались перед нами, а вдаль кустарники черемухи манили нас, обещая свои щедрые плоды.

Вдруг мы увидели, что на дороге появились стройно сформированные ряды японских солдат, и казалось, что конца им нет. Они шли бесконечной полосой. Вооруженные, лица сосредоточенные, и проходили они мимо нас,

будто нас не видя. Дальше пошли грузовики, танки, и тут уж, конечно, стало понятно, что это война. Надо скорее возвращаться домой. Ведь японцы одним залпом пулемета могли уничтожить нас на месте, но, по-видимому, не было указа уничтожать мирное население при отступлении армии. Им было не до нас, и мы остались живы чудом.

Я не знаю, каким образом, без радио, без телефонов, когда приехали домой в село, нам уже сообщили, что началась война, советские войска зашли в Хайлар, японцы отступают, и первый эшелон с беженцами приходит в Хакэ. Тут весь ужас от происходящего охватил меня с полной силой. Я помню, что была разгоряченная, потому что день выдался жаркий. Разгоряченная также от волнения о своих родителях, я прибежала во двор, где стояло огромное длинное корыто, наполненное холодной водой из колодца — поило для скота. Я опустила ноги в это корыто, и ледяной холод этой воды ощущаю даже сейчас. Освежившись таким образом, я бегу на станцию встретить первый поезд с беженцами. Поезд еще не остановился, а я бегу с ним вровень — откуда сила? Я никогда не была спортсменкой, никогда не принимала участия ни в каких видах спорта, а тут бежала за поездом, не отставая от него. Поезд остановился. Выходят люди, все знакомые лица. Я мечусь по платформе. Где мама? Где папа? Их нет. Меня охватил ужас. Ведь к этому времени до нас уже донеслись взрывы бомб, пламя пожаров было видно со станции Хакэ, а моих мамы и папы нет! Вдруг я увидела о. Ростислава Гана. Это священник, которого я беспредельно уважала, и влияние он на меня имел сильное. Мое духовное становление в большой мере зависело от него, и, конечно, от воспитания в семье. Отец Ростислав, увидев мое отчаяние, сказал мне, что он видел моих родителей, он видел, что они выехали из Хайлара в безопасное место, пытался убедить меня, что они вне опасности. Но почему они не здесь? Почему они не приехали со всеми беженцами, тем более, что я здесь со всеми нашими родственниками!? Мне хотелось верить о. Ростиславу, но сомнение не покидало меня. Измученная, уставшая, я вернулась домой.

С вокзала беженцы разбрелись по поселку, рассчитывая на милость старожилов. К нам поселилось несколько человек — одна дама, старая знакомая моих родственников с двумя племянницами, двойняшками. Девочки были моего возраста. Поселился к нам молодой человек, совсем незнакомый, по его словам, отдыхавший в Хайларе, где и застала его война. Прожил он в нашей семье больше месяца, выехать в Харбин было невозможно, потому что железнодорожная связь была прервана. Года два спустя, когда жизнь вошла в нормальное русло, железнодорожная связь была восстановлена, я приехала в Харбин и в Железнодорожном собрании на балу встретилась с этим молодым человеком лицом к лицу. Он сделал вид, что меня не узнал. Впервые я столкнулась с человеческой неблагодарностью.

Жили мы все в Хакэ больше месяца, оторванные от всего окружающего мира, в полном неведении о судьбе моих родителей и оставшихся родственников в Хайларе и в Маньчжурии. В ту ночь, когда пришел первый, и как мне кажется, единственный железнодорожный состав с беженцами, население поселка решило уйти в степь, боялись оставаться у себя в домах. И я, естественно, пошла со всеми. Шли куда глядят глаза и при каждой остановке, если даже она была минутной, я бросалась в траву и моментально засыпала. Вероятно, это было полное истощение сил, эмоции исчер-

паны до предела, и только тело просит, нет, не просит, а требует отдыха. В конечном итоге, дошли до какого-то местечка, расположились под деревом и стали обсуждать, что делать дальше. Ведь сельский народ беспокоится не только о себе, но и о скоте, оставленном в стайках, о коровах, которых нужно доить в определенное время, о корме для скота. Кто-то сказал, что в поселок заходило несколько военных японцев, просили молока и сразу давали или кусок мыла, или маленькое полотенце.

Решили утром возвращаться домой. Здесь же среди нас оказались беженцы из Хайлара, среди которых был о. Ростислав с семьей и Степан Виноградов — муж моей двоюродной сестры. Личность очень колоритная, служил в японской армии в чине офицера, но, как потом выяснилось, он работал на обе стороны. Человек бесстрашный, веселый, смелый. О нем, о его работе и разведческой карьере стоило бы написать отдельную книгу.

Отец Ростислав был очень удручен тем, что в храме остались святыни, которые он не успел или не смог взять с собой. Все произошло так быстро, тучи самолетов налетели на город, пули летели во всех направлениях, мы в Хакэ — это первая станция от Хайлара — только слышали взрывы бомб, а потом начались пожары, учиненные японцами, как мы узнали позже. Японцы, уходя из домов, поджигали их, и уже к вечеру город горел. Степан Виноградов, муж моей двоюродной сестры Веры, увидев отчаяние о. Ростислава, сказал ему: «Успокойтесь, я все сделаю, что смогу». Каким образом, каким транспортом ему удалось поехать в Хайлар? По всей вероятности, он взял у кого-то коня и верхом помчался в Хайлар в храм и привез дарохранительницу и всю церковную утварь, которую священник хотел сохранить от расхищения и поругания. Я помню прекрасно, как он, вернувшись, вручил о. Ростиславу узел — покров с престола, в котором была чаша, дарохранительница и вся церковная утварь. Все были поражены таким героическим поступком.

Сколько времени мы пробыли в степи, я точно не помню, но, вернувшись домой, я окончательно потеряла покой. Я мучилась, страдала от неизвестности. Что случилось с моими родителями, живы ли они, а если живы, то где они? Ведь Хайлар горел, мы видели пожары из нашего поселка, мы слышали бомбардировку города — и ни слуха, ни одной весточки от мамы с папой. В этих муках, страданиях, догадках, в полном незнании ситуации я прожила целый месяц, и как только пошел первый поезд в Хайлар, я была уже там. Несмотря на все уговоры моих родственников, я поехала самостоятельно одна домой — а был ли у нас дом, были ли родители?

Возвратившись в Хакэ, все жители поселка вернулись к своим обязанностям. Поселок небольшой, всего две-три улицы, дома небольшие, или деревянные или глиняные и почти всегда с сильно утопанным земляным полом, застланным домоткаными дорожками. На окнах занавески, на подоконниках цветы в горшках, в кухне русская печь, полати, но не во всех домах. У Антоновых, моих дядюшек, были большие полати для рабочих, которые живут при дворе или приезжают с заимки. Вот на этих-то полатях и нашли свой приют наши беженцы — женщина со своими племянницами и молодой человек. Хозяева дома, мой крестный со своей женой, спали в маленькой комнатке, служившей спальней, дядя Дора и дядя Коля спали в другой маленькой комнатке, а я с тетей Лизой спала на полу в столовой. Вот так мы и разместились в это трудное, страшное время.

Нужно сказать, что для Антоновых Хакэ было временным местом жительства. Они жили в г. Маньчжурия, там у них было к этому времени большое хозяйство, заимка, мясные лавки. Но с приходом японцев к власти жизнь становилась все сложнее и опаснее. Люди исчезали, гибли в японских тюрьмах, торговля и всякого рода коммерческие предприятия были под полным контролем японцев, и не нужно было быть преступником или шпионом, чтобы угодить в японскую тюрьму. Стоило «доброжелательному» соседу указать на тебя — и твоя судьба решена. Вот это привело к решению перевезти скот и уехать самим на какое-то время подальше от пограничного города, и местом заимки выбрали станцию Хакэ, ближайшую станцию от Хайлара.

В Хакэ при каждом домике дворы были большими. Стайки для скота, амбары, летняя кухня, где стоял сепаратор, кладовые для хранения сельскохозяйственных инструментов и хорошо мне знакомый чулан, где хранились запасы муки, сахара и пр. И это «прочее» меня влекло в этот чулан. Там могли быть сухие ягоды или свежие ягоды, засыпанные сахаром и приготовленные к варке варенья, или сухое печенье. Он обычно был на замке, но когда Семеновна — прислуга, которая, кстати, великолепно готовила, шла туда за продуктами, то я не упускала случая помочь ей и одновременно полакомиться или сухими ягодами, или печеньем.

И вот, вернувшись с поля, все окунулись в свои обязанности, но по окончании хозяйственных работ собирали сведения друг от друга, обсуждали создавшуюся обстановку, и никто точно не знал, что происходит в данный момент, пока не вошли первые советские войска в поселок. Это было событие! Как сейчас помню солнечный августовский день. Без телефонов, которых, кстати, в поселке не было, без радио новости распространялись с быстротой молнии и иногда в искаженном виде, однако новости моментально узнавались народом, и реакция была соответствующая. Так случилось и у нас. Я, услышав о том, что идут войска, побежала встречать победоносную армию. Входили солдаты колоннами мирно, спокойно, мы толпой окружали их, радовались, и какой же я испытывала восторг, услышав русскую речь! Несмотря на то, что мы учились в русских школах и говорили только на русском языке, и, казалось бы, не ощущали недостатка или отсутствия русской культуры или русской речи, тем не менее, услышав русские песни, русскую речь в таком массовом проявлении, я была потрясена. Я прибежала домой и, буквально захлебываясь от восторга, кричала: «Говорят по-русски! По-русски поют!» Конечно, это реакция очень молодой, восторженной, экзальтированной девушки, какой была я. Но и в зрелом возрасте я была способна испытывать приятное чувство, находясь в русскоговорящей среде во время своего первого путешествия по России. Это был 1974 год. Очень приятно было слушать гидов, экскурсоводов, среди которых встречались люди высокой культуры, но мне всегда было как-то не по себе, когда я оказывалась в ситуации, где невольно была свидетельницей чьей-то беседы. Обычно это бывало в театре, в антракте — стоя в очереди за кофе с пирожным или за бокалом шампанского с бутербродом, слышать разговор двух подружек или мамы с дочкой. Молодые пары обычно не разговаривали в таких случаях. Они просто глядели друг на друга влюбленными глазами. Так вот, в подобных ситуациях я чувствовала, что я подслушиваю чужой разговор.

Должна сказать, что по возвращении из России я сама в течение продолжительного времени наслаждалась тем, что говорила только на русском языке, не засоряя его иностранными словами и не коверкая русские слова на английский лад. И как же грустно слышать сейчас иностранные слова, без всякой надобности употребляемые в русском языке — в коммерческих кругах, в технике, в политике. При таком богатстве русского языка можно свободно обойтись без иностранных слов.

И вот, вернувшись к прежней теме, то есть встрече армии, нужно сказать, что жизнь в поселке закипела. Все ходили по дворам, чтобы что-то услышать, что-то узнать. Я помню, как я подошла к офицеру-связисту, который получал сведения по радио, установленному в палатке, и он мне сказал, что Советская армия заняла все города Маньчжурии. Как-то не уместилось в детском сознании понятие о том, что мы свободны от японцев, русские войска заняли Маньчжурию. В моем представлении это были русские, а не советские войска. Это понятие жило в сердцах многих молодых людей. Ведь о преступлениях и зверствах советского периода мы не знали, и искра патриотизма и любви к русской культуре и всему русскому превратилась в пламя любви к России.

Как я уже писала, война застала меня на второй день моего приезда в Хакэ. Родители отправили меня в деревню отдохнуть, подышать свежим воздухом, использовать прелести деревенской жизни. Ехала я к своим близким. В это время там были крестный с женой Лидой, дядя Дора и тетя Лиза. Война застала нас врасплох. О том, что надвигается что-то страшное, мы подозревали, тяжелая атмосфера сгущалась над городом. Иногда мы видели, что целые эшелоны японцев отправляются в неизвестном для нас направлении. Вдруг стали появляться в общественных местах так называемые секреты, то есть молодые мужчины, одежда которых явно выдает их принадлежность к Советскому Союзу. Естественно, что эти жертвы моментально исчезали, и дальнейшая судьба их нам неизвестна. По всей вероятности, погибали в японских застенках, но зачем засылали их на верную гибель — остается загадкой. По-видимому, хотели дестабилизировать японское командование. Как потом выяснилось, советская разведка знала о нас всех, от мала до велика, абсолютно все. Даже я, 15-летняя девочка, услышала от одного офицера уже после войны, что он читал мой дневник, в котором я писала стихи патриотического характера. В этом, конечно, усматривается воспитание и политическое направление семьи. Мой папа был белым офицером и боролся с большевиками до самого трагического для Белой армии конца. В конце своих воспоминаний он пишет: «22 декабря 1922 года было для нас днем глубокой грусти. Этот день не забудет ни один человек из участников Дальневосточной Белой армии, да и его забыть нельзя тому, кто хотя немного любит свою родину. В этот день только тот не показал своих слез, кто стыдился их и боялся показать свою слабость другим, а эта выдержка ложилась невыносимо тяжелым камнем на сердце, отчего у многих произошел шок, оцепенение, что выражалось в молчании...»

И я, естественно, с упоением читала стихи Марианны Колосовой, да и сама писала, как каждая молодая девушка в какой-то период своей жизни пытается писать стихи. И вот что-то из моих записок попало в руки разведки, и остается только благодарить Бога, что за мои полудетские сочинения не пострадал мой папа. Ведь увозили в те страшные времена и фашистов, и

людей, которых подозревали в антисоветских настроениях, в сотрудничестве с японцами.

Жизнь в Китае до прихода Красной армии была очень сложной. С приходом японцев, когда они оккупировали Маньчжурию, жили в полном и постоянном страхе. Радость от сознания того, что мы освобождены от ига японцев, омрачалась чувством тревоги и отчаяния из-за неизвестности о судьбе моих родителей. Где они? Почему нет никаких сведений? Почему их никто не видел? А дело, как стало известно позже, сложилось так. Папин компаньон по заводу, магазину и хозяйству, которое состояло из нескольких коров, лошадей и верблюдов, решил, что они все вместе должны уйти в поле, где многие нашли временное убежище от бомбардировок и пожаров. Мама с папой, обсудив ситуацию, решили, что это неплохой вариант, я нахожусь, как им казалось, в безопасности со своими родственниками, а они при первой возможности оставят семью Рябковых, а сами двинутся на подводе по направлению к Хакэ. Но осуществить этот план им не удалось. Лошадей забрали, и им пришлось вернуться обратно в Хайлар, когда прекратились пожары и смолкли взрывы огнестрельных орудий. Две семьи оказались связанными, пришлось делить одну повозку и одну лошадь.

В Хакэ постепенно прошли первые восторги, радость встречи русских военных. Но в то время до моего сознания еще не доходило, что это та самая Советская Красная армия, против которой воевал мой папа и все Белое движение, а не русская.

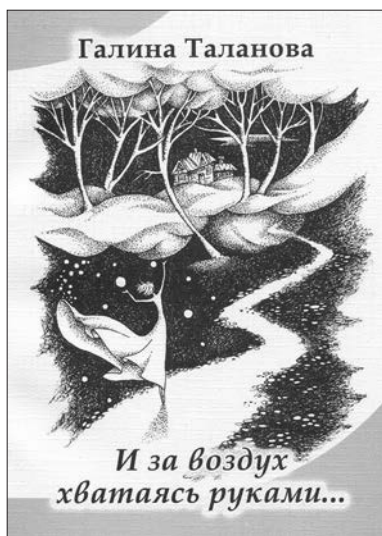
ВЫШАА КНИГА

Галина Таланова

И за воздух хватаясь руками... Стихотворения. — Н. Новгород: Издательство «Вертикаль. XXI век», 2011. — 176 с.

Галина Таланова — автор книг стихов «Годовые кольца» (1996), «Ожидание чуда» (2001), «Подобие дома» (2006), «Жизнь щедра» (2007), «Душа любви открыта» (2009) и прозы «Голубой океан» (2010).

Строчки поэтической книги Галины Талановой «И за воздух хватаясь руками...» выстраданы и выдохнуты на студёном ветру нашей жизни, суетной и утекающей, как песок между пальцев. Книга целиком состоит из новых стихов, в которых по-прежнему в центре стоит одинокий человек со своей болью, невосполнимыми потерями и пронзительной тоской среди разгулявшейся непогоды.

Тени РОССИИ

Нина СЕВЕРИКОВА
**«ЖИЗНЬ
ПРЕДЛАГАЛА
ВЫБОР: СОЛОВКИ
ИЛИ ПАРИЖ...»**

*К 130-летию
Павла Александровича
Флоренского*

Нина Михайловна Северикова — родилась в Ленинградской области. Окончив Вытегорское педучилище, одной из первых в СССР организовала в школе «группу продленного дня». В 1951 г. окончила в Вологде литфак, в 1967 г. — философский факультет Московского вечернего университета. Преподавала в Политехникуме. Руководила при Минвузе СССР методобъединением преподавателей Москвы и Московской обл. С 1973 г. — в МГУ имени М. В. Ломоносова. Канд. философ. наук, сотрудник кафедры истории русской философии. Автор более 370 работ. Среди 11 наград — Золотая медаль за исследование по эстетике. **Живет в Москве.**

Имя Павла Александровича Флоренского (1882—1937) теперь широко известно в научном мире, а в будущем, когда осуществится замысел ученого об издании всех 19 томов произведений, написанных им, может возникнуть целое направление в науке, связанное с его именем.

Личность Флоренского была столь универсальна, энциклопедичность его познаний столь удивительна, что современники называли его новым Леонардо да Винчи. Это был человек великих дарований: его 225 запатентованных открытий в области математики, физики, химии, электродинамики, эстетики, а также его литературные произведения, статьи по музейному делу и искусствоведению до сих пор вызывают удивление и даже спустя полвека воспринимаются как нечто необычное.

Необычным было и само время, которое называют сегодня серебряным веком русской культуры. Духовное обновление общества на рубеже XIX—XX веков вызвало необыкновенный расцвет в различных областях культуры, важнейшей частью которой стала русская оригинальная религиозная философия, утверждавшая примат духовности, поиски путей своеобразного соединения материального и духовного.

В плеяде русских религиозных философов, имена которых долгие десятилетия были под запретом, особое место занимает мыслитель тонкого анализа П. А. Флоренский, стоявший у истоков этого бурного, переломного времени. С. Н. Булгаков отмечает черты высокой духовности в облике своего близкого друга: «Он был для меня не только явлением гениальности, но и произведением искусства: так был гармоничен и прекрасен его образ; черты внешности мыслителя — благодатная тишина и просветленность — удиви-

тельно точно запечатлены на известном нестеровском портрете «Философы»... Духовно виделся древний эллин...»¹.

Небольшой экскурс в прошлое позволяет установить, откуда у мальчика, жившего в глубокой провинции, проявились черты высокой духовности. Родословие П. А. Флоренского сложилось из четырех сильных ветвей-родов: Флоренских, Соловьевых, Ивановых, Сапаровых. Часть рода Флоренских принадлежала к духовному сословию, часть — к научной области, где Флоренские всегда выступали новаторами, начинателями целых течений и направлений... Интересы Флоренских были разносторонни — история, археология, естествознание, живопись, музыка, литература.

Мать Павла Флоренского Ольга Павловна Сапарова (Саламия Сапарьян) происходила из древнего армянского рода маликов и росла в доме, где восточные обычаи сочетались с европейской роскошью благодаря сношениям семьи с Персией, Индией, Францией. Но, став женой русского инженера путей сообщения Александра Ивановича Флоренского, она обрекла себя на кочевую жизнь, и ко времени рождения первенца — Павла — молодая семья ютилась в товарном вагоне около будущей станции Евлах Елисаветпольской губернии (ныне Азербайджан).

Семья Флоренских и после переезда в Тифлис (1882) продолжает жить уединенной жизнью. Мир семьи, пронизанный теплотой и порядочностью, располагал взрослых и детей к занятиям серьезными науками и искусством. Будущий ученый воспитывался в атмосфере Бетховена и Гете; «музыку любил неистово»; романс Глинки на стихи Пушкина «Я помню чудное мгновенье» считал воплощением изящества — «уплотненным фокусом культуры..., замкнувшим целый век расцвета русского искусства»². Флоренский страстно любил природу: его волновала сдержанная мощь природных форм. Отсюда и пошел тот восторг и интерес к бытию «до самозабвения», который был характерен для Флоренского всю его жизнь.

От тифлисской гимназии, где он учился с 1893 по 1899 год, по его словам, ничего не ждал; все, что приобрел в интеллектуальном отношении,

*Философы
(П. А. Флоренский и С. Н. Булгаков, 1917).
Художник М. Нестеров*

¹ Священник Павел Флоренский. Собр. соч. Статьи по искусству / под ред. Н. Струве. Париж, 1985. Т. 1. С. 7.

² Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1972. С. 413.

получил, главным образом, благодаря общению с отцом и усиленной самостоятельной работе. Постоянными спутниками его жизни были серьезные научные труды по физике, химии, геологии, астрономии и энциклопедические словари на всех языках. Страсть к знанию поглощала все его внимание и время, к 15 годам его научное мировоззрение «сложилось и окрепло в непоколебимую систему»¹. Но в конце гимназического курса, законченного с золотой медалью, 17-летний юноша, убедившись в ограниченности физического знания, переживает духовный кризис. Два равносильных убеждения раздирали его душу: «истина недоступна» и «невозможно жить без истины». С чувством того, что истина есть, но путей к ней он пока не знает, Флоренский начал новый период своей жизни, когда в 1900 году стал студентом физико-математического факультета Московского университета.

С тех пор начинается стремительный рост и расширение его научных знаний. Одной из самых близких Флоренскому идей была идея прерывности. Помимо занятий математикой, он посещает лекции на историко-филологическом факультете, самостоятельно изучает историю искусств. Окончив университет с дипломом I степени, Флоренский отклонил предложение Н. Е. Жуковского остаться на кафедре математики и в том же 1904-м поступил в Московскую Духовную академию.

Что же побудило молодого ученого так резко и неожиданно для родных изменить свой жизненный путь? Действительно, рос он в обстановке индифферентного отношения к религии и был поглощен серьезными научными опытами, а уроки Закона Божия у него вызывали насмешку и даже вражду, однако в глубине души он чувствовал, что есть особая, таинственная область жизни, — и вдруг со всею страстью потянулся к ней. Кризис научного мировоззрения завершился обретением веры в Бога как абсолютную и целостную Истину, на которой должна строиться вся жизнь.

Мысль о познании духовности во всех ее ипостасях вынашивалась им долгие годы — даже в то время, когда он усиленно занимался математикой и физикой. Именно эти науки и привели молодого ученого к признанию формальной возможности теоретических основ общечеловеческого религиозного мирозерцания. Изучая философию и историю, он убеждается: нет множества религий, «а есть одна религия, которая принадлежит всему человечеству, но лишь меняет “свой вид”». Главное в бесчисленных формах религии — “человечность” — единственный лозунг, который может быть общим всем людям, который дает правильное разумение нравственным заповедям и ... не ведет к ожесточению и нетерпимости. Вот что должно быть воспитываемо в людях»², — писал богослов. Одну из ближайших целей практической деятельности Флоренский сформулировал так: «Произвести *синтез церковности и светской науки*, воспринять все положительные учения Церкви и научно-философское мировоззрение вместе с искусством...»³.

Однако Московская Духовная академия во многом не удовлетворяла Флоренского, и он упорно продолжает самостоятельные занятия символической логикой, историей философии, археологией, изучает еврейский

¹ Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генеалогические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1972. С. 190.

² Там же. С. 123.

³ Цит. по: Андроник, игумен (А. С. Трубачев). Жизнь и судьба. В кн.: Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 8.

язык; организует философский кружок, где читает доклады. За проповедь «Вопль крови», произнесенную в марте 1906-го против смертного приговора П. П. Шмидту, он был заключен в таганскую тюрьму. Далее трагические события следуют одно за другим: умер отец, так много сделавший для всестороннего развития своего сына; скончался духовник Павла — иеромонах Исидор, «печальник за мир, соль земли»; погиб самый близкий друг Флоренского С. С. Троицкий. Сам Флоренский находился в состоянии «тихого бунта». Его «Воспоминания» открывают возможность подойти к пониманию той эпохи: «В том, что случилось со мною, был пережит разрыв мировой истории. Мне вдруг стало ясно, что “время вышло из пазов своих” и что ... кончилось нечто весьма важное не только для меня, но и для истории. Это было ощущение и смертельной тоски, и жгучей боли, и невыносимого сознания, что разрушается то, что строилось величайшими усилиями...»¹. И все же переходность исторического времени Флоренский ощущает как неизбежную смену типов мировоззрений, «начало освобождения» и всеобщего «воскресения» к новой жизни.

В период учебы в Духовной академии его не перестает волновать вопрос о «законности» занятий наукой и философией, который он решает, пройдя через собственный духовный опыт: «Философия каждого народа, до глубочайшей своей сущности, есть раскрытие веры народа... Если возможна русская философия, то только — как философия православная, как философия веры православной»². Эту мысль Флоренский развивает и позже — в лекционных курсах и выступлениях. По его мнению, «философия высока и ценна не сама в себе, а как указующий перст на Христа и для жизни во Христе»³.

Значительным событием в жизни Флоренского стало блестящее окончание в 1908 году Московской Духовной академии. Его кандидатское сочинение «О религиозной Истине» легло в основу магистерской диссертации (1912) и книги «Столп и утверждение истины» (1914). Главная мысль этого огромного труда выражена предельно лаконично: «Живой религиозный опыт как единственный законный способ познания догматов»⁴. Магистерский диспут и выход книги вызвали громадный интерес и обширную полемику не только в духовных кругах, но и среди общественности. Мнения высказывались самые различные: это не было удивительно в годы идейного размежевания интеллигенции. Е. Н. Трубецкой в докладе «Свет Фаворский и приобретение ума», посвященном анализу «Столпа...», назвал книгу выдающимся явлением в новейшей русской богословской литературе: «Давно я не помню, чтобы какая-либо книга мне доставляла такую большую *из глубины сердца* идущую радость... Это яркое и красноречивое свидетельство того, что не иссякла в нас жизнь духовная и что под покрывалом мертвечи-

¹ Священник Павел Флоренский. Детям моим. Воспоминания прошлых лет. Генезисологические исследования. Из Соловецких писем. Завещание. М., 1972. С. 196–197.

² Приветственная речь на юбилейном чествовании А. И. Введенского // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 191.

³ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 142.

⁴ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 33.

ны, окутавшим нашу Церковь, таится живая сила»¹. Главным недостатком книги Трубецкой считает антиномизм, с чем не мог согласиться Н. А. Бердяев, которому как раз импонировала идея антиномии как отражения противоречий действительности. Но при этом в статье «Стилизованное православие» Бердяев, не стесняясь, пишет о «Столпе...» как об «удушливой книге», при чтении которой «хочется вырваться на свежий воздух, в ширь, на свободу, к творчеству свободного духа человеческого»².

Бердяеву решительно возражает В. А. Кожевников, сотрудник «Богословского вестника»: высказывания Бердяева о «Столпе...» он счел «жалкой, захлебывающейся бессильною досадою (чтобы не сказать — злобою) инвективой», а «Столп...», напротив, назвал «спокойно-величавой горной вершиной русского православия»³.

Наиболее справедливую характеристику «Столпу...» дал ректор Московской Духовной академии епископ Феодор. По его мнению, «Столп...» занял исключительное место не только в русской, но и в западной философско-богословской литературе: «Сделана полная апология христианской веры как единственной истины»; раскрыта необходимость христианства для человека, уясняется «высший смысл жизни и бытия мира»; это книга «высоко научная; трудно сказать, в какой области научного знания автор не проявил себя специалистом». Отмечая энциклопедичность знаний Флоренского, епископ Феодор подчеркивает его преимущество в том, что он «везде остается свободным от подавляющего влияния этого научного багажа. Он везде творец и хозяин»⁴.

Созвучна этому отзыву краткая дневниковая запись о книге «Столп...» В. И. Вернадского: «Я страшно ценю самостоятельное творчество... Чувствуется сильная и оригинальная личность»⁵.

Чрезвычайно интересна оценка книги самим Флоренским: «Тут делается попытка применить ряд математических понятий и операций, даже не называя их, применить ... к общим вопросам миропонимания, к проблемам духовной жизни, использовать в целях философских самый дух математики. В книге делается первое, для русской, по крайней мере, литературы применение к философии алгоритма символической логики»⁶.

«Столп...» можно назвать своеобразной энциклопедией человеческого знания в самых различных областях науки и жизни. О колоссальной работе автора над книгой свидетельствует наличие в ней более 1000 примечаний, обширнейший список литературы и источников, многие из которых — на иностранных языках. Полное название книги — «Столп и утверждение Истины. Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах священника Павла Флоренского» — сразу определяет цель этого оригинального философского произведения. Термин «теодицея» (от греч. «Бог» и «справедливость») со времени введения его в 1710 году Лейбницем переводится как «оправдание

¹ Переписка князя Евгения Николаевича Трубецкого и священника Павла Флоренского // Вопросы философии. М., 1989. № 12. С. 3.

² Памятные даты. М., 1989. С. 58.

³ Переписка П. А. Флоренского и В. А. Кожевникова // Вопросы философии. М., 1991. № 6. С. 120.

⁴ Цит. по: Андроник, игумен (А. С. Трубецков). Жизнь и судьба. В кн.: Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 13–14.

⁵ Новый мир. М., 1989. № 2. С. 194.

⁶ Памятные даты. М., 1989. С. 60.

Бога» и обозначает религиозно-философское учение, стремящееся согласовать идею благого и разумного Божественного управления мира с наличием мирового зла. Сам Флоренский переводит теодицею не только как «оправдание Бога», но и как «восхождение человека к Богу», чему, собственно, и посвящен «Столп...». Однако такая трактовка термина совершенно игнорировалась толкователями «Столпа...» в силу того, что долгое время обходили молчанием имя и многие сочинения Флоренского.

Основная проблематика книги носит преимущественно *гносеологический* характер. Флоренский определяет сущность религии как спасение внутреннего мира человека от таящегося в нем хаоса. Религия, «водворяя мир в душе, умиротворяет и целое общество, и всю природу». *Онтологически* религия, по утверждению Флоренского, «есть жизнь нас в Боге и Бога в нас». *Феноменологически* — это «система таких действий и переживаний, которые обеспечивают душе *спасение*... равновесие душевной жизни»¹.

Но гносеология Флоренского — это не комплекс взглядов на познание, а сочетание путей для активного богопознания, без которого не может осуществиться ни вхождение в Церковь, ни познание истины. В акте богопознания человек преодолевает присущую ему двойственность: «Когда физик или биолог, или химик, даже психолог, философ и богослов читают с кафедры одно, пишут в научных докладах другое, а дома, в своей семье, с друзьями, чувствуют, вступая в противоречие с существующими предпосылками своей собственной мысли, то не значит ли это, что личность каждого из них разделилась на несколько исключających друг друга?»². Следствием двойственной природы человека является антиномичность разума: он «раздроблен и расколот»³, способствовать же преодолению его антиномичности может только гармонизация человеческого и божественного. Однако противоречие существует как факт бытия: противоречиво бытие — противоречиво и мышление; у Флоренского антиномия — неустранимая данность, поэтому Истина так же антиномична, как и разум. «Я не знаю, есть ли Истина или нет ее. Но я всем нутром ощущаю, что *не могу* без нее. И я знаю, что *если она есть*, то она — все для меня: и разум, и добро, и сила, и жизнь, и счастье»⁴. Он уверен: вся Истина доступна только Богу, но дело в том, что она как субъект активна и может, погружаясь в человеческое пространство и время, обрести признаки личного и общественного.

При стремлении Флоренского отразить в своем учении живой религиозный опыт он выделяет два периода: период теодицеи — «восхождения человека к Богу» и период антроподицеи — «нисхождения Бога к человеку». Эти два пути *«совмещаются»* в религиозной жизни и лишь *методологически* могут быть рассматриваемы до известной степени порознь»⁵. Анализу

¹ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 142.

² Флоренский П. А. Ближе к жизни мира // Советская культура. 1983, 3 ноября.

³ Флоренский П. А. Столп и утверждение истины. Опыт православной теодицеи. М., 2003. С. 146.

⁴ Там же. С. 80.

⁵ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 134.

второго пути посвящена книга «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики). Часть 1», которая построенную теодицею дополняет антроподицей — учением о мире и человеке в их причастности к Богу. Сакральную (культовую, литургическую) деятельность Флоренский считает первичной, освящающей хозяйство, художественное творчество и мировоззрение — науку и философию. По его мнению, сакральная деятельность — это «символизирующая деятельность духа»¹. Символизм, как характерная черта и теодицеи, и антроподицеи, является «не только методом и творческой формой, но и объектом исследования». Флоренский считает символы органами нашего общения с реальностью, причем каждый из символов соприкасается с соответствующей ветвью науки — лингвистикой, филологией, физикой, искусствоведением, семиотикой, философией, а все вместе образуют единую парадигму учения о мире и человеке.

Стремление к единству веры и знания, науки и жизни и постижению Истины делает неразделимым творчество Флоренского — религиозного мыслителя, священника и ученого. Юношеский замысел синтеза науки и церковности — «в разных сферах ее и на разных глубинах»² нашел свое отражение и в журнале «Богословский вестник», редактором которого Флоренский был в 1912–1917 годах, а в 1927 году его назначают редактором уже научного издания — «Технической энциклопедии», для которой он написал около 150 статей на научные темы.

Уникальность работ Флоренского в том, что он стремился синтезировать в единое целое знания самых различных областей. Свою жизненную задачу он понимает «как проложение путей к будущему цельному мировоззрению»³. По мнению академика Лихачева, «для него не существовало дробления единого знания на привычные нам разделы»⁴. Религия для Флоренского — это важнейший составной элемент человеческой культуры, и даже в 1923 году, когда основным занятием его стала научная деятельность, он публикует «Записку о христианстве и культуре», в которой разрабатывает программу преобразования науки и культуры на религиозных началах: по мысли ученого-богослова, и наука, и культура, и религия, выполняя свои функции, «живут согласно, нуждаясь друг в друге и служа единому организму»⁵. Разработка вопроса о соединении религиозных убеждений и научной материальной деятельности приводит Флоренского к открытиям в разных областях наук.

¹ Священник Павел Флоренский. У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики) // Соч.: В 4 т. М.: Мысль, 2000. Часть первая. Т. 3 (1). С. 427.

См. также: Северикова Н. М. П. А. Флоренский о взаимосвязи понятий религия, искусство, личность. К выходу в свет первого полного издания книги «У водоразделов мысли» (Черты конкретной метафизики). *Статья первая*. Философские науки. 2004. № 12; *еже*. П. А. Флоренский о единстве мира и человека. К выходу в свет первого полного издания книги «У водоразделов мысли (Черты конкретной метафизики)». *Статья вторая*. Философские науки. 2005. № 1.

² Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 139.

³ Там же. С. 38.

⁴ Лихачев Д. С. Павел Александрович Флоренский // Философия, история, техника. Л., 1989. С. 3.

⁵ Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2. С. 547.

Раздвинув горизонты науки, он на десятилетия заглянул вперед. Так, в книге «Мнимости в геометрии» (М., 1922) математически предвосхитил то, что в физике наших дней получило название «антимира»; в статье «Физика на службе математики» обсуждает проблему, решение которой привело к созданию аналого-вычислительной машины. И это не единственное проявление его необыкновенного таланта.

Оценивая вклад Флоренского в изучение Платона, один из лучших знатоков античной культуры А. Ф. Лосев писал, что он «дал концепцию платонизма, по глубине и тонкости превосходящую все, что когда-нибудь я читал о Платоне»¹.

Флоренский часто говорил о надвигающемся крушении привычных устоев жизни, и революция не была для него неожиданностью. Он живо откликнулся на призыв принять участие в культурном и научно-техническом строительстве в стране. Чувство единения с Россией, с ее народом было столь велико, что он, естественно, не мог покинуть Родину, хотя за границей его ожидала блестящая научная будущность и мировая слава ученого. «Жизнь ему как бы предлагала выбор, — пишет С. Н. Булгаков, — между Соловками и Парижем, но он избрал родину, хотя то были и Соловки».

Флоренский был первым, кто, служа Церкви, одновременно стал работать в советских учреждениях. В 1918 году его пригласили в комиссию по охране памятников искусства и старины Троице-Сергиевой Лавры. Так был создан всемирно известный Государственный историко-художественный и архитектурный музей-заповедник. В 1921 году Флоренский избран профессором ВХУТЕМАСа, где читает курс «Анализ пространственности в художественно-изобразительных произведениях», разработанный на данных математики, физики, психологии и эстетики. Замечательным открытием его было обоснование правомерности «обратной перспективы», на которой построена древнерусская живопись: но это не промах, а «мужество гения, опрокидывавшего своим чутьем самые рациональные теории».

Активный характер принимает научно-техническая деятельность ученого. В 1920 году работает на заводе «Карболит» по изготовлению пластмассы из отечественного сырья. В 1921 году переходит на исследовательскую работу в Главэлектро ВСНХ, участвует в VIII электротехническом съезде, где обсуждался план ГОЭЛРО. С 1924 году — он член Центрального электротехнического Совета Главэлектро, начинает работать в Московском объединенном комитете электротехнических норм и правил, создает первую в СССР лабораторию испытаний материалов, где готовит целую плеяду талантливых работников. В книге «Диэлектрики и их техническое применение» (1924) со 100 рисунками, чертежами и диаграммами, выполненными им собственноручно, Флоренский систематизировал новейшие теории, касающиеся изоляционных материалов, и предсказал ряд направлений научного поиска. В 1931 году его избирают в президиум бюро по электроизолирующим материалам Всесоюзного энергетического комитета; в 1932 году включают в комиссию по стандартизации научно-технических обозначений терминов и символов при Совете труда и обороны СССР. Как видно из перечня тех учреждений, где довелось работать П. А. Флоренскому, он всегда

¹ Лосев А. Ф. Очерки античного символизма в мифологии. М., 1930. С. 680.

приглашался на работу как специалист высокого класса, и тем более нежданной была высылка его в Нижний Новгород.

Но начало травле было положено еще в 1919 году, когда деятельность комиссии по охране Лавры представили как контрреволюционную попытку создания «православного Ватикана». Затем ему инкриминировали создание во ВХУТЕМАСе «идеалистической коалиции» с В. А. Фаворским. Жестоким, мягко выражаясь, «критике» подвергли Флоренского за истолкование им теории относительности в работе «Мнимости в геометрии» и за статью «Физика на службе математики», в которой дано описание электроинтегратора — прототипа современных вычислительных машин.

Из нижегородской ссылки Флоренский был возвращен благодаря ходатайству Е. П. Пешковой, но обстановка в Москве была такой, что Флоренский говорил: «Был в ссылке, вернулся на каторгу». А 20 июля 1933 году он осужден особой тройкой на 10 лет и отправлен по этапу в восточносибирский лагерь ... «Свободный»; через год — в Соловецкий лагерь особого назначения, где занимался проблемой добычи йода и агар-агара из морских водорослей и сделал более 10 запатентованных научных открытий и изобретений. 25 ноября 1937 году Флоренский был вторично осужден «без права переписки» — это нынче прочитывается однозначно... Дело в отношении П. А. Флоренского прекращено производством за отсутствием в его действиях состава преступления 6 мая 1959 года.

Научная реабилитация его началась с конца 60-х годов. Теперь с его именем связывают синтез гуманитарных и технических наук, что необходимо для утверждения нравственных ориентиров в их развитии. Культура мысли, целостность и глубина научной позиции, деятельность в ее неразрывной связи с окружающим миром — именно эти уроки преподает нам сегодня Флоренский через свое наследие.

Флоренский предупреждал о губительности бездуховного пути культуры. Но в то время, когда он писал об этом, казалось невероятным, что уже XX век приведет культуру (да и все человечество) к возможности самоуничтожения.

Мысли Флоренского, провозглашавшего борьбу против всяческой расовой, национальной, индивидуальной обособленности и разобщенности использует и современная богословская наука. Теологи высказывают мнение, что Флоренский обогатил богословие лучшими достижениями философии, привнеся в теологию диалектический метод. Сам же Флоренский, отмечая в диалектическом методе развитие «многих, сплетающихся друг с другом и переходящих друг в друга»¹ тем, образующих «единое целое», в богословии отводил диалектике роль «пульса» к богообщению, считая ее процессом мысли — «мысли в ее движении».

Современников поражала не только глубина научных воззрений Флоренского, но и его благоговейное отношение к священству. Получение священства имело жизнеопределяющее значение: он считал это «даром благодати». По мнению С. Н. Булгакова, его исключительная научная одаренность являлась чем-то «второстепенным и несущественным», а самым главным в

¹ Разум и диалектика. Вступительное слово перед защитой на степень магистра книги «О духовной истине», Москва, 1912 г., сказанное 19-го мая 1914 года // Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 2 М.: Мысль, 1996. С. 142.

жизни, «духовным центром его личности ... было его священство»¹. Священство стало переломом в жизни Флоренского. Хотя к советской власти он относился «как к единственной реальной силе, могущей провести улучшение положения массы»², но за священство в то время заплатил своей жизнью. В письме родным из Соловецкого лагеря от 13 февраля 1937 года Флоренский с горечью писал о Пушкине: «Свет устроен так, что давать миру можно не иначе, как расплачиваясь за это страданиями и гонениями. Чем бескорыстнее дар, тем жестче гонения и тем суровее страдания. Таков закон жизни»³. Действию этого закона через 100 лет подвергся и автор выказанных слов.

Могут ли те, кто вступил в третье тысячелетие, изменить этот закон в русле Человечности, Братства, Справедливости — как мечтал о том Павел Александрович Флоренский?

¹ Булгаков Сергей, протоиерей. Священник о. Павел Флоренский // См.: Примеч. 1. С. 11.

² Цит. по: Андроник, игумен (А. С. Трубацев). Жизнь и судьба. В кн.: Священник Павел Флоренский. Соч.: В 4 т. Т. 1. М.: Мысль, 1994. С. 30.

³ Из писем П. А. Флоренского семье об А. С. Пушкине и литературе // Вопросы литературы. 1988. № 1. С. 158.

ВЫШАА КНИГА

Казинцев А. И.

Возвращение масс. Дневник современника. М.: Наш современник, 2010. — 688 с.

«Возвращение масс» — это политическая хроника наших дней, эпохи на переломе тысячелетий. Книга основана на документах — высказываниях лидеров государств, свидетельствах очевидцев, данных статистики. В центре внимания — нарастающая протестная активность масс, возвращающихся на сцену истории. Опираясь на малоизвестные в нашей стране материалы, автор дает широкую картину народного сопротивления экспансии глобализма, прежде всего в исламском мире и на «пылающем континенте», как нередко именуют Латинскую Америку. Рассмотрен и опыт гражданской активности в странах Запада. Особый интерес представляют главы, посвященные России. В них намечены точки кристаллизации подлинного гражданского общества, которому в перспективе предстоит взять на себя ответственность за судьбу страны.

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ МАСС

**Владимир
БОНДАРЕНКО**

«ЖЕЛЕЗНЫЙ СТИХ, ОБЛИТЫЙ ГОРЕЧЬЮ И ЗЛОСТЬЮ!..»

Владимир Григорьевич Бондаренко — родился в 1946 г. в Петрозаводске. Окончил Государственный лесотехнический институт в Ленинграде, затем — Литературный институт им. А. М. Горького в Москве. После его окончания работал заведующим литературным отделом в Малом театре, во МХАТе им. М. Горького у режиссера Татьяны Дорониной. Заместитель главного редактора еженедельной газеты «Завтра». Главный редактор газеты «День литературы». Секретарь СП России. **Живет в Москве.**

Из северного Новгорода в Петербург, в лейб-гвардии Гусарский полк 14 мая 1838 года возвращался уже не опальный офицер, а преемник пушкинской славы, признанный всеми русский поэт. Как писал брат декабриста, известный историк и поэт Андрей Муравьев: «...Ссылка его наделала много шума, на него смотрели как на жертву, и это быстро возвысило его поэтическую славу. С жадностью читали его стихи с Кавказа, который послужил для него источником вдохновения. Юные воители, возвращавшиеся с Кавказа, были принимаемы как герои... Песни и поэмы Лермонтова гремели повсюду...».

Да и сам второй петербургский период оказался для него чрезвычайно плодотворным. Именно в эти годы, до второй кавказской ссылки, Михаил Лермонтов написал почти все самые главные свои произведения: пьесу «Маскарад», поэму «Мцыри», работал над своим «Демоном», самое главное, написал свой великий роман «Герой нашего времени». Он стал самым желанным автором ведущих литературных журналов, прежде всего «Отечественных записок». Это не считая сотен лирических стихов и посвящений. Среди них такие шедевры как «Казачья колыбельная песня», «Дума», «Поэт», «Молитва», «Дары Терека», «Памяти А. И. Одоевского», «1 января», «И скучно, и грустно...», «Есть речи — значение...», «Тучи».

Закончился второй петербургский период выходом романа «Герой нашего времени» и подготовкой к изданию первой книги стихотворений, вышедших уже осенью 1840 года. Хорошо бы эту книгу «Стихотворения М. Лермонтова» время от времени переиздавать в том виде, в каком она была составлена поэтом и издана Н. И. Кувшинниковым и

А. Д. Киреевым, людьми, близкими к редакции «Отечественных записок». Надо удивляться требовательности поэта. Из более четырехсот своих стихов и тридцати поэм он отобрал лишь 26 стихотворений и две поэмы: «Песню про купца Калашникова» и «Мцыри». Понятно, что по цензурным соображениям в сборник не попали «Смерть поэта», «Демон» и «Маскарад», но многое другое, ныне широко известное в его творчестве, было им отодвинуто. Впрочем, поговорим о сборнике стихов позже.

Вернувшись известным поэтом в столицу в 1838 году, Михаил Лермонтов какое-то время с интересом играет роль молодого светского льва в большом свете, за ним ухаживают все салонные дамы: «любительницы знаменитостей и героев». Поэту быстро все эти «львиные забавы» надоедают, его уже не устраивает и военная служба, он то просится в отпуск, то мечтает о возвращении на Кавказ. Но, как пишет он своему доверенному другу М. А. Лопухиной: «Все эти милые родственники — не хотят, чтоб я оставил службу...». Этот длинный поводок Столыпиных так до конца жизни и тянулся за ним. С одной стороны, он купался в деньгах, жил подобно самым богатым своим товарищам из гусаров. Получая в месяц чуть больше 200 рублей жалования, от бабушки Михаил получал за год более десяти тысяч рублей. Денег на внука бабушка и впрямь не жалела, но контролировала постоянно. И отпускать с военной службы никак не желала.

Когда-то Елизавета Алексеевна сама противилась поступлению внука в юнкерскую школу. После первых восторгов по поводу стихов, узнав какие от стихов бывают неприятности, она уже не желала видеть Мишеля литератором. Зная его строптивый характер и его вольнолюбие, она предпочла лучше бы какие-нибудь его великосветские шалости или веселое бражничество. Недаром она всегда щедро принимала на своих петербургских и московских квартирах всю его компанию буйных захмелевших светских друзей. Лишь бы не литературное вольнодумство. По-своему, по-бабушкиному, она была права. В России во все времена литературное вольнодумство каралось как государственная измена, не менее. А за любой дебош лишь бы хватило Мишелю денег расплатиться. Вот и привык за годы вольной жизни ее Мишель к легким деньгам, без них уже не желал обходиться. Увы, но надо признать, он прочно, до конца жизни своей сел на денежную иглу. Потому и исполнял все бабушкины повеления, несмотря на всю свою строптивость. Всегда помнил, что Елизавета Алексеевна не менее строптива, и, ежели начнет Мишель вести себя по-своему, уйдет со службы, обзаведется семьей

*Бюст М. Ю. Лермонтова.
Скульптор В. П. Крейтан.
Александровский сад. Санкт-Петербург*

без ее согласия, сразу же останется и без наследства, и без ежемесячных дотаций. Зато он позволял себе всевозможные светские дерзости.

О его дерзких поступках в свете ходили легенды, которые лишь увеличивали его славу. «Какой он взбалмошный, вспыльчивый человек, — пишет о нем А. Ф. Смирнова, — наверно кончит катастрофой. Он отличается невозможной дерзостью. Он погибает от скуки, возмущается собственным легкомыслием, но в то же время не обладает достаточно характером, чтобы вырваться из этой среды. Это — странная натура». Став модным поэтом, Лермонтов сразу был замечен в большом свете. Он сам писал М. А. Лопухиной: «Я пустился в большой свет. В течение месяца на меня была мода, меня наперерыв отбивали друг у друга. Это, по крайней мере, откровенно. Все те, кого я преследовал в моих стихах, осыпают меня теперь лестью. Самые хорошенькие женщины добиваются у меня стихов и хвалятся ими, как триумфом. Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ — отказали, не хотят даже, чтобы меня убили. Может быть, эти жалобы покажутся вам, милый друг, неискренними; вам, может быть, покажется странным, что я гонюсь за удовольствиями, чтобы скучать, слоняясь по гостиним, когда там нет ничего интересного. Ну что же, я открою вам мои побуждения. Вы знаете, что самый мой большой недостаток это тщеславие и самолюбие. Было время, когда я, в качестве новичка, искал доступа в это общество: это мне не удалось, и двери аристократических салонов были закрыты для меня; а теперь в это же самое общество я вхожу уже не как проситель, а как человек, добившийся своих прав. Я возбуждаю любопытство, предо мной заискивают, меня всюду приглашают, а я и вида не подаю, что хочу этого; женщины, желающие, чтобы в их салонах собирались замечательные люди, хотят, чтобы я бывал у них, потому что я ведь тоже лев, да! я, ваш Мишель, добрый малый, у которого вы и не подозревали гривы. Согласитесь, что все это может опьянять; к счастью, моя природная лень берет верх, и мало-помалу я начинаю находить все это несносным. Но этот обретенный мной опыт полезен в том отношении, что дает мне оружие против общества: если оно будет преследовать меня клеветой (а это непременно случится), у меня будет средство отомстить; нигде ведь нет столько пошлого и смешного, как там...».

То, о чем он так долго мечтал, прорываясь в светское общество, в аристократические столичные круги, случилось. За ним уже тянулся такой шлейф литературной славы, что отказать ему в приеме было невозможно. Тем быстрее этот большой свет, о котором ему когда-то так мечталось, наскучил ему, пустота бесцельной светской жизни его утомила. Спасали стихи... и женщины.

*И скучно и грустно, и некому руку подать
В минуту душевной невзгоды.
Желанья!.. что пользы напрасно и вечно желать?
А годы проходят — все лучшие годы!*

*Любить... но кого же?.. на время — не стоит труда,
А вечно любить невозможно.
В себя ли заглянешь? — там прошлого нет и следа:
И радость, и муки, и все там ничтожно...*

*Что страсти? — ведь рано иль поздно их сладкий недуг
Исчезнет при слове рассудка,
И жизнь, как посмотришь с холодным вниманьем вокруг,
Такая пустая и глупая шутка...*

Вот такие стихи писал Михаил Лермонтов, при этом ежедневно присутствуя на всевозможных балах, посещая все театры. Прекрасно осознавал всю пустоту и напыщенность этого большого света и все-таки тянулся к нему. Как очень верно писал Иван Панаев: «Лермонтов хотел слыть во что бы то ни стало и прежде всего за светского человека и оскорблялся точно так же как Пушкин, если кто-нибудь рассматривал его как литератора. Несмотря на сознание, что причиной гибели Пушкина была наклонность его к великосветскости...».

Можно допустить и другую версию. В эти придворные салоны Михаил Лермонтов врывается как дикий вольный зверь в зоопарк из кастрированных животных. Душа дикого вольного зверя требовала властвования над стаей домашних животных, как бы они ни были крупны. Конечно, одинокому зверю долго не продержаться, несмотря на всю свою мощь, среди бесчисленных кастратов. Но и не доставить себе удовольствия порезвиться над ними этот вольный зверь не мог. В ответ он получал глухую ненависть к себе. Думаю, Державин или Жуковский были не менее заносчивы в своем поведении, не менее капризны в поступках. Но за ними были и высокие придворные чины, и солидный возраст. Общество не желало понимать, что среди них присутствует молодой гений. То, что допускалось придворным вельможам, было вызывающе для простого армейского офицера, недавнего ссыльного.

Его гусарский полк стоял в Царском Селе, и он, как и положено офицеру, присутствовал на всех дежурствах, нарядах, смотрах и парадах. Но все свободное время, конечно же, проводил в Петербурге.

Со стороны посмотреть: светский щеголь, над всем посмеивается, ни с кем всерьез не говорит ни о поэзии, ни о литературе. К тому времени, в апреле 1938 года, в «Литературных прибавлениях к “Русскому инвалиду”» была напечатана «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова». Пусть по требованию цензора вместо фамилии автора, недавнего ссыльного, была поставлена подпись «—въ», об авторстве догадались быстро. Этой «Песней...» восторгались равно и славянофилы, и западники, и высокие государственные мужи, и декабристы. Если сложить рядом первые крупные публикации поэта: «Бородино», «Тамбовская казначейша», «Песня... про купца Калашникова», остается недоумевать, почему такого поэта, обладающего высочайшим чувством народности, так грубо отметали придворные круги, императорские идеологи. Вроде бы это так совпадало с концепцией николаевской народности. Николай I и на самом деле был сторонником народности в литературе, но, увы, принципы этой народности в то время определяли все как один: Бенкендорф, Дубельт, Клейнмихель и так далее, верностные служаки, напрочь лишенные русского национального сознания.

Впрочем, на Руси так было почти всегда. Я считаю поэзию Михаила Лермонтова сверхсовременной и востребованной сегодня еще и потому, что вижу много общего в николаевской и путинской моделях правления Россией. В такой атмосфере казенного официозного равнодушия к русской национальной культуре не могло не возникнуть знаменитого лермонтовского

*М. Ю. Лермонтов в стуртуке
лейб-гвардии Гусарского полка.
А. И. Клюндер. Акварель. 1838*

скепсиса. На Кавказе он чувствовал себя гораздо свободнее и вольготнее. Но и на Кавказ не пускали. Первый его немецкий исследователь Фридрих Боденштедт писал: «...выросший среди общества, где лицемерие и ложь считались признаками хорошего тона, до последнего вздоха оставался чужд всякой лжи и притворства... Неопределенные теории и мечтания были ему совершенно чужды; куда ни обращал он взора, к небу ли или к аду, он всегда отыскивал прежде всего твердую точку опоры на земле...».

Михаил Лермонтов натужно улыбался на балах, танцевал мазурки, болтал о совершеннейших пустяках со знакомыми, но кроме шутки или сарказма его собеседники ничего получали. И потому весь этот великосветский круг дружно недолюбливал

поэта. Все тот же круг образованцев и льстецов придворных не любит его и сегодня. Военная служба в придворном лейб-гвардии гусарском полку ему тоже наскучила.

Увы, эта маска скепсиса и пустоты отталкивала от поэта иногда и самых умнейших людей его времени. К примеру, никак не мог разговорить поэта даже ведущий литературный критик и к тому же его пензенский земляк Виссарион Белинский. Еще во время первой ссылки на Кавказ, в Пятигорске состоялась их первая встреча. Н. М. Сатин писал в своих воспоминаниях: «В одно из таких посещений он встретился у меня с Белинским. Познакомились, и дело шло ладно, пока разговор вертелся на разных пустяках; они даже открыли, что оба уроженцы города Чембар (Пензенской губ.). Но Белинский не мог долго удовлетворяться пустословием. На столе у меня лежал том записок Дидерота; взяв его и перелистав, он с удивлением начал говорить о французских энциклопедистах и остановился на Вольтере, которого именно он в то время читал. Такой переход от пустого разговора к серьезному разбудил юмор Лермонтова. На серьезные мнения Белинского он начал отвечать разными шуточками; это явно сердило Белинского, который начинал горячиться; горячность же Белинского более и более возбуждала юмор Лермонтова, который хохотал от души и сыпал разными шуточками.

— Да я вот что скажу вам о вашем Вольтере, — сказал он в заключение, — если бы он явился теперь к нам в Чембары, то его ни в одном порядочном доме не взяли бы в гувернеры.

Такая неожиданная выходка, впрочем, не лишенная смысла и правды, совершенно озадачила Белинского. Он в течение нескольких секунд посмот-

рел молча на Лермонтова, потом, взяв фуражку и едва кивнув головой, вышел из комнаты.

Лермонтов разразился хохотом. Тщетно я уверял его, что Белинский замечательно умный человек; он передразнивал Белинского и утверждал, что это недоучившийся фанфарон, который, прочитав несколько страниц Вольтера, воображает, что проглотил всю премудрость.

Белинский, с своей стороны, иначе не называл Лермонтова, как пошляком, и когда я ему напоминал стихотворение Лермонтова “На смерть Пушкина”, он отвечал: “Вот важность написать несколько удачных стихов! От этого еще не сделаешься поэтом и не перестанешь быть пошляком!”

На впечатлительную натуру Белинского встреча с Лермонтовым произвела такое сильное влияние, что в первом же письме из Москвы он писал ко мне: “Поверь, что пошлость заразительна, и потому, пожалуйста, не пускай к себе таких пошляков, как Лермонтов”.

Так встретились и разошлись в первый раз эти две замечательных личности. Через два или три года они глубоко уважали и ценили друг друга...».

Уже в Петербурге они не раз встречались у Краевского, редактора лучшего литературного журнала тех лет «Отечественные записки»; Белинский восторженно писал о Лермонтове, как о новом русском явлении, а разговора между ними все не получалось. Михаил Лермонтов по привычке прикрывался светской пустотой, изображая из себя скептического, уставшего от жизни господина. Лишь после его дуэли с Барантом, когда Лермонтов был арестован и сидел в ордонансгаузе, Белинский пришел к нему вместе с Краевским, и поэта после одиночной камеры потянуло на откровенность.

Позже Белинский писал своему другу Боткину: «Вышли повести Лермонтова. Дьявольский талант! Молодо-зелено, но художественный элемент так и пробивается сквозь пену молодой поэзии, сквозь ограниченность субъективно-салонного взгляда на жизнь. Недавно был я у него в заточении и в первый раз поразговорился с ним от души. Глубокий и могучий дух! Как он верно смотрит на искусство, какой глубокий и чисто непосредственный вкус изящного! О, это будет русский поэт с Ивана Великого! Чудная натура!

Я был без памяти рад, когда он сказал мне, что Купер выше Вальтер Скотта, что в его романах больше глубины и больше художественной целостности. Я давно так думал и еще первого человека встретил, думающего так же. Перед Пушкиным он благоговеет и больше всего любит “Онегина”. Женщин ругает: одних за то, что дают; других за то, что не дают... Пока для него женщина и давать — одно и то же. Мужчин он также презирует,

*Портрет Софьи Николаевны
Карамзиной. Т. Райт. Акварель. 1844*

но любит одних женщин, и в жизни только их и видит. Взгляд чисто онегинский. Печорин — это он сам, как есть. Я с ним спорил, и мне отрадно было видеть в его рассудочном, охлажденном и озлобленном взгляде на жизнь и людей семена глубокой веры в достоинство того и другого. Я это сказал ему — он улыбнулся и сказал: “Дай Бог!” Боже мой, как он ниже меня по своим понятиям, и как я бесконечно ниже его в моем перед ним превосходстве! Каждое его слово — он сам, вся его натура, во всей глубине и целостности своей. Я с ним робок, — меня давят такие целостные, полные натуры, я перед ними благоговею и смиряюсь в сознании моего ничтожества. Понимаешь ли ты меня, о, лысая и московская душа!...».

Но не каждому удавалось поговорить с ним от души. Не каждому удалось прорваться сквозь его одиночество. Пожалуй, из настоящих друзей, остающихся верными этой дружбе не только до гибели поэта, но и до собственного конца жизни я бы назвал Святослава Афанасьевича Раевского и Акима Павловича Шан-Гирея. Остальные — боевые товарищи, сослуживцы, литераторы, бражники и знакомые по салонам. На основании всего прочитанного как-то осторожно я отношусь даже к дальнему родственнику и приятелю, секунданту на двух дуэлях Александру Столыпину, по прозвищу Монго. Князь Павел Вяземский как-то писал после встречи с Лермонтовым: «Он был встревожен и со мною холоден. Я это приписываю Монго — Столыпину, у которого мы виделись. Лермонтов что-то имел со Столыпиным и вообще чувствовал себя неловко в родственной компании...». Сложными были и его отношения с Алексеем Лопухиным.

К литературным партиям он тоже не тянулся, будучи хорошо знакомым и со славянофилом Юрием Самариным, и с демократом Белинским, он предпочитал держаться в литературе наособицу, сблизившись разве что с Андреем Краевским, редактором «Отечественных записок». Пожалуй, из литераторов это был единственный человек по-настоящему близкий ему, с которым он был предельно откровенен, с которым был на ты. Что Лермонтов позволял очень немногим. Все тот же Иван Панаев, хорошо знавший Лермонтова и Краевского, писал в своих заметках: «Лермонтов обыкновенно заезжал к г. Краевскому по утрам (это было в первые годы «Отечественных записок», в 1839—1841 годах) и привозил ему свои новые стихотворения. Входя с шумом в его кабинет, заставленный фантастическими столами, полками и полочками, на которых были аккуратно расставлены и разложены книги, журналы и газеты, Лермонтов подходил к столу, за которым сидел редактор, глубокомысленно погруженный в корректуры, в том алхимическом костюме, о котором я упоминал, и покроем которого был снят им у Одоевского, — разбрасывал эти корректуры и бумаги по полу и производил страшную кутерьму на столе и в комнате. Однажды он даже опрокинул ученого редактора со стула и заставил его барахтаться на полу в корректурах. Г. Краевскому, при его всегдашней солидности, при его наклонности к порядку и аккуратности, такие шуточки и школьничьи выходки не должны были нравиться, но он поневоле переносил это от великого таланта, с которым был на ты, и, полуморщась, полуулыбаясь, говорил:

— Ну, полно, полно... перестань, братец, перестань. Экой школьник...

Г. Краевский походил в такие минуты на гётевского Вагнера, а Лермонтов на маленького бесенка, которого Мефистофель мог подсылать к Вагнеру нарочно для того, чтобы смущать его глубокомыслие.

Когда ученый приходил в себя, поправлял свои волосы и отряхивал свои одежды, поэт пускался в рассказы о своих светских похождениях, прочитывал свои новые стихи и уезжал...».

В редакции «Отечественных записок» и приключилась история с его знаменитым стихотворением «Есть речи — значенье темно иль ничтожно...». Андрей Краевский упрекнул поэта, мол, неграмотно это — «Из пламя и света рожденное слово...». Попробовал было Михаил Лермонтов как-то переделать стих, исправить грамматику, потом вернул стих Краевскому со словами «Печатай так, как есть». Может, это и есть лишнее подтверждение неземной, небесной природе его стихов. Пусть что-то покажется неграмотным, пусть значенье того или иного стиха выглядит ничтожным, пусть не совсем все сходится с фактами, но, если это истинная поэзия, то «им без волненья внимать невозможно...».

Не случайно высшую поэзию Михаил Лермонтов приравнивал к Божьему Духу, за что критиковался при жизни и критикуется до сих пор некоторыми церковными ортодоксами. На памятнике Лермонтову в Александровском саду в 1888 году скульптор поместил его четверостишие из стихотворения «Поэт»:

*Твой стих, как Божий Дух, носился над толпой;
И, отзыв мыслей благородных,
Звучал, как колокол на башне вечевой,
Во дни торжеств и бед народных.*

Вскоре обер-прокурор синода К. П. Победоносцев обратился к градоначальнику Петербурга с письмом: «Мне представляется делом едва ли не кощунственным помещать такое сравнение стиха Лермонтова с Божиим Духом на публичном памятнике, где будут читать эту надпись простые неграмотные люди (интересно, как по мнению Победоносцева, ее смогут прочитать неграмотные люди?) и многие, конечно, соблазнятся таким выражением...».

Чиновникам всех времен и народов лучше бы задуматься о смысле этого гениального стихотворения, о причинах, почему и когда этот Божий Дух исчезает из поэзии. Стихотворение «Поэт», из самых классических его стихов, отобранное самим Лермонтовым в число немногих творений, составивших его первую книгу, было написано все в том же душно-светском Петербурге в 1838 году. Поэзия, как и боевой кинжал горца, пробивший не одну кольчугу, на стене придворного вельможи превращается в золотую игрушку, бесславную и безвредную.

*В наш век изнеженный не так ли ты, поэт,
Свое утратил назначенье,
На злато променяв ту власть, которой свет
Внимал в немом благоговенье?*

Вот и ныне «нас тешат блески и обманы...», и ныне пора обратиться к русским талантливым поэтам: «Проснешься ль ты опять, осмеянный пророк!»

Из всех петербургских салонов Михаил Лермонтов предпочитал чаще всего бывать не в великосветских дворцах, где ему было тоскливо и неудобно, а в кругу друзей Александра Пушкина, в доме у Карамзиных, у князя

*Екатерина Андреевна Карамзина
(16 ноября 1780, Ревель — 1851, Санкт-Петербург), урожденная Колыванова.
Вторая супруга Н. М. Карамзина*

тым в гороховый сюртук; я видел тут измученного Пушкина во время его кровавой драмы... Им нужно было иметь тогда точку соединения в таком центре, где бы Андреевский кавалер знал, что его не встретит низкопоклонство, где бы гороховый сюртук чувствовал, что его не оскорбят пренебрежением. Все понимали, что хозяин, еще тогда молодой, не притворялся, что он их любит, что он их действительно любит, любит во имя любви, согласия, взаимного уважения, общей службы образованию, и что ему все равно, кто какой кличкой бы ни назывался и в каком бы платье ни ходил. Это прямое обращение к человечности, а не к обстановке каждого, образовало ту притягательную силу к дому Одоевских, которая не обуславливается ни роскошными угощениями, ни красноречием лицемерного сочувствия...».

Впрочем, это не мешало и образованным красавцам, типа того же графа Сологуба, признавая высокий талант Лермонтова, исподтишка щедро клеветать на поэта. Именно В. Сологуб, числившийся среди приятелей поэта, по заказу Великой Княжны Марии Николаевны написал в 1839 году литературный пасквиль на поэта. В повести «Большой свет» под образом «маленького корнета Мишеля Леонина» им выведен поэт Михаил Лермонтов, ничтожный и нелепый, тщетно пытающийся обратить на себя внимание общества, и прежде всего женщин, и использующий для этого своего богатого родственника, под которым подразумевался Алексей Столыпин. Этот Столыпин, согласно повести, сам как бы брезгливо относится к маленькому уродцу, но по просьбе бабушки водит своего Мишеля по салонам.

Думаю, этим заказом уже придворным кругом готовился дуэльный вариант. Хорошо, что Лермонтов будто бы не признал в этом герое себя и даже

Одоевского, у князя Вяземского, в доме у А. О. Смирновой. Там хотя бы говорили по-русски и находили более интересные темы для разговоров. Граф В. А. Сологуб вспоминает: «[В доме князя В. Ф. Одоевского] — в этом безмятежном святилище знания, мысли, согласия, радушия — сходилась весь цвет петербургского населения. Государственные сановники, просвещенные дипломаты, археологи, артисты, писатели, журналисты, путешественники, молодые люди, светские образованные красавицы встречались тут без удивления, и всем этим представителям столь разнородных понятий было хорошо и ловко; все смотрели друг на друга приветливо, все забывали, что за чертой этого дома жизнь идет совсем другим порядком. Я видел тут, как Андреевский кавалер беседовал с ученым, оде-

поздравил Сологуба с выходом повести. П. Висковатов пишет, что Сологуб «лично не любил Лермонтова», так как тот старался ухаживать за его невестой. Мне кажется, дело не в этом, господствовала в душе ограниченного писателя и светского придворного Сологуба все та же зависть кастрата перед вольным и мощным зверем. Зависть мелкого литератора перед мистическим гением. Недаром больше всего поэта ненавидели придворные льстецы и мелкие литераторы, от Сологуба и Арнольди, до Мартынова и Васильчикова. При том же несносном лермонтовском характере, с теми же шуточками и прозвищами у Лермонтова были самые дружеские отношения и со своими товарищами по оружию на Кавказе, и с сослуживцами в полках.

К примеру, во время служения Лермонтова в лейб-гвардии гусарском полку командирами полка были: с 1834 по 1839 год — генерал-майор Михаил Григорьевич Хомутов, а в 1839 и 1840 годах — генерал-майор Павел Александрович Плаутин. Эскадронами командовали: 1-м — флигель-адъютант, ротмистр Михаил Васильевич Пашков; 2-м — ротмистр Орест Федорович фон-Герздорф; 3-м — ротмистр граф Александр Осипович Витт, а потом — штаб-ротмистр Алексей Григорьевич Столыпин; 4-м — полковник Федор Васильевич Ильин, а затем — ротмистр Егор Иванович Шевич; 5-м — ротмистр князь Дмитрий Алексеевич Щербатов 1-й; 6-м — ротмистр Иван Иванович Ершов и 7-м — полковник Николай Иванович Бухаров.

И со всеми командирами у Лермонтова были прекрасные отношения, с иными он и сдружился. Бухарову посвятил прекрасное стихотворение. И никаких якобы ядовитых дерзостей на службе не замечалось. Многие офицеры просто гордились, что служат с поэтом. Один из первых биографов П. К. Шугаев пишет: «В праздничные же дни, а также в случаях каких-либо экстраординарных событий в свете, как то: балов, маскарадов, постановки новой оперы или балета, дебюта приезжей знаменитости, гусарские офицеры не только младших, но и старших чинов уезжали в Петербург и, конечно, не все возвращались в Царское Село своевременно. Граф Васильев помнит даже такой случай. Однажды генерал Хомутов приказал полковому адъютанту, графу Ламберту, назначить на утро полковое ученье, но адъютант доложил ему, что вечером идет «Фенелла» и офицеры в Петербурге, так что многие, не зная о наряде, не будут на ученье. Командир полка принял во внимание подобное представление, и ученье было отложено до следующего дня.

Лермонтов жил с товарищами вообще дружно, и офицеры любили его за высоко ценившуюся тогда «гусарскую удаль». Не сходилась только он с одними поляками, в особенности он не любил одного из наиболее чванных из них — Понятовского, бывшего впоследствии адъютантом Великого Князя Михаила Павловича. Взаимные их отношения ограничивались холодными поклонами при встречах.

Квартиру Лермонтов имел, по словам Д. А. Столыпина, в Царском Селе, на углу Большого проспекта и Манежной улицы, но жил в ней не с одним только Алексеем Аркадьевичем Столыпиным, как заявлено П. А. Висковатым в биографии поэта, — вместе с ними жил так же и Алексей Григорьевич Столыпин, и хозяйство у всех троих было общее. Лошадей Лермонтов любил хороших, и ввиду частых поездок в Петербург держал верховых и выездных. Его конь «Парадер» считался одним из лучших; он купил его у генерала Хомутова и заплатил более 1500 рублей, что, по тогдашнему времени, составляло на ассигновании около 6000 рублей.

В гусарском полку, по рассказу графа Васильева, было много любителей большой карточной игры и гомерических попок с огнями, музыкой, женщинами и пляской. У Герздорфа, Бакаева и Ломоносова велась постоянная игра, проигрывались десятки тысяч, у других — тысячи бросались на кутежи. Лермонтов бывал везде и везде принимал участие, но сердце его не лежало ни к тому, ни к другому. Он приходил, ставил несколько карт, брал или давал, смеялся и уходил. О женщинах, приезжавших на кутежи из С.-Петербурга, он говаривал: «бедные, их нужда к нам загоняет», или: «на что они нам? у нас так много достойных любви женщин». Из всех этих шальных удовольствий поэт более всего любил цыган...».

Из воспоминаний о службе в Новгороде в лейб-гвардии Гродненском гусарском полку мы тоже не видим обычного светского пренебрежения якобы несносным Лермонтовым. Читаем в «Истории ... полка»: «За свое пребывание в полку Лермонтов не оставил по себе того неприятного впечатления, каким полны отзывы многих сталкивавшихся с ним лиц. Правда, отзывы гродненских офицеров о Лермонтове устанавливали одно общее мнение о язвительности его характера, но это свойство не мешало Лермонтову быть коноводом всех гусарских затей и пирушек и оправдывалось товарищами как одно из проявлений его исключительной натуры... В бытность Лермонтова в нашем полку им были написаны “Стансы” Мицкевича, переведенные ему с польского корнетом Краснокутским, и экспромт “Русский немец белокурый” по случаю проводов М. И. Цейдлера на Кавказ. Кроме того, тогда же Лермонтов, недурной художник, написал две картины масляными красками из кавказской жизни: “Черкес” и “Воспоминание о Кавказе”»¹.

Пусть извинит меня читатель за обильное цитирование, но повсеместное распространение и по сю пору слухов о злом и желчном поэте должно оскорблять любого истинного ценителя поэзии, любого русского человека. Меня скорее поражает, почему все великосветские злые сплетни о поэте столь щедро и охотно цитируются в наши времена самыми известными лермонтоведами и деятелями культуры. Впрочем, также наши элитные придворные поэты морщились от дерзких выпадов Лени Губанова в адрес Евтушенко или дерзких слов Николая Рубцова. О том же писал и Иосиф Бродский в стихотворении «Я входил вместо дикого зверя в клетку...». Ничто не меняется. Представьте, сегодня войдет какой-нибудь новый молодой гений в кабинет или встретится на каком-нибудь приеме, куда критик из солидного журнала даст ему пропуск, с вельможей или сановитым писателем и начнет вольно излагать свое мнение о современной литературе. И он станет изгоем в приличном обществе.

Вот так и было с нашим величайшим гением Михаилом Лермонтовым. И потому прошу успокоиться всех любителей посплетничать о нем. Боевой офицер, естественно себя ведущий для всех своих боевых сослуживцев, приглашенный на светские раунды благодаря своему поэтическому дару и ведущий себя на равных со всеми этими светскими пустышками. В разведку с ним ходить не боялись, знали, что не подведет. Остается вопрос: а надо ли было ему ходить на все эти балы и приемы? Тогда вспомните, это был молодой офицер, 22–25 лет, а на балах были собраны все красавицы

¹ Елец Ю. История лейб-гвардии Гродненского гусарского полка. СПб., 1898. Т. I. С. 207.

Петербурга. Это уже страстный гусар Лермонтов прорывался к красоткам, прикрываясь своей литературной известностью. И его боевые друзья это прекрасно понимали.

Они смотрели проще на причуды Лермонтова, потому что лишены были зависти и, скорее, уважали его вольный независимый характер. Те же, кто ценил поэзию, кто лишен был светского лоска мнимой значимости, лишь восторгались поэтом и как-то даже не замечали иронических высказываний в свой адрес. Вспоминает историк Андрей Муравьев: «Он поступил опять в лейб-гусары. Мне случилось однажды, в Царском Селе, уловить лучшую минуту его вдохновения. В летний вечер я к нему зашел и застал его за письменным столом, с пылающим лицом и с огненными глазами, которые были у него особенно выразительны. “Что с тобою?” — спросил я. “Сядьте и слушайте”, — сказал он и в ту же минуту, в порыве восторга, прочел мне, от начала до конца, всю свою великолепную поэму “Мцыри” (послушник по-грузински), которая только что вылилась из-под его вдохновенного пера. Внимая ему, и сам пришел я в невольный восторг: так живо выхватил он, из ребр Кавказа, одну из его разительных сцен и облек ее в живые образы перед очарованным взором. Никогда никакая повесть не производила на меня столь сильного впечатления. Много раз впоследствии перечитывал я его “Мцыри”, но уже не та была свежесть красок, как при первом одушевленном чтении самого поэта»¹.

Ценили его и в салоне у Карамзиных. Устроительница салона, дочь от первого брака знаменитого историка Карамзина, Софья Николаевна в письмах своей подруге Е. Н. Мещерской в Москву не раз восхищалась и самим поэтом, и его поэзией. «Я вальсировала с Лермонтовым (маменька пригласила его к нам, он очень мил, совершенный двойник Хомякова и лицом, и разговором)... В субботу мы получили большое удовольствие (4 ноября 1838 года. — В. Б.) — слушали Лермонтова (он у нас обедал), который читал свою поэму “Демон”. Ты скажешь, что название избитое, но сюжет, однако, новый, он полон свежести и прекрасной поэзии. Поистине блестящая звезда восходит на нашем столь бледном и тусклом литературном небосклоне...».

Литературный салон Карамзиных почти четверть века (1826–1851) был одним из центров петербургской культурной жизни. Здесь собирался цвет литературы, искусства со всей столицы. Глинка, Брюллов, Даргомыжский, Одоевский, Лермонтов, Вяземский. Весь наш золотой век. Цвет литературного и художественного вольнодумья. Лермонтов, очевидно, познакомился с семейством Карамзиных через поэта Жуковского. Еще в свой новгородский период, приезжая в Петербург молодой поэт был представлен маститому русскому классику. А. П. Шан-Гирей писал: «Жуковский хотел видеть Лермонтова, которого ему и представили... Маститый поэт принял молодого дружески и внимательно и подарил ему экземпляр своей “Ундины” с собственноручной надписью».

В феврале 1838 года Михаил Лермонтов вновь посетил В. А. Жуковского и передал ему текст поэмы «Тамбовская казначейша». Жуковский прочел эту поэму вместе с П. А. Вяземским, им она понравилась, вскоре ее и напечатали в третьем номере 1838 года. И сразу же вслед за этим 30 апреля

¹ *Муравьев А. Н.* Знакомство с русскими поэтами. Киев. 1871. С. 26–27.

в «Литературных прибавлениях» к «Русскому инвалиду» А. А. Краевский опубликовал «Песню про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова».

В. А. Жуковский и познакомил молодого поэта с семьей Карамзиных. По мнению литературоведа В. Мануйлова встретились они летом 1838 года на даче в китайской дачной деревне в Царском Селе, где обычно Карамзины проводили лето. Как пишет Мануйлов: «По вечерам молодежь встречалась в Ротонде, сооруженной Ч. Камероном для придворных балов, и вот тут в пятницу, 2 сентября, Екатерина Андреевна и ее падчерица Софья Николаевна Карамзины, вероятно не впервые, увидели Лермонтова, и Екатерина Андреевна попросила одного из гусарских офицеров представить ей поэта. В тот же вечер, как мы знаем из письма Софьи Николаевны ее сестре Екатерине Николаевне Мещерской от 7 сентября в Москву, С. Н. Карамзина «вальсировала с Лермонтовым».

Софья Николаевна, к сожалению, не сообщает, кто именно представил им Лермонтова. Возможно, это был кто-то из «семейных танцоров», завсегдатаев дома Карамзиных и в то же время сослуживцев Лермонтова: С. Д. Абамелек (осенью 1838 года он чаще остальных упоминается вместе с Лермонтовым в письмах Софьи Николаевны), О. Ф. Герздорф или ближайший друг и двоюродный дядя Лермонтова А. А. Столыпин (Монго).

В тот вечер Е. А. Карамзина пригласила Лермонтова к себе на дачу 5 сентября, в понедельник, в день именин дочери Лизы, которая только год как стала «выезжать» и появляться на балах...».

На зиму Карамзины перебираются в Петербург, и поэт уже становится их постоянным и близким гостем. К счастью, с Софьей Николаевной у молодого и пылкого Михаила Лермонтова не было никаких романов, и потому их дружба продолжалась бесконечно. Хозяйка дома, вдова историка Екатерина Андреевна Карамзина была долгое время дружна с Пушкиным, и потому Михаил Лермонтов относился к ней с благоговением и робостью. Она же, как и две дочери историка, по-настоящему ценила поэтический дар Лермонтова еще со времен стихотворения «Смерть поэта». На приемах в доме Карамзиных царил молодежь, и тут уже незаменимая Софья Николаевна и умело собирала вокруг себя истинно талантливых писателей и художников. В зимний период, постоянно приезжая в Петербург из Софии, предместья Царского Села, где был расквартирован лейб-гвардии гусарский полк, Лермонтов очень часто бывал у Карамзиных. А. И. Кошелев, историк, философ из круга славянофилов, рассказывает: «В карамзинской гостиной предметом разговоров были не философские предметы, но и не петербургские пустые сплетни и рассказы. Литературы, русская и иностранная, важные события у нас и в Европе, особенно действия тогдашних великих государственных людей Англии — Каннинга и Гускиссона — составляли всего чаще содержание наших оживленных бесед. Эти вечера, продолжавшиеся до поздних часов ночи, освежали и питали наши души и умы, что в тогдашней петербургской душевной атмосфере было для нас особенно полезно. Хозяйка дома умела всегда направлять разговоры на предметы интересные». А. И. Кошелев отмечал, что в этом салоне, единственном в Петербурге, не было карточной игры и говорили по-русски.

Салон Карамзиных посещали Пушкин, Жуковский, Вяземский, Тургенев, Лермонтов. П. А. Плетнев, вспоминая 30-е годы — время расцвета сало-

на Карамзиных, писал В. А. Жуковскому: «Всех нас связывала и животворила чистая, светлая литература».

Вспоминает о салоне Карамзиных и дочь Ф. И. Тютчева: «Серьезный и радушный прием Екатерины Андреевны, неизменно разливавшей чай за большим самоваром, создавал ту атмосферу доброжелательства и гостеприимства, которой мы все дышали в большой красной гостиной. Но умной и вдохновенной руководительницей и душой этого гостеприимного салона была, несомненно, Софья Николаевна, дочь Карамзина от его первого брака с Елизаветой Ивановной Протасовой, скончавшейся при рождении этой дочери. Перед началом вечера Софи, как опытный генерал на поле сражения и как ученый стратег, располагала большие красные кресла, а между ними легкие соломенные стулья, создавая уютные группы для собеседников; она умела устроить так, что каждый из гостей совершенно естественно и как бы случайно оказывался в той группе или рядом с тем соседом или соседкой, которые лучше всего к ним подходили. У ней в этом отношении был совершенно организаторский гений...».

По мнению В. Мануйлова, у очаровательной Софьи Николаевны к Лермонтову были не просто дружеские чувства: «На доверчивую дружбу Лермонтова она отвечала чем-то более глубоким и горячим. “Софья Николаевна решительно относится к Лермонтову”, — сообщала А. О. Смирнова-Россет П. А. Вяземскому 14 мая 1839 года. Это “решительное отношение” С. Н. Карамзиной к поэту замечали и другие близкие друзья — П. А. Плетнев, А. И. Тургенев. Следующей весной, в апреле, когда решалась участь Лермонтова после его дуэли с де Барантом, Смирнова писала Жуковскому: “Софья Николаевна за него горой и до слез, разумеется”.

С. Н. Карамзиной приходилось постоянно встречаться в обществе и принимать у себя молодую вдову княгиню М. А. Щербатову, А. А. Оленину и А. О. Смирнову-Россет, с которыми у Лермонтова складывались совсем другие отношения, особенно со Щербатовой. И встречи с этими приятельницами поэта не всегда были приятны Софье Николаевне...».

Но это мы уже приближаемся к следующей теме, впрочем, и салоны все эти часто затеивались лишь ради удачного замужества своих дочерей. Часто так и случалось. И потом уже бывшие властительницы салонов уединялись в тиши.

На одном из званых вечеров, где-то в феврале 1840 года, поэт вписал в знаменитый альбом Софи, где были и строки самого Пушкина, свое сти-

Александра Осиповна Смирнова-Россет

хотворение, которое Карамзиной явно не понравилось. Лермонтов вырвал листок, разорвал его и сжег, а спустя какое-то время вписал другое, сегодня нам всем известное:

*Любил и я в былые годы,
В невинности души моей,
И бури шумные природы,
И бури тайные страстей.
Но красоты их безобразной
Я скоро таинство постиг
И мне наскучил их несвязный
И оглушающий язык.
Люблю я больше год от году,
Желаньям мирным дав простор,
Поутру ясную погоду,
Под вечер тихий разговор...
Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
С<мировой> штучку, фарсу Саши
И Ишки М<ятлева> стихи.*

У Карамзиных провел Михаил Лермонтов и свой прощальный вечер в 1840 году, отправляясь во вторую ссылку на Кавказ. Как пишет П. Висковатов: «Друзья и приятели собрались в квартире Карамзиных проститься с юным другом своим и тут, растроганный вниманием к себе и непритворною любовью избранного кружка, поэт, стоя в окне и глядя на тучи, которые ползли над Летним садом и Невою, написал стихотворение:

*Тучки небесные, вечные странники!
Степью лазурною, цепью жемчужною
Мчитесь вы, будто как я же, изгнанники
С милого севера в сторону южную...*

Софья Карамзина и несколько человек гостей окружили поэта и просили прочесть только что набросанное стихотворение. Он оглянул всех грустным взглядом выразительных глаз своих и прочел его. Когда он кончил, глаза были влажные от слез... Поэт двинулся в путь прямо от Карамзиных. Тройка, увозившая его, подъехала к подъезду их дома. Пьеской «Тучи» поэт заключил и первое издание своих стихотворений, вышедших в конце 1840 года».

У Карамзиных же провел поэт и свой вечер 12 апреля 1841 года перед последним отъездом на Кавказ. Как вспоминают, там же на вечере Лермонтов и сделал на клочке бумаги свой изумительный вольный перевод стихотворения Гейне, ставший уже просто лермонтовским стихом «На севере диком...». В дороге поэт закончил работу над переводом. Так и рождается на колене поэта, в дорожной карете — великая русская поэзия. В дневнике П. А. Плетнева за тот же день 12 апреля 1841 года записано: «После чаю Жуковский отправился к Карамзиным на проводы Лермонтова...».

На этом же прощальном вечере у Карамзиных состоялась и знаменательная встреча Михаила Лермонтова с вдовой Александра Пушкина На-

тальей Николаевной. Уже дочь Натальи Николаевны Александра Петровна Арапова, урожденная Ланская, писала: «Нигде она (Наталья Николаевна Пушкина) так не отдыхала душою, как на карамзинских вечерах, где всегда являлась желанной гостьей. Но в этой пропитанной симпатией атмосфере один только частый посетитель как будто чуждался ее, и за изысканной вежливостью обращения она угадывала предвзятую враждебность. Это был Лермонтов. Слишком хорошо воспитанный, чтобы чем-нибудь выдать чувства, оскорбительные для женщины, он всегда избегал всякую беседу с ней, ограничиваясь обменом пустых, условных фраз. Матери это было тем более чувствительно, что многое в его поэзии меланхолической струей подходило к настроению ее души, будило в ней сочувственное эхо. Находили минуты, когда она стремилась высказаться, когда дань поклонения его таланту так и рвалась ему навстречу, но врожденная застенчивость, смутный страх сковывали уста. Постоянно вращаясь в том же маленьком кругу, они чувствовали незримую, но непреодолимую преграду, выросшую между ними.

Наступил канун отъезда Лермонтова на Кавказ. Верный дорогой привычке, он приехал провести <...> вечер к Карамзиным, сказать грустное прощанье собравшимся друзьям. Общество оказалось многочисленнее обыкновенного, но, уступая какому-то необъяснимому побуждению, поэт, к великому удивлению матери, завладел освободившимся около нее местом, с первых слов завел разговор, поразивший ее своей необычностью. Он точно стремился заглянуть в тайник ее души, чтобы вызвать ее доверие, сам начал посвящать ее в мысли и чувства, так мучительно отравлявшие его жизнь, каялся в резкости мнений, в беспощадности осуждений, так часто отталкивавших от него ни в чем перед ним не повинных людей.

Мать поняла, что эта исповедь должна была служить в некотором роде объяснением; она почуяла, что упоение юной, но уже признанной славой не заглушило в нем неудовлетворенность жизнью. Может быть, в эту минуту она уловила братский отзвук другого мощного, отлетевшего духа, но живое участие пробудилось мгновенно, и, дав ему волю, простыми, прочувствованными словами она пыталась ободрить, утешить, подбирая подходящие примеры из собственной тяжелой доли. И по мере того, как слова непривычным потоком текли с ее уст, она могла следить, как они достигали цели, как ледяной покров, сковывавший доселе их отношения, таял с быстротою внешнего снега, как некрасивое, но выразительное лицо Лермонтова точно преображалось под влиянием внутреннего просветления.

В заключение этой беседы, удивившей Карамзиных своей продолжительностью, Лермонтов сказал: «Когда я только подумаю, как мы часто здесь встречались!.. Сколько вечеров, проведенных здесь, в этой гостиной, но в разных углах! Я чуждался вас, малодушно поддаваясь враждебным влияниям. Я видел в вас только холодную неприступную красавицу, готов был гордиться, что не подчиняюсь общему здешнему культу, и только накануне отъезда надо было мне разглядеть под этой оболочкой женщину, постигнуть ее обаяние искренности, которое не разбираешь, а признаешь, чтобы унести с собою вечный упрек в близорукости, бесплодное сожаление о даром утраченных часах. Но когда я вернусь, я сумею заслужить прощение и, если не слишком самонадеянна мечта, стать вам когда-нибудь другом. Никто не может помешать посвятить вам всю беззаветную преданность, на которую я чувствую в себе способность».

“Прощать мне вам нечего, — ответила Наталья Николаевна, — но если вам жаль уехать с изменившимся мнением обо мне, то поверьте, что мне отраднее оставаться при этом убеждении”.

Ему не суждено было вернуться в Петербург, и когда весть о его трагической смерти дошла до матери, сердце ее болезненно сжалось. Прощальный вечер так наглядно воскрес в ее памяти, что ей показалось, что она потеряла кого-то близкого.

Мне было шестнадцать лет, я с восторгом юности зачитывалась “Героем нашего времени” и все расспрашивала о Лермонтове, о подробностях его жизни и дуэли. Мать мне тогда передала их последнюю встречу и прибавила: “Случалось в жизни, что люди поддавались мне, но я знала, что это было из-за красоты. Этот раз это была победа сердца, и вот чем была она мне дорога. Даже и теперь мне радостно подумать, что он не дурное мнение обо мне унес с собой в могилу”».

Вот так же и по отношению к самому Лермонтову у людей, долгое время чуждающихся его из-за испорченной светской репутации, вдруг наступал момент просветления и дружеские чувства объединяли ранее сторонившихся друг друга людей.

Не столь часто, как Карамзиных, посещал Михаил Лермонтов и литературный салон Александры Осиповны Смирновой-Россет. Написал он и в ее альбом в 1840 году, во время одной из встреч свое посвящение:

*В простосердечии невежды
Короче знать вас я желал,
Но эти сладкие надежды
Теперь я вовсе потерял.
Без вас хочу сказать вам много,
При вас я слушать вас хочу,
Но молча вы смотрите строго,
И я в смущении молчу.
Что делать?.. Речью безыскусной
Ваш ум занять мне не дано...
Все это было бы смешно,
Когда бы не было так грустно...*

«Софи Карамзина мне раз сказала, — вспоминает Смирнова, — что Лермонтов был обижен, что я ничего ему не сказала об его стихах. Альбом всегда лежал на маленьком столике в моем салоне. Он пришел как-то утром, не застал меня, поднялся вверх, открыл альбом и написал эти стихи»¹.

Как видим, были у поэта в Петербурге и верные друзья, и любимые подруги, были поклонники его таланта, были товарищи по военной службе, и все же, они растворялись на шумных многолюдных придворных балах, где царило уже совсем другое настроение, где ценили не талант, не мужество, не честь, а чины и приближенность к Императору. Оттуда и шла неприязнь к дерзкому характеру поэта.

«Какой он взбалмошный, вспыльчивый человек, — пишет о нем А. Ф. Смирнова, — наверно кончит катастрофой. Он отличается невозможной де-

¹ Смирнова-Россет А. О. Автобиография. М., 1931. С. 213.

рзостью. Он погибает от скуки, возмущается собственным легкомыслием, но в то же время не обладает достаточно характером, чтобы вырваться из этой среды. Это — странная натура».

Под Новый год 1840 году Лермонтов был на маскарадном балу в Благородном собрании. Присутствовавший там Тургенев наблюдал, как поэту «не давали покоя, беспрестанно приставали к нему, брали его за руки; одна маска сменялась другою, и он почти не сходил с места и молча слушал их писк, поочередно обращая на них свои сумрачные глаза. «Мне тогда же почудилось, — пишет Тургенев, — что я уловил на лице его прекрасное выражение поэтического творчества». В результате написалось вновь возмущившее всех стихотворение «1 января».

Блистали светские красавицы, но не было видно его друзей, офицеров. Дикий русский зверь оказался в придворной нерусской клетке. Как тут было ему не устроить дерзость, не надерзить этим августейшим маскам, прикрывшись незнанием и мальчишеской наивностью. А на утро, выйдя из клетки, на бумагу сами собой рванулись такие же дерзкие, вольные слова:

*Как часто, пестрою толпою окружен,
Когда передо мной, как будто бы сквозь сон,
При шуме музыки и пляски,
При диком шепоте затверженных речей,
Мелькают образы бездушные людей,
Приличьем стянутые маски,
Когда касаются холодных рук моих
С небрежной смелостью красавиц городских
Давно бестрепетные руки, —
Наружно погружаясь в их блеск и суету,
Ласкаю я в душе старинную мечту,
Погибших лет святые звуки.*

Это уже беспощадный суд над всем холодным салонным петербургским обществом, где лишь как редкие вкрапления видны были чистые человеческие души. Но это не простое озлобление, не отчаяние от безнадежности, это борьба пророка с царством тьмы. И пусть пророку всего 25 лет, у пророков нет возраста. Он сам с виду казался одним из них, из этих светских теней, да и вел себя часто согласно правилам света, но сидевшее в нем небесное, божественное поэтическое начало звало на борьбу, вызывало ненависть к самолюбивому, бездушному обществу. И в нем вновь поднималась вся нелюбовь к холодному придворному Петербургу.

*Когда ж, опомнившись, обман я узнаю
И шум толпы людской спугнет мечту мою,
На праздник незваную гостью,
О, как мне хочется смутить веселость их
И дерзко бросить им в глаза железный стих,
Облитый горечью и злостью!..*

Стихотворение это, названное «1 января», он отнес к Краевскому, и оно появилось в первой книжке «Отечественных записок» за 1840 год.

В том же январе, под тем же впечатлением пишет он еще одно свое горькое и разящее стихотворение «И скучно, и грустно». Оно было опубликовано 20 января в «Литературной газете», которую выпускал тот же Краевский. И вновь он вызвал недовольство Государя Императора, и его верного слуги графа Бенкендорфа.

Впрочем, Петербург изначально, с первого же приезда не стал для него близким городом, хотя и прожил Михаил Лермонтов, если сосчитать все вместе, в этом городе чуть более семи лет. Да и Петербург платил и платит до сих пор ему той же отчужденностью. До сих пор в городе нет музея Лермонтова, а что творится ныне с единственным уцелевшим домом, где подолгу жили и сам поэт, и его бабушка, на Садовой 61, любителям поэзии Лермонтова лучше и не знать. Он разрушается на глазах, а ведь именно в этом доме были написаны бессмертные «Смерть поэта», «Демон», «Герой нашего времени», то же «Бородино», отрывок из которого так прочувствованно цитировал Владимир Путин. Ныне в этом доме живут азиатские гастарбайтеры.

Даже если и построят на его месте новую гостиницу, оставив исторический фасад здания, будет ли там открыт, наконец, музей? Ведь был же первый в России музей Михаила Лермонтова открыт в здании Николаевского кавалерийского училища, бывшей юнкерской школы, где два года учился юнкер Лермонтов, и неплохой музей. Но после октября 1917 года, естественно, кавалеристов прикрыли, а большинство уцелевших материалов лермонтовского музея передали в Пушкинский Дом, где они хранятся и поныне. Готовая экспозиция музея. Но отдаст ли Пушкинский Дом эти не ими собранные лермонтовские фонды? Впрочем, может, не будет ни музея, ни дома, который вот-вот рухнет. Стоит дом ныне расселенный, с отключенными инженерными сетями. У кого-то есть коммерческий расчет на то, что он может быть признан аварийным и под этим предлогом снесен. Шикарный участок под застройку! Хотя о мемориальной квартире Лермонтова в этом доме речь шла уже лет тридцать.

Не везет Лермонтову в Петербурге. Может, город мстит за его первые стихи о нем?

*Увы, как скучен этот город
С своим туманом и водой!..
Куда ни взглянешь, красный ворот
Как шии торчит перед тобой;
Нет милых сплетен — все сурово,
Закон сидит на лбу людей;
Все удивительно, и ново —
А нет ни пошлых новостей!
Доволен каждый сам собою,
Не беспокоясь о других,
И что у нас зовут душою,
То без названия у них!..*

В этом стихотворении, посланном из Петербурга в Москву, С. А. Бахметевой, Лермонтов делится своими первыми — крайне неблагоприятными — впечатлениями от северной столицы. Начинается стихотворение вроде бы самыми благостными словами.

*Примите дивное посланье
Из края дальнего сего;
Оно не Павлово писанье —
Но Павел вам отдаст его.*

Павел, который должен был передать послание, — родственник Лермонтова по его бабушке Е. А. Арсеньевой (сын ее сестры), Павел Александрович Евреинов.

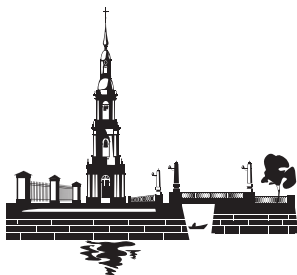
Михаил Лермонтов довольно часто сопоставлял в своем сознании Петербург с Москвой — городом, к которому испытывал неизменную и глубокую привязанность: «...Москва есть и всегда будет моя родина. — Я в ней родился, в ней много страдал, в ней был чрезмерно счастлив».

В стихотворении Лермонтова сравнение двух городов перерастает в прямое противопоставление двух укладов жизни — московского, сохраняющего дружескую откровенность и радушие, и петербургского, где царит дух казенной, обезличенной холодности и где отличительными чертами становятся себялюбие и бездушие. Вместо дивного послания мы видим явное неприятие северной столицы. В той или иной форме эта неприязнь к Петербургу осталась у Михаила Лермонтова навсегда. Да и ему все большие неприятности шли из Петербурга, из придворных кругов.

Он много чего написал в Петербурге, и «Мцыри», и «Героя нашего времени», и «Демона», но действие их разворачивается на близком ему по духу вольнолюбивом Кавказе. Разве что замолчанная пьеса «Маскарад» как бы развернула во всю ширь и глубь тему стихотворения «1 января». Но об этом позже...

*Садовая, 61.
Дом, где жил и творил М. Ю. Лермонтов*

ПОЭЗИЯ

Антонина СЫТНИКОВА

«МЫ БЛАГОДАРНЫ СТАНЕМ МИГУ, В КОТОРЫЙ МИР СУМЕЛ ВМЕСТИТЬСЯ...»

Антонина Семеновна Сытникова — родилась в 1955 г. в Сумской обл. (Украина). В 1979 г., после окончания Харьковского политехнического института, по распределению приехала в г. Орел. Работала на Орловском сталепрокатном заводе инженером-электронщиком. Первый поэтический сборник «Мираж» увидел свет в 1993 г. После этого были сборники: «Чаша света» — 1996 г. и «Звездная память» — 2008 г. Были публикации в местной и региональной прессе, в ежегодных альманахах, издаваемых Орловской писательской организацией с 2004 г., в «Невском альманахе», в газете «Российский писатель», в коллективных сборниках: «Симфония» — 2006 г. и «Зеркало Пегаса» — 2002 и 2008 гг. **Живет в Орле.**

ДВЕ МАТЕРИ

1

Когда в саду роскошно птицы пели,
Светило солнце на макушку дня,
Две матери у детской колыбели
Укачивали песнями меня.

Две матери — Россия с Украиной.
Моя любовь и нежность. И тоска
По времени, когда они — едины.
Одной картины два цветных мазка.

2

Замкнулся круг,
наполненный любовью.
Я — русская, украинка — сестра.
Два факела горят у изголовья,
Зажженных от единого костра.

И зову сердца как теперь не верить!
Орловщина — моя вторая мать.
Я прихожу сейчас на Окский берег,
Чтобы Ворсклицу
с грустью вспоминать.

* * *

«Сонэчко!» — нежно коснулась
Трепетных струн Украина.
Юность, далекая юность
Встала опять возле тына.
Солнце застыло в зените,
В воздухе — горечь полыни,
Марева зыбкие нити
Делают вещи иными.
Плавают томно стрекозы,
Смотрят, чтоб все было в норме,
Где-то за кучей навоза
Курица выводок кормит.
Спелое яблоко звонко
Шлепнуло боком о землю,
Заворожённо буренка
Звону подойника внемлет.
Брызнут пахучие струи,
Первая кружка для внучки,
С легкой улыбкой подую
В белую пенную тучку.
«Сонэчко, — бабушка скажет, —
Дуже тоненька ты стала». —
Фартук неспешно повяжет.
«Можэ, видризаты сала?»

Голос смешинкой взорвется,
Высветив прошлого дали.
Словом, лучистым от солнца,
Вы меня снова назвали.

КОЛОДЕЦ

Заокало эхо в колодце заброшенном,
Стремится к воде перекатами звук,
Вращаясь, как ворот, который из прошлого
Хранит теплоту человеческих рук.
Смотрюсь в глубину. В древесине ободранной
Неведомым образом вырос цветок,
А глубже, давно не тревоженный ведрами,
В тени затерялся зеленый чертог.
И небо в конце. С наступлением сумерек
Там в бисере звезд загорелась луна,
И сразу теряется благоразумие,
И тянет к себе, как магнит, глубина...

СОЛНЕЧНОЕ ЗАТМЕНИЕ

На двор, где до этого буйствовал день,
Луч солнца, сверкая, струился по крыше,
Легла мрачно-лиловая тень,
И стало так грустно, как будто бы вышел
За дверь человек бесконечно родной.
Толкнулась тревога — а вдруг не вернется,
И в жизни, теперь совершенно иной,
Останется вечно затмение солнца.

* * *

Прикоснулась к корням,
Вновь припала к истокам,
Напоили меня
Здесь живительным соком
Эти лес и река,
Что достались в наследство
На года, на века
От далекого детства,

Где за рыжей горой
Притаилось болото,
Там ночами порой
Плакал жалобно кто-то.
Мне печаль иногда
В сердце снова стучится,
И неясно тогда,
Плачу я или птица.

* * *

Глаза в глаза — короткий миг,
А в промежутке — вечность снова,
Она, как талисман, хранит
Взгляд и несказанное слово.

И, вечности листая книгу,
Вдруг замирая над страницей,
Мы благодарны станем мигу,
В который мир сумел вместиться.

* * *

Свет спокойной луны
Освещает дорогу.
Гаснут, еле слышны,
В этом вечере строгом
Звуки улиц усталых
И уснувших домов.

Неожиданно талым
Потянуло, и вновь —
Лишь мороз и дорога
И спокойная высь.
Нужно, право, немного,
Чтоб почувствовать Жизнь.

* * *

Бегут деревья за окном вагона,
Сжимает сердце острая печаль,
И серая распластанность перрона
Неумолимо ускользает в даль.

Сквозь стук колес
размеренно унылый
Летит к окну зеленая звезда,
А в памяти встает и то, что было,
И то, чего не будет никогда.

ВЫШЛА КНИГА

Бакланов А. Г.

Самый молодой генерал (XX век — страна, люди, судьбы). — М.: Издательский Дом ТОНЧУ, 2012. — 360 с.

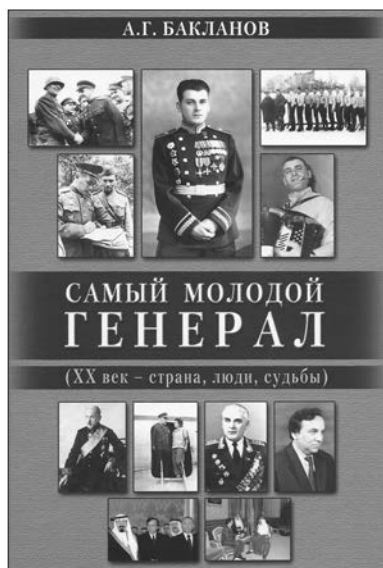
Книга «Самый молодой генерал (XX век-страна, люди, судьбы)», вышедшая в нашем издательстве, показывает эволюцию жизненных интересов и ценностных ориентиров представителей династии Баклановых, освещает родственные и дружеские связи сквозь призму исторических событий XX века.

Автор книги — Андрей Глебович Бакланов — посол, специалист по странам Арабского Востока, действительный государственный советник Российской Федерации, в настоящее время работает в Совете Федерации Федерального Собрания в должности начальника Управления международных связей.

Андрей Бакланов рассказывает о судьбе своего отца — Глеба Владимировича Бакланова — одного из известных военных деятелей нашей страны, Героя Советского Союза, о его плодотворной деятельности, участии в политической и общественной жизни страны. В издании содержится интересный материал о развитии спорта в СССР. Примечательно, что именно Г. В. Бакланов представил на рассмотрение советскому руководству предложение о целесообразности присоединения СССР к международному олимпийскому движению.

Из книги читатель узнает также о дипломатической работе самого автора, о его встречах и беседах с известными российскими и зарубежными современниками. В предлагаемом издании приводится авторская трактовка и оценка событий и явлений, происходивших в нашей стране в XX — начале XXI века.

При создании книги Андрей Бакланов проработал множество уникальных письменных свидетельств очевидцев событий XX века, в том числе дневниковых записей тех лет, некоторые из которых представлены на страницах издания. Большое внимание при подготовке автором данной работы было уделено подбору фотографий, составлению весьма информативного именного указателя. Данные материалы позволяют читателю ярко представить картину исторической, общественно-политической, экономической и культурной жизни нашей страны.

Андрей Шендаков

«ЖИВУ В СТАРИННОМ ГОРОДКЕ...»

Андрей Игоревич Шендаков — родился в 1978 году в г. Болхове Орловской обл. Окончил университет, а затем очную аспирантуру, в 2004 году защитил кандидатскую, в 2009 — докторскую диссертацию. Работал на селе, с 2004 года преподаёт в университете. В 2003 году получал именную стипендию губернатора Орловской обл. Лауреат Всероссийского литературного конкурса-фестиваля «Хрустальный родник» и др. Автор двух книг стихотворений. **Живёт в Орле.**

* * *

Летний вечер.
Даль свободна и чиста,
Травы потускнели,
Тень поклонного креста
Прикоснулась к ели...

На ветвях блестит роса,
Сердце бьется остро,
Долетают голоса
С темного погоста.

И крадется в поле тень
Над глухой крапивой;
Вдалеке, примяв ячмень,
Лошадь машет гривой.

А в низине ни души,
Лишь во мгле холодной
Сонно шепчут камыши
В тишине болотной.

Золотистая заря
Окропила свечи:
За стеной монастыря
Робок летний вечер...

* * *

Живу в старинном городке,
Где на холме шумят осины
И под мостом, ломаясь, льдины
Трещат в апреле на реке.

Здесь прошлым дышит у церквей
Неповоротливое время,
И с теплой горсткой суховея
Уходит сырость летних дней.

Былое видится везде:
Здесь, оставляя Божьи знаки,
Писали древние монахи
Псалмы на тонкой бересте...

Истлели стрелы злых князей,
Скупы иных веков останки...
Лишь слышен голос коноплянки
Сквозь топот рыжих лошадей.

ВОСПОМИНАНИЕ

Опять наплывают раздумий тяжелые тени,
В осеннее небо летит беспокойная мысль:
Я вспомнил тот край, где сквозь ветви цветущей сирени
Широкие окна глядят в бесконечную высь;
Тот край, где в тиши набегают пшеничные волны
На камни сырых, но пустых монастырских гробниц,
Где сходит Христос, словно луч, со старинной иконы,
И раны его тускло теплятся светом зарниц...

Быть может, и я продолжаю дорогу Иисуса:
По пыльной земле и холмам я не раз проходил
И песни слагал, глядя в бездну небесного русла,
И молча сидел под крестами прогнивших стропил...
Тот край для меня будет вечно и близок, и дорог,
Тот край для меня будет раем при жизни моей...
Как ни был бы путь в этот край неоправданно долог,
Я помню холмы и раскатистый крик журавлей.

* * *

Хрустнет старый ракитовый пруттик,
Или с полной корзиной опять
Вдруг пройдет
 незнакомый мне путник, —
Я всему благодатному рад...

И ручью в неглубоком овраге,
И застенчивым струйкам ключей,
И осенней искрящейся влаге
На ладонях рассветных лучей.

Я иду по холму или даже
По Вселенной — да кто разберет,
Если в горстке чернеющей сажки
У дороги затеплился лед...

Я не свят, но святое приемлю,
Видя неба туманный откос:
Может, тайно спускаясь на землю,
Где-то рядом шагает Христос?..

КРЕСТНЫЙ ХОД

Стою у стен монастыря
у восстановленного храма...
И вдруг за створкой алтаря
открылась сердцу панорама
иных времен, иных веков
со свистом стрел и громом пушек,
с призывным пением волхвов
и горьким ропотом старушек...

Горит звезда! Теперь и мне
пора идти за Крестным ходом —
за вечным зовом в вышине,
вслед за смирившимся народом,
который выжил вопреки
уничтожающим эпохам...
Я слышу: молвят старики
о покаянье перед Богом.

ПОКАЯНИЕ

Душа зовет — не удержусь,
Сильны истоки вдохновений:
В полях простором дышит Русь,
Смахнув остатки сновидений.

В неиссякаемом ключе
Вода студеной искрится;
Напившись в утреннем ручье,
Качает веточку синица.

Всхожу по влажному холму,
Как будто после долгой битвы.
Кому не слышатся, кому —
Земли исхоженной молитвы?..

Иду к поклонному кресту
Среди надгробий и преданий...
Судьбы нелегкую версту
Встречают годы покаяний.

* * *

Свежий ветер — раскатистый дух,
На крылечке пустые корзины;
И беседы знакомых старух,
И задумчивый шорох осины —
Все кладу на свой письменный стол,
Запах листьев вдыхаю я снова,
Чтобы, выйдя в сиреневый дол,
Слушать этой окраины слово;

Чтобы, глядя на спины лесов
И подзолистый вязкий суглинок,
Понимать крик испуганных сов
И растерянный шепот икринок...
Я учусь у желтеющих трав,
У реки с каменистым притоком...
И, в дороге порой запоздав,
Вижу ангелов в небе высоком.

О ТВОРЧЕСТВЕ

Каждый день, погружаясь в молитву
И стирая случайную блажь,
Я беру, словно острую бритву,
Из футляра простой карандаш.

И сплетаются с вечностью строфы,
И, как будто прибрежный туман,
Отдаляется час катастрофы,
О которой сказал Иоанн...

Я пишу: мое сердце открыто,
Мои мысли легки и чисты;
Режет стержень тугого графита
Окрыленные светом листы.

Бог молчит, но Его я услышу;
Я молчу, — Он услышит меня.
Смотрят звезды на старую крышу.
И вращается ось Бытия!

* * *

...Где ветвями кивают деньки
У дороги знакомым проходим
И, пугая дымком непогожим,
Поднимаются гребни реки,
Там холмами блестят валуны,
Серебрятся высокие склоны,
Над оврагом ветвистые кроны
Берегут глубину старины.

В перелеске сильнее печаль:
Перегнившие листья под снегом
Оставляют следы новым вехам,
А над полем — разверзнута даль...
В старом городе мне повезло
Знать любовь православного чуда:
Словно луч, вновь летит —
ниоткуда —
Из вселенских просторов тепло.

СЛОВО

Я склоняюсь над строкой
И молюсь над каждым словом,
Чтоб над утренним простором
В мир оно текло рекой;
Чтобы смысл звенел ручьем
Беспокойного апреля,
И дрожало в стеклах время,
Как бескрайний водоем;

Чтоб, взлетая в высоту,
Продолжалась Божья песня
И, спускаясь с поднебесья,
Майский гром звучал в саду...
Я склоняюсь над строкой
И молюсь над каждым словом.
И восходит в небе новом
Свет Вселенной надо мной.

Игорь ИЗБОРЦЕВ

ПАСТУШЬЯ СУМКА

Повесть

Игорь Изборцев (Смолькин Игорь Александрович) — прозаик. Родился в 1961 году в Пскове. В 1984 году окончил инженерно-строительный факультет ПФ ЛПИ. Член Союза писателей России. Председатель Псковского отделения СП РФ. В различных издательствах Москвы, Санкт-Петербурга и Пскова вышли в свет восемь книг прозы. Печатался на страницах журналов: «Наш современник», «Москва», «Православный паломник», «Благодатный Огонь», «Русский дом», «Балтика» и др. Лауреат Всероссийской литературной премии им. св. кн. Александра Невского. **Живет в Пскове.**

Колокольные звоны плыли над куполами монастырских храмов, над огромными, как зеленые острова, деревьями, над яблоневым садом на Святой горке; мягко обтекали костры древних башен и тонули в толще крепостных стен. Казалось, их источник находится не на земле, а где-то за облаками, и это там, высоко в небе, развешены колокола, в которые ударяют невидимые небесные звонари, рождая преображающие мир звуки. А внизу небесное и земное сливалось в единую реку, вытекающую из монастырских врат — реку Крестного хода, самого многолюдного и торжественного, поскольку свершался он в праздник Успения Пресвятой Богородицы, а монастырь носил это имя уже более пяти веков.

Если бы это шествие изображал художник, то, прежде всего, отразил бы на полотне изумрудную свежесть дороги, выстланной луговыми травами и цветами, а поверх зеленого нанес бы мазки небесной лазури, запечатленной в голубых облачениях духовенства; золотые искры в архиерейских митрах и панagiaх, рапидах и крестах, хоругвиях и ризах икон; солнечные луковки над янтарными стебельками свечей; пеструю сумятицу лиц и выражение счастья на них. Нашлись бы только подходящие краски в палитре художника...

«В рождестве девство сохранила еси, во успении мира не оставила еси, Богородице...» — каждый поющий стремился вложить в молитву глубину своих чувств. «Преставилася еси к животу, Мати сущи Живота...» — слова плыли над лугами и холмами, над стерегущими время крепостными башнями, простирались к горизонту.

Крестный ход двигался, он охватывал кольцом монастырские стены, и когда на площади перед Святыми воротами появилась глава, его конец эту площадь едва успел покинуть. Находящаяся в начале шествия Икона Успения Пресвятой Богородицы, как великое чудо веры, одаривала всех невидимыми глазу благодатными осияниями. Взмахивали кропилами священники, разбрасывая по сторонам струи святой воды. А где-то все также бодро, словно и не было долгого, с подъемами и спусками, хождения, пели:

«В молитвах неусыпающую Богородицу и в предстательствах непреложное упование гроб и умерщвление не удержаста: якоже бо Живота Матерь к животу престаи во утробу Вселивыйся приснодевственную».

Собрание молящихся на площади умножалось, и не то, что яблоку, крохотной косточке от четок упасть, казалось, уж было некуда. А народ все прибывал. Кто-то из духовенства возгласил величание, и множество голосов подхватили рожденные в глубине столетий слова:

«Величаем Тя, Пренепорочная Мати Христа Бога нашего, и всеславное славим Успение Твое».

Еще не кончилась в чашах вода, и кропила обращались в сторону кричащих: «Сюда, сюда!», а небо, как будто проявляя собственное попечение, уж набухало вышней влагой. Первые капли дождя, не достигая земли, утонули в плотной человеческой массе. Но тучи сгущались и робкий дождик обратился в ливень, который загредел по крышам, кронам деревьев, распустившимся куполам зонтов; заревел, устремляясь в провал спускающейся вниз дороги, откуда еще подтягивались последние ряды Крестного хода.

Разверзшееся небо рушилось вниз, в человеческое море, которое, переполняясь, ходило волнами, вскипало, поднималось лавиной, но не от страха, а от восхищения и восторга: «Радуйся, Предстательнице к Богу, мир спасающая; Радуйся, Заступнице, роду христианскому от Бога дарованная!»...

Достигнув высоты накала, ливень вдруг оборвался. Облака, как театральный занавес, раздвинулись по сторонам, и благословляющая десница солнца залила золотом кипящую Крестным ходом площадь. И не было в сердце иных побуждений и желаний, как только восклицать: «Радуйся, Обрадованная, во Успении Твоем нас не оставляющая!»

* * *

После обеда площадка у автостанции бурлила от обилия пассажиров. Не уместающиеся на скамейках отъезжающие сидели на собственных сумках или просто на застеленном газетами асфальте. Очередной автобус задерживался, расползались слухи, что на трассе какая-то авария. В автопавильоне рядом с кассой на соединенных в ряд пластмассовых креслах расположились женщины с детьми. Одна из них, черноволосая, похожая на молдаванку, уговаривала мальчика лет шести съесть банан.

— Ванюша, милый, скушай, и Боженька пришлет тебе машинку, — сладким голоском обещала она.

— Нет, хочу мороженое, — недовольно морщил лицо мальчуган.

— Мороженое ты уже кушал, теперь надо банан, а то животик заболит.

— Нет, не буду банан, купи мороженое, мороженое! — продолжал ныть ребенок.

Диалог обещал быть долгим, но тут вмешалась сидящая рядом женщина, на вид лет сорока — сорока пяти, крупная, с правильными, хотя и несколько грубоватыми чертами лица.

— Ванечка, а ты был на Крестном ходу? — спросила она. — Видел там солдата-казака с черными усами и саблей на боку?

Мальчик замолк, настороженно посмотрел в ее сторону, но отвечать не спешил.

— Этого солдата Владыка назначил в охранение, потому что он сильный и смелый. А есть он любит, я видела на трапезе, кашу, овощи и фрукты. И бананы он любит. А если бы он ел одно мороженое, то у него выросли бы не усы, а большой живот.

— Как у Робин Бобин Барабека? — спросил мальчик.

— Вроде того, — согласилась женщина и улыбнулась. Улыбка у нее была той природы, что преображает человека в гораздо лучшую сторону. Поэтому, улыбнувшись, женщина помолодела и превратилась почти что в настоящую красавицу. Это не осталось незамеченным.

— А ты не с «Поля чудес», не от дяди Лени? — с серьезным видом поинтересовался Ваня.

— Нет, я не от дяди Якубовича, видела его только в телевизоре. А почему я должна быть с «Поля чудес»?

— Мама говорит, что если я буду есть творог, дядя Леня даст мне приз, — охотно объяснил мальчик.

— А как твою маму зовут?

— Вероника, — громко объявил Ваня, — а мой папа президент, он на Святой Земле живет.

— Это правда? — удивилась Ванина собеседница и взглянула на его мать. Та виновато пожала плечами и, наклонившись, тихо шепнула:

— Мы в разводе.

— Ясно, — кивнула женщина и представилась: — Прасковья.

— Мама говорит, что папа уехал в самые дальние края на важную работу, — между тем продолжал объяснять мальчик, — самые дальние края — это Святая Земля, а самые важные люди — президенты.

— Теперь поняла, — опять улыбнулась Прасковья.

— Мы на Успение приехали с Ваней, да вон, с родственницей тетей Марусей, — Вероника указала куда-то в другой угол павильона, — из Дятьково мы, это Брянская область.

Прасковья понимающе кивнула, словно знала всю подноготную этого самого городка. Не обижать же людей.

— Да здесь народ со всех уголков России собрался, — сказала она, — такой праздник. А Крестный ход? Чудо! Ваня, ты слышал, как звонили колокола? А старцев монастырских видел? — опять обратилась она к мальчику.

Тот ответил не сразу. Он поддался-таки на уговоры матери и старательно снимал с банана кожуру. Справившись с задачей, оглядел этот фрукт счастья, похожий на продолговатый клюв заморской птицы, примерился и отхватил вершину. По мере того, как мякоть растворялась у него во рту, лицо его менялось, все более приобретая выражение довольства. Окончив есть, он, отвергнув предложенной матерью платок, вытер руки о брючки, и глаза его опять поскуачили.

— Не видел я никаких старцев, — соизволил наконец подать он голос, — я коров видел на поле и пастуха, как у нас дома. Только у нас стадо больше, а у пастуха большущий кнут.

— Да? Ты видел коров? — с нотками удивления в голосе спросила Прасковья, будто в этом крылось нечто необыкновенное. — Я так не заметила. И пастух там был с пастушьей сумкой?

Ваня молча кивнул. Его мать, явно испытывая неудобство, нервно погладила мальчика по голове.

— Ребенок, что с него взять? — словно оправдываясь, сказала она. — Это нам, взрослым, старцы, а ему вон коровки...

Прасковья не ответила. Она о чем-то задумалась, лицо ее напряглось, взгляд рассеялся и будто утонул неведомо где. Обаяние молодости поблекло, обнажая следы прожитых лет.

Вероника начала рассказывать про коров в их родном Дяткове и, почему-то, про уникальные, по ее словам, хрустальные изделия. Но собеседница ее не слышала. Впрочем, никакого неудобства не возникло — рядом родился новый очаг разговора. Пожилая женщина — явно учительница — с авторитетным видом излагала соседям по скамейке историю монастыря. Говорила она книжным языком, словно заучила текст наизусть. Или просто иначе не умела выражать свои мысли?

— Летопись повествует о том, как в конце пятнадцатого века, когда рубили лес на склоне горы, одно из поваленных деревьев, падая, увлекло за собой другие. Под корнями одного из них открылся вход в пещеру, а над входом надпись: «Богом зданныя пещеры».

— Мама, а Боженька прислал мне машинку? — спросил Ваня, ткнув Веронику в бок острым локтем.

— Отстань, дай послушать! — прошипела та, но мальчик не отставал.

— Да на, возьми, только замолчи, — Вероника, не глядя, открыла сумку, на ощупь нашла коробку с игрушкой и сунула в руки ребенку. Все это время, вытянув шею, она слушала соседку-рассказчицу.

— Из древнего предания известно, что жили в этом месте выходцы из Киево-Печерской обители, бежавшие в здешние пределы из-за набегов крымских татар. Имена всех их остались неизвестны.

Датой основания монастыря считается 1473 год, когда освящена была выкопанная в песчаном холме у ручья Успенская церковь.

В 1521 году монастырь обрел чудотворную икону Успения Богоматери. Эта икона стала прославляться многими чудесами: исцеляла бесноватых, даровала прозрение слепым, освобождала от болезней. Эту икону все видели. Хранится она в самом древнем соборе монастыря — в Успенском.

— А мы с Ванюшей прикладывались! — выкрикнула, не сдержавшись, Вероника. — Ой, какая благодать! Правда, Ванечка?

Мальчик не ответил, он водил по коленкам машинку и сосредоточенно жужжал.

В этот момент среди пассажиров пронеслась весть: дескать, подали наконец-то автобус. Все зашевелились, задвигались. Похожая на учительницу рассказчица подхватила свой саквояж и выбежала из автопавильона.

— Ваня, живо собирайся! — засуетилась Вероника и, приложив ладонь ко рту, закричала: — Тетя Маруся, авоськи наши не забудь!

Но тут по залу опять прошел гул: нет, мол, никакого автобуса — ошибка вышла. Пассажиры стали возвращаться на свои места. Однако учительница так и не появилась. На ее место в их тихую гавань прибилась тетя Маруся — невысокая старушка лет семидесяти с серьезным лицом.

— Безобразие, просто ужас какой-то! — воскликнула Вероника. — У нас в Дятькове сроду такого не бывало!

Тетя Маруся несколько раз согласно хлопнула глазами. А Ваня, то ли поддерживая, то ли протестуя, громко забибикал.

— Тише, люди кругом! — цыкнула на него мать. — Подумают, что ты из деревни приехал. Тетя Маруся, — она тронула спутницу за руку, — там, в сумке, яблоки, будешь?

Старушка отрицательно покачала головой, тогда Вероника предложила угоститься Прасковье. Та, поблагодарив, тоже отказалась, и чтобы сгладить какую-то неловкость момента, спросила:

— А вы знаете, что раньше Крестным ходом в Успение ходили до самого губернского центра?

— Неужели? — изумилась Вероника. — Это же километров полста, не меньше?

— Именно так, — кивнула Прасковья, — вы представьте себе: солнце палит, потом на смену жаре — дождь, а люди все идут и идут.

— Просто чудо какое-то, — вздохнула Вероника, — да, тетя Маруся? Дядьковская старушка опять с серьезным видом моргнула.

— А вы верите в чудеса? — Прасковья внимательно взглянула на Веронику и, заметив в глазах ее растерянность, пояснила: — Ну, с вами происходило что-нибудь необыкновенное, что-нибудь, похожее на настоящее чудо?

— Не знаю, — молодая женщина пожала плечами, — то, что мы здесь оказались, это тоже, можно сказать, чудо. Ну а необыкновенное, настоящее... Наверное, нет. Пока еще не было.

— А у меня было. Хотите, расскажу?

— Ну да, — кивнула Вероника.

В этот момент заплакал Ваня. Над ним кружилась оса, то и дело пикируя прямо ему в лицо.

— Да не бойся, сын, — успокаивая его, Вероника пропеллером завертела в воздухе рукой, — у нас в Дятькове и не такие осы, а никто их не боится. Нас, дятьковцев, поди, тронь!

Мальчик затих, его внимание переключилось на возникшую у билетной кассы перепалку: высокий тощий старик в тяжелых роговых очках отчитывал стоящих в очереди молодых людей.

— Что там такое? Что за люди, — вздохнула Прасковья, — поговорить не дают.

— Вандалы, питекантропы, неандертальцы! — высоким фальцетом кричал старик. — Я ветеран! У меня трудовой стаж пятьдесят пять лет! Я страну из разрухи поднимал! Я имею право без очереди!

Молодые люди, освободив пространство у окошка кассы, что-то тихо ему объясняли. Но старик не унимался.

— Не нужны мне ваши извинения! Я кровь трудовую проливал!

— Что еще за трудовую кровь? — недоуменно пожала плечами Прасковья. — Нет, мужики иной раз хуже нас, баб.

— Да какой это мужик? — подала голос сидящая неподалеку бабка в белой панаме, она отодвинула ногой заткнутую сверху цветной тряпичей плетеную корзину и, наклонившись в сторону Прасковьи, понизив тон, сказала: — Он всю жизнь в партии работал, в райкоме. Вторым секретарем был.

— Ну так и что? — махнула рукой Прасковья, — среди партаппаратчиков немало хороших людей. Помню, был у нас в городе один...

— Да нет! — перебила ее бабка в панаме. — Этот лютовал, людей, как блох, давил, а теперь — персональный пенсионер. Я ведь у них в райкоме в буфете работала, все ихние тайны, как облупленные, знаю.

— В буфете? — воскликнула Вероника, в глазах ее сверкнули маленькие молнии. — Себя, небось, не обижала? У нас в Дятькове неподалеку от нашей хаты жила Любка-буфетчица, в исполкоме работала. Ух как она себя не обижала! У нее и колбаска, и крабы, и икра. И хоть бы когда угостила! Только посадили, голубу. Проворовалась. Так ей и надо! Да, тетя Марусь?

Та в знак согласия высморкалась и клюнула вниз носом.

— Вот видите? — Вероника, указывая рукой на спутницу, широко улыбнулась. — Тетя Маруся у нас пять лет в народном контроле протрубила.

— Да ну вас, комунык! — бабка в панаме сердито сплюнула и, придвинув к себе корзину, отвернулась в сторону.

Суэта вокруг персонального пенсионера-партийца вроде бы поутихла, но тут обнаружила себя еще одна свидетельница его бывлой руководящей деятельности.

— А не вы ли, Кирилл Александрович, моего мужа из типографии поперли за антисоветские высказывания? — к пенсионеру, раздвигая народ, приблизилась тучная полногрудая тетка и подперла его бюстом так, что тот был вынужден изогнуться назад, прямо к окошку кассы. — Не вы ли за пару анекдотов человеку жизнь сгубили? Ведь он потом спился и помер, двух детей сиротами оставил! Вы знаете, как мы жили? Что мне вытерпеть пришлось, пока их растила? Они, вон, такие же, как эти парни. Что вы к ним пристали? Совесть-то у вас есть?

— Действительно, чего к мальчишкам привязался? — к дородной даме присоединилось еще несколько возмущенных голосов. — Парни на Крестном ходу в оцеплении стояли, чудотворную икону от толпы оберегали, а этот пришел и давай их грызть. Сам-то, верно, на службе праздничной не был?

— Да сроду он в церкву не ходил, атеист недоделанный! — крикнула ботелая женщина и погрозила ему пальцем: — Небось, на дачу свою прихватизированную едешь? Персональную-то машину отобрали? В общественном транспорте атмосферу отравляешь?

Старик стушевался, задержался, кое-как выскользнул из-под грузного тела обличительницы и затрусил к выходу.

— Я кровь трудовую проливал, — на ходу бормотал он, — за трудовой народ, — в дверях он приостановился, поднял голову вверх, к небу и, перед тем как сгинуть, зачем-то сказал: — Воронье под тучи взбирается — к ненастью.

— Это так, — согласилась наблюдавшая за ним Вероника, — я сегодня тоже внимание обратила: утром трава была сухая, а это значит — к ночи жди дождя.

— Так был ведь уже ливень, — заметила Прасковья.

— То днем, а трава — это к ночи. Днем — это если цветы сильнее пахнут. Это я тоже заметила — сильнее пахли. Вот дождь и был. А если небо в барашках — значит дождь на пороге, вот-вот и пойдет...

— Бред какой-то, — поежилась Прасковья, — и что это там, впрямь, с автобусом? Так и заночевать здесь придется.

— Действительно, — охотно поддержала ее Вероника, готовая, похоже, не задумываясь кинуться в любую, пусть и неожиданную, сторону разговора, даже в самый его узенький переулочек, лишь бы тот не кончался, — вот у нас в Дятькове с этим строго: опоздал автобус — его на металлолом, а шофера — на исправработы или в дом «хи-хи»...

Не сдержавшись, Вероника фыркнула и конфузливо прикрыла рот ладошкой. Тут вдруг обнаружилось, что сидящая доселе молча тетя Маруся обладает негромким, но сочным баритоном с ярко выраженным малороссийским акцентом.

— Ты не слушай эту егозу, у ней язык, шо помело, — обратилась она к Прасковье, — ты про чудо обещала рассказать, так уж расскажи, будь мила.

— Ах это, — устало перевела дух Прасковья, — что ж, раз обещала, расскажу. Только придется начать с начала, с самых молодых лет. Иначе нельзя. Судя по всему, приезд автобуса нам не помешает. Так вот, если вспоминать начало моей семейной жизни, то можно сказать, что начиналась она красиво, романтично, просто в розовых тонах...

Жужжащая над их головами оса, выписывая раз от разу расширяющиеся круги, поднималась все выше и выше, под самую крышу павильона, и словно раскручивала невидимую спираль, из которой просыпались вниз, тут же обретая дух и плоть, забытые минуты, недели, года; доносились неясные шорохи, слышались голоса и, конечно же, звуки музыки. Кажется, это был вальс «Метель» Свиридова...

* * *

В тот чудный июльский вечер Прасковья пришла в Летний сад посмотреть на фонтан, который недавно вновь запустили, раскрасив струи разноцветными огнями. Рядом расположился маленький оркестр. Редкий случай — живая музыка звучала в парке лишь в связи с исключительными событиями. Верно, именно к такому роду явлений и относился запуск фонтана. Впрочем, Прасковья об этом не думала, она любовалась необычной палитрой струй и слушала прекрасную музыку. Играли Свиридова — вальс «Метель».

«Господи, это же пушкинский парк!» — вспомнила вдруг Прасковья и ужаснулась: возможно, великий поэт стоял на том самом месте, где стоит теперь она? И так же любовался фонтаном? Если, конечно, предположить, что таковой в ту пору был.

Глубокие чувства овладели ею, охватили ее всю целиком, так что даже в коленях она ощутила дрожь. Сердце сжималось, ожидая чего-то неведомого, небывалого, волшебного... Тут и подвернулся ей будущий ее супруг Гаврилов. «Подвернулся» — это, конечно в свете будущих событий, а тогда он подошел... нет, подплыл, как принц под алыми парусами к Ассоль. Как же слепо зачастую девичье сердце!

Потом было много алых роз, стихи Северянина, Блока и Пушкина, конечно! Они гуляли под сенью пушкинских рощ и дубрав.

— Здравствуй, племя, младое, знакомое! — Гаврилов легко покрывал громopodobным голосом окрестности Сороти со всеми ее заливными лугами и племенными стадами коров на них.

Своим телом он колебал скамью Онегина, в запале прыгая по газонам, выкрикивал стихи:

*Я вас любил: любовь еще, быть может,
В душе моей угасла не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем¹.*

Прасковья бесконечно ему верила и бескорыстно вручала и свою девичью честь, и подаренную родителями двухкомнатную кооперативную квартиру.

Уже будучи супругами, они оканчивали один и тот же Политехнический институт. По распределению отправились в город N, где Гаврилов ошастливил своим присутствием механический завод, а Прасковья устроилась преподавать сопромат в местный техникум. И все у них тогда было как у людей. Поскольку новая малая родина пришлась им по сердцу, они без особых сожалений продали подаренную родителями Прасковьи квартиру и купили подобную (нет, даже чуть лучше) в центре города N. По некотором прошествии времени в их доме появилась кровать и набор детского белья. А вскоре и детские пеленки парусами забелели на балконе. Новорожденной дочке Наташе требовалось много пеленок — она уродилась в папу, крупной и громкоголосой. Гаврилов в ту пору уже не читал стихи классиков, он пел Розенбаума.

— Гоп-стоп, мы подошли из-за угла, гоп-стоп, ты много на себя взяла... — развязно басил он, мусоля в уголках губ сигарету.

В стране ширилась перестройка, ядовитым плющом обвивала она Россию со всеми ее гигантскими пространствами, лесами, полями, танками, самолетами, заводами, новостройками, железнодорожными мостами и человеческими душами. От ядовитых объятий, прежде всего, как более податливые и мягкие, страдали люди. У перестроечного человека перво-наперво заболела совесть и, как шагреневая кожа, быстро начинала уменьшаться в размерах. Выяснилось, что с полноценной совестью жить обузливо, а с микроскопической существовать гораздо легче. Да и как иначе уцелеть, если кого-то не обманешь? Как построить свой несправедный капитал? Вместе с совестью умаялся и интеллект.

*Да ведают потомки православных
Земли родной минувшую судьбу,
Своих царей великих поминают
За их труды, за славу, за добро —
А за грехи, за темные деянья
Спасителя смиренно умоляют².*

¹ Пушкин А. С. Я вас любил. 1829. (Здесь и далее примечания автора.)

² Пушкин А. С. Борис Годунов.

Прасковья любила перечитывать эти строки. Но много нашлось бы в перестроечные годы таковых, кто вспомнил бы и назвал их автора? Зато «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла» знали почти все.

Гаврилов некоторое время еще работал на заводе. Но уже без прежней охотки. Энтузиазм его постепенно переключался в область новой капиталистической будущности. Ларьки, торговые павильоны, броская реклама иностранных товаров, биржи, лохотроны, игровые залы — все это манило его, как муху на мед. Особенно игровые залы, автоматы, казино, рулетки, покерные столы... Гаврилов отчего-то вбил себе в мозг, что Фортуна, как своему избранному любимцу, приготовила ему большой куш. И надо лишь выгадать нужное время и нужное место...

Как в воображении Германа из «Пиковой дамы» «тройка, семерка, туз» заслонили, по словам автора, образ мертвой старухи, так и в голове Гаврилова те же самые «тройка, семерка, туз» подменили собой основательность в поступках и здравый смысл почтенного главы семейства.

Быть может, перечитай Гаврилов повесть Пушкина, он изменил бы хоть что-то в своей судьбе? Неужели не охладила бы его пыла игрока трагическая сей повести развязка? А ну как прочитал бы он о том, что «Герман сошел с ума. ...сидит в Обуховской больнице в 17-м номере, не отвечает ни на какие вопросы и бормочет необыкновенно скоро: “Тройка, семерка, туз! Тройка, семерка, дама!...”»?¹

Ужели не образумился бы Гаврилов? Пустое дело. Конечно же, нет! Рассмеялся бы и напел бы свое любимое: «Гоп-стоп, мы подошли из-за угла...» Нет, Гаврилов не желал образумливаться. Он бегал по «нужным» местам, спуская все, прежде трудом и терпением, нажитое. Прасковья чуяла беду. Да и как тут не почувешь, когда к ним в квартиру зачастили незваные визитеры, требующие возврата каких-то займов и долгов, трясли расписками, грозили милицией, судами, расправами и прочими карами земными и небесными?

Дочке Наталье в ту пору уж минуло восемнадцать, и Прасковья Петровна от греха подальше решила срочно определить ее замуж. Тут же начала действовать. Через очень дальних знакомых нашла простенького женишка, проживавшего в забытом и заброшенном селе, где искать уж точно никто никого не станет. Извертелась, как юла, но убедила всех в необходимости скорой свадьбы. Что, собственно, и произошло. На удивление, брак оказался удачным. Женишок обзавелся фермерским хозяйством, быстро встал на ноги и содержал жену свою в полном достатке.

В то самое время в доме самой Прасковьи все окончательно летело под откос. Займодатели Гаврилова требовали уже не денег — они трясли закладными на квартиру и на все имущество. Прасковья плакала, но что ее слезы в этом мире кривых зеркал и полей чудес? Однажды люди из агентства по недвижимости, которым Гаврилов задолжал крупную сумму, привезли его домой избитого, окровавленного. Им обоим приставляли к горлу нож, грозили смертью, вынуждая подписать бумаги. Как тут не подпишешь? С этой самой минуты и дом, и все, что в нем находилось, перестало им принадлежать. Смех, да и только! Воистину — поле чудес! Наутро Гаврилов исчез и появился в ее жизни лишь один раз — на бракоразводном процессе.

¹ Пушкин А. С. Пиковая дама.

Но это случилось уже гораздо позже. А тогда она и не знала — жив ли ее бывший благоверный?

Впрочем, ей было совсем не до выяснений. Какие-то другие неудовлетворенные заимодавцы Гаврилова бегали за ней, потрясая бумажками, и требовали, угрожали и опять требовали... Она жила у знакомых, друзей. Но и там ее находили — казалось, безумной погоне не будет конца. Вскоре все, кого она знала, затворили пред ней двери своих домов. Тогда же ей пришлось уволиться с работы — и там доставали ее мужнины кредиторы. Несколько дней она прожила в гостинице, самой дешевой, но и такие расходы становились ей теперь не по карману. Что еще оставалось: вокзал, притоны, подвалы?

Долго, уже не считая часов, она бродила по городу, за плечами висел рюкзак со всем ее имуществом... В изнеможении замерла у какой-то, заставленной манекенами, витрины... Там за стеклом, в облаке инфернально-фиолетового света, под вывеской «Распродажа от кутюр», парили призраки несуществующей для нее жизни. В плывущих пятнах пластмассовых лиц — в каждом из них — она читала вынесенный ей судьбой приговор: никто и нигде тебя не ждет! Сквозь внутреннее ее пространство черной гадюкой проскользнула мысль: «Зачем жить? Какой в этом смысл?» Душа наполнилась тяжелым мертвящим туманом, силы покинули тело, и она подрубленным деревом рухнула на асфальт. Сознание, как задутая ветром свеча, угасло и ускользнуло под неведомые смертным кровы бытия...

Ее тормозили, пытались приподнять... Смутно, будто из глубины колодца, она слышала какие-то слова, вроде бы знакомые, но непонятные, и снова ускользала вглубь... Потом куда-то шла, механически передвигая ноги, чувствовала рядом чье-то плечо, заботливо поддерживающую руку...

Когда сознание окончательно к ней вернулось, она обнаружила себя в незнакомой комнате, рядом с неизвестной ей старушкой, изящной, с приятными чертами лица и выразительными голубыми глазами. Обе они сидели на стульях с высокими, ажурной резьбы, спинками за покрытым светлой скатертью круглом столом, и она, Прасковья, только что отхлебнула из глиняной плошки какого-то горьковатого душистого травяного настоя.

— Ты пей, пей, родимая, — необыкновенно добрым, умильным даже голосом проворковала старушка, — сейчас тебе совсем хорошо будет. И сердечко твое отойдет, и в головке прояснится.

— Где я? — спросила Прасковья и обвела обретающим прежнюю силу взглядом скромные, но почему-то кажущиеся изысканными, интерьеры своего неожиданного приюта. Прежде всего, обращал на себя внимание опущенный низко, едва ли не к самому столу, обтянутый тонкого узора шелком, абажур светильника. Он, как горящий очаг, казался центром этого дома, средоточием уюта и спокойствия. В его мягком, слабеющем с удалением от стола свете все прочие предметы — небольшой комод, диванчик у стены, этажерка с книгами — теряя твердые очертания, расплывались и, точно впадали в полудрем. Казалось, они вот-вот засопят, захлопают носами. Все это рождало атмосферу отдохновения и тихую радость. Прасковье захотелось улыбнуться. Она отхлебнула настоя, и, почувствовав, что улыбка вот-вот расцветет на ее губах, стиснула зубы и... поперхнулась.

— Простите, — сконфузилась она и виновато взглянула на старушку.

— А ты не неволь себя, — хозяйка улыбнулась и пальцами легонько коснулась руки гостыи, — весело тебе, так и посмейся. Тебя здесь никто не обидит. А меня, кстати, зовут Феврония, можешь так меня и величать или тетя Февря — так тебе будет удобней.

— Спасибо, тетя Февря, — от невесомого старушкиного прикосновения Прасковья совсем оттаяла, она, далеко уже не юница, почувствовала вдруг себя девчонкой, улыбка растянула ее губы в радостный полумесяц. — Меня Прасковьей зовут. А вы, наверное, волшебница?

— Коли хочешь, буду волшебницей, — охотно согласилась старушка и тут же добавила: — Ты вот что, Параскевушка, видишь диванчик у стенок? На нем и располагайся, отдохни, укроешься пледом, я его сейчас принесу. А разговоры и расспросы отложим на потом.

От непривычного к себе обращения Прасковья непроизвольно напряглась лицом, что не осталось не замеченным, поскольку Феврония тут же спросила:

— Ничего, что я так тебя буду называть? Больно уж «Прасковья» неласково звучит. Будешь Параскевой, согласна?

Прасковья кивнула. Сейчас она согласилась бы быть кем угодно, лишь бы хоть на краткое время обрести покой. Мысли в ее голове разбегались. Она не понимала: почему ее так принимают? В чем причина этой доброты? Что вообще происходит? Рассеянно блуждая взглядом по комнате, она задержала глаза на настенном портрете, откуда смотрела на нее хозяйка дома только лет на сорок моложе. С ней рядом находился, наверное, ее супруг — с аристократическим лицом потомственного дворянина. Женщина, безусловно, тоже выглядела и благородной, и красивой, но супруг был выше всяких сравнений, прямо как молодой Янковский или Вячеслав Тихонов.

— Это ваш муж на фотографии? — спросила Прасковья.

Она испытывала неловкость, но все равно всматривалась в лицо своей благодетельницы, пытаясь понять, насколько изменила его зачастую абсолютно не знающая жалости кисть времени. Нет, к этой женщине время явно благоволило, оно лишь слегка нарушило четкость линий, отняло блеск и румянец, заменив их легкой вуалью морщинок и утонченной белизной, что, возможно, не менее ценно, чем скоропреходящие дары юности.

— Да, это мой муж, — ответила Феврония, — мой Петр Юрьевич.

Голос ее и выражение лица вносили полную ясность в суть их с супругом семейных отношений, способных, как почувствовала Прасковья, уместиться в двух всего словах — уважение и любовь. За семьдесят ведь старушке, а все еще любит! Поди уж и схоронила кормильца? Прасковья отметила, что думает о хозяйке этого гостеприимного приюта с несвойственной для себя теплотой, потому как успела отвыкнуть от хорошего, зачерствела.

— А ваш супруг? — спросила она и, стараясь выглядеть деликатной, добавила: — Простите за такой вопрос, жив ли?

— Что ты, Параскевушка! — старушка всплеснула руками. — С чего это ему умирать? Конечно, жив. На работе сейчас. Любит он, родимый, трудиться, людям помогать. Нет ему никакого утомона!

— Ой, простите! — Прасковья не знала, куда себя деть от стыда. Но старушка вела себя столь безмятежно и выказывала к ней такую благорасположенность, что гостыя успокоилась и согласилась прилечь на диванчик. Заснула она мгновенно...

Просыпалась столь же стремительно, летящей птицей пронзая упругую плоть сонного небытия. Какие-то мрачные расплывающиеся фигуры пытались поспеть за ней, ухватить, уцепиться; пугали шипящими змеиными голосами: «Ничего не было, никакого приюта добра, ты все также одна — никчемная и никому ненужная...» Нет! Уже открывая глаза, она услышала собственный вскрик: «Нет! Нет!..» Вскинулась телом, вскочила, стряхивая ладонью с лица паутину наваждения. Но, слава Богу, от парящего над столом шелкового абажура все также мягко струился свет. У стен в полумраке нерешительно колебались тени. Рослая этажерка клонила к ней свое плечо, доверчиво открывая теснящиеся в разверстой груди фолианты с золотыми буквами на корешках. В противоположном углу у незамеченного ею ранее киота с иконами спиной к ней стоял высокий мужчина. Правая рука его совершала невидимые для нее движения, а голова то и дело склонялась и исчезала за линией плеч. Молится, догадалась она и замерла в нерешительности, не зная, куда себя деть.

Тут в комнату вошла Феврония с заставленным чайными принадлежностями подносом в руках. Взглянув на гостью, она безмолвным движением подбородка указала ей в сторону стола. Прасковья, стараясь двигаться бесшумно, приблизилась и, подхватив одной рукой поднос, другой помогла старушке выстроить на скатерти аккуратный натюрморт из чашек, чайничков, блюдец, вазочек с сахаром, печеньем, медом и орехами. Мужчина обернулся в их сторону, посмотрел на Прасковью, как той показалось, строгим оценивающим взглядом. И опять вернулся к своему занятию. Но теперь он читал вслух: «Отче наш, иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...». Завершив молитву, он подошел к столу и широко его перекрестил. Феврония в это время тоже осенила себя крестным знаменем, поклонилась в сторону икон, после чего представила мужа госте:

— Это Петр Юрьевич, мой муж и благодетель.

Петр Юрьевич четким движением военного человека отбил головой поклон, и Прасковье показалось, что перед ней гвардейский полковник или даже генерал из забытых царских времен.

— А это, — Феврония полуобняла гостью, — наша дорогая Параскева...

Когда с формальностями было покончено, Прасковья Петровна смогла, наконец, как следует рассмотреть хозяина этого дома. Издали, да еще окутанный полумраком, Петр Юрьевич показался ей моложавым, но здесь у стола в потоке света возраст его открыто заявлял о себе: и глубокими складками на щеках, и веерами добрых морщинок под глазами, и седовласостью. Причем белоснежные волосы его были расчесаны на косой пробор и безукоризненно уложены, а борода, также выбеленная как снег, подстрижена аккуратным полукругом. Темный, отнюдь не новый, но достойного вида костюм сидел на нем безукоризненно. Весь дышащий благородством и аристократичностью, Петр Юрьевич со своими серыми, исполненными какой-то особенной мудростью, глазами, казался ожившим персонажем романов Тургенева или Толстого. Прасковья ожидала, что он скажет сейчас нечто неординарное, магическое, и это окончательно подтвердит его право на принадлежность к героям мировой классики. Но услышала слова не совсем ей понятные и сказанные притом заурядным тоном без интонаций и акцентов.

— Ангела вам за трапезой, дети мои, Благословения Божия испросили, теперь вкусим от даров Его.

Некоторое время молча пили чай. Старушка то и дело подкладывала гостю то варенья, то медку, то орехов. Наконец Петр Юрьевич отодвинул от себя чашку, перевел дух и, взглянув на Прасковью, спросил:

— Что же у тебя случилось, Параскева?

Наверное, по лицу ее опять промелькнула некая тень недоумения: что делать, как педагог, не привыкла она к фамильярному с собой обращению, да и от такового безупречного, как думалось ей, аристократа, ожидала она иного обхождения. Тут же вмешалась Феврония, которая, похоже, просто читала ее мысли:

— А ты не удивляйся, Параскевушка, что мы к тебе так запросто на «ты» обращаемся, мы ведь и Богу так молимся, и милости Его испрашивая, на «Ты» Его называем. Ужели человек больше Бога? На Руси спокон века самые простые крестьяне так и боярина, и самого Царя величали. Так что ты уж не обессудь, Параскевушка, и к нам так же запросто обращайся. И прости нас, если что!

— Да что вы! — Прасковья почему-то вовсе не удивилась пронизательности старушки. — Я не обижаюсь. А случилось у меня..., — он стиснула щеки руками, несколько мгновений раздумывала, потом оперлась о край столешницы, чуть склонилась вперед и, с решительностью человека, на «отлично» знающего сопромат, начала свой рассказ, причем с самого начала, с первого свидания с будущим своим мужем Гавриловым. Рассказывая, поглядывала на хозяев дома: как то отнесутся они к ее бедам-скорбям? Видела, как менялось лицо Февронии, все более исполняясь сочувствием. Это придавало Прасковье сил. А вот Петр Юрьевич казался бесстрастным. Лишь однажды мелькнула на лице его тень негодования, когда рассказывала она о предательствах мужа.

— Вот и все, осталась я со своей заплечной сумкой, в ней все мое богатство, — завершила она свою горькую исповедь и сложила ладони на груди, словно ожидала решения суда.

— Что ж, — вздохнула Феврония, — дал Господь тебе крест понести, даст и утешение. А без креста нам, христианам, душу не спасти. И всегда помни, когда претерпеваешь скорби, что кто-то в это же время несет гораздо более тяжкий крест. А Господь всегда близ. Всегда готов даровать утешение и даже чудо, если есть Его святая воля.

— Да какого же чуда мне ждать? — Прасковья неловко смахнула со щеки слезинку. — Это по молодости возможно, вот раньше я мечтала: и то у меня будет и это. Ждала, думала: еще чуть-чуть потерпеть все и произойдет. Но не случилось в моей жизни никакого чуда.

— Будет, будет! — радостно проворковала Феврония. — Недолго тебе ждать. А вот теперь послушай мою историю о чуде. Можно, батюшка? — старушка вопросительно взглянула на супруга, тот с серьезным видом кивнул.

— Так слушай, — продолжала Феврония, — случилось это в стародавние времена. В один русский городок стал прилетать змей-оборотень, «враг рода человеческого», и соблазнять жену местного князя. Ничего не могли поделаться с супостатом, никто не мог его победить. От некоего прозорливого старца узнала княгиня, что одолеть змия может лишь младший княжий брат. Что ж, снаряжился тот в поход, вышел на бой с драконом и одержал верх. Только после победы напала на юного князя страшная болезнь — покрылись его руки и лицо ужасными язвами. Не один лекарь не мог одолеть

болезнь. Тут снится больному сон, что исцелить его может лишь дочь пчеловода, благочестивая дева, крестьянка деревни Ласковой, что под Рязанью. Велел князь везти себя в Рязанскую землю, славящуюся лекарями. Там, зайдя в одну горницу, он увидел девицу — сидит та за ткацким станком, а перед ней прыгает заяц. Поразила дева князя своей красотой, а еще более мудростью. Легко разгадывала она самые трудные загадки. Исцелила девушка князя. Вскоре тот понял, что это его единственная любовь. Они поженились. Но городскую знать выбор князя настолько оскорбил, что ему было предложено либо оставить простолюдинку, либо покинуть город. «Что Бог сочел, того человек да не разлучит», — твердо ответил князь и отбыл с любимой женой в далекую деревню. Жили они долго и счастливо...

— И умерли в один день, — не удержавшись, выпалила Прасковья и тут же, смутившись, прикрыла губы ладошкой.

— А ты откуда знаешь? — Феврония с мужем обменялась взглядами, после чего старушка с улыбкой сказала: — Все так и было, милая. И с тобой так будет, найдет еще тебя твой князь.

Прасковья лишь хлопнула глазами, возражать не хотелось, но и согласиться было бы смешно: чай уж не девочка, чтобы верить в сказки.

— А что, по-твоему, есть чудо, Параскева? — спросил Петр Юрьевич и так внимательно взглянул на нее, что Прасковье стало не по себе.

— Чудо... — она пыталась отыскать в памяти что-то подходящее и вдруг, вспомнив, сказала: — что непонятно, то и чудо, так Чехов говорил.

— Путаник был ваш Чехов, — начала, было, Феврония, но замолчала: Петр Юрьевич плавным движением руки остановил ее.

— Ну почему же, — сказал он, — уже одно его известное всем «Человек — это то, во что он верит» не позволяет его окончательно причислить к разряду путаников. Просто он часто бывает неточен. Нет, чудо — это не нечто непонятное. Напротив, чудо — это когда непонятное становится понятным, рухнувшее восстанавливается, утраченное возвращается. При чуде, скажите вы, нарушается чин естества? Да? Нет, ответу я. Здесь тайна, быть может, одна из самых великих. Чудо — не нарушение чина естества, оно — его восстановление! Ведь о каком естестве мы ведем речь в нашем мире? Падшем, поверженном грехом, подлежащем смерти и тлению. Вот смертельно больной исцеляется от болезни. Медицина была бессильна, а он выздоровел. «Не может быть!», — восклицают врачи. «Чудо!», — восхищаются люди. Но посмотрите, какого рода это чудо? Восстановление нетленной до грехопадения человеческой природы. И воскрешение умершего такого же рода явление. Так чему же здесь удивляться? Лишь глубине милосердия Божия. Ведь мы и попросить-то Его должным образом не можем. Разве ж Он отказал бы, если б воззвали мы из глубины чистого сердца? Но не умеем, сердца наши нечисты, всегда чем-то связаны и поработаны, всегда ищут чего-то своего, земляного, тленного. Но Господь все равно сотворяет чудо. Зачастую мы его не замечаем, продолжаем роптать: Господи, почему не слышишь нас? Да разве может Он не слышать? Мать, и очень уставшая, отзовется на плач младенца в колыбели, а Господь любит каждого безмерно больше. Только каждое Его чудо обращено лицом к вечности — там его, чуда, завершение, там итог. Там и наше его понимание. Как стыдно бывает всем тем, кто здесь роптал на Бога: почему, дескать, не помог, почему отверг мою молитву?

Тут Петр Юрьевич сделал паузу, скорее всего, давая Прасковье возможность осмыслить сказанное, но она поняла это по-своему и поспешила выложить свои мысли:

— Все это хорошо, — сказала, — только кто побывал там и увидел стыд на лицах умерших? Если бы могли знать, что ожидает нас там?

Феврония всплеснула руками, Петр Юрьевич склонил голову к плечу и оба взглянули на нее с таким искренним сожалением, будто она позволила себе нечто совершенно недопустимое.

— Что? — осеклась Прасковья. — Я что-то не то сказала? Но ведь все так говорят? Да и не видела я никаких чудес. То что люди просят для себя чуда — это видела и знаю, но никто ничего не получает, кроме олигархов, конечно. Но ведь они-то как раз и не достойны чуда, да и в Бога вовсе не верят? Или я не права?

— Права ты или нет? — в глазах Петра Юрьевича вспыхнули озорные искорки. — А сама-то как думаешь? Сколько раз об этом думала, с учениками говорила на уроках: нет, дескать, правды, все самое лучшее достается самым плохим. Но что — это «самое лучшее»? Богатства? Дворцы? Множество лакеев в ливреях? Власть? Зависть и страх в глазах окружающих? Да разве ж в этом чудо?

В комнате разлился тихий мелодичный звон, будто невидимый музыкант чуткими пальцами пробудил ото сна сотни маленьких колокольчиков. Прасковье показалось, что она поплыла в этом нежном звуковом потоке, ей стало тепло, уютно, словно она опять оказалась там, в далеком детстве, свернувшись калачиком на коленях у матери. Боже, как хорошо! Но звуки постепенно замерли, исчезли, уступив место тишине, и она опять услышала голос Петра Юрьевича:

— Уходит земное и приходит небесное — это чудо. Ты согласна?

— Да, — тут же, не раздумывая, ответила Прасковья.

— Вот видишь, все ты прекрасно знаешь сама. А богатство — это скорее наказание, это каторга, ссылка в безводную пустыню, где выжить крайне трудно. Это античудо, которое творит антитворец, Божий и наш извечный противник — диавол. Это его ложь, его наваждение, и миллионы готовы идти этим погибельным путем, потому что уверены, что чудо в обладании вещами, в силе, могуществе, власти. Обман! Чудовищное заблуждение! А вот прощение? Разве это не чудо? О, как часто мы бываем виноваты, но при этом ищем вину в других, выступаем судьей и изрекаем приговор. Если бы мы могли видеть, что творит с миром вражда, ненависть, жестокосердие, не-прощение! Эта чудовищная сила разрушает все скрепы земли и земля давно поверглась бы в прах, если бы ни милость Божия, ни укрепляющая сила Его благодати. Поэтому Господь и строг: «Если не будете прощать людям согрешения их, — говорит Он, — то и Отец ваш не простит вам согрешений ваших».¹ Умеешь ли ты прощать, Параскева?

— Прощать? — та замаялась, думая о тех, кто лишил ее дома, о подлости мужа, предательстве друзей. — Если я скажу «да», то наверно, соворю.

— Нет, врать не надо, но и оставаться врагом Божиим нельзя, ведь не прощающий нарушает заповедь Божию. Не прощающий сам становится источником зла. А знаешь, что такое зло? По своему действию оно подобно

¹ Мф. 6, 15.

взрыву, наибольший ущерб наносится в точке его возникновения, потом страдают те, кто находится в непосредственной близости. До тех, на кого зло обращено, оно доходит значительно ослабленным, и последствия его сказываются в значительно меньшей степени. Или вообще не сказываются. Непонятно? А ведь тайны тут никакой нет. Убивающий другого прежде убивает себя, свою бессмертную душу, тяжесть его греха ложится на его детей, его близких, и они испытывают страдания. Тебя чего-то лишили обманом? Но если б ты знала, какому разорению они тем самым подвергли себя и всех своих близких, ты бы их пожалела. Об одной утрате стоит пожалеть: если ты потеряешь своего Господа, забудешь к Нему дорогу, откажешься от Него. А все остальное восполнимо, если не здесь, то там, в вечности...

— Кабы знать, что там, в вечности, — опять вздохнула Прасковья и с настороженностью взглянула на Петра Юрьевича: не рассердил ли его такой ответ?

Но тот оставался благодушен.

— Что ж, — спокойно продолжал он, — не будем торопить события, очень скоро ты сама все поймешь. А пока ответь мне: хочешь ли ты быть с Христом? Или тебе это безразлично?

— Хочу, я хочу быть вместе с Христом, — твердо сказала Прасковья.

— Тогда твердо запомни: кто во Христе, тот новая тварь; древнее прошло, теперь все новое.¹ Ты будешь с Христом, если будешь поступать, как Он велит, а все древнее оставь в прошлой жизни. Ты новый человек! И чтобы наполнить свое новое естество, ты пойдешь в храм и всему там научишься, все там узнаешь, да и жизнь там свою новую найдешь. Так и будет.

— Хотелось бы верить, — чуть слышно сказала Прасковья.

— Все так и будет, — твердо повторил Петр Юрьевич, — немного потерпи, старое будет от тебя отставать, отваливаться, быть может, станет немножко больно, чуть-чуть страшно, но через терпение ты все преодолешь. Феврония, голубушка, — Петр Юрьевич склонился в сторону супруги, — принеси нашей гостье подарочек, ты знаешь какой.

— А он у меня уж здесь, готов, — радостно воскликнула та, — вот возьми, Параскевушка, — старушка протянула ей серебряные крестик и цепочку, — носи отныне всегда и никогда с себя не снимай.

— У меня был, золотой, — стала оправдываться Прасковья, — пропал, в ломбард Гаврилов сдал. Я б купила себе...

— Теперь будет серебряный, — сказал Петр Юрьевич, — да и неважно из чего он сделан: из золота, серебра, дерева. Он — Христов, он орудие нашего спасения и без него никому из нас нельзя и шага ступить. А теперь, новый человек Параскева, мы прочитаем молитвы на сон грядущий, и ты ложись поживать, утро вечера мудренее. Утром мы решим еще один важный для тебя вопрос.

После молитв, которые Прасковья слушала вполуха, так как собственные мысли то и дело уносили ее куда-то далече, Феврония застелили ей постель на давешнем диванчике, уже подтвердившем свое право служить местом отдохновения. Хрустящие простыни источали запах резеды и чего-то еще, смутно знакомого. Флюиды этих ароматов потревожили сонный пруд памяти, поверхность его заколебалась, двинулась расходящимися вол-

¹ 2 Кор. 5, 17.

нами, и в этом тихом движении рождались буквы, слагающиеся в слова: «Летний вечер тихо тает и переходит в ночь, в теплом воздухе пахнет резедой и липой». «Тургенев», — то ли прошептала, то ли просто подумала она, засыпая...

Но заснув, тут же открыла глаза и увидела, что на ее постели лежал какой-то мужчина. Сама же она сидела в отдалении. Мужчина был явно болен, над ним склонилась женщина и что-то тихо ему говорила, потом она обернулась и попросила кого-то принести льда.

— Полноте, оставьте это, — сказал больной. — На пустое сердце льда не кладут.

Тут Прасковья каким-то образом совсем близко увидела его лицо, отмеченное печатью тяжелой болезни. В усталых глазах догорал предсмертный огонь. Близ затухающего пламени, где истлевали последние силы больного, таилась смерть, вот-вот готовая накрыть белым саваном остывающее кострище...

«А ведь я его знаю, — догадалась Прасковья. — Только где же его пенсне? Да вот же, это же о нем...» Она смотрела на стену, где в золоченой портретной раме на пустом сером холсте повисли написанные красной краской слова: «Он был великим, быть может, одним из величайших художников всех времен и народов. Он восхищался Марком Аврелием и был его достоин. Но он никогда бы не позволил, чтобы ему об этом сказали...» Она заметила, что буквы, словно им было нестерпимо жарко, шевелились, вздувались пузырями и медленно стекали вниз, постепенно делая надпись трудночитаемой. Она поняла, что слова эти скоро исчезнут совсем.

В комнату, в сопровождении нескольких молодых людей, вошел человек с саквояжем и, хотя на нем не было белого халата, Прасковья догадалась, что это доктор. Он как-то неуклюже угловато склонился над пациентом, несколько раз, словно циркулем, прочертил в воздухе рукой и почему-то, вместо лекарства, приказал дать больному шампанского. Тот с трудом приподнялся над постелью, сел и нарочито громким голосом сказал по-немецки: «Ich sterbe». Потом повторил: «Я умираю». Кто-то подал ему бокал, он принял его в свою руку и улыбнулся. На мгновение эта улыбка стерла с его лица печать подступающей смерти. Возникла пауза, которую, как ей вдруг показалось, надо было заполнить какими-то важными словами, эти слова могли бы многое для него изменить. Прасковья хотела подсказать, напомнить, но не вспомнила. А он, быть может, этих слов и не знал? И не произнес...

«Давно я не пил шампанского...», — вместо этого сказал, словно выдохнул, он и спокойно выпил все до дна. Силы тут же его оставили, и он беспомощно откинулся назад на постель. Медленно перевернулся на левый бок и замолк...

«Все, — поняла Прасковья, — поздно ждать слов». Смерть забрала то, что ей причиталось. На сердце ей легла печаль, с этим чувством она проснулась...

И поплыла в облаке цветочных ароматов, словно вокруг нее расцветал весенний сад. Утро уж шагнуло сквозь расшторенные окна в дом Февронии и Петра Юрьевича и раскрасило, омолодило все, что поддавалось магии ее красок. Стол и стулья, шкаф и комод вытянулись, построились, как будто сбросили с себя груз лет. Даже золото на корешках древних фолиантов

заиграло по-новому, по-молодому. И лишь шелковый абажур светильника выглядел все так же аристократично и строго. И если б всё сейчас вдруг пустилось в пляс, он один бы не двинулся с места, оставаясь примером неизменности и порядка.

Она посмотрела в окно, но вид из него полностью закрывал высокий зеленый кустарник. Хозяев в комнате не было и Прасковья, сделав несколько нерешительных шагов, остановилась у иконостаса. Лики Иисуса Христа и Пресвятой Богородицы были словно живые, особенно глаза, строгие и проникновенные. Ее внимание привлек огонек лампадки, такой ровный и спокойный, как и сама жизнь в этом уютном доме. Некоторое время она не отводила от него взгляда и думала о том, что это такое — быть новым человеком?

— Это хорошо, Параскевушка, что ты к молитве обращаешься, — сказала незаметно подошедшая Феврония. — Недаром говорят: как проснетесь, первое слово ваше к Богу да будет: «Дай мне, Господи, положить начало благое!»

— Не умею я молиться, тетя Февря, — призналась Прасковья, — так лишь про себя: «Господи, помоги, да Господи, прости».

— Научись. И главное, чтобы всякая твоя молитва, и «вслух» и «про себя», исходила из сердца. Ведь Господь сказал: «Сын мой! Отдай сердце твое Мне».¹ На молитвослов, почитай пока, сколько сможешь, — Феврония подала ей книгу и раскрыла в нужном месте.

— Спасибо, — Прасковья приняла молитвослов, — представляете, а мне сегодня Чехов снился, Антон Павлович, как он умирал.

— И как?

— Что-то было не так, мне аж в сердце резануло, хотелось ему помочь, но во сне не вышло ничего. Ему, наверное, надо было прощения попросить у ближних, ну я не знаю? Священника пригласить? А он думал, как бы ему получше выглядеть в глазах окружающих. Но я-то сама только сейчас это поняла, а тогда словно забыла обо всем.

— Право христианской кончины надо заслужить соответствующей жизнью. Это кажется, что успеешь с Богом договориться, прощение получить. Откладываешь на потом, а смерть, хоть и ожидаешь ее, все равно приходит неожиданно и забирает неготового. Все не так, когда не с Богом. Что человек, даже великий человек? В них же, сказано, несть спасения.²

— Он шампанское перед смертью пил.

— Вот, а Пушкин Святых Тайн причащался. Большая разница. Ладно, читай молитвы, потом поговорим...

— Ну а я-то как могла забыть? Подсказала бы ему...

— Еще и не раз забудешь, пока веры твердой у тебя не будет. Попомни мои слова.

Завтракали они вдвоем с Февронией. Потом Прасковья помогала хозяйке на кухне мыть посуду.

— Знаешь, Параскевушка, — сказала Феврония, — а ведь мой Петр Юрьевич настоящий князь.

— В смысле, его предки были князьями? — уточнила Прасковья

¹ Прит. 23, 26.

² Пс. 145, 3.

— И предки, и он сам, он ведь даже княжил.

Тут пришел Петр Юрьевич, и Прасковья не успела выяснить, где же это княжил супруг Февронии. Петр Юрьевич позвал всех в комнату и усадил за стол. Сам сел напротив Прасковьи и долго смотрел на нее. Это был тоже разговор, разговор глаз, и пусть она не слышала слов, но тепло, доброта взгляда Петра Юрьевича могли быть дороже самой лучшей беседы. Однако пришло время и для слов.

— Тебе следует сегодня уехать, — сказал Петр Юрьевич, — автобус через три часа. Вот билет.

— Я понимаю, — часто закивала головой Прасковья, сердце ее оборвалось, — мне и самой стыдно злоупотреблять вашим гостеприимством. Сейчас оденусь и пойду.

— Ну что ты, голубушка, — Феврония взяла ее за руку и, успокаивая, погладила, — да разве можешь ты нам быть в тягость? Просто тебе надо ехать. Надо! Так Господь положил. Потом ты поймешь, почему.

— Да, да, — продолжала кивать Прасковья, она чувствовала, что щеки ее горят.

— А куда ехать, тебе не интересно? — спросил Петр Юрьевич и, не дожидаясь ее ответа, продолжал. — Путь твой в соседнюю область, ехать несколько часов, как доберешься до города, спроси на автовокзале, как пройти до Крестовоздвиженского храма, это не очень далеко. В храме подойдешь к батюшке, отцу Александру, он молодой, может быть резковатым, но быстро отходит. Вообще-то он добрый. Отдашь ему посылочку, скажешь от Петра и Февронии, от нас, стало быть. Скажешь, мы просили помочь тебе устроиться, да он и сам все поймет.

— Какую посылочку? Что в ней? — спросила Прасковья, чувствуя, что к глазам ее подступают слезы.

— Этого тебе, Параскевушка, до срока лучше не знать, — Петр Юрьевич говорил мягко, словно извинялся перед ней, — но поверь, ничего дурного там нет. А вот и сама посылочка.

Феврония уже держала в руках небольшого размера пакет, обмотанный скотчем.

— Он легкий совсем, — старушка сделала успокоительный жест рукой, — и мне, старой, не в обузу, а тебе и подавно. А уж как батюшка-то рад будет такой посылочке!

Глаза у Прасковьи наполнились слезами, и что-либо поделать с этим было выше ее сил. «Глупость какая-то, да не могу же я у них остаться, так не бывает, они чужие люди, чего я хочу? И при всем при том они же стараются мне помочь. Но все равно, так хочется еще здесь побыть... Господи, как глупо я себя веду». Она с опаской взглянула на Петра Юрьевича: не заметил ли чего? Да нет, тот в этот самый момент что-то тихо говорил Февронии. Старушка кивнула, протянула к гостю руку и погладила ее по плечу.

— Ты не расстраивайся, Параскевушка, — сказала ласково, — так ведь и должно быть, сомнения, внутренняя борьба, как только доброе дело делать налаживаешься, тут же и искушения приспевают, страхования вражды, мысли. Ты тут же имя Божие призови, страхования и пройдут.

— Вы не подумайте, — Прасковья растерла по щекам слезы, — я не навязываюсь вам, мне и так крайне неудобно. Просто мне у вас было очень

хорошо, нигде так хорошо не было, за всю жизнь. И разговаривать с вами было хорошо, я многое по-другому увидела. Спасибо вам.

— Это замечательно, Параскева, что ты все это почувствовала и поняла, и нас не надо благодарить, Бога благодари, но... — Петр Юрьевич стал вдруг очень серьезен, — впереди у тебя большая жизнь, новая жизнь. Помни, что без Бога у тебя все может быть, все богатства и удовольствия жизни, да радости это, поверь мне, не принесет и в ничто вменится, а с Богом — и ржаной сухарь великая радость. Ступай и ничего не бойся! Будут у тебя искушения, наваждения, страхи, потому что противник наш, диавол, ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить,¹ но ты все преодолеешь, если с Богом. А сейчас отдохни перед дорогой.

Сама не зная почему, Прасковья взяла в руки давешний молитвослов и не менее часа читала не совсем непонятные ей молитвы, но на душе стало легко и даже радостно. «Они не могут желать мне плохого, — подумала она, отложив книгу, — просто я действительно не знаю, что меня ждет впереди. А они знают. Не могу объяснить откуда, но знают. Быть может, там и правда чудо?» Вскоре Феврония пригласила ее к столу отобедать, а там уж, как сказала, пора и в дорогу.

Прощались в комнате под святыми образами. Прасковья крепко прижала к себе старушку и опять, не удержавшись, заплакала.

— Будет тебе плакать, Параскевушка, — успокаивала та, — ты теперь лишь Бога за все благодари.

Петр Юрьевич широко ее перекрестил, коснулся пальцами ее лба и благословил в дорогу:

— Бог тебе в помощь, дочка!

Она открыла дверь, думая, что попадет в переднюю или коридор, но сразу оказалась на залитом солнцем дворе, от которого комнату, где пробыла она все это время, не отделяло ничего, кроме этой самой единственной тонюсенькой двери. Отойдя на несколько шагов, она прощальным взглядом окинула гостеприимный дом Петра Юрьевича и Февронии — маленький, одноэтажный, с красной черепичной крышей, погруженный в кипящее жизнью зеленое море растений. Прямо у низенького крылечка, белым взрывом поднимаясь от земли, цвел небывало огромный куст крупных роз. Прасковья едва удержалась, чтобы не вернуться и не окунуться с головой в это благоухающее, и совсем не колючее, чудо. Но чудеса тут были повсюду. Под окнами, вдоль всего фасада, росли цветы, много разносезонных цветов, причем все одинаково пышно цвели. Ранние гиацинты и подснежники, летние петунии и пионы соревновались в красоте цветения с осенними астрами, хризантемы и флоксами. А здешние птицы ничуть не уступили бы любому оперному театру, включая Венскую оперу. Рулады и трели выдавали жаворонки, свистели, трясогозки, крапивницы, овсянки, скворцы и какие-то совсем неведомые пернатые певуны. Они порхали над головой, сидели на крыше, на ветках деревьев и кустов. «Расскажу, не поверят, да и возможно ли такое вообще?», — подумала она и сорвала опустившееся с ветки в ладони яблоко, скорое всего, белый налив, оказавшееся изумительным на вкус. Она миновала несколько рядов яблоневых деревьев, густо обсыпанных плодами. За ними, словно охраняя, стояли великаны клены, вязы и тополя.

¹ 1 Пет. 5, 8.

А впереди, по ходу ее движения, начали просматриваться городские многоэтажки. Прасковья узнала центральную часть города. К цивилизации вела извилистая тропинка. «Никогда бы не подумала, — подивилась она, — что в нашем городе, тем более в центре, есть подобное местечко — сказка, да и только!» Она прошла мимо высоких кустов сирени и боярышника, миновала густые заросли можжевельника, и когда оглянулась, домика уже не увидела — он затерялся среди невообразимого буйства зелени. На душе у нее было спокойно, рюкзак с дополнительной ношей совсем не тяготил, ей даже захотелось спать. И она запела бы, если бы тропинка не вывела ее — словно из поэзии в скупую прозу — во двор обычной блочной пятиэтажки. И первым, кого она увидела, был мальчик лет десяти, сидевший на скамейке рядом со сломанной качелью.

— Привет, как дела? — кивнула ему Прасковья.

— Привет, — ответил мальчик и почему-то добавил: — Счастливого тебе плавания!

— И тебе, юнга! — весело отозвалась она и скомандовала: — Отдать концы!

Скомандовала скорее себе, ведь это ее корабль, покинув тихую гавань, направлялся в бушующий океан. Вскоре она окунулась в городскую суету с ревом машин, ядовитым гудением парковок, бессмысленной напыщенностью банков и обмякшей расслабленностью офисов. Здесь тысячи прямоходящих с легкомысленностью упивались дешевой радостью кафе, доверялись лживой пестроте реклам, полагались на обманчивую полноту витрин. Тут пустое глубокомыслие порождало глупую толкотню, а над остывающими на асфальте следами курьеров проносились исчезающие тени разносчиков пиццы. Здесь всему не хватало места, все выпирало, как тесто из горшка, лезло из собственных объемов, трещало, хрустело, чавкало, словно под шнеком мясорубки. Город и был этой мясорубкой, чудовищной и бездушной, а все остальное, как, быть может, мнилось ему, — его детищем, его фаршем, сном его мертвого разума. После чудесного сада находиться здесь не представлялось возможным. Спешно миновав несколько центральных кварталов, она вышла в район, где пешеходов и машин стало намного меньше. Появилась возможность спокойней вздохнуть. Нет, не все так страшно, слава Богу!

А на улице хозяйничала осень. И если еще недавно она смотрела на Прасковью Салтычихой,¹ норовя всыпать батоков, то теперь ласково, как добрая волшебница, улыбалась, одаривая то нежным ветерком, то красивым цветным узором из опавших листьев. Даже хлюпающие под ногами лужи сейчас вовсе не раздражали, хотя туфли от соприкосновения с ними, как старые корабли, просились в сухой док. Вот и облака тяжелыми серыми баржами медленно тянулись — каждое в свой порт приписки...

Засмотревшись на небо, она неожиданно столкнулась с женщиной, груженной двумя внушительными сумками.

— Смотри, куда прешь, — рявкнула та, выражение лица у нее было такое, словно она только что дыхла нашатырем. Несколько раз нервно

¹ Дарья Николаевна Салтыкова по прозвищу Салтычиха (1730–1801) — российская помещица, вошедшая в историю как изощренная садистка и убийца нескольких десятков подвластных ей крепостных...

тряхнув головой, она, уже уходя, словно тем самым нашатырем, плеснула в сторону Прасковьи:

— Лохудра!

А та еще только собиралась с духом, чтобы извиниться, и ее «простите» повисло в пустоте, поскольку гражданка с сердитой физиономией уже скрылась за группой уныло бредущих киргизов.

Зато осень хорошо все расслышала, и, подхватив ее «простите», запустила вместе с горстью солнечно-желтых листьев вперед, в перспективу улицы. Листья кружились, словно танцевали, и каждое их «па» сопровождалось вежливым «простите». Прохожие оглядывались друг на друга, кивали и улыбались. А огненно-желтые блески таяли где-то вдаль, исчезали и лишь едва различимое «простите» все еще звучало и звучало...

И терялось на фоне популярной песни про три розы известного поэта Сергея Соколкина:

*Три розы белых, белых лягут на стол,
Три розы черных обжигают мне руки,
Три розы белых, белых — это любовь,
Три розы черных, черных — это разлука...*

Голос певички доносился из открытой двери кафе «У Абдурахмана». Рядом с проросшим искусственной пальмой вазоном, призывно двигая густыми черными бровями, стоял не иначе как сам Абдурахман в пестрой тюбетейке и сгребал на себя воздух руками, словно пытаясь затянуть в свое заведение всю улицу вместе с проезжей частью, тротуарами, обметающим их земляком-дворником, двумя подвыпившими матросами и скользящими на роликах подростками.

Прасковья улыбнулась человеку в тюбетейке, окинула взглядом музыкальную кафешку, похожую на накрытую полосатым туркменским халатом кадушку с бахлавой, и повернула за угол. Настроение ее тут же дало крен и зачерпнуло забортной воды: мрачное серое здание, будто затаившийся в засаде разбойник, впилося в нее тремя рядами затемненных пластиковых глаз. Повеяло холодом, и она замедлила шаг. До автовокзала оставались чуть более десяти минут хода: следовало миновать это самое серое здание, через три следующих дома, за магазином «Спортовары», повернуть направо, срезать дорогу через дворы — и вот она, привокзальная площадь... Если бы не серое здание, ненавистное серое здание, с одним подъездом в центральном фасаде и вывеской, как черный пиратский флаг: «Агентство недвижимости “Там и Сям”». Именно сюда зашел однажды Гаврилов с документами на их квартиру и, подписав закладную, вышел с набитым деньгами бумажником. Он думал, что поймал удачу за хвост. Но это его поймали и уделали в хвост и гриву. А заодно и ее... Люди из агентства вскоре силой принудили их отказаться от жилья, да и жизни едва не лишили. Сможет ли она когда-нибудь забыть эти искаженные яростью лица, оружие в их руках? Она ездила потом к владельцам «Там и Сям» Таманцеву и Сяйфулину, думала вымолить поблажку, отсрочку — что угодно, но ей лишь посмеялись в лицо. «Нет, я не смогу тут пройти, — подумала она, — надо идти в обход, пусть и далеко». Но прикинув, поняла, что опоздает на автобус, и застыла в нерешительности. Что делать?

«А я ведь теперь новый человек... — вдруг вспомнила она слова Петра Юрьевича. — Моя жизнь изменится и все лучшее впереди! Что мне теперь их зло? Это не меня, себя они взорвали и теперь мучительно умирают. Это их надо пожалеть...» Страх ее начал отступать.

Ветка клена стряхнула с себя самый красивый резной лист и, как дружеское послание, запустила его прямо ей в руки. Ах, осень опять заигрывала с ней, звала за собой. И Прасковья двинулась вперед, сначала медленно, но с каждым шагом наращивая темп. «Нет, не буду я вас жалеть, — объявила она, миновав мутную серую стену, — пусть в аду вас пожалеют». А осени спасибо! И как это многие считают ее коварной: усыпляет, де, бдительность бабьим летом, а потом ошарашивает студенными ветрами, ледяным дождем и снегом. Да нет же, ей осень казалась лучшей из всех четырех сестер — самой щедрой, доброй и приветливой.

У магазина «Спортовары» какой-то развязный долговязый мужчина торговал выпечкой с разукрашенного изображениями разнокалиберных хот-догов лотка.

— Горячие пирожки с ливером, котлетки в тесте — лучшее угощение в пятницу! — громко рекламировал он свой товар. — Не проходите мимо! Это, между прочим, вас касается, гражданка, с замотанным скотчем пакетом в рюкзаке.

Что? Это мне говорят? Прасковья вздрогнула. Откуда он знает про пакет?

— Вам, вам, — подтвердил продавец котлеток, словно мог слышать ее мысли.

Он сделал два быстрых шага в ее сторону и, оказавшись рядом, шепнул ей прямо в ухо:

— Продайте пакет, дам хорошие деньги! — он погрузил руку во внутренний карман куртки, явно от униформы какой-то торговой сети (Прасковья даже разглядела эмблему на левой стороне груди с надписью «Tartarus»), и извлек наружу краешек пачки тысячерублевых купюр. — Вот, можете посмотреть, прямо из сберкасы номер пятнадцать. Фамилию кассира огласить?

Прасковья отшатнулась, незнакомец показался ей крайне неприятным типом. Одно лицо чего стоило? Словно выставленная напоказ картинка из анатомического атласа — едва прикрытые полупрозрачной кожей кости черепа с мимическими и жевательными мышцами, сухожилиями и жировой клетчаткой. А запах? От него пахло пережаренной до горечи курой гриль, острыми пряностями и жженой ватой — именно эти ароматы были ей ненавистны.

— Что вы от меня хотите? Какой пакет? Я милицию позову! — выпалила Прасковья. Ей хотелось немедленно убежать, но что-то удерживало на месте.

— Право слово, вы как ребенок! — продавец котлеток изобразил на лице крайнюю степень удивления. — Не знаете про пакет в вашем рюкзаке? А вдруг там взрывчатка? Или чего похуже? Я же вам деньги живые предлагаю, из сберкасы, между прочим. И от пакета избавитесь, и заработаете. Вы с этими деньгами до самого Магадана сможете доехать, а там, скажу по секрету, кое-кто вам очень даже знакомый проживает...

— Отстаньте, я вас не знаю, — Прасковья лихорадочно пыталась сообщить, что ей делать, — меня муж встречает, вон он за спичками в магазин отошел.

— Еще скажите за солью, — незнакомец всплеснул руками и премерзко захихикал, — да ваш муж, чтоб вы знали, спичками не пользуется со времен осады Белого дома, исключительно китайскими зажигалками, да и какие в Магадане спички? И почему это вы меня не знаете? Меня все знают! Да я, если хотите, Охлубыздин! Или сам Кикабидзе! У меня и паспорт есть! — он придвинул свою анатомическую голову к ней поближе и, приглушив тон, спросил:

— Вам на какую фамилию предъявить?

— Мне? — Прасковья беспомощно озиралась по сторонам...

И вдруг осень сделала ей очередной приятный сюрприз — неведомо откуда появился наряд милиции и двинулся прямо в их сторону.

— Ну вот, слава Богу, — Прасковья облегченно перевела дух и закричала: — Помогите, милиция!

Охлубыздин-Кикабидзе резко вскинулся, скакнул, ухватил свой торговый лоток, который, как оказалось, был на резиновом колесном ходу, и с чудовищной быстротой умчался с глаз долой. Прасковье почудилось, что он просто прошел сквозь глухую кирпичную стену. «Не может быть, — подумала она, — там где-то есть проход».

Тем временем к ней приблизились два милиционера.

— Что случилось, гражданка? — спросил плечистый страж порядка в чине сержанта. — По какому случаю шумите?

— Да тут человек был странный, явно из уголовных элементов, — заторопилась Прасковья, — приставал ко мне, не давал пройти, что-то требовал.

— Домогался, говорите? — сержант внимательно на нее взглянул. — Только кто? Мы вас издали заметили и никого рядом с вами не стояло. Так что, гражданка, предъявите-ка документы.

— Как это, не стояло? Он еще Охлубыздиным представился, — оправдывалась Прасковья, доставая документы, — говорил, все его знают, а сам пирожки продавал.

— Придется вам с нами пройти, — подал голос второй милиционер. — Что там у нее с документами?

— Вроде все в порядке, — пожал плечами сержант, — была прописана, потом выписана. Вот билет у нее на автобус, отправление, кстати, через десять минут. Уезжаете?

— Хотелось бы, — кивнула Прасковья и протянула руку за паспортом.

— Ладно, идите, — сержант вернул ей документ, — больше не вводите в заблуждение органы.

— А может в отделение ее? — засомневался его напарник.

— Пускай идет, — махнул рукой сержант и чуть подтолкнул Прасковью вперед: — Да беги ты, опоздаешь ведь.

Та не заставила просить себя дважды и побежала через дворы в сторону автовокзала...

Ей повезло: нужный автобус марки «Kia» в лабиринте стоянок она нашла безошибочно, словно ведомая верхним чутьем овчарки. Шофер уже объявил отправление, и она вскочила на подножку, можно сказать, в пос-

ледный момент. Благо, багажа, кроме рюкзака за спиной, у нее не было, так что, предъявив билет, она тут же проскользнула к своему законному месту. Оба кресла были свободны, она разместилась у окна и огляделась. Напротив нее через проход сидели две девчушки, по виду старшеклассницы или студентки, они, не замечая никого вокруг, тихо секретничали. Впереди бабка за что-то отчитывала девочку-подростка. Сзади, расплывшись в двух креслах сразу, дремал большой мужчина преклонных лет с запорожскими усами, у него в груди что-то булькало и урчало, обещая в скором времени вырваться наружу незаурядным храпом. Ну что ж, этого бы Прасковья не испугалась: ее Гаврилов, в свою бытность мужем, храпел ночами как камнедробильный агрегат. Еще далее, назад по проходу, автобусный полумрак броуновским движением вздохов, голосов, смешков, поскрипываний и постукиваний оживляли невидимые ей пассажиры — салон был загружен практически под завязку, и, похоже, счастье пребывать в одиночестве привалило только ей и дородному запорожцу. Она решила считать это очередным подарком осени.

Автобус, между тем, маневрировал, покидая территорию автовокзала. За бортом, как слайды на экране, сменяли друг друга разноцветные «Iveco», «Mercedes-Benz», «Shenlong», «Volvo», готовые вот-вот разлететься вестниками осени в разные концы российской ойкумены.¹ «Это сколько ж людей, — подумала Прасковья, — постоянно, ежеминутно снуют туда-сюда, из города в город, из страны в страну? Покупают билеты, платят деньги... Деньги...» Ее вдруг царапнула странная мысль, почему, де, было бы не взять те самые сто тысяч рублей? Пакет-посылка? Ну и что? Какое ей, в конце концов, до него дело? Ну не передаст, и что? Мир перевернется? А для нее эти деньги — целое состояние. Тут она вспомнила глаза Петра Юрьевича, улыбку Февронии и почувствовала, как горят от стыда ее щеки. «Да как ты можешь так думать? — приструнила она сама себя. — А еще — новый человек». Она крепко зажмурилась, словно так можно было спрятаться от неприятных мыслей, но тут же вынуждена была вернуться в реальный мир. В проходе стоял мужчина, явно собираясь сесть на свободное место рядом с ней.

— Жутко извиняюсь, — пропел он детским голоском, — у меня билетик на это местечко.

Мужичок не отличался высоким ростом, был пухл лицом и по-бабьи округл. С виду — совсем безвредный, комичный даже, но что-то в нем сразу насторожило Прасковью. Ей показалось, что нечто подобное с ней уже было, что она уже встречалась с этим типом, и ничего хорошего эта встреча не принесла. Память напряглась, но одновременно включился рассудок и затолкал это непонятное дежавю обратно в подсознание: да, чушь, ничего, мол, не было, такого персонажа встретишь, разве забудешь?

— Меня часто с кем-то путают, — словно подглядел ее мысли незнакомец и этим еще более укрепил нехорошие предчувствия Прасковьи. Он достал из кармана огромный носовой платок, прижал его маленькими ладошками к лицу, высморкался и из-под этой маски попытался представиться:

¹ Ойкумена — освоенная человечеством часть мира. Термин «οἰκουμένη» введен древнегреческим географом Гекатеем Милетским для обозначения известной грекам части Земли с центром в Элладе.

— Борюсик!
— Что? — переспросила Прасковья. — Как вы сказали?
— Ах да, ах да, — по-старушечьи засуетился пухлолицый, пряча платок на место, — так ведь не принято в приличном обществе.
Он, как сурок, вытянулся столбиком и шаркнул ботинком:
— Борис Ходунов, честь имею представиться!
— Кто? — на Прасковью накатила волна смеха. — Как... вы... говорите? — она давилась словами. — Ходунов?... Борис?... Уж не Федорович ли? Борис не так-то робок... — она постаралась взять себя в руки и уже более спокойно продолжила:

*Какая честь для нас, для всей Руси!
Вчерашний раб, татарин, зять Малюты,
Зять палача и сам в душе палач,
Возьмет венец и бармы Мономаха...¹*

— Так точно, — опять шаркнул ногой пухлолицый Борюсик, — Борис Федорович Ходунов собственной персоной! А при чем тут татары и бары Мономаха? Это кто, кстати? Деловой? Авторитет? Я по барам не ходок! Меня всегда путают с кем-то другим.

— Да ладно, — махнула рукой Прасковья, — это я так, вспомнила школьную программу, садитесь уже.

Ходунов не замедлил воспользоваться приглашением, ухнул филином и опустился в кресло. Увидев его в профиль, Прасковья опять испытала давешнее дежавю, и на нее повеяло холодком.

Несколько минут Ходунов устраивался на своем месте, копошился в сумке (почти такую же Гаврилов подарил Прасковье в пятилетнюю годовщину их семейной жизни), что-то доставал, прятал обратно, при этом он тяжело вздыхал и бормотал себе под нос:

— Несчастный я человек, несчастный, не каждый вынесет такое...

Он опустил перед собой столик, покрыл его салфеткой, достал пластмассовую тарелочку и выложил на нее сочащуюся бульоном и исходящую паром мозговую кость. На Прасковью пахнуло горячими кислыми щами, что очень ее удивило: мало кто решится взять в дорогу горячие щи. Но удивление ее быстро сменилось прихлынувшим отвращением, она почувствовала рвотные спазмы и отвернулась к окну.

Ходунов зачавкал, заурчал, как пожирающий пищу пес, одновременно пытаясь поддерживать разговор:

— Я вам не предлагаю... Трапеза у меня скудная... Я несчастный человек... У меня все только на меня одного... Такой я несчастный... Хоть плач... Все плачут, заплачем, брат, и мы... Я силюсь, брат, да не могу.

— Что? — Прасковья замерла. — Что вы только что сказали? — она, пересилив себя, повернулась лицом к Ходунову.

Тот, завершив уже трапезу, со спокойным видом созерцал чисто обглоданную кость.

— Что я сказал? Да я уж и не помню. А, быть может это?

¹ Пушкин А. С. Борис Годунов.

— Все плачут,
Заплачем, брат, и мы.
— Я силюсь, брат,
Да не могу.
— Я также. Нет ли луку?
Потрем глаза.
— Нет, я слюней помажу.
Что там еще?
— Да кто их разберет?
— Венец за ним! он царь! он согласился!
Борис наш царь! да здравствует Борис! ¹

Он откинулся назад в кресле и закрыл глаза.

— Пионерский стишок, старушка, Надежда Константиновна, в детстве читала, — сонным голоском пояснил он и перед тем, как засопеть, спросил: — А вы, кстати, не знали старика Крупского? Занимательный, скажу вам, был человек...

Слушая, как притворяясь спящим, похрапывает ее сосед, Прасковья мучила себя неожиданно возникшими вопросами: кто ж он такой? вот и Пушкина на память знает? во что играет? и что вообще происходит?

Впрочем, всхрапывания Ходунова ничего из себя не представляли на фоне грохотов, порождаемых спящим запорожцем. Его безуспешно пытались разбудить несколько человек, водитель крикнул в громкоговоритель, что сейчас остановит автобус, так как ему из-за храпа плохо видно дорогу. Кто-то стучал великану по голове батоном вареной колбасы, кто-то зажимал ему нос, но тот легким движением руки отбрасывал наседающих пассажиров в сторону и продолжал храпеть.

— Знай наших! — прошептал, не открывая глаз, Ходунов.

Наконец, бабка с внучкой-подростком, изловчившись, опрокинули на голову толстяку трехлитровую банку с рассолом. Тот встряхнулся, как выбравшийся из воды ньюфаундленд, ошалело оглядел окружающий его народ и широко улыбнулся.

— У, бисовы дети! — добродушно протянул он. — Расшалились, обмочили деда Опанаса.

Ходунов довольно замурлыкал во сне, а старуха, державшая опустевшую банку, высказала общее пожелание:

— Гражданин, вы уж перестаньте храпеть, мочи нету!

— А шо, я храпел? — удивленно вытаращился дед Опанас. — Да шоб меня гром побил, сроду не храпел! Изыдите, бисово племя!

Народ разбрелся по местам, дед Опанас, сердито надувшись, отвернулся к окну.

— Наш человек, — сказал Ходунов, доверительно склонившись к Прасковье.

Но та тоже молча смотрела в окно, желания общаться с соседом у нее не было. А за бортом автобуса с остуженного осеннего неба стекала вниз буровато-зеленая краска, неровными слоями покрывала поля, местами оставляя темные проплешины. Иногда черными вороньими гнездами мелькали дере-

¹ Пушкин А. С. Борис Годунов.

вушки, и не было в этих сентябрьских пейзажах давешней радости осени, что не покидала Прасковью в городе. Здесь осень скучала, и оттого даже еще полные летней силой березовые рощи выгляди грустно, а уж смешанные леса — и вовсе угрюмо. Появилась река, и на дальнем ее берегу глазам открылся белокаменный монастырь. Два храма с золотыми куполами, высокая колокольня, комплекс красивых зданий — все это разом оживило картину за окном, словно кто-то во весь голос крикнул: «Жизнь прекрасна!»

«Слава Тебе, Господи!», — беззвучно произнесла Прасковья, вспоминая недавние наставления Петра Юрьевича: «Без Бога у тебя пусть и все будет, да радости не принесет и в ничто вменится, а с Богом — и ржаной сухарь великая радость...» Великая радость! Прасковье показалось, что она сказала это вслух. Рядом зашелся в кашле Ходунов.

— Несчастный я человек, — едва успокоившись, забормотал он, — нет мне нигде покоя. Никто не пожалеет. Мафия в рабство взяла, кровь сосет, жилы тянет, и никому дела нет.

— Какая мафия, что вам там приснилось? — спросила Прасковья, поведение соседа начало ее раздражать.

— В рабство меня взяли, — прошептал Ходунов, — под угрозой смерти заставляют наркоту поганую перевозить, вот и сейчас со мной в сумочке полкилограмма этой дряни. Белая смерть! Помогите, выручите, ведь погибну ни за грош!

— Да вам в милицию надо, давайте, как приедем, я вам помогу, — предложила Прасковья, но Ходунов энергично замотал головой:

— Ни в коем случае! Там-то как раз мафия и сидит, вся вдоль и поперек в погонах и портупеях. Нет, мне откупиться от них нужно. Денег им дать.

— И сколько ж надо?

Ходунов молчал не менее минуты, а потом ровным голосом сказал:

— Требуется сто тысяч рублей. Смешно, но столько стоит жизнь человека. И решить этот вопрос — пара пустяков.

— Как же? — спросила Прасковья, нехорошее предчувствие черным туманом вползало к ней в душу.

— Да очень просто, — Ходунов глазами и подбородком указал вниз под ноги, туда, где лежал ее рюкзак, — за небезызвестный вам перемотанный скотчем пакет один гражданин готов заплатить ровно сто тысяч рублей. Мы продаем пакет, вы передаете эти деньги мне, а я — мафии. И жизнь человека спасена!

— Это что ж за гражданин, не продавец ли пирожков, назвавшийся Охлубыздиным? Мошенник и аферист.

— И что это сразу мошенник? — принял обиженный вид Ходунов. — Если пирожки продает, так и мошенник? А если князя из себя корчит, так и честный человек? Так, да? Что за дискриминация? Или вам денег жалко, чтобы человека от смерти спасти? Да вы, вижу, тоже мафия! Одним миром мазаны! — последние слова Ходунов почти что пропищал и вдруг понизил голос до утробного хрипа: — Давай сюда пакет! А не то худо тебе будет! Костей не соберешь, лохудра!

— Да отдай ты этому бисову сыну, что просит! — пробасил запорожец Опанас.

— Точно, отдайте, а то ведь и впрямь плохо вам станет! — поддержали толстяка девушки-студентки.

— Помоги человеку, дочка! — подала голос старуха и, взмахнув в воздухе пустой трехлитровкой, пообещала: — Мы тебе с внучкой потом пришьем две банки с огурчиками, пальчики оближешь!

— Наваждение какое-то! — воскликнула Прасковья. — Вы что, сговорились? В чем дело?

— А ты как бы думала! — прохрипел Ходунов. — Народ безмолвствует, да? Фигушки!

Тут он скорчил страшную рожу и протянул к ней руки с угрожающе растопыренными пальцами.

В это время пассажиры с соседних мест вразнобой закричали:

— Ату ее! Бери ее за жабры! Сарынь на кичку!¹ Вилы в бок!

Прасковью сковал ужас, она хотела позвать на помощь, но голос ее иссяк, как родник в безводной пустыне. Все, на что ей хватило сил, так это потянуть рукой за серебряную цепочку, нащупать крестик и с силой сжать его в ладонке. После чего она почувствовала, что куда-то проваливается, летит, все быстрее и быстрее.

— Ох, — воскликнула она и окончательно исчезла...

Там, где она пребывала до своего обратного явления, было, в общем-то, неплохо: несуетно, благопристойно и, самое главное, тихо, по крайней мере, до последнего момента, пока кто-то не вторгся в ее покой с неуместно елейными словечками:

— Милочка! Милочка! Дорогуша! Просыпайся, все на свете проспий!

— Да? — тихо обозначила она свое появление в мире. — Что случилось? Где я?

— Вообще-то ты в междугородном транспортном средстве, милочка. И через пять минут — пункт прибытия.

Прасковья открыла глаза и увидела в соседнем кресле женщину в рыжем парике, примерно ее лет, подкрашивающую ресницы.

— А где Ходунов? — спросила Прасковья и поискала взглядом толстяка-запорожца, но на его месте сидели два интеллигентного вида мужчины, один из них как раз протирал очки.

— Ушел твой Ходунов на ходулях, милочка, — съерничала дама в парике и тут же с невозмутимым видом поинтересовалась: — А кто это, Ходунов?

— Мой сосед, мы с ним всю дорогу вместе ехали, — объяснила Прасковья.

— Ну, ты, дорогуша, даешь! — дама возмущенно хлопнула одеревеневшими от туши ресницами, — это мы, промежду прочим, с тобой суседки, с самого начала вместе ехали. Ты ж запаренная к самой отправке прибежала, к окошку попросилась и сразу храпуна дала, всю дорогу спала беспробудно. А Ходунова тут не было, не ходил тут Ходунов.

— И деда Опанаса не было? — чувствуя себя душой, спросила Прасковья.

¹ «Сарынь на кичку» — в старину возглас волжских разбойников, по которому все находившиеся на судне должны ложиться на кичку (возвышенная часть на носу судна) и лежать, пока разбойники грабили судно.

Она уже заметила, что на месте подружек-студенток дремал лысый старичок. Отсутствовали и бабка с внучкой — их места занимала незнакомая семейная пара. Наваждение? Если и так, то это как раз то, о чем Петр Юрьевич говорил: про противника нашего, который как лев рыкающий. Чуть не проглотили, аспиды! А рюкзак? Нет, тот, слава Богу, как и прежде, лежал у ее ног. И это главное, а остальное — было, не было? — ерунда сущая...

— У тебя с чердачком-то, милочка, как, все в норме? — прервав ее раздумья, спросила рыжая дама и постучала пальцем себе по лбу. — Может тебе карету с красным крестом подать?

— Себе вызывайте карету! — отбрила соседку Прасковья. — У меня все в норме. Это я вас проверяла на вменяемость. Экзамен вы провалили.

— Тоже мне! — фыркнула дама. — Нашлась проверяющая!

В это время водитель объявил о прибытии. Автобус остановился, беззлобно зашипел, открывая двери, и начал порциями выдавливать пассажиров наружу, прямо в дождь.

Прасковья оказалась на улице вслед за обладательницей рыжего парика. Та тут же закрылась куполом пестрого зонта и, не утруждая себя прощальным приветствием, затерялась в грандиозном танце с зонтами, достойном театра Кабуки. Если бы у Прасковьи было время, она бы оценила это действо, но ее зонтом стало само небо и, чтобы не превратиться в русалку, ей пришлось проявить сноровку. Она нырнула под козырек у привокзальной кафешки. Расспросила у охранника, как пройти к Крестовоздвиженскому храму. Но тот объяснял так путано, что ей пришлось переметнуться в ближайшую булочную. Там продавщица в пышном белом переднике заученно улыбнулась и посоветовала идти все время прямо по проспекту, а потом остановиться и спросить у кого-нибудь, куда идти дальше? Две покупательницы просто пожали плечами. Посасывающий колу юнец оттопырил ей средний палец. Можно было бы расспросить кассовый аппарат, но тот не успели еще оборудовать голосовым устройством. Прасковья поежилась, вздохнула и опять шагнула под дождь. Плевать! Она решила действительно идти прямо, а там — будь что будет.

Высланная лужами вечерняя улица сквозь дождь поднимала вверх фонари, их желтый сонный свет подчеркивал пустоту тротуаров и проезжей части, и лишь забытые в тупичке стоянки авто тревожно мигали габаритами. Им подмигивала слабо мерцающая витрина безлюдного, как необитаемый остров, универсама. Погода, похоже, просто сходила с ума. Ветер, набирая силу, тащил откуда-то липкую темноту и швырял ее клочьями в лицо. Дождь закручивался протуберанцами, цеплялся за одежду, хватал за ноги, срывал со спины рюкзак; холодея, он на глазах превращался в снег. Свет уличных фонарей потускнел, словно на каждый светильник накинули вуаль. А ветер уже завывал и с отмашки хлестал ледяной плетью...

В этой безжалостной ознобной свистопляске Прасковья отчетливо услышала, как кто-то, пока для нее неразличимый, как будто над ней, где-то на уровне средних этажей соседнего здания, читает до боли знакомые строки:

*Мчатся тучи, вьются тучи;
Невидимкою луна
Освещает снег летучий;
Мутно небо, ночь мутна...*

Она огляделась и слева от себя, сквозь пелену, то ли дождя, то ли снега, увидела Ходунова. Заложив руки за спину, он шел вровень с ней, угадывая ее шаг. На нее он не смотрел, но, кажется, видел каждое ее движение и мгновенно на них реагировал. Вот она чуть повернула в сторону, ускорила темп, и он сделал то же одновременно с ней. Но испугало ее не это. На нее дохнуло жутью, когда она поняла, что это именно Ходунов читает «Бесов» Пушкина, монотонно, но внятно, и даже с элементами некоего артистизма...

*Хоть убей, следа не видно;
Сбились мы. Что делать нам!
В поле бес нас водит, видно,
Да кружит по сторонам.*

*Посмотри: вон, вон играет,
Дует, плюет на меня;
Вон — теперь в овраг толкает
Одичалого коня...*

Прасковья услышала лошадиное ржание, бреление колокольчиков и брань понукающего коней ямщика. Надо было что-то сделать, сказать какие-то слова, о чем-то кого-то попросить, но разум застыл, стухнул, мысли превратились в улитки: медленные и беспомощные, они ужались до одного слова: «Бежать...» Бежать! Однако сил не осталось, тело превратилось в стекающее вниз по костям желе, еще несколько мгновений этого ужаса — и от нее, казалось бы, ничего не останется. Но мгновения сменялись одно другим, а она шла и все еще продолжала слышать:

*Кони снова понеслись;
Колокольчик дин-дин-дин...
Вижу: духи собрались
Средь белеющих равнин.*

*Бесконечны, безобразны,
В мутной месяца игре
Закружились бесы разны,
Будто листья в ноябре...*

Впереди, на ее пути прямо из воздуха материализовались две женские фигуры в темных плащах. Даже не разглядев лиц, Прасковья каким-то инстинктом узнала их: девчухи-студентки из автобуса. Только сейчас эти прежде милого вида наивные существа превратились в мрачных жриц ада с пылающими красными огнями в глазах. Они стояли, держась за руки и широко расставив ноги, и пройти через этот живой турникет не представлялось возможным, потому что справа от нее обтекала дождем глухая стена дома, а слева декламировал стихи лжеартист Ходунов. Да и сзади тоже было что-то не так. Прасковья оглянулась и цепенеющим взглядом зафиксировала надвигающийся из ледяного сумрака похожий на большой сундук торговый лоток с нарисованным оранжевым хот-догом на фрон-

тальной части, а за ним — похожего на Фредди Крюгера¹ продавца котлеток Охлубыздина.

— А вот колбаски, а вот мясо молодого пороса, — мрачно сипел он, размахивая большим мясницким ножом.

Ходунов, в свой черед, продолжал читать, не сбиваясь и уже не скрывая своего нечеловеческого мастерства:

*Сколько их! куда их гонят?
Что так жалобно поют?
Домового ли хоронят,
Ведьму ль замуж выдают?*

Над головой у Прасковьи, едва ее не задев, пронеслось нечто огромное, шумное с широкими черными крыльями. Оно рухнуло на асфальт, рядом с inferнальными студентками и оборотилось давешней бабусей из автобуса, ей на плечо, спикировав сверху, уселась ворона, смутно похожая на внучку-подростка.

— Говорили тебе, лохудра, отдай пакет! — грозным, будто из-под земли звучащим голосом выкрикнула старуха. — Теперь пеняй на себя!

— Кар-р-р! — угрожающе каркнула ворона.

— Деньги ведь дуре предлагали! — просипел Охлубыздин. — Из сберкассы, между прочим.

А Борис Ходунов, совсем уж освободив себя от всяческих рамок, шалыпинским басом проревел:

*Мчатся бесы рой за роем
В беспредельной вышине,
Визгом жалобным и воем
Надрывая сердце мне...²*

На последних его словах воздух наполнился гулом и рокотом. Что-то, какие-то неразличимые для глаз Прасковьи существа с сумасшедшей скоростью проносились в воздухе, все вокруг дрожало — стены, деревья, железобетонные опоры освещения, даже асфальт под ногами колебался и вибрировал.

Господи, что это? За что мне?.. Эти возникшие внутри нее слова были даже не вопросами, — думать она в этот момент не могла, — а мелькнувшими в подсознании искрами, но как раз такими, из которых возгорается пламя. Внутри нее как будто вспыхнул огонь, мысли задвигались, ускорились, побежали... Шевельнулась память... Вот Кого просить... Господи... Помогите... Всплыли в памяти и слова Февронии: «Еще и не раз забудешь, пока веры твердой у тебя не будет». Не забуду теперь! Господи, спаси, помоги!

Вокруг разом подзатихло, воздух очистился от летучих тварей, и под ногами перестало дрожать.

¹ Персонаж киносериала ужасов «Кошмар на улице Вязов».

² Пушкин А. С. Бесы. 1830.

— Не уйдешь от нас, лохудра, не надейся, — дико закричала старуха. — Никто тебе не поможет!

— Ты никогда не найдешь дорогу к храму, — изрек Ходунов трагическим тоном завлита драмтеатра.

«А старшая у них, похоже, бабуса, — подумала Прасковья, — если сейчас разбегусь, садану ее плечом, наверняка сшибу, а быть может и девок тоже? Эх, была, не была!»

Приняв решение, она вытащила крестик на цепочке, приложила его к губам: Господи, помоги! И рванула что есть сил вперед, закричав первое, что пришло на ум:

— Али-баба! О чем слуга? Пятого, десятого, меня вам сюда!

— Что такое? — заволновался Ходунов, пытаясь бежать с ней вровень. — Что происходит?

Прасковья несколько мгновений видела его боковым зрением, пока не сшиблась со старухой. Ей показалось, что она врезалась в большой мешок с чем-то жидким и мерзким, и что мешок этот от удара лопнул, обдав все вокруг черными смрадными брызгами. Задыхаясь от зловония, она едва заметила, как отшвырнула в стороны друг от друга двух жриц преисподней.

— У-у-у! — выла теперь позади нее черная бабуса, с которой, как оказалось, ничего страшного не случилось. — Держите ее! Не дайте уйти!

На Прасковью, пытаясь клонуть, налетала ворона. Но это уже были пустяки. «Мне удалось! — ликовала она, продолжая бежать. — Я прорвалась! Вырвалась! Бог помог!»

Она помчалась еще быстрее — и откуда взялись силы? Но и погоня не отставала: адская бабуса и inferнальные студентки, держась тесной группой, почти настигали ее. Они повизгивали, и, пытаясь ее схватить, выбрасывали вперед длинные когтистые конечности. Ходунов скакал слева от нее на расстоянии полутора метров, не пытаясь приблизиться и вступить в контакт, похоже, он был узким специалистом лишь по словесной обработке. И где-то совсем рядом шумел колесами фастфудный лоток, а его погонщик Охлубыздин кричал что-то про сберкассу номер пятнадцать.

Вдруг между ней и Ходуновым выросла чья-то громоздкая фигура. Скосив глаза, она заметила развивающиеся запорожские усы Опанаса.

— Здравеньки булы, — поздоровался тот и захохотал.

Прасковья увидела, что он тянется к ней огромной ручищей, попыталась увернуться, но ничего не получилось: великан обхватил ее за талию, притянул к себе и легким уверенным движением взвалил на плечо. Улица огласилась торжествующими криками участников погони...

— Говорили же, бери деньги, теперь — и без денег, и без головы, — ликовал Охлубыздин, он вскочил на торговый лоток и начал жонглировать котлетами.

Ходунов, опять выказывая себя приверженцем литературных традиций, продекламировал:

*И, озарен луною бледной,
Простерши руку в вышине,
За ним несется Всадник Медный
На звонко-скачущем коне;
И во всю ночь безумец бедный,*

*Куда стопы ни обращал,
За ним повсюду Всадник Медный
С тяжелым топотом скакал...¹*

Прасковья едва помнила себя от досады: так все хорошо шло и на тебе! Что теперь?

— Опанас, в горячую ее! — ответила на ее «что теперь?» черная старуха. — Зачнем допрос учинять.

— Будет сделано! — рявкнул запорожец и, с силой прижав к себе Прасковью, предупредил: — Не вздумай кричать, все масло из тебя выжму.

Та попыталась оглядеться, в ее положении — а она, перекинутая через плечо запорожца, висела вниз головой — это было не совсем удобно, но ей удалось рассмотреть, что вся окружившая ее inferнальная компания движется куда-то по узкому проулочку мимо бетонного забора. Ветер совсем утих, да и дождь сеялся едва ощутимо.

«Надо бежать, — лихорадочно думала Прасковья, — бежать любым способом. Искусать этого кретина Опанаса, опрокинуть старуху и девок, болтун Ходунов не в счет, Охлубыздин не бросает свой киоск и, значит, тоже не в счет, опасен только великан. Эх, мне бы зубы, как у нашей Трезорки из Пскова, я бы его так покусала, что он света б не взвидел».

Прасковья стала примериваться, куда бы ей приложиться зубами. Но тут ситуация начала на глазах меняться...

— Тихо, — скомандовала старуха, — стоп машина!

— Что? — забеспокоился Охлубыздин. — Что случилось?

— Петруха на подходе, — полусшепотом объяснила она, — тихо, может пронесет.

— А если нет? — еще более взволновался продавец котлеток. — Хана нам? Ходунов пискнул и, заикаясь, продекламировал:

*Трусоват был Ваня бедный:
Раз он позднюю порой,
Весь в поту, от страха бледный,
Через кладбище шел домой...²*

— Я тебе сейчас дам кладбище! — угрожающе рыкнула старуха.

В этот миг как сирены завопили студентки:

— Атас! Воздушная тревога! Спасайся, кто может!

Прасковья почувствовала, что падает на землю. Она успела подставить руки и приземлилась мягко. Тут же встала на ноги. Злодейская компания почти уже растворилась в сумерках. Она успела заметить Ходунова, который с визгом «Горе! Малый я не сильный; съест упырь меня совсем...»³ нырнул в открытый люк канализационного колодца. Похоже, туда же прежде сгнули все остальные. Нет, не все: оставшийся последним бедолага Охлубыздин пытался в нарушение всяческих законов физики просунуть сквозь узкое жерло люка параллелепипед фастфудовского лотка. Он хло-

¹ Пушкин А. С. Медный всадник. Петербургская повесть.

² Пушкин А. С. Песни западных славян. Вурдалак.

³ Там же.

пал по нему руками, бил ногами и даже головой, но успеха это не приносило. Он с остервенением поскреб череп, выпрямился, поднял руки вверх и вдруг взвыл, как запущенный реактивный снаряд, через мгновение его уже не было на земле: он исчез в мглистом небе, а еще через несколько мгновений рухнул обратно, прямо на свой лоток и вместе с ним провалился в темноту канализационной шахты.

Прасковья наблюдала за всем этим, открыв рот. Еще через секунду на ее глазах из колодца высунулась черная когтистая лапа, нащупала чугунную крышку и приподняла ее. Но прежде, чем отверстие люка затворилось, туда успела проскользнуть ворона...

Все, баста! Прасковья перевела дух. Ее приключениям конец! Никто ей об этом не объявлял, но она откуда-то это знала. Более того, она была уверена в этом на сто процентов и поэтому неторопливо приводила себя в порядок, ведь еще предстояло завершить свою миссию. А насчет того, что с ней произошло... Ну кому расскажешь об этом? Она и сама назавтра наверняка начнет сомневаться: было, не было? Считать ли случившееся наваждением или чудной реальностью? Пусть время покажет. А пока... пока надо доводить дело до конца. В перспективе переулка, сквозь редкий строй деревьев просматривалась хорошо освещенная площадь, туда она и направилась, бросив последний взгляд на крышку канализационного люка.

На пути ей попался странного вида человек в подвязанных на щиколотках тесемками широких воинских галифе и стареньком черном пиджаке. Он, шаркая болтающимися на ногах ботинками, поравнялся с ней, приостановился. Лицо его, с утиным носом, редкой кудрявой бородкой и сбитыми надо лбом в соломенный колтун волосами, показалось Прасковье ничем ни примечательным, но она тоже остановилась, не понимая, зачем это делает. Незнакомец взглянул на нее, широко улыбнулся и ткнул назад себя большим пальцем руки.

— Там тебя ждут, ты иди, иди!

— Где? — спросила Прасковья и подумала, не тот ли это Петруха, которого упомянула старуха? Только что же в нем страшного?

— А я Петруша, — сказал незнакомец, — я хороший, а ты иди, не стой тут, а то под землю провалишься.

Пока удивленная Прасковья переваривала его слова, Петруша куда-то скрылся. Ей только и оставалось, что идти вперед на свет. На краю площади она замерла и залюбовалась открывшимся ее глазам большим пятикупольным храмом с шатровой колокольной, красиво подсвеченным с разных сторон прожекторами. Он показался ей розовым и по-праздничному нарядным. Вот и пришла...

«Передам пакет и что же дальше, куда дальше? — подумала она. — Незнакомый город, чужие люди, к кому обратиться?»

Пока она пересекала площадь, навстречу ей попались несколько пожилых женщин. Она спросила, открыт ли еще храм и узнала, что вечерняя служба давно закончилась, и храм вот-вот закроют. Она прибавила шаг. У входа на скамейке сидел мальчик и, опустив голову, водил прутиком по асфальту. Когда Прасковья поравнялась с ним, он поднял голову и сказал:

— Привет, как твое плавание?

Прасковья застыла, она могла бы поклясться, что именно этого подростка видела утром во дворе пятиэтажки, когда выходила из рощи Февронии и Петра Юрьевича.

— Что? А ты как здесь? Откуда? — растерянно спросила она.

В этот момент к ним подбежала молодая женщина, вся в слезах:

— Петенька, я ж тебя обыскалась, — всхлипывала она, — мы все тебя ищем, а ты здесь сидишь? Пойдем домой.

«Ну вот, навоображала себе», — успокоилась Прасковья и перешагнула порог храма.

Внутри было пусто и темно, горели всего два светильника у входа и где-то впереди мерцали несколько огоньков лампад. Из полумрака появилась невысокая старушка в синем рабочем халате со шваброй и ведром. Прасковья подумала, что сейчас ее попросят уйти или даже погонят прочь. Но старушка лишь устало перевела дух и, опустив ведро, стала протирать пол.

— Вы туда на скамеечку сядьте, чтобы я домыть могла. Поздно, уж одиннадцатый час, домой пора.

— А как мне батюшку повидать? — спросила Прасковья.

— Это невозможно, — печально сказала старушка, — приходите завтра, у отца Александра был очень трудный день, служба, потом вон сколько исповедников, он хотя и молодой, но тоже ведь устает.

— Я понимаю, понимаю, — заторопилась Прасковья, — но у меня важное поручение, посылку ему надо передать, я из другого города приехала.

— Эх, вы бы пораньше приехали со своей посылкой, ждите, сейчас позову, — сердиться старушка, как видно, не умела, поэтому выразила свое недовольство лишь быстрым укоризненным взглядом.

Она опять скрылась в полумраке, и голос ее из темноты просительно воззвал к священнику, чтобы тот снизошел и явился:

— Батюшка, простите Христа ради, но тут к вам пришли с важным поручением. Не могли бы вы на минутку выйти?

Невидимый батюшка что-то ответил, но слов Прасковья понять не смогла. Открылась дверь и она зажмурилась: яркий световой поток проложил к ее ногам расширяющуюся клином дорогу. В полосе этого света Прасковья увидела плывущую фигуру священника в фиолетовом подряснике с золоченым крестом на груди, застывшую старушку, а также подсвечники, аналой и киоты с иконами вдоль стены.

Отец Александр был молод, высок, худощав и подтянут. Волосы его, по-русски подстриженные «в скобку», вполне гармонировали с недлинной густой бородой, также подрезанной в круг. Он остановился в двух шагах от Прасковьи и, покачиваясь вперед-назад, сказал:

— Слушаю вас.

— Вам просили передать посылку, — доставая пакет, Прасковья объяснила, что приехала из другого города и прямо с автовокзала пришла сюда.

— Эх, посылка, посылочка, что в тебе, милочка? — устало пропел отец Александр, взвешивая в руках пакет Петра Юрьевича и Февронии, и спросил: — А завтра вы не могли прийти?

— Так мне негде ночевать, — призналась Прасковья, — я в вашем городе в первый раз.

— Первый раз, первый раз, — повторил за ней отец Александр, — а вот с этого надо было начинать. А то посылка. Знаем мы эти посылки. Старый молитвослов или бабушкино Евангелие, для вас это ценность, семейная реликвия, а нам куда девать? У нас ведь не музей, а храм. Ладно, что-нибудь придумаем. Эх, посылка, посылочка... — он опять затащил свою грустную песенку, скорее всего, это была его манера размышлять.

Прасковье священник показался немного странным. Впрочем, это был ее первый знакомый среди служителей культа, и она не могла судить, каковы были все прочие, быть может, еще более необычные? Или все точно такие же?

— Сделаем так, — отец Александр закончил напевать, — переночуете вы у Вассы Андреевны, он указал на старушку, — завтра отслужим литургию, потрапезничаем, и я вам дам деньги на обратную дорогу. Так и порешим! Идите, попейте чаю, в трапезной Петр Семенович меня дожидается, сейчас я закончу, и вместе пойдем по домам.

Васса Андреевна через темный притвор провела Прасковью в трапезную, которая оказалась обыкновенной комнатой с длинным деревянным столом, заставленным скамьями, с высоким холодильником, буфетом с посудой, электрической плиткой, кулером для воды и микроволновкой, а о церковной принадлежности места свидетельствовали красивые иконы в золотых окладах на стенах и крест с Распятием. За столом, склонившись над книгой, сидел темноволосый коротко стриженный мужчина.

— Вот гостью привела, — сказала Васса Андреевна и тут же занялась приготовлением чая.

— Петр Семенович, — мужчина вытянулся во весь свой гренадерский рост и расправил широкие плечи, — я вот, представляете, книгу тут читаю, «Ангел беспечальный» называется, очень меня заинтересовала, — он взглянул на Прасковью по-детски доверчивым взглядом, и той на мгновение показалось, что перед ней большой ребенок.

«Военный, — подумала Прасковья, называя себя, — майор или даже подполковник». Она присела за стол, напротив Петра Семеновича, продолжая думать, что если бы вдруг решила выйти замуж, то выбрала бы именно такого, с мужественным открытым лицом, с умными, честными глазами. Только такие на дороге не валяются, их, если вдруг не заняты, бабы тут же прибирают к рукам. «Ему лет сорок, сорок пять, — прикинула она, — женат, конечно, и внуки уже, небось, есть».

— Вы, Прасковья, давно знаете батюшку? — спросил мужчина.

— Сегодня увидела впервые, я вообще из другого города, — объяснила она.

— И какими ветрами в наши края?

— Так уж получилось, — пожала она плечами и, не выдержав, спросила: — Вы ведь военный?

— Было дело, — улыбнулся Петр Семенович, — три года в отставке. Вот, чем могу, помогаю батюшке, ну и руковожу автосервисом, для хлеба насущного.

— Внуков, наверное, балуете? У вас ведь есть внуки?

— Нет, — Петр Семенович вдруг посерьезнел и опустил вниз глаза.

Прасковья поняла, что задала не тот вопрос, который следовало бы задать, и чтобы как-то исправить положение, тут же сменила тему разговора.

— А некто Петруша кем у вас работает? Его кое-кто очень даже побаивается.

— Его только бесы и аспиды боятся, — выставляя на стол чашки с чаем, сказала Васса Андреевна, — а люди его на руках готовы носить, он ведь такой молитвенник, такой добрый, к каждому подойдет, по плечу погладит, да еще и совет даст, такой, что никто другой не даст.

— Это как же? Что же за совет?

— А такой, — Васса Андреевна сделала загадочное лицо и огляделась по сторонам, словно кто-то мог их подслушать, — ему Бог тайное открывает. Вон Нинке Воробьевой из болезни было не выйти, так ей сделано было, что никакие врачи не помогали. А Петруша и говорит ей, мол, ты помолись-ка за золовку, шибко она тебя не любит. Сорокоусты за нее закажи в трех храмах, нищим подай, в монастыре кирпич именной на нее купи. Нинка все сделала. И что вы думаете? Золовка сама к ней прибежала и в ноги бухнулась: прости, мол, бес попутал, не хотела, чтобы ты под одной крышей с нами жила, ходила к ворожее, наговоры на тебя делала. С тех пор Нинка здорова, хоть бы хны ей. А еще был случай...

— Ладно тебе, тетя Васса, — поставил точку в рассказах старушки Петр Семенович, — совсем человека страшилками запугаешь. Можно подумать, у нас тут колдовство одно творится. Да и что колдовство против таинств церковных, против молитвы? Верно ты подметила, боится нечисть Петрушу за его чистоту, доброту и молитву. Раньше таких блаженными называли. А в храме он не работает, он инвалидом считается по психическому заболеванию. Только какой же он псих? Скорее психи те, кто диагноз ему ставил. И вообще, девушки, давайте чаевничать.

— Давайте, — радостно согласилась Прасковья.

Пока пили чай, Петр Семенович рассказывал про ремонт, который затеял батюшка в приделе храма, про то, что батюшка хотя и молодой, но очень ответственный и усердный, и сегодня это особенно важно, ведь искушений столько, что и священник не всякий устоит. И у архиерея отец Александр в почете. А уж какой он семьянин, про то все знают: пятеро детей хвостиком за ним бегают и матушка им не нарадуется. Так что с настоятелем этому приходу очень даже повезло!

Тут в дверь заглянул сам отец Александр, уже переоблачившийся в цивильный костюм, и пропел:

— Благодарим Тя, Христе Боже наш, яко насытил еси нас земных Твоих благ; не лиши нас и Небесного Твоего Царствия, но яко посреде учеников Твоих пришел еси, Спасе, мир дая им, прииди к нам, и спаси нас. Все, братие и сестры, пора домой, меня матушка, поди, потеряла.

— Так не впервой, — сказал Петр Семенович, поднимаясь с места, — мы гостью с Вассой до дома довезем?

— Благословляю, это долг гостеприимства, — согласился священник, — к машине!

Черный автомобиль Петра Семеновича стоял недалеко от входа в храм. На таких огромных машинах Прасковья, пожалуй, никогда еще не ездила. В ее представлении, на подобных раскатывали только депутаты, корруппи-

рованные чиновники и бандиты. Петр Семенович, как будто почувствовав ее смущение, успокоил:

— Товарищ дал этим зверем попользоваться, Тойота Ленд Крузер, танк, а не машина, моя «аудишка» в ремонте.

— Ты что это, Петр? — воскликнул с возмущением отец Александр. — Технику зверем-то не называй, негоже это, она ведь освящена, ей Ангел придан, а ты ее зверем. Не по-христиански это!

— Каюсь, отче, — Петр Семенович сложил руки на груди, — сказал, не подумав, но что с меня взять? Отставной полкан.

«Полковник значит, — с удовлетворением подумала Прасковья, — что ж, я почти угадала».

— Поехали, — скомандовал отец Александр, — сначала меня, пусть и крюк небольшой сделаете. Мне еще правило читать.

Священник жил не очень далеко, минут через десять машина остановилась около его дома — двенадцатиэтажной кирпичной башни. На прощание он всех благословил и вбежал в подъезд.

— Теперь поедем обратно, — Петр Семенович лихо развернул машину и резко с места рванул в «галоп». — Васса живет ближе, — объяснил он, — но в другой стороне, так что попетляем.

Прасковья поняла, что совсем не против «попетлять» в такой компании, и попеняла себе: не слишком ли, мол, быстро, подруга, ты ко всему этому привыкла? Впрямь на глазах прирастаешь, а отрываться-то ой как больно будет!

— Завтра на службу придете? — спросил Петр Семенович.

Прасковье показалось, что после ее утвердительного ответа он облегченно перевел дух.

— А вы знаете, — продолжал он, — у нас тут криминальная история неделю назад произошла. У батюшки из кабинета деньги украли и дорогую ему вещь. Видно он сейф забыл закрыть. Во время службы кто-то к нему в кабинет проник. И с концами. Милиция, эксперты работали — никаких следов! Батюшка еще до сих пор в себя не пришел. Как люди Бога не боятся? Ведь аукнется им.

— Еще как аукнется! — поддакнула Васса Андреевна. — Ничего, найдут, я сердцем чую.

— А вот и ваш дом, приехали, — сказал Петр Семенович.

И опять Прасковье почудились в его голосе нотки, теперь уж сожаления.

— До свидания, вы были очень милы, — она, как светская дама, протянула ему руку для поцелуя, и он, не замедлив, приложился к ней губами. Душа ее возликовала и она, не сдерживая себя, улыбнулась.

Васса Андреевна проживала в древней хрущевке на первом этаже в отдельной однокомнатной квартире. Комната была заставлена старой мебелью: в ней едва умещались две кровати, сервант, шкаф и комод. Центр комнаты занимал круглый стол, застланный свисающей до самого пола белой скатертью. Между шкафом и одной из кроватей светился лампадой «красный угол» с иконами, столик под ними проседал от тяжести банок и бутылок с водой, стопок старинных толстых книг, коробок с пузырьками и всякой всячиной непонятного назначения. Все это, как видно, копилось го-

дами, и очевидно предназначалось для дальнейшего хранения, пока новый хозяин не решится установить здесь свои порядки.

— Вот такая у меня квартира, — не без гордости сказала Васса Андреевна, — святынь очень много, даже из Иерусалима святая вода и с Афона. Смотри, аккуратней тут. Спать будешь там, — она указала рукой на кровать у противоположной стены, — это сестрицы моей покойной место, уж семь годков, как преставилась, Царствие ей Небесное. Ложись, а я уж молитвы вечерние почитаю и за тебя помолюсь.

Утро вероломно оборвало ее сон, которому, как мнилось ей, она только что успела довериться.

— Вставай, Прасковья, в храм пора, — Васса Андреевна будила ее с такой печалью в голосе, словно отбирала от нее самую дорогую вещь, — ты уж не подведи, а то опоздаем, пять минут у нас всего осталось.

Прасковья побежала умываться. А через пятнадцать минут они уже выходили из подъезда. Васса Андреевна на ходу взялась рассказывать про давние свои деревенские годы, как за восемь верст ходили они с сестрицей в храм. Но Прасковья постаралась перевести беседу в более для нее интересное русло. Она спросила, как идет ремонт храма и как участвует в этом Петр Семенович, а потом — о нем самом и его семье. То, что она услышала, ее ошеломило. Оказывается, четыре года назад случилось ему пережить большую трагедию: в автокатастрофе погибли жена, девятнадцатилетняя дочка и зять, причем дочка была на шестом месяце беременности. И как он не сошел с ума? Хотя и верующий уже был, но едва уберется от опрометчивых поступков. Сам Бог его спас, как и прежде спасал на войне, привел в церковь, к отцу Александру. Нашел батюшка нужные слова и удержал от рокового выбора. Все-таки со службой Петр Семенович расстался. Открыл с товарищем бизнес по ремонту машин и при храме остался, как первый батюшкин помощник. Что же касается женщин, то на них он внимания не обращал, хотя те за ним носились табуном. Батюшка даже специальную беседу проводил среди незамужних прихожанок, чтобы, значит, сдержаннее были и скромнее. Не очень, правда, помогло.

— Я уж, Прасковья, чуть дар речи вчера не потеряла, как увидела, что он тебе такое внимание кажет, — призналась Васса Андреевна. — Не пойму, чем ты его взяла? Ничего в тебе особенного, баба, как баба. За ним ведь такие кralи увивались — королевны!

— Да какое там внимание? Показалось вам, — Прасковья молча проглотила горький комок от нелестных в ее адрес слов, понимая, что Васса Андреевна сказала так не по злобе, а по простоте сердечной.

— Может и показалось, — тут же согласилась та.

В блеклых утренних красках Крестовоздвиженский храм выглядел буднично и просто. На едва приподнятой над тротуаром паперти стоял нищий старик с жестяной банкой под ногами.

— Это бомж Василий, — пояснила Васса Андреевна, — ему деньги лучше не давать, все одно пропивает, лучше какой-нибудь еды.

Но Прасковья, попав в прицел амбразур опухших глаз Василия, не выдержала и сыпанула в его банку горсть мелочи. Они вошли в храм, перекрестились, и Васса Андреевна едва не бегом кинулась исполнять свои

обязанности. Народ еще не собрался, юный пономарь в подряснике до пят зажигал лампадки, молодая женщина в иконной лавке выкладывала на прилавок свечи. Прасковья узнала в ней вчерашнюю потерявшую сына мамашу. Она подошла и, поздоровавшись, спросила:

— Как ваш сынок Петенька, не простудился?

— Какой сынок? — женщина окинула ее удивленным взглядом. — Вы меня с кем-то спутали, у меня дочка Светлана.

— Вчера вечером у храма, мы же с вами встречались?

— Да нет, я вчера выходная была, ездила к матери в область, так что ошиблись вы. Записки будете подавать? Свечи брать?

— Да, три свечи, а записки попозже, — Прасковья отошла в недоумении. Нет, что-то не так. Что-то со всей ее жизнью не так. Она прошла вперед, туда, где на аналое лежала большая икона Божией Матери, поставила на круглый подсвечник свечу, затеплив ее от лампадки, и застыла в раздумье: куда бы еще поставить свечи?

— Святителю Николаю поставь, вон там в левой стороне, — возникшая рядом Васса Андреевна указала рукой в нужном направлении, — и еще у Креста с Голгофой поставь за упокой усопших сродников.

— А где мне лучше быть во время службы? — спросила Прасковья.

— Так там с левой стороны и стой, нам, бабам, там и положено стоять.

На клиросе начали читать молитвы, пространство храма постепенно заполнялось прихожанами. Прасковья поставила свечи и могла теперь спокойно оглядеться. Покрытый мраморными плитами пол устало блестел, десятки, сотни тысяч ног приучили его к безропотному спокойствию. Вдоль стен стояли красивые, благородного вида, киоты из темного дерева, перед одетыми в золотые ризы иконами горели большие, украшенные камнями лампады, а перед иными образами — так сразу по несколько. Огромная люстра с немыслимым количеством светильников в виде свечей спускалась из-под купола или, наоборот, пыталась взлететь? Туда же высоко вверх поднимался и золоченый иконостас, украшенный замысловатой резьбой. Прасковья насчитала в нем шесть рядов икон. В иконографии она не разбиралась, поэтому дать оценку увиденному не могла. Но тут рядом с собой она услышала знакомый голос:

— Любуетесь иконостасом? Он относится к XVIII веку, шестиярусный, позлащенный, с резьбой по дереву в стиле рококо, известно, что работали над ним ученики Симона Ушакова. Так что это и духовная, и музейная ценность. Да и сам храм того же XVIII века, так называемое «московское барокко», красавец, не правда ли? Какие пропорции, а архитектурные детали?

Прасковья вздрогнула, она ожидала прихода Петра Семеновича, волновалась и внутренне готовилась, репетируя со словами, которые скажет, жестами, которые сделает, движениями тела, постановкой головы. Но лишь прозвучал его голос, лишь только она увидела его мужественное красивое лицо, так сразу обо всем забыла и растерялась.

— Да, здесь хорошо, — слова ее, как ей показалось, прозвучали слабо и беспомощно.

Но Петр Семенович ничего этого не заметил, он оживленно вводил ее в курс приходских дел.

— Вон за свечным ящиком Любовь. Муж ее недавно бросил, осталась одна с малолетней дочкой школьницей. А это пономарь Николка, батюшку любит безумно, в храме готов быть день и ночь, собирается в семинарию поступать. Тот прямой как трость старик, что свечи ставит у иконы Пантелеимона, наш регент Михаил Варлаамович Богородский — гордость прихода, у него до седьмого колена все церковники, отец протодиаконом был у Владыки, известный бас, дед — протопопом, ключарем кафедрального собора. Две женщины с ним рядом — певчие Раиса и Мелитина, остальные уже наверху, на клиросе. Часы читает Михаил, он в школе музыкальной преподает.

Прасковья заметила давешнего мальчика Петеньку, который, как оказалось, не имел никакого отношения к продавщице свечей Раисе. Но к кому-то он все же должен был иметь отношение? Мальчик стоял у амвона и смотрел на царские врата.

— А это кто? — спросила она, указав на ребенка.

— Кто? — Петр Семенович, вытянув шею, обвел взглядом пространство перед ними. — О ком вы спрашиваете? Никого там не вижу.

— Мальчик, ребенок, у иконостаса.

— Где? Не понимаю.

Но выяснения им пришлось прекратить, потому что рядом с ними остановился отец Александр. В зеленой ризе, украшенной золотым шитьем, он выглядел старше, серьезнее и даже казался выше ростом. Он несколько раз махнул в их сторону кадилом. Прасковью окутало облако благородного фимиама, от которого засвербело в носу и немного закружилась голова.

— Афонский ладан, — склонившись к ней, шепнул Петр Семенович, — почувствуете, какой глубокий аромат? Так вам здесь нравится?

Она ответила утвердительно, но слова ее утонули в возгласе священника, положившего начало богослужению:

— Благословенно царство Отца, и Сына, и Святого Духа, ныне, и присно и во веки веков...

Петр Семенович, хотя и поглядывал в ее сторону, но разговоры прекратил. На каждое, спетое хором «Господи, помилуй», он крестился и кланялся. Она попыталась делать то же, но засмушалась, ей показалось, что окружающие смотрят на нее с усмешками. Преодолевая стыд, она, пусть и невпопад, все ж иногда крестилась и делала поклоны.

А вот певческое искусство хора пришлось как раз по ней. Хор пел замечательно. Прасковье казалось, что она тает, как восковая свеча.

— Хвали, душе моя, Господа, — звучало под сводами храма, — восхваляю Господа в животе моем, пою Богу моему дондеже есмь. Не надейтесь на князи, на сыны человеческие, в нихже несть спасения...

Когда хор запел «блаженны», она окончательно растрогалась.

— Во Царствии Твоем помяни нас, Господи, егда приидеши во Царствии Твоем. Блажени нищии духом, яко тех есть Царство Небесное. Блажени плачущии, яко тии утешатся...

На глаза ей набежали слезы, и она украдкой смахнула их, чтоб, не дай Бог, не заметил Петр Семенович. Пока она приводила свои чувства в порядок, из алтаря вышел пономарь Николка с большой книгой в золотом окладе и смешно забасил, читая послание апостола Павла.

Смысл читаемого от Прасковьи ускользал. Не поняла она и прочитанного следом отцом Александром Евангелия.

Увы, умирительное настроение к ней более так и не вернулось. Она чувствовала усталость, ломоту в спине и с нетерпением ожидала окончания богослужения.

Пропели всем храмом «Верую», чуть позже — «Отче наш». В службе наступило затишье.

— Устали? — спросил, склонившись к ней, Петр Семенович. — Теперь уж недолго осталось. Можете пока посидеть, — он подвел ее к стене и усадил на скамейку. Сам же отошел в глубину храма. Прасковья смотрела, как он беседует с регентом Михаилом Варлаамовичем. «Какой же он красивый, — с восхищением подумала она, — широкоплечий, стройный, как юноша». Тут Петр Семенович увлек собеседника в ее сторону. Через несколько мгновений они оказались прямо перед ней.

— Наша гостья Прасковья, — представил он ее, а это...

— Действительный член Академии хорового искусства имени Попова, постоянный член Епархиального совета Михаил Варлаамович Богородский, — бойко отрекомендовался регент Крестовоздвиженского храма, — прошу любить и жаловать! Если пожелаете испробовать свои певческие таланты, добро пожаловать к нам на клирос.

— Конечно, — кивнула Прасковья, — я бы с превеликой радостью, если бы не надо было уезжать. Спасибо вам!

— Всегда буду рад вам услужить! — Михаил Варлаамович по-молодецки щелкнул каблуками и удалился.

— Замечательный старик! — сказал Петр Семенович.

— Вовсе он и не старик, — возразила Прасковья, — в нем энергии на целый пионерский отряд.

На амвон вышел отец Александр.

«Во имя Отца и Сына и Святого Духа, — начал он и, несколько секунд помолчав, продолжал: — Сегодня я расскажу о чудесном случае, который приключился с одним человеком на войне.

Кто-то перед началом битвы раздавал солдатам Евангелие. Маленькие, красиво оформленные книжечки. Взял ее и этот солдат. И едко заметил: «Здесь требуются сталь и свинец, а не книги. Если сталь нас не спасет, то книги и подавно!» Вот какое замечание он сделал тогда, ибо до того дня веру в Бога полагал за ничто. Он смотрел на нее как на ветхую одежду, которую человечество с незапамятных времен влачит на себе без пользы.

Но все же он взял книжечку и положил ее во внутренний карман с левой стороны. И что же случилось? Верующие называют это чудом Божиим. Вокруг него падали раненые; наконец, был повержен и он, в него попало стальное зерно. Он схватился рукой за сердце, ожидая, что хлынет кровь, но ничего не происходило. Позже, когда он разделся, то нашел застрявшую в твердом переплете книжечки пулю: она летела, чтоб забрать его жизнь...

Сердце Прасковьи защемило, пронзенное мгновенной мыслью: «А ведь это о нем, это он тот солдат...» Она взглянула на точно отлитый в бронзе профиль Петра Семеновича и заметила, как едва заметно подрагивают его губы. Бедный! На мгновение она сжала его локоть.

— Наш воин задрожал, как в лихорадке, — рассказывал далее отец Александр, — Перст Божий! Святая книга спасла его жизнь от смертоносного свинца. Тот день он стал считать своим духовным рождением. С того

дня он стал бояться Бога и внимательно исследовать вероучение. Итак, вера Христова не ветхая одежда, и не напрасно несет ее человечество.

Господь милостью Своей открыл ему глаза. Написано: «Бог праведных любит и грешных милует». Одни на войне погубили тело, а иные — душу. Первые потеряли меньше. А некоторые душу свою обрели, и они истинные победители. Были и такие, кто ушел на войну как волки, а вернулись как агнцы. Я знаю таких. Это те, кто, как и этот солдат, благодаря какому-то чудесному случаю ощутили, что невидимый Господь ступает рядом с ними. Как говорит славный псалмопевец: «Всегда видел я пред собою Господа, ибо Он одесную меня; не поколеблюсь»¹. Читаете ли вы Псалтирь?

Если наш солдат, будучи неверующим, ощутил, как Всевышний входит в человеческую жизнь, как же это должны чувствовать верующие?

Мир вам и радость от Господа! Аминь.

— Спаси вас, Господи! — на едином дыхании ответил храм.

Богослужение продолжилось причащением мирян. Но Прасковья ничего вокруг уже не замечала, под впечатлением услышанной проповеди она все еще думала о Петре Семеновиче. Сколько же пришлось ему пережить! Эта страшная война и еще более жуткая потеря близких людей в мирное время. Уму непостижимо!

Закончилась служба. Прихожане потянулись к кресту, который держал в руке стоящий на амвоне отец Александр. Петр Семенович пропустил Прасковью вперед, и она первая прикоснулась губами к прохладной поверхности серебряного распятия.

— Я помню, — сказал ей священник, — идите на трапезу, я к вам по-дойду.

На обед подавали гороховый суп, картофельное пюре с рыбой и ягодный кисель. В Прасковье проснулся необыкновенный аппетит, и она не заметила, как съела все три блюда без остатка. Допивая кисель, застыдилась: «Ну вот, подумает, что я обжора».

Но Петр Семенович сосредоточенно смотрел в нетронутую тарелку со вторым блюдом, от супа он вообще отказался.

— И куда вы теперь? — спросил он, лицо его напряглось, словно окаменело, очевидно, что ответ был для него очень важен.

— Я, правда, не знаю, — едва слышно сказала Прасковья, — надо у батюшки спросить, что он скажет?

Допив вторую порцию киселя, вышел из-за стола Николка. Он оставался последним обедающим, не считая Прасковьи и Петра Семеновича. Васса Андреевна убирала в мойку посуду.

В трапезной появился отец Александр и сразу подошел к Прасковье:

— Ах да, посылка, посылочка, не успел распаковать. И что мне с вами делать? Да, кстати, а кто ее передал, эту посылку?

— Петр Юрьевич и Феврония... — Прасковья не успела еще договорить, как священник выбросил вперед руку с поднятой вверх ладонью:

— Стоп, дальше не надо, вы все испортите. Не надо! И вообще, если вы надеетесь, что после этого я закажу вам люкс в гостинице или открою в банке персональный счет, то напрасно. Ко мне уже приходили от Святителя Николая Чудотворца и от Иоанна Златоуста, был даже один посланец —

¹ Пс. 15, 8.

кстати, бомж, просидевший пятнадцать лет за решеткой и поднаторевший там в богословских науках — от Первого Вселенского Собора с дополнениями к Символу Веры. Нет, нет и нет!

— Причем тут Святитель Николай? — удивилась Прасковья, реакция отца Александра ее поразила, — меня послали к вам обычные люди, да, очень хорошие, святые, быть может, но живые, такие же, как и мы, Петр Юрьевич и Феврония.

— Петр Юрьевич и Феврония, Петр Юрьевич и Феврония, Петр и Феврония, — повторяя, батюшка начал раскачиваться телом вперед-назад, — святые Петр и Феврония. Так, идите за мной, — жестом он увлек за собой Прасковью, на ходу отдавая распоряжение вытирающей обеденный стол старушке: — Васса Андреевна, включите в приделе свет.

— Мне с вами? — спросил Петр Семенович, он, по-видимому, был удивлен не менее Прасковьи и от того выглядел обескураженным.

— Нет-нет, ты останься, — распорядился отец Александр, выходя за дверь трапезной.

Прасковья последовала за ним, они опять вошли в храм, миновали иконную лавку. Прямо за ней в стене была дверь, уже открытая Вассой Андреевной. Прасковья сразу поняла, что это как раз тот придельный храм, о котором рассказывал ей Петр Семенович и в котором идет ремонт. Вместо иконостаса там стояла конструкция из продольных и поперечных брусьев. Пол на две трети был покрыт новой мраморной плиткой, дальняя южная стена до потолка закрылась лесами, там же были сложены мешки с цементом и штабеля с плиткой. Но на северной стороне работы как видно уже завершились, тут у стены стояли киоты с иконами. К одному из них отец Александр и подвел Прасковью.

— Петр Юрьевич и Феврония, — все еще повторял он, — Петр и Феврония. Вот, — он указал рукой на икону, — прошу любить и жаловать: святой благоверный князь Петр Юрьевич, в иночестве Давид, и святая благоверная княгиня Феврония, в иночестве Евфросиния, Муромские чудотворцы. Они?

— Что они? — чувствуя, как замирает ее сердце, спросила Прасковья.

— Ну, посылку эту они передали? У нас ведь тут престол во имя святых Петра и Февронии. И если мне, настоятелю, приносят посылочку от их имени, что прикажете мне думать?

Прасковья посмотрела на икону. Изображенные на ней святые Петр и Феврония были молоды, красивы, облачены в богатые княжеские одежды. Феврония держала в руке маленький крестик. Только при чем тут ее Петр Юрьевич и Феврония? Немолодые, с обычными земными лицами, в современной одежде, любящие пить чай с пряниками? И все же... Она всмотрелась в икону. Было все-таки какое-то сходство: необъяснимое, неуловимое и невыразимое в словах.

— Я не знаю, — честно призналась Прасковья, — конечно, это не они. Но с другой стороны... В общем, я не знаю. Может быть, вы откроете посылку, и это что-то прояснит?

— Посылку, посылку, — простонал священник, — да при чем здесь посылка? У меня и так голова кругом идет. Тут еще посылка ваша. Ладно, подождите, сейчас сделаю несколько важных звонков, потом посмотрю.

— Я в трапезную пойду, — сказала Прасковья, на что отец Александр лишь устало махнул рукой.

Петр Семенович с потерянным видом сидел за опустевшим столом, увидев Прасковью, он, было, привстал, но тут же опустился на место:

— Что, уезжаете? — спросил он с хрипотцой в голосе.

— А что мне остается? — Прасковья пожала плечами. — Признаюсь, я в таком странном положении в первый раз, словно самозванка какая-то. Хоть сквозь землю провалиться.

— Зачем сквозь землю? — всплеснул руками Петр Семенович. — Мало ли какие бывают в жизни ситуации? Вы-то в чем виноваты? Не уезжайте, прошу вас! — последние слова он сказал без паузы, так что Прасковья не сразу их осознала, но как только смысл их дошел до нее, тут же спросила:

— Почему? Почему мне не уезжать? Назовите хотя бы одну причину?

— Вот, — Петр Семенович потянулся через стол и накрыл своей большой ладонью ее ладонь, — причина перед вами, я и есть эта причина.

У нее промелькнула мысль, что этих слов она, наверное, ждала всю жизнь. Если бы у нее были крылья, она бы взлетела, но в этот миг даже голос ей перестал повиноваться, и потребуйся ей сейчас встать, она бы не смогла. Все ее силы, чувства, желания перетекли в ее взгляд, уловив который Петр Семенович счастливо улыбнулся.

Они молча глядели друг на друга и не заметили, что в трапезную вошел отец Александр, он был крайне бледен, руки его тряслись мелкой дрожью. Он с шумом подвинул стул к торцу стола и сел. Только тут они его заметили и испугались.

— Что стряслось, батюшка? — спросил Петр Семенович. — Что-то дома неладно?

— Нет, — отмахнулся священник, — там все хорошо, везде все хорошо. Даже слишком... — он вдруг резко наклонился вперед и протянул руки к Прасковье: — Вы видели, что мне привезли?

— Нет, — пожала плечами Прасковья, — я ведь уже говорила об этом.

— Пойдемте со мной в мой кабинет. Вы оба, — отец Александр поднялся и быстро вышел.

— Где его кабинет? — спросила Прасковья.

— В храме по северной стене не доходя алтаря, — объяснил Петр Семенович.

Впрочем, для чего ей было и спрашивать? Они шли вместе, и когда ее плечо — то ли случайно, то ли нет — касалось его твердой руки, по телу ее проскакивали тысячи прожигающих насквозь искр. Всю жизнь, всю жизнь она ждала этого!

Батюшка, ожидая их, сидел за своим рабочим столом. Перед ним, с одной стороны, лежали разрезанные полоски скотча и остатки упаковки, а с другой — холщевая сумка с длинной ручкой.

— Как? — Петр Семенович крикнул и, казалось, потерял дар речи.

— Вот и я думаю, — сказал отец Александр и впился глазами в Прасковью: — Откуда это у вас?

Не понимая, что происходит, Прасковья молча переводила взгляд со священника на Петра Семеновича и обратно.

Очень медленно отец Александр приоткрыл холщовую сумку и выложил из нее на стол несколько пачек с денежными купюрами.

— Здесь все деньги? — каким-то чужим голосом спросил Петр Семенович.

— Да, пятьдесят тысяч долларов, это то, что собрали мы на ремонт. Но это еще не все, тут еще скуфейка, — священник достал из сумки черную остроконечную бархатную шапочку.

— Слава Богу, и она на месте, — перевел дух Петр Семенович и посмотрел на Прасковью: — Мне очень жаль, что так произошло, обещаю, мы не станем обращаться в милицию, только скажите, кто вам передал эти вещи? Ведь это он, значит, и есть вор? Совесть его замучила?

— Подожди, — повысил голос отец Александр, — не торопись! Я тоже так сначала подумал, когда вскрыл посылку, но потом обнаружил это, — он опять погрузил руку в сумку и достал замкнутый в кольцо плетеный шнурок со множеством узелков, — это четки отца Герасима, он подарил их мне вместе со скуфеей, вместе я их и хранил, пока в прошлом году не потерял. И произошло это на Святой Земле в Иерусалиме, во время паломнической поездки. Не знаю, зачем я их взял с собой? Теперь думаю, что именно для того, чтобы потерять. И вот все эти три вещи — украденные неделю назад вместе с сумкой деньги и скуфейка, и потерянные год назад на другом конце земли четки — оказались в одном месте, в этой вот посылке. И какой логикой все это увязать?

— погоди, — Петр Семенович пытался говорить спокойно, но волнение брало верх, — ну не Петр же и Феврония, в самом деле? Это же чересчур?

— Почему? После кражи я первым делом пошел в придел к иконе Петра и Февронии, плакал, молился, обещал, что если кто-то по их предстательству вернет мне пастушью сумку, я тому человеку — виновен ли он, нет ли? — всю жизнь буду благодарен, все для него сделаю. И вот проходит неделя — и потеря у меня в руках. И от кого? От Петра и Февронии! Через кого? Через Прасковью! Да это же чудо! Чудо! — последние слова священник почти что прокричал.

Он вскочил так резко, что Прасковья в испуге отшатнулась. Петр Семенович поддержал ее за плечи, а отец Александр несколько мгновений стоял, широко раскинув в стороны руки, то ли желая заключить их в объятия, то ли взывая к небу.

В дверь постучали.

— Да, — отец Александр встряхнулся, приходя в себя, и энергично потер щеки ладонями, — входите, кто там?

Появился Петруша, на лице он нес широкую, как само солнце, улыбку.

— Возьми, это тебе, — он протянул Прасковье петушок на палочке, лет двадцать назад такие продавались на каждом углу, а нынче — купить можно было бы разве что в музее сладостей. — Очень вкусно, — Петруша старательно облизнулся, — а там, — он указал пальцем вверх, — там еще вкуснее, там Петр и Феврония, три акафиста им прочитать надо.

— Вот, — отец Александр потряс в воздухе руками, — устами младенца, как говорится. А мы, маловерные, сомневаемся? Так было? — обратился он к Петруше. — Были Петр и Феврония?

— Петруша хороший, — ответил тот, и погладил себя по груди, — а за посылку деньги брать нельзя, плохо! Плохая компания!

— Ну, этого я не понимаю, — священник похлопал Петрушу по плечу, — ты нам понятно объясняй, что еще про Петра и Февронию скажешь?

— Петруша хороший, — повторил блаженный и, отступая к двери, перекрестил их широким крестным знаменiem, напоследок жескомандовал: — Что б в храм ходили, и голову с собой брать не забывали!

— Это он, чтобы о молитве думали на службе, а не посторонних вещах, — пояснил священник, — а вот про деньги за посылку и компанию плохую мне не ясно.

— Зато мне ясно, — тихо сказала Прасковья. В руке она держала подаренную Петрушей сладость, не зная, что с ней делать.

— Так, — вздохнул отец Александр, — придется вам все-таки собраться с силами и рассказать нам всю свою историю с самого начала, иного выхода я не вижу. А петушка потом скушаете, пока сюда, на эту тарелочку его положите.

— Вы меня простите за мои слова, — Петр Семенович подошел совсем близко к Прасковье и заглянул ей в глаза, — язык мой, враг мой. Да и что с меня взять? Солдафон неотесанный! А батюшку послушайте, расскажите нам все, пора уж покончить с недомолвками и тайнами.

В дверь заглянула Васса Андреевна.

— Батюшка! — она с виноватым видом склонила голову вперед. — Вас там люди спрашивают. Что им сказать?

— Нет! — отрезал отец Александр. — Сегодня никаких людей. Скажите, батюшка не может, приболел, прилег, призаснул. В общем, нет меня!

— Хорошо, — старушка испуганно втянула голову в плечи, — скажу, что приуснул батюшка и не может.

Рассказ свой Прасковья начала с распродажи от кутюр, когда у витрины магазина сознание ее покинуло, и очнулась она в доме у Петра Юрьевича и Февронии. Но по ходу дела ей пришлось пояснить и о своей семейной драме, и о скорбных жизненных обстоятельствах. Несколько раз, когда припоминала она слова Петра Юрьевича, лицо отца Александра приобретало многозначительное выражение, он поднимал указательный палец вверх и, как учитель истории, помахивал им на уровне лба. Не упомянула она, сама не зная почему, только о подаренном крестике. Когда рассказ дошел до появления продавца котлеток, Ходунова и всей скверной компании, священник побледнел и несколько раз перекрестился. Петр Семенович же, напротив, улыбнулся, когда услышал историю про игру в «Али-баба! О чем слуга?»

— Это по-нашему, по-военному, — сказал он и звонко приударил по столу ладонью.

А когда речь зашла про Петрушу и «воздушную тревогу», тут уж и сам отец Александр, не сдержавшись, разудыбался:

— Вот она, наша сила, тяжелая артиллерия церкви.

— Если бы вы вчера открыли посылку, то не было бы всех сегодняшних переживаний, — сказала Прасковья, завершив свой рассказ.

— Если бы да кабы! — передразнил священник. — Значит, так Богу было надо. Так промысел Его устроил.

— А когда автобус мой уходит? — спохватилась Прасковья. — Я не опоздаю?

— Ваш автобус никогда никуда не поедет, — твердо сказал отец Александр, — потому что вы остаетесь у нас. Да, как выяснилось, и ехать-то вам, собственно, некуда? Поживете пока у Вассы Андреевны, она женщина тихая, безобидная, а потом мы с Петром Семеновичем что-нибудь придумаем. Так, Петр Семенович?

— Так точно! — весело отрапортовал тот.

Прасковья ожидала — или надеялась? — услышать именно эти слова, но, все равно, чувство противоречия всколыхнуло в ней целый ворох мыслей. Как же это, кто-то решает за нее? Вмешивается в ее жизнь? Плоха ли, хороша — это ее жизнь! И ее право — решать, как быть и что делать!

Отец Александр, почувствовав ее внутреннее борение, поспешил успокоить:

— Не волнуйтесь, вы в хороших руках, и никто не будет вас неволить, будете жить, как сами захотите. Не понравится — вернетесь в свой город, это никогда не поздно сделать. Да и о чем, вообще мы говорим? Где наша вера? — он встал, призывая Прасковью и Петра Семеновича сделать то же, и запел:

— Святые благоверные княже Петре и княгиня Феврония, молитесь Бога о нас!

Спев несколько раз прошение, молча сели.

— До сих пор не пойму, может быть, вы разъясните, отец Александр? — спросила Прасковья. — Погоня, все эти невозможные гнусные рожи — это как страшный сон, как то, чего просто не может быть? Но ведь было? Каждая деталь еще перед глазами.

— Было или не было? — священник с задумчивым видом перебирал руками четки отца Герасима. — Собственно, ничего особенного с вами не произошло. Просто мир перед вами, по милости Божией, открылся немного шире, чем видят его обычные люди. Для большинства из них реальность исчерпывается квартирой, дачей и поездкой на отдых в Турцию. Но есть еще мир духовный, который тоже часть нашей реальности. Мы, верующие, знаем о нем из Священного Писания, из учения Церкви, кому-то Господь отверзает духовные очи и тот может видеть невидимое для всех прочих: обитателей духовного мира, святых ангелов и обитателей преисподней, бесов. Да, они реальны, и всегда рядом с нами. Возьмем, к примеру, житие святого мученика Трифона. Известно, что он врачевал болезни и изгонял из одержимых бесов. Римский император Гордиан, из дочери которого мученик изгнал беса, захотел своими глазами увидеть изгнанного. Трифон вызвал беса, и все увидели его в виде черного пса с огненными глазами. «Кто тебя послал в отроковицу?» — спросил мученик. Бес отвечал: «Отец, начальник всякой злобы, сидящий в аде». «Кто тебе дал власть такую?», — опять спросил Трифон. «Мы, — ответил тот, — не имеем власти над теми, которые знают Бога и веруют в Единородного Сына Божия».

Вот так и ваши преследователи-бесы, да-да, именно бесы, вострепетали, когда вы вспомнили имя Господа. Но ведь не сразу вспомнили? Так что не обольщайтесь, что так просто можно справиться с врагом. Да, все возможно Богу и тем, кто твердо на Него уповает, но наша-то вера слаба. А вам

ведь еще незримо помогали ваши благодетели, впрочем, и мои тоже. Вот вы удивились, что обидчики ваши испугались нашего Петруши. Ничего тут нет удивительного. Знаете, что Силуан Афонский говорил? Даже бесы боятся кроткой и смиренной души, которая послушанием, воздержанием и молитвою всегда их побеждает. Вот так-то! Так что, братие мои, а также сестры, будем жить по слову Спасителя: «Не бойся, только веруй».¹

— Жаль, меня не было рядом, — Петр Семенович потряс в воздухе сжатым до хруста кулаком, — я бы им показал и линию атаки, и кинжальный огонь.

— Прибереги силы, — усмехнулся отец Александр, — они могут понадобиться в самый неожиданный момент. Да, а сейчас я должен рассказать вам свою историю — историю пастушьей сумки, той, которую вы мне чудесным образом вернули. Ну, более конечно для Прасковьи, поскольку Петр слышал ее не раз.

Итак, все началось в годы моего студенчества. Летом, после второго курса мы с друзьями поехали в экспедицию по северо-западу России для сбора этнографических материалов: обряды, сказания, песни, легенды. Уже более месяца прошло, как мы путешествовали. В одной деревушке нашли бабушку, просто живую энциклопедию свадебных обрядов и песен. Пока с ней работали, я решил зайти в местный храм. Шла служба. Вдруг, в какой-то ее момент из алтаря выходит батюшка, высокий такой, еще выше меня, с седой бородой по грудь, берет меня под руку и ведет за собой в алтарь. Постой, говорит, отче, тут со мной, помоги мне служить. Так и назвал меня — «отче». Я от изумления слова не мог сказать. Потом в себя пришел, спросил его, почему, мол, меня сюда привели? А он: «Так ты ведь батюшкой будешь». Я ему: «Да какой же я батюшка? Я этнограф, наукой буду заниматься». А он смеется: «Нет, батюшкой станешь, храм у тебя будет большой в два престола, матушка тебе пятерых детей родит». Тут уж я рассмеялся: «Батюшка, да я ведь и жениться не собираюсь, нет у меня никого, да и не надо — наука ждет». «Не дожидется тебя наука, — говорит батюшка, — все будет, как я говорю». Настолько все это вышло для меня неожиданным и нелепым, что и рассказывать никому не стал. Наутро мы уехали. Прошло несколько дней, а у меня душа ноет, места себе не нахожу и все слова батюшкины — а его звали отец Герасим — вспоминаю.

Через неделю вернулся и до конца лета у отца Герасима прожил. Читать по церковно-славянски научился, кадило подавать, стихарь носить. А батюшка, оказывается, был очень уважаемым человеком, к нему издалека люди приезжали, считали его старцем.

С той поры я уж без отца Герасима жить не мог: каникулы, выходные — я сразу к нему. У него и с матушкой будущей познакомился. Я тогда уже на дипломе был, перед защитой приехал к отцу Герасиму за благословением, а он вышел ко мне и говорит: «Благословляю раба Божиего Александра и рабу Божию Людмилу идти под венец». И выводит ко мне красивую девушку с клироса, она сама — ни жива, ни мертва. Оказывается, Людмила всего два дня назад приехала в гости к сестре, та ее пригласила на клиросе попеть. А тут я появился — и вот тебе благословение на брак.

¹ Мк. 5, 36.

Через полгода мы и вправду обвенчались, я тогда уже заочно в семинарии учился, в своем городе в кафедральном соборе пономарем служил. Владыка меня приметил, ему отец Герасим в письме обо мне написал. А через год я уже батюшкой стал, как и было мне сказано. Отец Герасим мне перед хиротонией вот эту сумку подарил. Сказал, что в юношеские годы работал пастушком, пас бессловесное стадо, в сумку эту пастушью провиант складывал, так что была она ему первая помощница. Тебе, говорит, тоже стадо предстоит пасти, только словесное, но помощник и тебе нужен, будешь в эту сумку складывать все потребное пастырю: смирение, терпение, послушание, духовную и телесную чистоту, премудрость и твердость в вере. Имей эту сумку всегда при себе и никогда от себя не отлучай, а обо мне на молитвенную память вот тебе четки и скуфейка. Давно уже нет со мной моего старца, поэтому его подарки мне стали особенно дороги. В пастушьей сумке я хранил самое ценное, например деньги на ремонт храма. И вот эти потери — сначала одна, потом другая. И чудесное их ко мне возвращение. Чудо!

— И все же, как мне быть? — жалобно спросила Прасковья, — Считать, что я действительно была в гостях у святых Петра и Февронии? Или у земных? Спасалась ли я от преследования бесов или это привиделось мне в бреду? Как?

— Считай, как хочешь, лишь бы это тебе жить по-христиански и спастись не мешало. А три акафиста святым Петру и Февронии непременно прочитай, раз Петруша тебя благословил. Да нет, мы вместе их и прочитаем, сегодня же вечером начнем. Завтра молебен благодарственный отслужим. Слава Богу за Его великие к нам милости!

Вдруг стены вокруг них загудели, зазвенели, с них словно посыпался на пол железный горох.

— Батюшки-светы! — вскричал отец Александр, — кто там трезвонит? Неужто архиерей едет? — он вскочил, засуетился, быстро закинул пастушью сумку в сейф, закрыл его и выскочил из кабинета.

— Пойдемте, посмотрим, что там за переполох? — предложил Петр Семенович и галантно подал Прасковье правую руку, предлагая о нее опереться. — Хотя, чем нас можно сегодня еще удивить?

— Это уж точно, — согласилась она, рука ее поплыла ему навстречу.

— А трезвонят-то действительно при встрече архиерея, — пояснил Петр Семенович.

Несколько шагов до двери он сжимал ее ладошку, и все это время у нее в голове звонили собственные колокольчики радости и неожиданно подаренного ей счастья.

— Ой, — вдруг воскликнула она, — подождите, — она вернулась и подхватила со стола подаренный Петрушей карамельный петушок, — пусть жизнь действительно будет слаще, не все же плакать?

На улице у входа в храм собралась небольшая толпа. Юный пономарь Николка что-то втолковывал продавщице свечей Любви и указывал пальцем куда-то в небо. Отец Александр, задрав голову вверх и покачиваясь с носка на пятку, молча глядел на колокольню. Туда же, приложив ладонь козырьком ко лбу, смотрела и стоящая рядом Васса Андреевна. Бомж Василий бестолково хлопал на всех глазами, похоже, он уже изрядно «принял на грудь».

— Что случилось? — спросил Петр Семенович у Вассы Андреевны.

— Петруша шалит колоколами, — объяснила та и виновато спрятала глаза, словно и сама была к этому причастна.

К Прасковье приблизился бомж Василий и, ничего не говоря, протянул руку к карамельному петушку. Она отступила, было, на полшага назад и спрятала сладость за спину, но тут же передумала.

— И тебе хочется сладкой жизни? — спросила. — Что ж, имеешь право, — она отдала ему Петрушин подарок, — наслаждайся!

— Во-о-о! — замычал тот, отправляя карамельку в рот, и ткнул подбородком себе через плечо.

Там в глубине площади одиноко стоял ничей мальчик Петенька. Ей показалось, что он смотрит именно на нее. И когда он помахал рукой, она тоже отнесла это на свой счет, и помахала в ответ. Но он уже развернулся и зашагал в сторону парка. Прасковья смотрела ему вслед, чувствуя, как растягивается, готовясь вот-вот оборваться, некая связующая их нить. Мальчик достиг полосы высокого кустарника, скользнул в едва заметную брешь в зеленой стене и пропал из виду. Но ее мысль все еще удерживала его и, кажется, не собиралась отпускать: в ее внутреннем пространстве отрок Петенька чувствовал себя легко и свободно. Да и места там было столько, что иди себе куда хочешь, хоть целый год без остановки. Мальчик улыбнулся новой радостной улыбкой и двинулся вперед...

— Батюшка, надо снимать Петруху, — громкий голос Петра Семеновича вернул ее к происходящему. — Крикни, пусть спускается, — предложил он, заметно волнуясь, — ведь повода звонить нет, так? Или мне самому пойти наверх?

— Не надо никуда ходить, — спокойно сказал священник, — есть повод или нет? Лишь Бог ведает, да еще наш Петруша. Раз звонит, значит, знает зачем. Так, Прасковья?

— Так, — согласилась та, — пусть звонит.

Она посмотрела на Петра Семеновича, на его все еще разгоряченное, но уже остывающее лицо и подумала, что ой как непросто находиться рядом с таким сильным, импульсивным мужчиной. Непросто! Но как же здорово, как замечательно — рядом с ним и всю жизнь. Всю жизнь!

А колокольные звоны рассыпались по площади, улетали к деревьям, домам, к бредущим в тесных коридорах улиц прохожим и как будто восклицали: «Сюда! Сюда! Все сюда! Тили-тили-тили-бом!» И эхо, возвращаясь откуда-то с дальних окраин, доносило слабое, но внятное: «Идем, идем, идем! Тили-тили-тили-бом!»

* * *

— Бум, бум, бум! — Ванюша старательно изображал ртом работу молотка, его машинка без передних колес лежала у него на коленках рядом с парой конфет, и он, как заправский автомеханик, подбивал ее, подстукивал и подкручивал.

В автопавильоне было душно. Уже не одна, а несколько ос кружились над головами, но к ним давно привыкли и перестали замечать. Вероника рассеянно гладила сына по плечу и, как только Прасковья завершила рассказ, удивленно встряхнула головой:

— Неужели все так и было? И это бисово племя с погоней? А у нас в Дятькове такие истории тоже бывали, только я про них не слышала. Кстати, тетя Маруся, на Брянской в одном доме живет такая бисова компашка, и верховодит там как раз баба одноглазая, тьфу, пробу на ней негде ставить. Знаешь их?

— Помолчи, егоза, — старушка сердито махнула на нее рукой, — а шо у вас с Петром Семеновичем? Как сложилось?

— С Петром Семеновичем у нас семья, — Прасковья подняла упавшую на пол конфету и подала ее Веронике, — три года уже вместе, и каждый следующий день счастливее другого. Дай Бог каждому! Преподаю в воскресной школе, пою на клиросе, дочь вот недавно к нам приезжала с внуками, Петр Семенович ей тоже по душе пришелся.

— Так вы на самом деле были у настоящих Петра и Февронии? — от любопытства Вероника даже привстала с места.

— Считайте это чудом или нет — как хотите, — сказала Прасковья, — лишь бы это вам жить по-христиански и спастись не мешало.

— Автобусы, автобусы подали! — закричали одновременно сразу несколько человек.

Оказывается, запоздавший автобус подъехал вместе с очередным, так что волноваться о местах не стоило. Но народ кинулся брать штурмом первый, очевидно опасаясь, что второй могут и отменить.

Прасковья смотрела, как спешно перетряхивают и выстраивают в ряд сумки Вероника с тетей Марусей, а мальчик рассовывает по кармашкам запчасти от машинки.

— Вот воды святой набрали больше двадцати литров, — объяснила старушка столь обильное собрание у них багажа, — вы уж последите за малышом, пока мы с сумками управляемся.

— Да у нас в Дятькове такой воды полно, — похвасталась Вероника, — но мы и эту привезем, пусть еще больше будет.

— Хорошо, я посмотрю за ребенком, — пообещала Прасковья.

Странно, подумала она, как недолго мы здесь пробыли, а уж успел возникнуть целый мир со своими симпатиями и антипатиями, верой и неверием, чудесами и преданиями. Сейчас опустеет этот павильон, эта площадь, этот городок — и все растворится, исчезнет? Эти лица, удивленные глаза, улыбки, слова? Неужели так? Как все непрочное на земле. Впрочем, стоило ей увидеть автобус, грусть ее тут же улетучилась, она вспомнила дом, мужа, ставший родным Крестовоздвиженский храм и его настоятеля отца Александра. Слава Богу за все! Она взяла за руку ставшего от усталости покорным Ванюшу и повела его к месту посадки.

Первый автобус уже отошел и увез большую часть пассажиров. Толкотни не было, и они занимали места без спешки. Прасковья с тетей Марусей сели на переднее сиденье у входа, а Веронику с Ванюшей унесло куда-то в глубь салона. Водитель включил было музыку, — пела Анжелика Варум, — но кто-то из пассажиров потребовал тишины. Водитель обиженно пробубнил, что наступают, де, на горло его любимой песне, но звук резко убавил. Автобус заурчал мотором, выполз с привокзальной площади и покатился по узким улочкам уездного городка.

За окном проплыли голубые с белыми звездами купола монастыря. Прасковья проводила их взглядом, подумав, что каждый из них, как все-

ленная, как блаженная вечность, которую ищет душа. «Пусть время будет не властно над вами, — пожелала она, — пусть ничто не тревожит ваш священный покой».

Она улыбнулась, сердце ее переполнилось радостью, как во время недавнего Крестного хода, словно тот все еще продолжался и все так же, всеобщее и объединяющее, звучало прошение: «Пресвятая Богородице, спаси нас!»

Очистившееся после дождя небо, прозрачное и строгое, задумчиво взирало на собственную пустоту. Лишь впереди по ходу автобуса несколько выстроившихся в цепочку облаков тянулись к горизонту. Они словно шли друг за другом, влекомые кем-то невидимым, быть может, держащим в руках крест? Прасковья подумала, что хорошо бы, вот так вдруг, стать белым облаком, пристроиться в конец этого шествия и идти, идти, идти небесным Крестным ходом — целую вечность. Она достала свой нательный крестик и поцеловала. Кто-то в глубине автобуса низким грудным голосом протяжно запел:

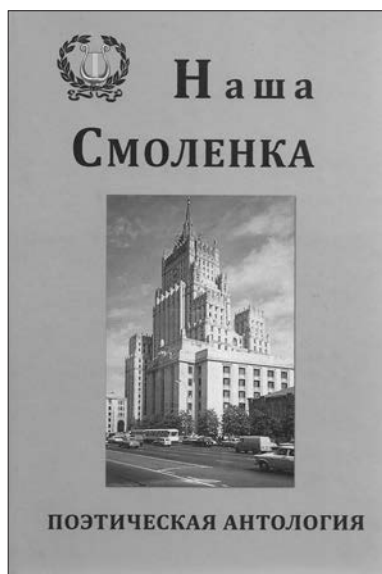
— Царице моя преблагая, надеждо моя Богородице...

Прасковья спрятала на место свое маленькое серебряное чудо и начала подпевать.

ВЫШАЯ КНИГА

Наша Смоленка. Поэтическая антология сотрудников и ветеранов МИД России. Стихи. М.: Вест-Консалтинг, 2012. — 544 с.

В Антологии «Наша Смоленка» 57 поэтов, работающих (или работавших) в системе МИД России. Это и действующий министр, и послы, и генеральные консулы, и начальники департаментов, и переводчики, и технические работники... Конечно, не все авторы «Нашей Смоленки» — высочайшие профессионалы поэтического цеха, но все они без исключения пишут искренне, предельно откровенно, говорят о выстраданном и наболевшем. О том, что в сердце. Есть в этой книге и всем известные имена — Сергей Лавров, Александр Бессмертных, Евгений Примаков, Владимир Казимиров... Мэтры российской дипломатии, сложившиеся — без всяких скидок на регалии! — поэты.

Полярная ЗВЕЗДА

ПОЛОЖЕНИЕ О МЕЖДУНАРОДНОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ ПРЕМИИ «ПОЛЯРНАЯ ЗВЕЗДА»

I. Общие положения

Международная литературная премия «Полярная Звезда» (далее — Премия) учреждается Союзом писателей России, ООО «Арктикморгео», ООО «Нефтегазмонтажсервис» при участии и при поддержке Правительства Санкт-Петербурга и является открытой к привлечению новых учредителей, сопричастных к проблемам северных территорий.

Учреждение Международной литературной премии «Полярная Звезда» призвано стимулировать выпуск книг об Арктике, ее просторах, людях Севера, которые преодолевают льды, жестокие морозы, которые живут в этом мире, обустривают его, превращая в свой Дом. Это произведения об особом духе полярников, жителей Заполярья, о тех созидательных полярных устремлениях, которые соответствуют духу Крайнего Севера, о том негласном кодексе арктической солидарности, который утвердился там.

Это книги о возрождении и поддержке национальных традиций народов, живущих в районах Крайнего Севера (Архангельская, Мурманская области, Республика Карелия, Республика Коми, Республика Якутия (Саха), Ямало-Ненецкий автономный округ, Ханты-Мансийский автономный округ, Камчатский край, а также, в случае согласования, представителей Канады, США, Финляндии, Норвегии, Швеции, Дании, Исландии). Это произведения, а также критические и исследовательские работы по проблемам Севера, его истории, полярных исследованиях, способные привлечь читательский и общественный интерес к проблемам Севера, к Северному полюсу как вершинной точке, с которой возможно обозревать всю планету.

Особое внимание при рассмотрении конкурсных работ на соискание Премий будет уделяться наличию в произведениях образов социально активных героев, посвятивших свою жизнь служению Северу, его развитию, сохранению его уникальной культуры, экологии, этнографии, экосистемы. Работы конкурсантов должны содержать в себе общественно-значимые идеи, помогающие сохранить духовно-нравственный аспект в жизни и деятельности людей. Особую ценность будут представлять произведения, воспитывающие в читателях чувство бережного отношения к истории края, к родному слову, родной природе, стремление к сохранению народных традиций, толерантное отношение ко всем народам, населяющим районы Крайнего Севера.

Настоящее Положение может быть изменено и дополнено учредителями Премии путем согласования.

II. Организация конкурса

Организацию и проведение литературного конкурса на получение Премии осуществляет Оргкомитет, в состав которого входят представители от учредителей, писателей, деятелей культуры, а также жюри в составе:

Почетный председатель:

А. Н. Чилингаров

Сопредседатели:

В. Н. Ганичев, С. А. Егоров

Члены жюри:

В. Быковский (г. Муравленко), А. Егоров (г. Москва), В. Ефимовская (г. Санкт-Петербург), В. Кичеджи (г. Санкт-Петербург), Е. Кузьмина (г. Архангельск), Д. Мизгулин (г. Ханты-Мансийск), Н. Мирошниченко (г. Сыктывкар), Б. Михайлов (г. Москва), А. Носков (г. Анадырь), М. Орешета (г. Мурманск), В. Петров (г. Москва), Е. Питиеляйнен (г. Петрозаводск), Н. Харлампиева (г. Якутск).

Решение жюри является окончательным и не подлежит изменению.

Выдвижение произведений на соискание Премии осуществляется организациями и учреждениями, творческими союзами, издательствами, а также отдельными лицами (самовыдвижение). Возраст участников конкурса не ограничивается.

Книги на соискание Премии конкурса предоставляются в 2-х экземплярах.

Номинации конкурса на присуждение Премии в следующих жанрах:

- проза (до 3-х мест);
- поэзия (до 3-х мест);
- мемуаристика и публицистика, эссе (до 3-х мест);
- краеведение (полярноведение) (до 3-х мест);
- сказки (до 2-х мест).

Особая премия — «За вклад в пропаганду и освоение Севера».

Жюри в отдельных случаях имеет право перераспределять премии между номинациями, не выходя за их общее количество. К каждой работе прилагаются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, возраст, адрес, электронный адрес (у кого имеется), контактные телефоны.

Произведения на Конкурс принимаются по адресу: **119146 Москва, Комсомольский проспект, 13 (На конкурс «Полярная Звезда»), тел.: 8-499-246-75-65.**

Положение о Конкурсе публикуется в газетах и журналах, а также на сайтах, подведомственных учредителям Конкурса.

Вручение Премии производится в г. Санкт-Петербурге.

III. Награждение победителей

Жюри Конкурса определяет победителей в каждой номинации. Победители награждаются денежной премией, дипломами и знаками «Полярная Звезда».

Премияльный фонд формируется по согласованию Учредителей.

В целях популяризации Премии Учредители создают Библиотечку Союза писателей России «Сияние Севера», в которой публикуются работы победителей. Библиотечка СП России бесплатно распространяется по библиотекам субъектов Федерации, которые участвуют в учреждении Премии.

Победителям Конкурса Организационный комитет сообщает о месте и времени проведения награждения персонально. Решение о присуждении премий публикуется в открытой печати.

От Союза писателей России

Председатель правления, профессор В. Н. Ганичев

От ООО «Арктикморгео»

Председатель Совета директоров С. А. Егоров

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» В МОСКВЕ:

Почтовый адрес: 119146, Москва, Комсомольский проспект, дом 13.
Ясенев Владимир тел./факс: 8 (499) 246 58 44 rodная.ladoga@gmail.com

КОРРЕСПОНДЕНТЫ И ПРЕДСТАВИТЕЛИ ЖУРНАЛА «РОДНАЯ ЛАДОГА» ЗА РУБЕЖОМ И В РЕГИОНАХ РОССИИ:

Австралия	Кучина Галина	+6 (139) 879 70 29	kuchina_galina@mail.ru
Беларусь	Семерник Снежана	8 10 (375) 152 88 55 278	snezhha05@mail.ru
Белгород	Молчанов Владимир	+7 (904) 532 46 65	tavolganov@mail.ru
Воронеж	Невярович Владимир	+7 (910) 285 17 7	vkn2009@mail.ru
Германия	Даксель Фриц	+49-36459-62344	
		+49-151-40151855	fritz.dachsel@t-online.de
Екатеринбург	Кердан Александр	+7 (912) 610 57 11	kerdan@ru66.ru
Иркутск	Забелло Василий	+7 (924) 604 39 47	irkdl@mail.ru
Казахстан	Михайлов Валерий	8 (777) 221 48 77	vfm@list.ru
Краснодар	Макарова Светлана	+7 (988) 244 09 11	
Крым и Украина	Горелов Вячеслав	8 (380) 503 24 65 85	gvn@tavrida.com
Курган	священник Павлюченко Константин	+7 (912) 570 844	pkserg@mail.ru
Молдова	Авдеева-Мокрак Ольга	8 (373) 22 58 20 32	olga_mocracavd@mail.ru
Московская обл.	Ясенев Владимир	8 (495) 231 45 21	nativeladoga3@gmail.com
Нижний Новгород	Сдобняков Валерий	+7 (910) 887 59 55	vertical.journal@gmail.com
Омск	Перминов Юрий	+7 (913) 612 84 01	j-perminovomsk@mail.ru
Орел	Кондратенко Алексей	+7 (906) 66 06 000	istorik57@yandex.ru
Псков	Смолькин Игорь	+7 (951) 756 70 14	iasmol@yandex.ru
Самара	Громов Александр	+7 (927) 260 24 43	ag-smr@ya.ru
Словакия	Пархимович Виктор	8 (421) 904 289 016	vparkhimovich@gmail.com
США	Петров Геннадий	770 923 3313	nalubitela@yahoo.com
Сербия	Булатович-Медич Лиляна	+3 (816) 331 38 63	likid@eunet.rs
Ханты-Мансийск	Стельмах Андрей	+ 7 (902) 814 13 21	stelmah@bk.ru
Чехия	Опршал Иржи	8 (420) 602 171 618	joprshal@seky.cz
Эстония и Финляндия	Илляшевич Владимир	8 (372) 507 81 95	vladila1320@gmail.com

Учредители:
Андрей РЕБРОВ
Валентина ЕФИМОВСКАЯ

Контактные телефоны редакции:
+7 (911) 836-00-06
+7 (921) 311-31-87 (В. В. Ефимовская)

Московское представительство:
119146, Москва, Комсомольский пр., 13.
Тел./Факс: +7 (499) 246-58-44

Почтовый адрес редакции (для рукописей и писем):
196244 п/я № 8. В. В. Ефимовской

Электронный адрес редакции:
e-mail: tradicia-mag@mail.ru
<http://www.rodnaya-ladoga.ru>

Юридический адрес (не для писем и рукописей):
196158, Санкт-Петербург, ул. Ленсовета, д. 81, кв. 70.

Рукописи не возвращаются и не рецензируются.
Позиция редакции не всегда совпадает с позицией авторов материалов.
При перепечатке материалов ссылка на журнал обязательна.

*Журнал безгонорарный, издается на основе безвозмездных отношений.
Редакция допускает авторскую орфографию материалов.*

Цена свободная

Корректор Г. А. Ильина
Компьютерная верстка Т. Б. Макаровой

Подписано в печать 20.09.2012 г. Формат 70×100 1/16.
Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ.л. 28,0.
Тираж 1000 экз. Заказ 1208175.
Отпечатано в типографии ООО «Лесник-Принт»
Санкт-Петербург, Сабировская ул., д. 37.